

ЖЕНЩИНА-ЛЕГЕНДА

Нефертити

Николь Видаль

ЖЕНЩИНА-ЛЕГЕНДА

*Серия романов
о великих правительницах:
галерея женских портретов
в дворцовом интерьере*

Нефертити

Изабелла Кастильская

Мессалина

Елизавета Английская

Семирамида

Клеопатра

Царица Хатшепсут

Королева Виктория

Жозефина

Николь Видаль

Нефертити

ЭКСМ
ПРЕСС
1998

УДК 840
ББК 84(4Фр)
В 42

NICOLE VIDAL

NEFERTITI

Перевод с французского *В. Ильина*

Составление серии *С. Смирнова* и *В. Мартова*

Разработка серийного оформления
художника *А. Старикова*

Серия основана в 1998 году

Видал Н.

В 42 Нефертити: Роман. — М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1998. — 480 с. (Серия «Женщина-легенда»).

ISBN 5-04-002051-1

Египетская царица Нефертити, жившая почти три с половиной тысячелетия назад, стала одним из идеальных воплощений женской красоты. В романе французской писательницы Николь Видал она предстает перед читателем не только образцом женственности, но и умной, решительной властительницей, верной сподвижницей своего мужа, фараона Аменхотепа IV, вошедшего в Историю под именем Эхнатон. Хотя великая власть и погубила в конце концов великое счастье Нефертити, но без ее короткой и яркой жизни вся бескрайняя история Египта может показаться лишь тусклой пустыней, лишенной чудесных оазисов.

УДК 840
ББК 84(4Фр)

- © Оформление. ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс», 1998 г.
- © Перевод. В. Ильин, 1998 г.
- © Вступительная статья. С. Смирнов, 1998 г.

ISBN 5-04-002051-1

Если страной правит король,
Корона давит на голову,
А если — королева,
Корона давит на сердце.

Мария-Антуанетта

ЕГИПЕТ: ВЕК КРАСОТЫ

Древнейшая из мировых цивилизаций сложилась в шестом тысячелетии до нашей эры. Изменения климата, который в то далекое время становился все более засушливым и суровым, во многом определили ее развитие. В конце концов земледельцы уже не смогли обходиться без искусной системы ирригации полей — так возникло общество, полностью зависевшее от разливов Нила.

Подъем реки начинается в июне, когда сезонные ветры, муссоны, орошают проливными дождями горы Эфиопии. Количество воды может увеличиться в 40—50 раз, и тогда Нил заливаает огромные территории. В конце сентября после отлива обнажается очень плодородная почва, обильно удобренная илом. Именно на разливах Нила был основан календарь эпохи фараонов, включавший три времени года равной длины: паводок, время посева и время сбора урожая.

Ученые делят историю Древнего Египта на пять основных периодов: Раннее, Древнее, Среднее, Новое и Позднее царства. Подробное летосчисление «бескрайней» египетской древности невозможно. Древние списки фараонов делились на династии, поэтому историки стали обозначать время не по столетиям, а условно — по династиям. Жрец Манефон, написавший около 300 года до н. э. свое знаменитое сочинение об истории Египта, насчитывал до тридцати династий фараонов.

Наиболее важные события истории египетского царства можно представить в виде следующей краткой хронологии:

ГОДЫ до н. э.

ок. 6000 — Образование Верхнего царства на юге Египта.

ок. 5000 — Образование Нижнего царства на севере, в Дельте Нила.

ок. 3000 — Объединение обоих царств в правление царя Мины (Менеса), основателя города Мемфиса (египетское название — Минфи) и I династии фараонов. С тех пор царя стали отождествлять с богом Гором как с представителем божественной силы на земле.

3000—2640 — **РАННЕЕ ЦАРСТВО.**

ок. 2660 — Правление фараона Хасехемуи, при котором возникла централизованная государственная система с администрацией, заведовавшей царской казной. Мемфис становится столицей Египта.

2640—2155 — **ДРЕВНЕЕ ЦАРСТВО.**

2600—2290 — Расцвет Египта, расширение его территории. Верховным богом египтян становится бог Солнца Ра. Строятся великие пирамиды. За полтора века их было сооружено не менее 15, из которых наиболее известны пирамиды фараонов Джосера (III династия, 2600 г.), Хеопса, Хефрена и Микерина (IV династия, 2575—2471 гг.). Начинается колонизация севера Эфиопии. Фараоны V династии завоевывают Сомалийский полуостров и часть аравийского побережья.

2290—2060 — Период бедствий и внутренних конфликтов, связанный с упадком царской власти и усилением высших чиновников, управлявших провинциями.

2155 (или 2134)—1700 — **СРЕДНЕЕ ЦАРСТВО.** Классическая эпоха высшего расцвета науки, искусства и литературы.

ок. 2060 — Перенос столицы в Фивы (египетское название — Уиса, или Уасет).

1991 — Фараон Амененхет I основывает новую столицу, Иттауи, к югу от Мемфиса.

1878—1840 — Окончательное завоевание Нубии при Сенсусерте III.

1700—1540 — Вторжение, а затем господство в Египте гиксосов, кочевых племен Центральной Азии, вероятно, семитического происхождения. Один из вождей гиксосов, Салитис, был провозглашен фараоном, а город Аварис, на востоке Дельты Нила, избран столицей.

1552—1070 — **НОВОЕ ЦАРСТВО.**

ок. 1540 — Полное изгнание гиксосов при фараоне Яхмосе I, основателе XVIII династии, к которой относится и Аменхотеп IV со своей супругой Нефертити. Начало нового возвышения Египта. Фивы вновь становятся столицей. Возвышается, превращаясь в общегосударственный, культ солнечного бога Амона (Амона-Ра), фиванские жрецы которого сыграли большую роль в борьбе с гиксосами.

1490—1436 — Эпоха роста политического могущества Египта при фараоне Тутмосе III. Завоевание Эфиопии вплоть до четвертых порогов Нила, а также — Сирии и Палестины.

1402—1364 (по другим данным 1411—1375) — Период наивысшего могущества Египетской империи при фараоне Аменхотепе III, отце Аменхотепа IV и Нефертити.

1364—1347 (по другим данным 1386—1369) — **Правление Аменхотепа IV (Эхнатона), супругой которого была Нефертити. Аменхотеп провозглашает созданную им религию, основанную на принципе единобожия. Он признает единым богом Атона — божество Диска Солнца. По его указанию в Среднем Египте строится новая столица — Ахет-Атон (совр. Эль-Амарна).**

Преемники Аменхотепа IV упраздняют его реформы, возвращают культу Амона и его жрецам ведущее значение в духовной жизни государства, а также восстанавливают столицу в Фивах.

1306—1224 — Правление Сети I и его сына Рамсеса II (XIX династия), походы в Эфиопию, Аравию и на Евфрат. Война с хеттами, жившими в Малой Азии. Новый расцвет египетского строительства и искусства. Начало сооружения канала между Средиземным и Красным морями.

1224—1204 — Правление Мернептаха, при котором произошёл уход евреев из Египта.

1170—332 — ПОЗДНЕЕ ЦАРСТВО.

ок. 1150 — Распад Египта на два царства. Междоусобные войны, связанные с ослаблением царской власти и усилением жрецов Амона.

713 — Кушиты, обитавшие в Нубии, вторгаются в Верхний Египет, захватывают Фивы и объединяют страну под властью своего царя Шабаки (XXV династия). Кушитское владычество длится до 672 года.

702—701 — Война с Ассирией.

672—664 — Египет под властью ассирийцев, разделен на 12 областей-додекархий.

663—610 — Правление Псамметиха I (XXVI династия), которому удалось избавиться от ассирийского владычества, откупившись золотом.

610—594 — Правление Нехо II, сына Псамметиха I. Египетские войска, посланные фараоном к Евфрату, разгромлены вавилонским царем Навуходоносором. Возобновляется постройка канала, начатая Рамсесом II.

525 — Персидское вторжение. Египет становится шестой сатрапией огромной империи. Персидские цари — Камбис, Дарий I, Ксеркс — последовательно провозглашают себя фараонами.

Персидское господство продолжается почти два столетия, прервавшись на 50 лет, когда Нектанеб I (378—360 гг.) сумел временно восстановить независимость Египта.

332—305 — МАКЕДОНСКИЙ ПЕРИОД. Вторжение Александра Македонского с радостью встречено египтянами. Сам Александр признан сыном бога Амона и в качестве фараона возведен на трон в Мемфисе.

305—30 — ПТОЛЕМЕЕВСКИЙ ПЕРИОД. После смерти Александра в 323 году и распада его империи власть в Египте захватывает один из его полководцев — Птолемей I Лаг, который становится основателем новой, XXXIII династии египетских царей.

Вплоть до 221 года Египет переживает новый расцвет. С восшествием на престол Птолемея IV Филопатора начинается период окончательного упадка, выразившийся в нескончаемых дворцовых интригах, убийствах и конфликтах с соседними государствами.

47—30 — Правление Клеопатры VII, принявшей участие во внутренних политических распрях Рима на стороне сначала Помпея, впоследствии разгромленного Юлием Цезарем, а затем — Марка Антония, правителя восточной части римского государства, который в конце концов потерпел поражение от Августа Октавиана. Самоубийство Клеопатры и убийство Августом ее сына Цезариона, со смертью которых обрывается последняя, XXXIII династия египетских царей. В 30 году до нашей эры Египет становится римской провинцией.

ОБЩЕСТВО ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Как всякое государство, Египет переживал эпохи процветания и упадка, централизации власти и разделения на независимые образования, мира и междоусобных распрей. Однако, если внимательно взглянуть в историю Египта, легко заметить, что его государство оставалось прочным на протяжении очень длительных периодов в сравнении с другими странами древности. Само общество, несмотря на все бедствия и настроения, сохранило свою жесткую структуру на протяжении всех необозримых тысячелетий. Этот устойчивый консерватизм египтян очень удивлял уже древних греков, живо интересовавшихся чужой историей.

На вершине государственной «пирамиды» Египта находился фараон. Пожалуй, ни в одной стране божественность владыки не воспринималась так буквально, как в Египте. Фараоны признавались преемниками и прямыми воплощениями богов: поначалу — Гора, бога, которому поклонялся легендарный царь Мина, а позднее — солнечного бога Амона-Ра.

Поскольку имя и титул египетского царя были священны

и несли в себе сверхъестественную силу, то царя избегали называть по имени без особой надобности. С середины II тысячелетия до н. э. египтяне стали называть своего владыку иносказательно: «пер-'о» — «большой дом», откуда и происходит видоизмененное слово «фараон». Фараон был средоточием магических сил: он поддерживал миропорядок, установленный богиней Маат, законодательницей и владычицей «правды». Благодаря фараону солнце восходило в положенное время и не отклонялось от «верного курса», правильно чередовались времена года, поднимались всходы на полях. Сам великий животворящий Нил разливался в положенный срок только потому, что перед началом его подъема фараон бросал в воду папирус с указом, повелевающим реке разлиться.

Стоит отметить любопытную особенность царской власти: престол формально передавался по женской линии, и фараоном становился, как правило, супруг старшей дочери предыдущего фараона; последний же в большинстве случаев приходился отцом своему зятю. Таким образом, под предлогом защиты священной крови фараона возникла традиция близкородственных браков. Наследование престола являлось своеобразной данью богине Маат — признанием того, что вселенский порядок устроен женским началом (недаром только в египетской религии небо представлялось в женском образе, а земля — в мужском).

Правой рукой фараона и первым после него лицом в государстве был советник, которого историки обычно именуют арабским словом «визирь». В его руках были сосредоточены высшая судебная власть, руководство местным управлением, а также контроль над выполнением всех царских указов и деятельностью государственных хранилищ и мастерских.

К высшему правящему классу относились также номархи — «губернаторы» областей Египта, именовавшиеся номами. В периоды ослабления царской власти они становились самостоятельными «князьками», противостояли фараону, воевали между собой и требовали от своих подчиненных божественных почестей, полагавшихся лишь самому фараону.

Верховную знать составляли также различные царские сановники, военачальники, хранители сокровищ, начальники работ, жрецы великих храмов.

Чиновничья «пирамида» представляла собой сложную, многоступенчатую иерархию различных начальников — от высших должностных лиц до «начальника двора молольщиц муки для остроконечного хлеба», «начальника молольщиц муки для лепешек» и так далее.

Средний слой общества составляло множество мелких царских чиновников и должностных лиц, включенных в хозяйство вельмож, низших жрецов, более или менее состоятельных земледельцев, а также — свободных мастеров и ремесленников.

Низший слой свободных людей составлял основное население Египта — это были «дети народа», работники в хозяйствах царя и вельмож и простые земледельцы. Об уровне свободы низов можно судить по так называемым «смотрам». Во времена Аменхотепа IV и Нефертити таким «смотрам» подвергались вместе с людьми скот и птица. На «смотрах» производили перепись и назначали людей на ту или иную работу. В одном из источников того времени говорится: «Делают смотр всякому народу, берут из них лучших. Отдают мужчину в воины, юношу в новобранцы». Или более широко: «Выходит ребенок из утробы матери своей — простирается уже перед начальником. Мальчик — прислужник у воина, юноша — новобранец, старик отдан в земледельцы, мужчина — в воины, хромой — в привратники, слепой — в откормщики быков».

Различие между свободными египтянами и рабами более всего стиралось в эпохи «великих строек». По легенде, записанной греческим историком Геродотом, в эпоху правления Хеопса и Хефрена строительство великих пирамид воспринималось египетским народом как всеобщее бедствие: храмы были закрыты, а египтяне — и свободные, и рабы — денно и ночью трудились, воздвигая исполинские гробницы для своих владык. Создание канала между Средиземным и Красным

морями также потребовало огромных усилий. При фараоне Нехо это строительство стоило жизни 120 000 рабам.

Самый бесправный, низший слой общества, разумеется, составляли рабы. В эпоху Нового царства рабовладение достигло своего наивысшего «расцвета». Рабами владели даже люди весьма скромного достатка: пастухи и ремесленники, садовники и привратники, корабельщики и торговцы, воины, мелкие жрецы и должностные лица, простые общинники-горожане. Главным источником рабов всегда оставались военные экспедиции в сопредельные страны — Эфиопию, Сирию, Палестину. Так, Аменхотеп II из одного похода в Сирию привел не менее 100 000 пленников. Зависимые страны платили Египту дань рабами.

Особым статусом и государственным влиянием в эпоху Нового царства пользовались жреческая и воинская «касты», поэтому о них стоит сказать более подробно.

Магия и весьма «тесное сотрудничество» с богами пронизывали все египетское общество, всю культуру. Суровая природа, прихоти Нила и пустынных ветров понуждали египтянина не выпускать из рук амулетов и постоянно заботиться о том, чтобы боги не теряли своей благосклонности. Поэтому у египетских жрецов было особенно много хлопот. Правители областей — номархи — издревле оставались начальниками жрецов местных храмов, и сам фараон всегда мог исполнять жреческие функции перед лицом всех богов. Однако со временем ритуалы становились все сложнее, а храмовые богатства все возрастали — и жречество прилагало все больше усилий к тому, чтобы, с одной стороны, освободиться от влияния высшей светской знати, а с другой — приобрести все большее политическое влияние в государстве. Если во времена Древнего и Среднего царств жречество Амона способствовало единству страны, а перед расцветом Нового царства приложило большие усилия к изгнанию из страны захватчиков-гиксосов, то в итоге, превратившись во влиятельную замкнутую «корпорацию», оно же привело Египетскую империю к крушению

и распаду. Началом этого губительного процесса и было прямое столкновение Аменхотепа IV со жрецами Амона.

Жречество Амона-Ра в Новом царстве подразделялось на несколько рангов: к ним относились первый, второй и третий пророки, «божий отец» и «чистый». Разделение «труда» между ними до сих пор остается неясным. Особое значение имели жрецы-чтецы, знавшие, как следует читать божественное слово. На них смотрели как на волшебников, поскольку только они умели доставить богам удовольствие тем, что правильно, с нужной интонацией, умели прочитать священные изречения. В обязанности жрецов входило также устройство многочисленных праздников, руководство процессиями, приготовление и принесение жертв, а также толкование различных знамений и снов. Ритуал служения богу, движения жреца, изречения и молитвы — все имело очень жесткий порядок. К примеру, в Фивах, главном городе культа Амона-Ра, жрецу предписывалось совершать в день не менее 60 церемоний только по обеспечению «туалета» божества, очищению его жилища в храме и поднесению богу пищи и питья.

Кроме того, нельзя забывать, что именно жречество всегда оставалось бережным, если не сказать скупым хранителем астрономических, математических, медицинских знаний, поддерживавших ее влияние в царстве и поныне поражающих ученых своей глубиной.

Египетское войско Нового царства было пешим и колесничным. Военачальники и колесничные бойцы стояли в обществе на одной ступени с высшим жречеством. В пехотинцы набирались люди из народа, причем как в отроческом, так и в зрелом возрасте. Этих воинов использовали также как рабочую силу в каменоломнях, при доставке каменных глыб, рытье каналов. В эпоху XVIII династии, когда Египетская империя была на вершине могущества, а внешняя угроза возрастала с каждым годом, войско приобрело привилегированное положение. Фараоны раздавали воинам земли и рабов, а также золотые и серебряные знаки отличия (ожерелья, браслеты, «львы», «мухи»). Войска получали обильное угощение.

Вместе с тем все большая часть войска стала состоять из иноплеменников — эфиопов, сирийцев, выходцев из Ливии. В правовом отношении воины-иноплеменники были приравнены к египтянам, и к закату Нового царства они составили костяк военной мощи фараонов.

БОГИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Египтяне поклонялись многим богам. Каждая местность, каждый ном, каждый город имели своего сверхъестественного покровителя. С одной стороны, укрепление власти фараонов и объединение областей, а с другой — возвышение отдельных городов и храмов вело к тому, что и боги по всей стране постепенно «объединились» в мифическую корпорацию со своей иерархической системой.

В эпохи Раннего и Древнего царств наибольшим почитанием в Египте пользовался **Гор**, бог неба и света. Считалось, что фараоны начали царствовать на земле непосредственно после самого Гора, став его преемниками и воплощениями. По легенде, именно Гор объединил Верхнее и Нижнее царства и возложил двойную корону Обоих Царств на царя Мину. Гор изображался как человек с головой сокола, увенчанный двузубой короной.

С возвышением V династии Древнего царства (середина III тысячелетия до н. э.), происходившей из Аны (Гелиополя), наибольшим почетом во всей стране стал пользоваться бог Солнца **Ра**, который изначально покровительствовал лишь этому городу. Ра не жил, подобно местным богам, на земле, среди своих почитателей, а каждый день двигался по небу в своей барке, освещая землю. Вечером, пересев на другую лодку, Ра спускался в преисподнюю, где, сражаясь с силами мрака, плыл по подземному Нилу, чтобы утром вновь появиться на востоке. Ра также представлялся египтянам как человек с головой сокола, но носил другую корону — в виде солнечного диска.

Когда стали возвышаться Фивы (с середины II тысячеле-

тия), Египет стал постепенно переходить под покровительство местного бога **Амона** («Сокрытого», «Потаенного»), творца мира, бога воздуха и урожая. Однако статус Солнца, дающего свет и жизнь, уже не мог понизиться, в то время как «скрытность» могла согреть сердца разве что жрецам в их замкнутом кругу. Поэтому Амон соединился с Ра в единое целое и стал именоваться Амоном-Ра. Культ Амона-Ра достиг апогея во времена Нового царства. Амон-Ра носил корону с двумя высокими перьями, а в руке — длинный скипетр. Иногда он «появлялся» с человеческой головой, иногда — с головой барана или быка.

Атон (Диск Солнца) был олицетворением видимого на небесах солнечного диска. Первоначально Атон был воплощением одной из ипостасей Солнца, телом Ра. Впервые он выступает как бог Солнца при Аменхотепе III, отце Аменхотепа IV, царствование которого описано в романе Н. Видаль. Аменхотеп IV объявил Атона единым богом всего Египта, запретив поклонение другим богам. После его смерти почитание Атона как общеегипетского божества прекратилось. Этот бог изображался в виде солнечного диска, лучи которого заканчиваются либо раскрытыми ладонями, либо руками, державшими знаки жизни «анх» — символ того, что жизнь всем существам дана Атоном.

Среди главных фигур египетского пантеона стоит и **Осирис**, первоначально бог производительных сил природы, ежегодно умирающей и возрождающейся в урожае, позднее — бог загробного мира и судья умерших. Культ его развился в городе Абидосе, но, как и Амон-Ра, Осирис стал одним из наиболее почитаемых богов всего Египта. С судьбой бога Осириса связан «главный» миф египетской цивилизации, пронизывающий всю ее культуру. Некогда Осирис был мудрым и кротким царем Египта. Его родной брат, бог Сэт (ставший богом пустынь и олицетворением злого начала), хитростью заключил его в гробницу, которую бросил в море. Богиня **Исида** (олицетворение плодородия, воды и ветра, символ женственности), сестра и супруга Осириса, родила на свет

Гора и отправилась вместе с ним на поиски своего брата и мужа. Найдя гроб, она спрятала его, но Сэту удалось добраться до тайника, и тогда он разорвал труп Осириса и рассеял повсюду части его тела. Исида собрала их и при содействии Гора и **Анубиса** (бог-покровитель умерших, человек с головой шакала или собаки), а также силой своего волшебства восстановила тело Осириса и оживила его. Умерший, а затем возвращенный к жизни Осирис стал царем мертвых.

Образ Осириса, олицетворявшего вечное возрождение жизни после любых бедствий и несчастий, приобрел в сознании людей такое важное значение, что постепенно соединился с образом Амона-Ра. Стало вполне естественным представлять Осириса одним из его воплощений: ночью, опустившись в преисподнюю, Амон-Ра становится Осирисом, а утром, на восходе, возвращается в «исходную» ипостась. Всякий человек знал, что по смерти он должен с помощью заклинаний и особых изречений, слова которых ему будет подсказывать оставшийся среди живых жрец, убедить и богов, и опасных низших духов в том, что он сам есть воплощение Осириса, — и тогда ему будет открыт путь в блаженную страну. Осирис изображался в виде мумии с зубчатой короной, бородой, а также — со скипетром и плетью в согнутых руках.

Среди главных богов Египта находились также мемфисский бог **Птах**, бог плодородия и покровитель ремесел (его образ — мумия с открытой головой и жезлом, стоящая на иероглифе, значение которого «правда»);

Тот — бог Луны, мудрости, письма и счета (на изображениях — человек с головой ибиса, часто с кистью для письма и палитрой в руках);

Хатор — богиня любви и судьбы, а также неба, кормилица фараонов и властительница дальних стран (корова или женщина с рогами коровы);

Хнум — бог-творец, создавший человека на гончарном диске, хранитель истоков Нила (человек с головой барана со спирально закрученными рогами).

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ

У каждого народа есть свои, особенные воззрения о посмертном существовании. Египтяне отличались от других прежде всего необыкновенной заботой о «бренном теле», считая главной гарантией загробного блаженства сохранность тела покойника. По их представлениям, человек состоял из тела (Хет), души (Ба), тени (Хайбет), данного человеку имени (Рен) и, наконец, из «двойника» (Ка). Египтяне пеклись не столько о бессмертии души, сколько о спокойствии Ка. Определить Ка нелегко. Скорее всего эту сущность можно отождествить с тем, что ныне именуют «астральным телом», неким энергетическим следом-слепок человека. Существование Ка зависело от сохранности тела. Забота о нем создала особую, чисто египетскую традицию бальзамирования трупа.

Сначала бальзамировщики рассекали тело и удаляли из него внутренности. Поскольку всякое повреждение тела считалось страшным грехом, то сечение делал особый человек, своего рода «неприкасаемый». Сделав свое дело, он пускался бежать прочь от трупа, а остальные были обязаны осыпать его проклятиями, чтобы так умиловить жаждущих мести духов. Мозг мертвеца крючьями вытягивали через нос. Внутренности очищали и, завернув в пелены, хранили в особых урнах (канопах), в одной гробнице с мумией. Сердце оставляли в теле или помещали на его место священного жука-скарабея, олицетворявшего Солнце. Далее тело помещалось в раствор соды, чтобы вывести из него воду и жиры. Под конец умащенное благовониями тело обертывали полотняными бинтами, пропитанными ароматическими маслами и смолами. Между повязками закладывали амулеты для защиты покойника.

Тела бедняков просто зарывали в песчаную землю. Богачи могли рассчитывать на благополучие и в мире ином: они обретали покой в каменных гробницах, склепах, на стенах которых были изображены тучные поля и богатства, оживав-

шие в восприятии «астрального тела». Великие гробницы фараонов олицетворяли не только «степень защиты» их бранных останков, но также их вечное покровительство над всем Египтом.

Для Ка, кроме тела, были необходимы еда и питье, иначе он мог погибнуть от голода и жажды. Поэтому в гробницах оставляли сосуды с водой и пищей.

Блаженство покойника во многом зависело и от того, сохранилось ли его имя на земле и в памяти потомков. Стереть имя с памятника или гробницы означало нанести непоправимый ущерб посмертному бытию.

Что касается «тени», Хайбет, то это понятие остается еще более смутным по существу, чем Ка. Некоторые исследователи считают «тень» своего рода совокупностью воспоминаний о покойном, оставшихся у его живых родственников.

Наконец, Ба — это собственно бессмертная душа, представлявшаяся в виде птицы. Она не была прикована к мумии или гробнице и могла вознестись на небеса к богам.

Главной целью покойного было, по одним представлениям, достичь царства Осириса — райской земли, покрытой плодородными полями, на которых вырастают злаки вышиной в семь локтей; по другим представлениям — барки бога Ра, чтобы сопровождать высшее божество в его ежедневном плавании и наслаждаться высшим блаженством.

Чтобы достичь желанной цели, покойный должен был пройти через магические врата и по опасным тропам, охраняемым демонами. Главным способом миновать опасности было знание заклинаний, которые произносил покойник, выучивший их наизусть при жизни. По эту сторону мира ему помогал жрец, также читавший нужные заклинания с особой интонацией. Этими заклинаниями необходимо было обмануть демонов, внушить им, что перед ними появился не человек, а могущественный бог. Покойный убеждал стражей, что он не кто иной, как сам Осирис. Совершенные с ним погребальные обряды имитировали смерть и воскрешение Осириса, произведенное богиней Исидой, что, вероятно, также

производило на духов должное впечатление. Понятие воздаяния за совершенные в жизни поступки существовало у египтян, особенно в поздний период развития их цивилизации. Они понимали необходимость раскаяния для вечного спокойствия души, но все же считали магию лучшим оружием в достижении лучшей участи.

ЕГИПЕТ ПРИ АМЕНХОТЕПЕ IV И НЕФЕРТИТИ

Нефертити и ее муж, фараон Аменхотеп IV, были братом и сестрой по отцу, фараону Аменхотепу III (некоторые ученые, однако, считают, что Нефертити имела другого отца). Близкородственные браки считались нормой в царских семьях Египта. Так сохранялась «высокая концентрация» божественной крови царей. Другой причиной этого противоестественного среди иных народов обычая была особая традиция наследования престола в Египте: строго по женской линии. Фараоном, как правило, становился супруг старшей дочери предыдущего фараона данной династии.

При Аменхотепе III, правившем 38 лет, с 1402 по 1364 годы до н. э. (по другим данным — с 1411 по 1375 гг.), Египет стал мировой державой и достиг вершины своего могущества. Предшественники Аменхотепа полностью подчинили Эфиопию и сломили сопротивление переднеазиатских князьков. Независимые государства — Вавилония, Хеттское царство, город Ашшур — признали верховенство Египта. Наладились мирные отношения и с царством Митанни, закрепленные браком Тутмоса IV с митаннийской принцессой. Египет переживал период благоденствия. В нем развивались науки, искусства, строились величественные храмы, из которых наиболее известные — храм Амона-Ра в Фивах, называвшихся египтянами Уисой, а также заупокойный храм самого Аменхотепа III с аллеей сфинксов, два из которых ныне украшают невскую набережную в Санкт-Петербурге.

Однако в благополучном государстве, которым правил тихий и рассудительный правитель, постепенно назревал кризис. Именно благодаря стабильности и умножению богатств страны в ней быстро народился новый слой служилой знати, состоявший из энергичных людей, которые пробивались из чиновных низов. Недаром в памятниках Нового царства за ними утвердилось наименование «немху» («бедный», «сирий», «ничтожный»). Они старались потеснить старую аристократию. С другой стороны, огромным богатством, а значит, и влиянием пользовалось фиванское жречество, поклонявшееся Амону-Ра. По традиции центральная власть всегда жестко контролировала все отрасли храмового хозяйства и, в частности, требовала значительного отчисления зерна из храмовых закромов на нужды администрации. Жрецы, разумеется, пытались бороться с установленным порядком и оказывать давление на самого фараона. Тот сопротивлялся. Так появились первые, еще малозаметные трещины в здании государства. Возможно, брак Аменхотепа III с дочерью неизвестного заведующего скотными дворами одного из провинциальных храмов, вызвавший неодобрение жречества и «старой» столичной знати, был одним из первых явных знаков того, кому в стране благоволит фараон. Тэя, как утверждают источники, была некрасива, но очень умна. Мудрой и расчетливой женщиной, полной истинного достоинства, предстает она и перед читателями романа.

Сын Аменхотепа III, также Аменхотеп, будущий возмутитель спокойствия, еще в юные годы стал соправителем отца, поскольку тот в последние годы своей жизни тяжело болел. Аменхотеп IV был некрасив, что подтверждают его сохранившиеся изображения. Видимо, он был человеком высоких принципов, по натуре правдивым и сердечным, ведь гордец и лицемер вряд ли бы стал нарушать древнюю традицию, приказывая скульпторам выставить напоказ истинный, а не приукрашенный вид властителя. Он был неглуп, энергичен и решителен, но, увы, не обладал крепким здоровьем. Это стало одной из главных причин скорого краха его грандиозных ре-

форм. Аменхотеп IV оказался своего рода «оранжерейным цветком». Ни новая знать, ни народ не увидели в нем защитника царства, могучего воина, способного пробивать стрелой толстые медные пластины, как это любили делать предшественники, построившие великую державу. Многие ученые утверждают, что Аменхотеп был физически слаб и страдал эпилепсией, во время приступов которой он и слышал голос своего личного бога Атона — «живого солнечного диска», дарующего жизнь. Эта болезненность могла стать результатом вырождения рода вследствие кровосмешения.

Так или иначе, психическая неуравновешенность нового фараона, взошедшего на трон после смерти отца (в 1364 или 1386 году до н. э.), резко усугубила долго зревший конфликт с фиванским жречеством, почитавшим Амона-Ра. Аменхотеп объявил жрецам «духовную войну», введя новый общегосударственный культ Атона и назвав себя сыном нового божества. Он замыслил огромные строительные работы во славу нового бога и передачу ему большей доли земельных и прочих богатств Египта — разумеется, в ущерб старому жречеству.

Поначалу фараон полагал сохранить «мирное сосуществование» Атона с остальными богами. Однако жрецы, видимо, быстро вывели его из терпения. На шестом году своего царствования Аменхотеп вместе со своим двором покидает ненавистную и враждебную ему столицу Фивы и в трехстах километрах к северу от них приказывает основать новую столицу — Ахет-Атон («Горизонт Атона», ныне городище Эль-Амарна). Несколько раньше царь переименовывает себя из Аменхотепа, что означает «Амон доволен» в Эхнатона («Полезный для Атона»). Он также изгоняет Амона из имен своих родственников и сановников и приказывает стереть со всех памятников имена божеств, противников Атона. Так в Египте было фактически насильно введено единобожие.

Увы, этот решительный поворот к новой духовной традиции — вероятно, более светлой на фоне прошлых благодаря особому почитанию правды как таковой — увлек немногих и принес реальные блага только ближайшим сановникам царя.

Фиванское жречество Амона сохранило свое могущество не только в силу богатств, накопленных веками, не только в силу давней традиции народных верований, но прежде всего в силу того, что еще с нашествия гиксосов народ Египта привык считать Амона своим истинным заступником и прибежищем, ведь в пору чужеземного ига жрецы Амона сыграли большую роль в объединении страны и организации борьбы против захватчиков. При новом же, сильном в религиозных вопросах, но слабым в политике фараоне подняли головы старые враги Египта — хетты — и уничтожили его союзника, царство Митанни. Бог Атон не помог своему «протезе»... На семнадцатом году правления Эхнатон умер, и вместе с ним умер культ его бога Атона.

При его преемнике Сменхаре культ Амона как главного божества Египта был полностью восстановлен. После него в течение десятилетия правил Тутанхамон, взошедший на трон всего девяти лет от роду. Ясно, что реально управлял страной не он, а высшие сановники. В истории Тутанхамон оказался более всего известен тем, что именно его гробница на западном берегу Нила, в «Долине царей» возле Фив, осталась целой и неразграбленной и превратилась в бесценную сокровищницу египетской культуры, открытую в 1922—1924 годах нашего столетия английским археологом Говардом Картером.

Исследуя мумию Тутанхамона, криминалисты установили, что, по всей видимости, он пал жертвой дворцового переворота. На трон после него взошел самый влиятельный человек при его дворе, Аи, старый вельможа Эхнатона, начальник его колесничного войска и недавний «ревностный» почитатель Атона. Вероятно, в исторической реальности этот человек был гораздо более амбициозным, хитрым и двуличным, чем он представлен в романе.

После его смерти началось тридцатилетнее царствование Хоремхеба, бывшего военачальником и, по всей видимости, вторым участником заговора. При нем культ Атона был полностью запрещен, и началось уничтожение самой памяти о

фараоне-«еретике». По приказу Хоремхеба был разрушен покинутый жителями Ахет-Атон. Имя «отступника из Ахет-Атона» исчезло из официальных документов, и даже годы его правления в царских хрониках были причислены к годам царствования Хоремхеба. Короткая эпоха почитания Правды оборвалась. Солнце Египта стало клониться к закату.

Что же осталось в истории от супруги Аменхотепа IV Эхнатона, Нефертити, главной героини романа? Практически ничего... Ничего, кроме того, что она была очаровательной супругой уродца, который, вполне вероятно, в ней души не чаял; кроме ее завораживающего слух имени, означающего «Прекрасная идет», ее чудесных скульптурных портретов работы мастера Тутмеса, найденных в развалинах Ахет-Атона (и ныне хранящихся в музеях Каира и Берлина), и того факта, что она родила своему мужу шестерых детей, не совершивших никаких сколь-нибудь значимых деяний. Но разве остались в памяти людей, даже самих потомков древних египтян, суровые лики Тутмосов и Рамсесов, вознесших Египет на вершину земного могущества?.. Стоит же произнести имя царицы, как в памяти миллионов сразу восстает из небытия ее волшебный образ, один из вечных идеалов красоты. Сколько людей по всему миру хранят дома — порой даже невольно — ее портреты? Сколько женщин носят ювелирные украшения с ее ликом? Хрупкая красавица вошла в Вечность наравне с пирамидами...

В Древнем Египте считалось, что, пока не забыто имя человека, полна сил и блаженства его душа по ту сторону земного бытия. Если так, то весь Древний Египет, непостижимый и великий, жив по ту сторону — жив благодаря всего одному имени, которое человечество всегда произносит с застенчивым благоговением.

С. Смирнов

Часть I

НЕФЕРТИТИ

ГЛАВА I

Ветви большой сикоморы* почти полностью затеняли балкон покоев Уйи*, правителя царского гарема. Внизу, прислонившись к стволу дерева, дремала молодая девушка. Она любила это место. Здесь, куда почти не долетал шум женской болтовни, убаюкиваемая тихим шелестом листвы, она обретала покой. Мухи, бегавшие по ее золотистой коже, ласкали ее своими маленькими мохнатыми лапками, как северный ветерок в полуденную жару.

Внезапно резкий смех, раздавшийся наверху, вырвал ее из объятий сна и заставил сердце забиться сильнее. Вмиг распрямившись, как испуганное животное, она поняла, что смех принадлежал Ти*, ее кормилице. Недовольная тем, что она, дочь фараона, испугалась, как какая-нибудь нубийская негритянка, молодая девушка раздраженно передернула плечами и быстро подняла соскользнувший на желтый песок тростниковый веер. Ее злость, совершенно естественно, обратилась на кормилицу, ее дорогую Ти. Что понадобилось

служанке в покоях Уйи, в то время когда та должна была бы спать на собственной циновке или, по меньшей мере, обмахивать своего спящего мужа?!

Уйя не был евнухом, как Моз, которому она могла позволить поболтать с ней в тот час, когда все люди обычно находятся в постелях. Однако это была именно она, та, которая ей как-то говорила:

— Козочка моя, если ты хочешь поговорить с мужчиной о чем-нибудь серьезном, а не о любви или любовных утехах, разыщи его до полудня на работе или вечером, когда он собирается приступить к ужину, ибо днем мужчина думает о своих делах, а сидя перед зажаренным гусем, предвкушает наслаждение от еды. Если же ты вдруг приходишь в его покои, его взгляд, пока он слушает тебя, останавливается на кровати, он начинает думать «кровать», «женщина в кровати», наконец, «женщина», его взгляд останавливается на тебе, увлажняется, руки сжимаются, а сам он становится совершенно глух к твоим речам, и пусть тогда Исида*, родившая сына в болотах Нила, благословит тебя!

При мысли, что старый Уйя думает сейчас о постели и что Ти не возражает против этого, молодая девушка нахмурила брови, но позволила себе, под предлогом оскорбленной невинности, проявить немного любопытства.

Здрав свою белую и слишком длинную тунику так, что та едва прикрывала ее худые крепкие бедра, бедра подростка, едва достигшего половой зрелости, она проворно взобралась на сикомору, которая своими ветвями почти касалась оштукатуренной стены как раз на уровне окна. Со своего места она могла разглядеть только верхнюю часть фрески да папирусовидные капители

двух тонких колонн из дерева, отделанных под зеленый мрамор, зато слышно было так хорошо, как если бы она находилась в самой комнате. Содержание разговора ее сильно удивило. Конечно, Уйя и Ти болтали не о любви или любовных утехах, но, хуже, они говорили о ней самой. Ей было отвратительно, что о ней говорят тайно. Ей казалось, что это предательство, особенно со стороны Ти, которая хорошо знала ее недостатки и теперь не стеснялась их обсуждать.

— Нефертити* уже в возрасте, — сказал Уйя.

— Ах! Не говори мне об этом! Если ей пришел возраст, то она поступает правильно, что уже два месяца смотрит мужчинам пониже пояса! — ответила Ти тем неприятным голосом, который во «время царского кормления», должно быть, не раз заставлял ее молоко скиснуть.

«Как ты грязна, и как я тебя ненавижу», — подумала девочка-подросток и покраснела от гнева.

— Ей четырнадцать лет, — продолжал Уйя, посмеиваясь, — а в четырнадцать лет она вправе задуматься над вопросами о жизни и смерти, о богах и о том, что спрятано у мужчин под набедренной повязкой... ибо она бегала голышом со своими голыми братьями, когда они все жили в доме для царских детей, и она не понимает, зачем нужна одежда!

— Мужчины или наивны, или глупы, но ты самый глупый из них! В восемь лет девочка уже знает все, в десять она мечтает о браке, в двенадцать она созревает для замужества.

«Ты грязная, грязная, грязная!» — чуть не закричала девушка-подросток, яростно сжимая ветку сикоморы.

— Так! Прекрасно! — продолжая смеяться, прого-

ворил Уйя. — А поскольку фараон хочет назначить соправителя, молодая козочка должна будет, и не откладывая, выйти замуж за Аменхотепа, за наше новое восходящее светило, к его благу и процветанию...

— К его процветанию, — ревностно прошептала Ти и, взяв свой обычный резкий тон, продолжила: — Я стану кормилицей царицы Египта. Окажется, что я, бедная Ти, давала грудь владычице Обеих Земель!* Ты только подумай, Уйя, о той радости, которую будет испытывать простая смертная при мысли, что кормила своим молоком богиню... моего белого ягненокка! Мой цветочек лотоса! Моего зеленого лягушонка! Я держала ее на своих руках, я укачивала ее, когда она плакала, я лечила глазки моей бедняжке, моему грациозному ибису! Ах! Как я ухаживала за ней, когда она болела! Уйя, ты не можешь себе представить, на какие жертвы я шла для этого ребенка, словно это была моя дочь, рожденная моей плотью: если она смеялась, смеялась и я, когда она плакала, мое сердце разрывалось на части!!! Я вынесла бы все тяготы мира, лишь бы мне не напоминали, что я всего лишь ее кормилица. Впрочем, она это хорошо знает, моя обожаемая малышка! Она что хочешь снимет с себя, чтобы отдать мне. Так, однажды она дала мне свои сережки, которыми я беспрестанно восхищалась. Она мне сказала: «Это тебе! Как я могу носить вещь, на которую так зарятся твои уши?» Ах! Она такая умная, моя козочка, такая кроткая, такая добрая! Обе Земли возрадуются, получив такую правительницу, и Аменхотепу не придется жаловаться! После великой царицы Хатшепсут* не было женщин, столь достойных надеть на голову корону с Уреем*.

В голосе Ти появились жалобные нотки, и Нефер-

тити живо представила себе свою кормилицу, нарочитым жестом вытирающую слезу, появившуюся в уголке глаза. Ти считала себя благородным, чувствительным человеком и хотела, чтобы все верили в это.

Молодая девушка похолодела от бешенства. Она сжала зубы, и ее огромные глаза яростно засверкали.

«Не бойся, я тебе напомню, что ты всего лишь моя кормилица, — подумала она. — Ты слишком грязная, и я тебя ненавижу! Серьги, которые я тебе дала, я брошу в Нил, и какая-нибудь крокодилиха украсит ими себя, чтобы больше нравиться своему супругу! Она будет неплохо на тебя походить, она, которая так же, как и ты, ухитряется заливаться слезами, чтобы поймать журавля в западню! Крокодилиха — вот кто ты есть, если я твоя козочка, твой цветочек лотоса, твой зеленый лягушонок! Если ты ждешь от меня благодарности за скверное молоко, которое ты мне давала и от которого я мочилась кровью, то ты ее получишь. Я прикажу вырубить тебе прекрасную гробницу, украшенную изображениями волопасов с болот Севера, уродливыми и непристойными. Так в вечности ты будешь обитать с мужчинами, грязными подобно тебе, и до скончания века твоя мумия будет смотреть на них пониже пояса... Под ударами палок ты войдешь в свое последнее жилище, моя дорогая, моя добрая Ти, и навечно останешься избитой в доме Осириса!*

— Так! — продолжала Ти уже спокойно. — Время позднее, и моя весенняя луна скоро поднимется со своего ложа и удивится, не найдя меня рядом, и скажет: «Где это моя хорошая Ти? Надеюсь, что не случилось ничего плохого, моя старушка?» Что должна я буду ответить? «Я была в доме Уйи и разговаривала с ним

дольше, чем это было бы прилично, и он сообщил мне, что ты скоро взойдешь на трон соправительницей вместе с сыном твоего отца и царицы Тэйи!»

— Тайны великих могут быть обсуждены, но не разглашены, — ответил Уйя, — ибо слишком длинные языки и уши отрезают. И какой бы длины язык я не имел, пусть эта новость останется только между нами! Ты выросла вместе со мной, Ти, и, когда я был ребенком, я разыскивал для тебя на островках, заросших папирусом, яйца болотных птиц, рискуя быть съеденным крокодиллом... Из страха попасться в пасть крокодила из-за своей нетерпеливости веди себя так, как если бы ты ничего не знала, и я буду тебе за это признателен. Пусть твой муж, Аи*, засыпает каждый вечер в неведении до того дня, когда фараон сам... Да здравствует, живет и процветает он...

— Да здравствует... — прошептала Ти с благоговением.

— До того дня, когда фараон сам не сообщит о своем решении. Пусть тогда твои глаза раскроются в радостном удивлении, пусть ты будешь хлопать в ладоши долго-долго! И за это я буду тебе благодарен тоже.

— Мы бегали вместе голыми, как брат и сестра, и я скорее потеряю свои зубы, чем позволю тайне моего брата выскользнуть наружу, — проговорила Ти.

— Пусть боги пощадят тебя, и ты не лишишься зубов во цвете лет!

При этих словах Нефертити зажала рот рукой, чтобы не захохотать. Она знала, что Уйя ввернул в свое пожелание хитрый намек и что Ти этого не поняла. Она не отличалась особенной сообразительностью, и хотя, без сомнения, обладала здравым рассудком, но не

владела всеми тонкостями ума. Она принимала все слишком всерьез. Она походила на самку гиппопотама, которая посчитала бы свою медлительность за проявление величия, а свой вес — за признак могущества. В любом случае она не могла представить себе, что над ней могут посмеяться.

Решив, что разговор окончен, молодая девушка скользнула вниз по сикоморе, чтобы не подвергать себя риску и не быть застигнутой «с поличным». Хотя ей хотелось смеяться, но с досады она решила, что будет сердиться до самого ужина и не поддаваться на все эти нежные словечки вроде «цветочек лотоса», «белая овечка», «зеленый лягушоночек», в которых Ти никогда не испытывала недостатка и которые она теперь выкрикивала что было мочи, разыскивая свою питомицу в садах и залах дворца. Нефертити был известен крошечный островок, чуть ниже по течению Нила, где она совсем ребенком обычно уединялась вместе с Май, сыном Великого Хранителя печати. Май был тогда ее лучшим другом, они росли «голышами» вместе с другими детьми, но она всегда отдавала ему некоторое предпочтение. Возможно, потому, что они были одногодками, возможно, из-за одинаковых интересов и склонностей. Он был искренним и веселым мальчиком, обладал быстрым умом и подвижным телом, выделялся среди других детей своей гордостью и был ей по-дружески предан. Он не боялся никого и ничего, и, если Ипий, писец, говорил, что он ленив, Нефертити знала, что этот недостаток совсем не страшен для мальчика такого ума. Аналогичным образом Аменхотеп слыл усидчивым и прилежным учеником, но она не считала, что этих ка-

честв достаточно, чтобы однажды стать правителем Египта.

Внезапно до молодой девушки дошла вся важность этого, так удивившего ее, разговора между кормилицей и Уйем, управляющим гаремом. Из-за своего гнева на Ти она вначале не обратила особого внимания на то, что ее хотели выдать замуж за ее сводного брата, Аменхотепа. Слова пришли ей на память теперь, когда спуск с дерева немного остудил ее раздражение. «Поскольку фараон хочет назначить себе соправителя, молоденькая козочка скоро сможет выйти замуж за Аменхотепа». Аменхотеп... он предназначался ей, этот худой, долговязый урод, постоянно выпячивающий свой живот, как будто он уставал стоять, не прислонившись к стенке... Он был намного старше ее, ему было не меньше восемнадцати, и, постоянно в черных одеяниях жреца, он проводит все время, споря по пустякам о свойствах богов... как если бы наука о богах представляла собой необыкновенную трудность и требовала огромных умственных усилий! Было бы куда лучше отправиться на границы с Сирией для проверки форпостов и помочь заниматься делами своему отцу. Действительно, она совершенно не представляла себя в роли добродетельной жены своего сводного брата! Если бы еще он был хорошо воспитан! Но он всегда проходил мимо с высокомерным и молчаливым видом, никогда не позволял себе улыбки. Однажды вечером, наверное впервые, обращаясь прямо к Нефертити, он сделал ей замечание. Он с отвращением указал на юную грудь своей сестры и сухо обронил: «Прикрой лучше свою грудь, а то виднеется...» Маи казался ей более воспитанным. Когда он приехал из Таниса (Авариса), чтобы

передать письмо своего отца фараону, он пришел к своей подруге детства, которую не видел уже несколько лет, и одарил ее прелестной похвалой. Он сказал: «Ты становишься женщиной, Нефертити! Видишь, твои груди стали похожи на бутоны лотоса, что поднялись по весне над гладью воды». В конце концов, если хорошо подумать, Май происходил из благородного семейства, и, поскольку корону Египта наследовали женщины, она не видела препятствия, почему бы этой женщиной не стала она, первая дочь фараона, выбрав себе мужа и соправителя? Она должна отправиться к отцу и поговорить с ним. Она ему скажет: «Я люблю Май и нахожу, что он будет тебе хорошим сыном, как и хорошим соправителем Обеих Земель. Он красив, знатен, и его «локон юности» не портит черт его лица, в то время как твой старший, Аменхотеп, — некрасив, неловок, совсем не печется о благе Египта, а его редкие волосы кажутся сплетенными с пеньковыми веревками».

Нефертити засмеялась.

«С пеньковыми веревками...» Когда она встретит Аменхотепа, она скажет: «Я не хочу за тебя замуж, ибо ты настолько стар, что вынужден заплетать пеньковые веревки, ты не сможешь дать мне ребенка». Конечно, ее брату будет досадно, что с ним обходятся подобным образом! Он поспешит вернуться в свое училище в Уисе* или в Ане* для того, чтобы побыстрее забыть грубый отказ, принесший ему столько стыда. Эта мысль ее успокоила. Она дошла до лестницы, спускавшейся к самому Нилу. Это здесь каждое утро, спозаранку, спускались к реке дворцовые стиральщицы белья с их деревянными вальками и тюками грязного белья. Обычно их сопровождал начальник прачечных работ, «свире-

пый Ори». Часто Нефертити наблюдала за ними, прячась в своем гнездышке из тростника, и это позволило ей выучить весь словарь начальника стирки: «Грязный выкидыш!.. Плод пьяной ночи!.. Отец назвал тебя при рождении ублюдком и правильно сделал!.. Твоя мать, должно быть, взялась за дело вот так, чтобы произвести тебя на свет!.. Твоя рука как перезревший банан, а ладонь как гнилой лист!.. Пусть тебя кастрируют и отправят сторожить царских свиней, потому что только они не испугаются твоей вони!.. Если я заставлю тебя есть дерьмо, которое ты оставляешь на белье, ты станешь толстым, как сын Мут!..»* — и множество других, еще более резких выражений, которые Нефертити позволяла себе отпускать иногда, чтобы оскорбить слух добродетельной Ти. Она очень невзлюбила «свирепого Ори», потому что у того был такой злой голос и он так жестоко обращался со своими подчиненными. Впрочем, она никогда не доносила на него как на мастера непристойных выражений, ибо никогда не видела его бьющим своих стиральщиков. Ей было бы горько узнать, что ему вырвали язык просто за то, что он произносит непристойные речи в присутствии царевны. Однако у нее не было к нему никакого уважения, и каждый раз, когда она видела его отпускающим как ни в чем не бывало самые возвышенные и к месту сказанные «похвалы», она не могла удержаться, чтобы не прыснуть от смеха. Кормилица замечала это и упрекала ее; она говорила своим торжественным голосом, которым всегда поучала правилам хорошего тона:

— Мое дитя, Ори — человек благородного происхождения, он держится за свое место и гнет спину перед начальством, он говорит, когда это нужно, и всегда

с достаточным основанием. Почему ты смеешься над ним, когда в нем столько хорошего?

И Нефертити отвечала, сжимая губы, чтобы не засмеяться вновь:

— Ты права, он образец мужчины из книги правил приличия царя Ашоши*, он мастер говорить, а «искусство говорить — самое трудное из всех других».

«Насколько же люди лицемерны! — думала молодая девушка с горечью и вспоминала замашки Ори, когда тот полагал, что находится один на один со своими подчиненными. — Ты довольна Ори, потому что он обращается к ней с речами сладкими, как плоды инжира, треснувшие под солнцем, и ее не очень беспокоит, что сердце его наполнено грязью! Но она сама, она, которая прижимала меня к своей умощенной миррой* груди, она сама за моей спиной сказала про меня Уйю ложь... Наверное, все люди одинаковы, они используют палку, чтобы бить других, и льстивый язык, чтобы не быть избитыми самим. Но я не буду такой. Я скажу Аменхотепу, что он безобразен, и попрошу его мать, Тэйю, подыскать ему в жены какую-нибудь другую мартышку».

Размышляя об этом, Нефертити вновь рассердилась. Небесная корова* могла бы упасть ей на голову, но не уничтожила бы правды в ее сердце. Даже если для того, чтобы взойти на царский трон, она должна отказаться от Май, она откажется от него, но сядет на трон, и ее царство будет царством голой правды... голой, как невинное дитя, еще не прикрытое лицемерными одеяниями взрослых!

Два месяца она смотрит на мужчин ниже их поясов?! Каким же грязным должен быть ум у Ти, чтобы говорить подобное о своей «белой овечке»!

Молодая девушка почувствовала отвращение, она больше не ненавидела Ти, она ее презирала... и Ти, и Ори, и других... всех этих лицемерных женщин из гарема ее отца, даже свою мать, Келу-Хебу, прекрасную царевну Митанни*, в честь которой ее отец приказал вырезать ко дню их свадьбы сто больших скарабеев*. Что толку в этих скарабеех, если Келу-Хеба стала одной из наложниц гарема? Это Тэя стала супругой фараона, и перед ней Келу-Хеба покорно, как и другие, присмирела... Но Нефертити помнила, как ее мать говорила: «Тэя — глупая простолюдинка, и в моем мизинце на ноге благородства больше, чем во всем ее уродливом теле!»

— Но кто знает, быть может, Маи такой же лицемер, как и другие? — прошептала девушка с горечью, дойдя до предела отчаяния и безнадежности.

Ладно, пусть будет так! Она не выйдет замуж никогда и будет как Великая Царица Хатшепсут, которая после смерти своего мужа Тутмоса* правила одна, и, вопреки всем и вся, ее награда придет позже, когда даже дети Обеих Земель станут говорить: «Нефертити I любила правдивость и ненавидела ложь. Она награждала того, кто говорил ей, что у нее слишком тонкая шея, если он думал так на самом деле, и она заставила вымазать свиным навозом лицемерных придворных, чтобы весь мир увидел, из какого материала они сделаны. Со времени ее воцарения ни один начальник стирки не был назначен на свою должность, пока его совесть не становилась чище, чем хорошо отстиранное белье, и никакая женщина не назначалась царской кормилицей, пока не представляла доказательств, что ее по-

мысли стали белее молока. И народ был счастлив, ибо жил открыто, в чистоте и невинности».

Нефертити спустилась в свою лодочку, сделанную из связанных пучков папируса. Хрупкое суденышко едва выдерживало ее вес, но молодая девушка умела управлять им, как заправский перевозчик, и ловко проплывала среди стеблей тростника и листьев лотоса, загромаждавших местами чистую поверхность реки. Она не боялась ни гиппопотамов, ни крокодилов, ибо первые давно удрали от берегов Уисы, а крокодилы предпочитали болота Севера, где в период жарких месяцев паслись многочисленные стада, принадлежавшие жрецам и знати.

Вскоре молодая девушка причалила к берегу своего островочка. Это была небольшая, покрытая илом и поросшая тростником коса, на которой еще возвышалась построенная неумелыми руками полуразвалившаяся, невидимая среди листвы хижина: дворец Май и Нефертити, царя и царицы страны священных ибисов и разноцветных бабочек.

Нефертити не появлялась здесь с момента отъезда ее друга в ном* его отца. С грустью обошла она эти чудесные места своего детства, умершего в этот после-полуденный час, когда она на ветке сикоморы услышала, как бесстыжая кормилица сказала, что царевна уже смотрит мужчинам ниже пояса.

Ее принудили бы выйти замуж за Аменхотепа, и она отныне стала бы жить во дворце из камня, оштукатуренного под мрамор, среди придворных, единственной мыслью которых было бы приобрести звания и должности, и женщин, основным занятием которых было бы краситься и натираться благовонными мазями...

Она восседала бы на троне, как живая мумия, и птицы, за которыми она так любила наблюдать, представляли бы перед ней в виде ошипанной и зажаренной дичи на пиршественном блюде...

Это удел мужчин...

И, возможно, единственным утешением в ее беде было думать, что ее маленькая дочь убежит однажды после полудня, в час зноя, в то время, когда кормилица разговаривает с управляющим гаремом, сядет в тростниковую лодочку со своим сердечным другом и приплывет сюда, в страну священных ибисов. Тогда здесь, в стране ее детства, маленькая царица голышом усядется на трон из черного ила, трон, украшенный лепестками лотоса и стоящий в центре небольшой залы с колоннадой из высоких стеблей папируса, чьи зонтики поддерживают драгоценные своды лазурного неба... Улыбаясь, она будет слушать радостные гимны, что возносят к небу сверкающие своим оперением птицы. Она позволит мухам нежно гладить свою кожу. Она будет воздавать всем строго по справедливости. Она услышит жалобы самки ибиса, у которой ласка поела яйца, и она прогонит ласку... Все подданные будут любить ее и хвалить ее мудрость; цветы станут для нее благовонными маслами, стебель зеленого тростника — жезлом, бабочки — украшениями... Подле нее ее друг будет повелевать, как фараон, или служить ей, как раб. Для нее он срежет флейту из тростника и будет бросать свой дротик, защищая ее от врагов...

Таков удел детей: счастье, мир, несметные богатства...

Нефертити почувствовала на своих губах горечь слез. Она была одна, ужасно одна. Никто не пришел вместе с ней оплакивать смерть царицы страны свя-

ценных ибисов, никто не дал ей магического заговора, который в жестоком мире взрослых мог бы поддержать ее в печали и отчаянии. Ее мать любила зелень малахита, чтобы подрисовывать свои глаза, и окрашенные в алый цвет перья страуса, чтобы украшать свой веер... Ти была довольна собой и знатностью своей питомицы... Ее отец колебался между выбором борзой собаки из страны Пунт*, чтобы выдрессировать ее для охоты на диких коз, и гепардом из «презренной страны Куш»*, чтобы кормить его, не сходя с трона... Маи был далеко (возможно даже, в этот момент он потешался вслух над своей детской влюбленностью, чтобы позабавить дочерей жен своего отца!). Тэйя до того обожала своего старшего сына, что находила его красивым и достойным любых любовных побед... Что касается Аменхотепа, его любви хватало только на святилище богов...

Он женился бы на женщине, даже не взглянув на нее, и обратился бы к ней только с просьбой прикрыть свои груди — «а то виднеются».

Она была одна, ужасно одна.

Тогда она зарыдала перед побегом пальмы «дум», которую она когда-то посадила своими руками в безмятежной уверенности увидеть однажды, как она покрывает тенью ее чудесный дворец из тростника и ила.

Никто из ее подданных не приблизился к ней, чтобы утешить. Притаившись в густых зарослях, они спрашивали себя, что делает здесь эта незаконно вторгшаяся чужестранка, пришедшая сюда из чужих пределов... эта царица страны Черный Кем, как некоторые тогда называли Египет.

ГЛАВА 2

Взрыв смеха донесся из гарема, и это заставило Ти разозлиться. Было уже поздно, и она начала серьезно беспокоиться из-за отсутствия Нефертити... Нефертити, дорогого дитя, которое вскоре взойдет соправительницей на трон! При этой мысли ее глаза наполнялись слезами нежности. И она, она станет носить звание Великой Кормилицы, она прикажет отлить себе кольцо с печаткой... Она будет официально считаться подругой царя и царицы, и знатные вельможи будут завидовать той вольности, с какой она обращается с царской четой.

Блаженная улыбка не сходила с лица Ти, и она позволила мечтам о богатстве и славе ненадолго отодвинуть мысль о пропаже девчонки. Но где же могла прятаться Нефертити? Когда Ти вошла в комнату молодой девушки, она увидела там только Мишере, маленькую сирийскую рабыню, спящую у стены. Ти сердито растолкала ее, потому что не могла допустить, чтобы служанка отдыхала, когда она сама занимается возложенными на нее обязанностями. Мишере, растерявшись, что ее застали на месте преступления и обвинили в ротозействе, мигом, под предлогом поиска своей хозяйки, исчезла.

По правде говоря, Ти не собиралась особенно тревожиться до наступления сумерек. Она уже заметила, что ее питомица избегает общества (даже ее общества, ее, такой любящей), и если это ее огорчало немного, то она считала эту диковатость чертой переходного возраста. Она хорошо знала, что в четырнадцать лет ребенок переоценивает свой ум и преуменьшает умствен-

ные способности других людей до такой степени, что только сам себе нравится!

Эта несносность пройдет, и ее козочка, без сомнения, вернется, чтобы уткнуться в ее щедрую грудь, чтобы быть убаюканной и утешенной в своих маленьких детских огорчениях. Тогда нежная, ласковая и послушная Нефертити придет к ней, как и раньше, за советом. Без всякой заносчивости она обрадуется при виде своей дорогой Ти и, смеясь, поведаст ей свои малые горести. Ти, в свою очередь, признается ей, что проведала о ее убежище в тростнике рядом с местом для стирки белья и что была однажды очень удивлена, увидев ее спускающейся с сикоморы, что растет на берегу искусственного водоема. Она ей скажет: «Я никогда не говорила тебе, что знаю твои тайные убежища, ибо боялась, что твоя дурная голова заставит тебя искать другие, возможно, более опасные, которые я не смогу обнаружить долгое время».

Тем временем смеркалось, и, подгоняемая тревогой, Ти добралась до тайника в зарослях на берегу реки. Она позвала Нефертити, глядя вверх на сикомору, что росла на берегу искусственного водоема... но не было ее овечки ни в зарослях тростника, ни в ветвях сикоморы. Не было ее ни у матери, ни у фараона, ни около Тэи. Садовники не видели ее ни среди деревьев, ни в Неферхеперу — в доме царских детей.

«Без сомнения, она нашла новое убежище, — сказала себе Ти, пытаясь рассеять охвативший ее страх, — и на этот раз я ее как следует отругаю. Скоро время ужина, а она еще не приняла ванну. Если царица Египта предпочитает грязь и дурной запах, то крестьяне ни-

когда не научатся умащать свое тело благовониями, а рабы будут находить удовольствие в запахе пота!»

Взрыв смеха вновь донесся из гарема, и Ти вновь испытала приступ раздражения. Она не допускала мысли, чтобы кто-нибудь мог веселиться, когда она так погружена в заботы.

— Наши красавицы что-то слишком развеселились! — пробурчала она. — Но невозможно спрашивать с безумных, вышедших безумными уже из живота матери, вести себя как здравомыслящие люди, как нельзя ждать от иноземных наложниц, чтобы они проявляли добрые нравы и соблюдали приличные манеры! Они еще не стряхнули с себя песка своих родных пустынь, потому и предаются песням и пляскам четырнадцатого числа месяца Тиби*, когда запрещено заниматься общественными делами или развлечениями. Как если бы никто не научил их, что Великая Небесная корова может упасть им на голову! Их богиня Иштар и все их Падукадахи* не защитят их четырнадцатого числа в месяце Тиби, а именно это я им и говорила!!!

«Падукадах» было словом, вышедшим целиком из головы Ти, как мировое яйцо вышло из тела «Великого Гоготуна»*. Она его придумала как уничижительное прозвище, которое могло бы выразить ее презрение в самой высокой степени. Благодаря своим качествам оно могло обозначать как мир неодушевленных вещей, так и одушевленных. Один раз оно было ножкой скамейки, заставившей ее споткнуться, в другой день народом, из которого происходил не угодивший ей раб... Но на этот раз оно представляло сонмище духов иноземного пантеона.

Кормилица Нефертити не любила иноземцев, всех

этих негров и бедуинов, больше, чем белых людей, и она черпала злобу для своей неприязни в воспоминаниях о гиксосах, об этих царях пастушечьих племен, что нападали на земли Египта в течение почти ста лет. Конечно, боги поддерживали рождение детей во время этого мрачного периода притеснений и великой скорби, и, начиная с отдаленных предков, женщины в их семье передавали свою ненависть от матери к дочери вместе с грудным молоком. Ты очень надеялась, в тайне сердца, что заставила свою питомицу впитать эту ненависть со своим молоком, ибо Нефертити была (увы!) сама плод хурритского* живота, что было нехорошо, ибо царица Египта прятала в самом происхождении своего рода снисхождение к этим несчастным «помесям со свиньями».

Пока Ты продолжала бранить окаянных азиатов, которые смеялись на своей половине над заботами мира, Нефертити вошла с бедняжкой Мишере, юркнувшей в комнату, как испуганная мышка.

Лицо царевны было бледным, а губы плотно сжатыми. По виду своей питомицы и поведению рабыни госпожа Ты тотчас сообразила, что последняя совершила какой-то наказуемый поступок. Мгновенно забыв, что была недовольна своей царицей, своей болотной птичкой, она посчитала своим долгом не упустить возможность выпороть ленивых сирийских служанок, среди которых Мишере являла собой печальный пример. Она обернулась к бедной девочке и грозно сказала:

— Вот ты опять не угодила своей хозяйке! Что за отродье вы, хетты*, что не испытываете чувства благодарности? Беги за едой для своей хозяйки и ее кормилицы и смотри не опрокинь блюдо, если не боишься

моего гнева! Ибо у меня нет такого терпения и такой мягкости, как у божественной Нефертити, и руку, которая плохо служит, я отрубаю! Язык, который трещит без умолку, я вырываю! Глаз, который замышляет предательский удар, я выдавливаю! Уши, которые невнимательно слушают, я обрываю! Беги и моли Исиду, чтобы я не прокляла тебя.

Мишере, не пытайся понять причину гнева благородной Ти, исчезла так быстро, как смогла. Она боялась ее больше, чем самого фараона; когда она видела Ти, ее сердечко начинало бешено биться, как если бы она была схвачена на месте страшного преступления. Начиная с момента, когда ее подарили юной царевне в качестве новогоднего подарка, она уже не была больше уверена, что из нее смогут сделать однажды неповрежденную мумию (если, конечно, она заслужит царскую милость и сможет надеяться на достойное погребение). Пусть она заснет еще раз около пустой кровати своей госпожи, и Ти прикажет выколоть ей глаза, что не смогли бодрствовать.

Нефертити наблюдала эту сцену, сжав зубы, слишком занятая тем, чтобы усмирить ярость в своей душе. По какому праву Ти вмешивается и командует ее служанками? Если даже Мишере вызвала недовольство своей госпожи, почему это касается Ти? Действительно! Если эта последняя считает, что звание Великой Царской Кормилицы дает ей право быть заносчивой и допускать вольности, она ошибается. Ее супруг может быть могущественным Аи, «божественным отцом»*, но

в Ти не останется от этого меньше глупости, тщеславия, лицемерия, которое царевна так презирает.

— Что ты делала в моей комнате в столь поздний час? И почему ты не исполняешь сейчас свой супружеский долг перед твоим мужем? Разве он настолько устал от тебя? — спросила девочка-подросток язвительным тоном.

Несчастливая Ти захлопала ресницами. Конечно, она допускала, что у ее питомицы переходный возраст, но ей казалось, что никогда еще цветок лотоса не проявлял такой враждебности по отношению к ней! События дня слишком истощили ее силы, чтобы она теперь могла сообразить, что к чему, и не поддаться огорчению. Слеза тотчас выкатилась из ее глаза и, собирая по пути немного месдемета*, который оттенял внешнюю сторону века, прочертила на дряблой щеке тонкую черную полосу, словно изображая горе в ее душе.

— Тебя не было в тростниковом убежище, ты не отвечала, когда я звала тебя под сикоморой на берегу пруда, — произнесла она с дрожью в голосе и замолкла, сознавая, что разрыдается, если сейчас же не закроет рот.

Нефертити раздраженно пожала плечами. Она терпеть не могла, когда Ти плакала, ибо, если эти слезы и были похожи на крокодиловы, все равно они заставляли ее чувствовать себя неловко. Молодая девушка очень хорошо знала, что период скорбного молчания сменится временем жалобных уверений в любви, перед которыми она уже не сможет хранить холодность. Она сама страдала чувствительностью, и все кончалось тем, что со словами раскаяния она прижималась к этой дряблой груди, которую, будучи ребенком, сосала и высосала

всю до конца. Однако на этот раз она твердо решила противиться своим наклонностям, достойным сожаления. Ти начинала стеснять ее. Несмотря на все то, что она наплела Уйю, Ти слишком часто смотрела на нее как на маленькую девочку. Поскольку Ти выгнала Нефертити из страны ее детства, поскольку одной-единственной фразой она заставила ее осознать свой возраст, тот, когда уже пора выходить замуж, Ти будет наказана. Тогда она пожалеет о том, что командовала Мишере и пыталась управлять всем в доме своей питомицы!

— Меня не было в тростниковом убежище, я тем более не сидела на ветке сикоморы, — ответила она сухо, — и, возможно, я предпочла бы это, Ти! Но какая тебе разница, где я находилась? Не считаешь ли ты, что время, когда ты должна была следить за моим поведением, прошло? Мне четырнадцать, кормилица, четырнадцать лет, возраст ходить туда, куда хочется, и делать то, что нравится...

«Переходный возраст», — думала бедная Ти, отчаянно цепляясь за эту мысль, чтобы не оказаться поверженной речами своей дорогой девочки.

— Ты служила мне с большой любовью, и я была бы хуже крольчихи, что пожирает своих малышей, если бы не была тебе признательна! Но пойми же, что я не могу сидеть у тебя на коленях до седых волос! Поскольку Мишере подарена мне, пусть она не бегает по чужим приказам! Если эта комната — моя, пусть отныне мне не надо будет, чтобы насладиться одиночеством, убегать в заросли тростника или взбираться на ветки сикоморы! Отныне эта комната станет моим тай-

ным убежищем, и я не хочу других. Ти не будет больше хозяйничать здесь. И садовники не будут больше смеяться надо мной, а слуги болтать между собой о секретах, которые я от тебя прячу, ибо я больше не прячусь, я буду здесь или в другом месте, где мне захочется. И если ты захочешь меня увидеть, захочешь поболтать со мной, ты перед этим постучишься в дверь или подождешь, пока я не выйду. Однажды ты мне скажешь по здравом рассуждении: «Настоящий друг непохож на собаку, что ходит по пятам за хозяином и надоедает ему своим лизанием, но он рядом, когда появляется необходимость в его любви, и он удаляется до того, как становится обузой». Ты мне также скажешь: «Человек благородного происхождения, приглашенный разделить трапезу, не будет укладывать в постель хозяина дома»... Не будь же моей тенью и не укладывай меня в кровать! Пусть я не буду больше скрывать от тебя мои радости и огорчения из страха, что ты возмнишь себя необходимой в любое время дня и ночи! Ибо если твоя любовь не будет навязчивой, я ее найду, если твое присутствие не будет продолжительным, я начну скучать по тебе, и моя радость видеть тебя будет искренней. «Руки, обнимающие слишком сильно, душат любовь, а в открытые объятия хочется броситься». Так ты меня учила, это ты мне говорила. Вот почему я тебе повторяю: «Не беспокойся обо мне и отдохни, ты это заслужила. Ты исполнила свой долг, опасаясь за мои слабые силы, но я уже не ребенок и не буду им больше никогда». Вот ты и успокоилась. Погуляй и помечтай в саду, или поспи под сикоморой, или поболтай с Уйей, или посмейся вместе со своим мужем. Вот мужчина, кото-

рый жалеет, что у тебя появляется молоко! Он взял жену, чтобы наполнить свой дом весельем, а эта женщина уходит жить в другой дом! Но теперь твоя служба как кормилицы закончена, я умею есть с тарелки. Не лишай мужа своего присутствия во время трапезы. Не плачь, Ти, я тебе говорю так, потому что пришло время. Я сожалею, возможно, о своем детстве больше, чем ты сама. Но правда такова, и надо принимать ее: естественно, что ребенка наконец отнимают от груди и что молоко кормилицы однажды иссякает. Вот... Все сказано, что должно было быть сказано, и, если ты хочешь разделить трапезу, которую принесла Мишере на двоих, я охотно ПРИГЛАШАЮ тебя это сделать. Я пошлю Мишере за благовониями, чтобы умастить твою голову, чтобы почтить тебя, как благородную царевну, как дорогого друга, и потому еще, что я не часто имела счастье видеть тебя перед собой за трапезой. Я тебе предложу доброго старого вина из Сирии и пиво из земель Кеде...* но не то, которое наши иноземные рабы варят по рецептам из страны Кеде, но пиво, заказываемое моим отцом, пиво, что привозят в трюмах торговых судов. Хочешь ли ты вместо обычного хлеба булок, выпеченных из зерна Зерет?* Желает ли ты жареного гуся вместо этих тощих перепелов? Не бойся выразить свои желания, и я прикажу, чтобы они были удовлетворены, ибо ты здесь у меня в гостях, и я не хочу, чтобы ты ушла недовольной!

Сухость, преобладавшая в начале речи, исчезла, и голос молодой девушки постепенно смягчался, чтобы к концу стать совершенно сердечным и ласковым. Нефертити не собиралась говорить так долго и выражать-

ся на манер ученых писцов. Но речь ее текла как бы сама собой, и это вызвало у девушки желание утвердить свой авторитет в еще большей мере. Чувство облегчения заставляло ее говорить еще увлеченнее и смиряло ее гнев. Она не испытывала больше неприязни или презрения к Ти, только своего рода жалость взрослого человека по отношению к слабому и наивному ребенку. Ее речь была не бессмысленным лепетом маленькой девочки, но речью взрослого человека, ясной и логичной, и это наполняло ее гордостью. Она блестяще выдержала экзамен на взрослую женщину, и смерть царицы страны священных ибисов не казалась ей больше трагической.

Что касается бедной Ти, то она смотрела теперь на своего барашка в полном смятении. Ее намерение излиться в жалобах было пресечено. Напрягая ум, она пыталась понять, при помощи какой магии ее питомица, еще утром полная легкомыслия и беззаботности, так изменилась и превратилась в зрелого человека, резавшего как по живому и заявлявшего свое право на власть. Ее «робкая козочка» держалась прямо и уверенно, голова гордо сидела на длинной и стройной шее, которую Ти до сей поры считала крайне некрасивой и которая теперь производила ошеломляющий эффект. В этот момент Нефертити больше всего походила на царицу Египта, и эта мысль поразила Ти с такой силой, что у нее перехватило дыхание. В ее суеверном мозгу возникла мысль, что царская порода поистине имеет божественную сущность, поскольку в тот же день, когда появился план ее восшествия на престол, она сбросила с себя детство и разом превратилась в величест-

венную царицу, словно была таинственным образом предупреждена богами, ответственными за ее жизнь с момента рождения. Так обстояло дело с великой царицей Хатшепсут и с собственным отцом Нефертити, могущественным фараоном Аменхотепом III*, да здравствует, живет и процветает он вечно! Бог Тот*, с головой ибиса, бог мудрости, прошептал имя матери, Амон-Ра принял облик зверя, чтобы оплодотворить ее, Хнум*, с головой барана, вылепил на гончарном кругу тело ребенка и тело его Ка*, духа-покровителя... Хекет, с головой лягушки*, вдохнула жизнь в этот священный слепок, и богиня Хатор* дала свою корову, чтобы его кормить...

При этой последней мысли грудь Ти содрогнулась от гордости. Возможно, она сама получила благословение богини Хатор в тот момент, когда была избрана кормилицей, и, возможно, имеет теперь в себе немного от этой божественной коровы! Кто знает, может быть, позже на барельефах, покрывающих стены усыпальницы царицы, она будет изображена в виде миловидной коровы, дающей вымя царевне?!

Представив такое радостное будущее, Ти забыла о дерзости своей питомицы. Однако она не чувствовала себя способной тотчас справиться со своими мыслями и поэтому отказалась принять приглашение разделить столь роскошную трапезу.

— Да здравствуй, живи и процветай ты вечно, — уважительно бормотала она, — я удаляюсь, если ты позволишь. Ибо мне надо сделать тысячу дел для тебя и твоего отца фараона, да здравствует, живет и процветает он вечно!

С этими словами она поспешила выйти, чтобы направиться к Уйе и повторить то, что она видела собственными глазами и слышала собственными ушами. Он был единственным, кому она могла это рассказать, и ей было крайне необходимо излить свои чувства до наступления ночи из страха, что не сможет заснуть.

Как только Нефертити убедилась, что шаги кормилицы стихли, она принялась весело смеяться под удивленным взглядом Мишере, все еще державшей в руках белоснежное блюдо, на котором остывали два поджаренных перепела и несколько ломтей говядины. Юная рабыня поняла из всей сцены только то, что ее госпожа победила, а та, которая ее мучила, проиграла, и в своей боязливой душе она наполнилась сильным восторгом и гордостью за свою царевну, которая была ненамного более взрослой, чем она сама, но смогла дать отпор тиранству могущественной Ти.

Что до Нефертити, то она не прекращала смеяться. «Да здравствуй, живи и процветай ты вечно», — проговорила кормилица... Как если бы ее питомица уже была на троне соправительницей, украшенная знаками верховной власти! Вот! Сказано сильно, немного сухо, но тщеславие Ти опало, как раздутый живот, которому дали подмешанные в пиво ягоды растения дегем*.

«У тебя больше не будет случая раздуться передо мной от тщеславия, — подумала царевна, засмеявшись еще сильнее, — я вылечу тебя от этой болезни лучше, чем все лекари моего отца! Пришло время начать лечение, ибо ты можешь лопнуть, и твоя мумия будет попорчена! Как ты должна быть мне за это признательна!»

Мишере почтительно присутствовала при этой веселой сцене, не переставая спрашивать себя, не должна ли она проявить в этом случае немного своеволия и сбегать на кухню за горячей пищей или ждать указаний? Она не могла принять такое трудное решение. Нефертити наконец заметила ее и сказала голосом, еще дрожащим от смеха:

— Подойди, Мишере, мое сердце достаточно горячо, чтобы желудок усвоил холодное мясо, и я в достаточно хорошем настроении, чтобы позволить тебе отведать еду вместе со мной. Займи место Ти и сделай так, чтобы она это узнала. Таким образом она получит урок и будет знать, что во дворце моего отца я властна давать и властна брать назад по своему желанию!

Мишере покраснела и возразила голосом, охрипшим от страха:

— Я недостойна есть вместе с тобой, моя госпожа, и госпожа Ти прикажет побить меня за мою дерзость, если узнает про это.

Веселость Нефертити как рукой сняло. Она сказала сухим и почти высокомерным тоном:

— У Ти нет власти над моими служанками, и за каждый удар, данный тебе, она получит десять.

Мишере с тревогой спрашивала себя, может ли она радоваться, если увидит избитой госпожу Ти, а при этом у нее самой будут переломаны кости. Но она боялась перечить своей хозяйке и обидеть ее, не выказав достаточной признательности за ее доброту, отчего силилась улыбнуться как можно радостнее.

Тем временем ход мыслей царевны, кажется, изменил направление; она вытянулась на кровати, и выражение ее лица стало задумчивым.

— Оставь блюдо и иди, — произнесла она спокойно, — ты будешь не нужна мне сегодня вечером.

Мишере поспешно поставила блюдо на ковер и удалилась, семена мелкими, как у мышки, шажками. По правде говоря, ей стало легче от того, что не надо брать пищу руками одновременно со своей хозяйкой, ибо ее руки не знают грации и она лишена воспитания. У нее были короткие руки с желтой, огрубевшей от работы кожей и множеством мозолей, созданные единственно для того, чтобы опираться о землю, склоняясь перед великими, или чтобы исполнять тяжелые обязанности рабыни... Но она будет вспоминать до последних дней своей жизни, как царица пригласила ее разделить трапезу и на мгновение поставила ее в тот же ранг, что и свою кормилицу. Она будет вспоминать это с благодарностью. Это будет поддерживать ее гордость. Кто знает, может, однажды она бросит это воспоминание в лицо тому, кто захочет ее оскорбить?

Нефертити не сомневалась, что в своем желании позаботиться о тщеславии Ти она завоевала преданность и любовь скромной сирийской рабыни, сердечко которой было слишком маленьким, чтобы вместить любовь к двум господам одновременно.

ГЛАВА 3

Нефертити решила прояснить свое положение до конца. Она знала, что для решения любого спорного вопроса, касающегося государственных дел, она должна увидеться не со своим отцом, а с его женой, Тэйей, которую величали Великой Царской Супругой и кото-

рая была женщиной с характером. Это она управляла всем, и ничто не делалось без ее ведома. Нефертити ее не любила, но уважала. Поэтому она не поверила своей матери, Келу-Хебе, когда та ей однажды сказала:

— Тэйя всего лишь простолюдинка, гордая своей властью, кичащаяся тем, что может заставить знатных людей склонять перед собой головы, но она завидует этим людям из-за их благородного происхождения. Стыдно, что мой муж не выдворил ее в гарем в тот день, когда взял меня у моего отца, царя Шуттарны, сына Артадама!* Стыдно, что мой отец не потребовал для меня, царевны, трона Египта! Но самый большой стыд видеть, насколько фараон остается слепым по отношению к действиям этой хитрюги, которая производит шум целого роя пчел, когда пользы от нее не больше, чем от одной! Пусть она умрет, и пусть править буду я! Посмотрим, кто, она или я, сумеет достойнее носить Урея!

Нефертити было известно о матери слишком много, чтобы не знать, что она плохо играла роль Великой Царской Супруги. Женщина-птица, она особенно старательно занималась устройством празднеств и поборами с зависимых стран в виде дани золотом, драгоценными камнями, пером, эбеновым деревом, ароматическими смолами, чтобы удовлетворить свое пристрастие к пышности и блеску. Она верила льстецам и наделяла милостями тех, что ей угождал: наиболее искусный в речах становился советником, самый красивый юноша — военачальником, и тот, кто умел красиво одеваться, добивался должности начальника царских хлебных амбаров.

Ничего этого не было при Тэйе. Она была прозор-

ливой, энергичной женщиной, она знала цену людям и не давала место тому, кто был непригоден. Суровым обращением она охлаждала пыл льстецов, и сладкие речи застывали на губах угодников, и молодые люди с томными взглядами не добивались у нее ничего. Всегда строго одетая, не желавшая носить лишние украшения, которые ей полагались по праву, она питала презрение к чрезмерной утонченности как к свидетельству изнеженности и недостатка ума. Именно от своей матери Аменхотеп унаследовал вызывавшую такую неприязнь у его сводной сестры строгость нравов.

Нефертити пересекла сад и отворила дверь в его восточном углу, дверь, ведущую во двор царского дома. Она никогда не пользовалась охраной, потому что все рабы, работавшие здесь, были оскоплены, как был оскоплен Мерире, помощник управляющего гаремом.

Было рано, и молодая девушка была уверена, что застанет царицу, когда та принимает ванну или натирается благовонными маслами. Это было единственное, что позволяла себе Тэйя и по поводу чего Келу-Хеба говорила:

— Вот явный знак, что она рождена на помойке! Она без конца натирает себя благовониями, чтобы зеленая муха не кусала ее, когда она сидит в тронном зале! Но у зеленой мухи обоняние тоньше, чем у фараона, и под сильным ароматом благовоний она сумеет учуять ее мерзкий запах простолоюдинки!

При виде царевны две служанки, сидевшие под навесом, перестали болтать и смеяться.

— Ваша госпожа у себя? — сухо спросила Нефертити, не любившая рабынь Тэйи и подозревавшая, что те

были на жалованье, чтобы шпионить за ней и докладывать все, что они видят и слышат.

— Она в своих покоях со знатными господами Наша и Хети, которые удостоены чести держать ее зеркало и парик, — ответила самая молодая рабыня.

Нефертити прошла по коридору и, остановившись перед дверью в комнату, постучала.

— Войди, Ее Величество сказала, чтобы ты вошла, — произнес резкий и пронзительный голос, в котором девушка узнала голос госпожи Наша.

Нефертити открыла дверь и вошла, легко поклонившись и протянув руки перед собой в знак уважения. Представ перед царицей, она подождала, пока та не обратится к ней первой.

Великая Царская Супруга сидела на ковре, вытканном из козьей шерсти, и небрежно опиралась на подушечки, обтянутые материей, привезенной из «презренной страны Куш». Рядом с ней, всегда вычурно одетая в золотисто-розовые тона, находилась госпожа Хети. Она держала перед ней большое, с костяной ручкой, зеркало из полированного металла, в которое Тэя притворно смотрелась и, казалось, не замечала присутствия молодой царевны. Она поправляла свой громадный и старомодный парик, сплетенный в длинные косы, две тяжелые пряди которых ниспадали ей на плечи. Келу-Хеба пустила слух, что Тэя совершенно лысая, как яйцо страуса, и что никакие мази ей не помогают, даже те, что сделаны на основе порошка из копыт осла, сваренных в масле вместе с косточками фиников и лапками собак, ибо облысение Тэи не естественного порядка, а вызвано колдовством.

Только госпожа Хети и госпожа Наша могли бы

рассказать о том, что скрывается под париком Великой Царской Супруги, ибо они были единственными, кому разрешалось присутствовать при ее утреннем пробуждении и вечернем приготовлении ко сну... Но они по-малкивали, и это также наводило на мысль, что они стыдятся за свою госпожу, за то, что видят у нее на голове!

Наконец Тэйя подняла свой сверлящий взор на падчерицу. Она ее очень любила. Любила по-своему. Ее чувство было суровым и холодным. При виде молодой девушки она порадовалась мысли, что ее старший сын женится на женщине, достойной его. Хотя она всегда делала вид, что не интересуется Нефертити, это не мешало ей внимательно следить за развитием характера будущей жены сына, и этот характер ей нравился: гордый, независимый, дерзкий — все это хорошо подходило для будущей царицы... Умна, наблюдательна, энергична, великодушна, несмотря на слишком большую чувствительность и эти скачки настроения, столь свойственные юному возрасту. Такой была Нефертити, такой ее желала видеть Тэйя в качестве жены своего старшего сына.

— Как это любезно с твоей стороны прийти столь ранним утром, чтобы пожелать мне хорошего здоровья! — сказала она с легкой иронией. — Ибо я полагаю, что именно это входило в твои намерения, девочка?

Нефертити поцеловала ей руки и встала справа от мачехи, несколько раздраженная тем, что так долго пришлось оставаться в унижительной позе.

— Мне надо переговорить с тобой о важном деле, — ответила она сухо, — иначе я не позволила бы себе прийти в столь раннее время, когда ты еще не закончила свой туалет.

Какое-то время Тэя молчала, наконец проговорила глубокомысленным тоном:

— Благородные дамы, Наша и Хети, посвятили мне много времени, хотя торопились принять легкий завтрак, который ждет их на берегу рукотворного озера, и если они захотят отправиться туда первыми, я не замедлю последовать за ними.

В ту же секунду госпожа Наша и госпожа Хети засуетились. Они надели свои сандалии, прикрепили к плечам большие веера из перьев страуса, которые указывали на их звание и которые они предпочли отложить в сторону на время туалета царицы, чтобы не попортить их красоту. Затем они низко поклонились, но не подошли поцеловать ногу Тэе, ритуал, от коего они были освобождены ввиду их высокого положения... и, наконец, вышли из комнаты медленным и степенным шагом.

— Садись около меня, — сказала Тэя после ухода придворных дам, — и скажи мне, что тебя беспокоит.

Девочка-подросток присела на ковер, спрашивая себя, как лучше представить положение дел. Ведь перед ней не какая-нибудь кормилица. Тэя не уступала ей ни в дерзости, ни в самоуверенности. Именно она держала в своих руках верховную власть в стране. С другой стороны, ее чуткость и проницательность позволяли ей видеть правду, скрывающуюся под оболочкой витиеватых, уклончивых фраз. С ней лучше было не тратить время впустую, а пойти на откровенность. Однако и откровенность могла сослужить Нефертити плохую службу, ибо если Тэя любила слышать правду о себе, то всепоглощающая и слепая любовь, которую она питала к своему старшему сыну, притупляла ее способ-

ность суждения, когда речь заходила о нем, и тот, кто имел несчастье не находить его красивым и совершенным, должен был неминуемо впасть у нее в немилость.

Нефертити решила схитрить.

— Я слышала, что мой отец хочет сделать своего сына, Аменхотепа, соправителем Египта, — сказала она спокойно.

Тэйя усмехнулась.

— Ты правильно слышала, — ответила она, — и у тебя тонкий слух, что свойственно юности... Ты слышишь на улице то, что говорится в закрытой комнате. Чей голос ты узнала среди тех, кто обсуждал эту новость? Или это уже сплетня гарема и нужно высечь всех без разбора?.. Ничто еще не объявлено, и надо наказать не умеющего хранить секреты болтуна, у которого слишком длинный язык, из опасения, что однажды он разболтает важную тайну!

Она сказала это, чтобы поугагать царевну. В действительности ей было неважно, что слух о соправлении распространился до времени.

Нефертити сжала губы. Она не хотела доносить ни на Уйю, ни на Ти, к которой вдруг почувствовала необыкновенную нежность. Кормилица Ти раздулась от важности, она была надоедлива и глупа, но ее чувства были правдивы, ее преданность искренней, и пока она была жива, Нефертити могла не опасаться чьего-либо злого умысла.

— Слухи летят, как запах жареного лука... Лук готовят на кухне, а его запах распространяется по всему дворцу, — ответила она осмотрительно.

Лошадиное лицо Тэйи приняло забавное выражение.

— Вот это ловко сказано, дитя... И так, я отвечу тебе со всей прямоотой: верно, что мой старший сын скоро взойдет на трон и будет править вместе со своим отцом. Но разве именно это тебя интересует, коль ты поднялась так рано, чтобы явиться сюда и получить подтверждение этой новости? Не ждешь ли ты от меня, чтобы я открыла тебе имя соправительницы?

Нефертити прикусила губу. Трудности начинались.

— Надеюсь, что это не я, — уронила она неуверенным голосом.

Тэйя поняла, что молодая девушка говорит ложь, чтобы узнать правду, по привычке, заимствованной у женщин гарема, успех которых часто зависит от их умения хитрить.

— Это ты, — ответила она резко, — и ты это очень хорошо знаешь, поскольку ты старшая дочь фараона.

Сухость тона, с которым Тэйя произнесла эти слова, привела Нефертити в плохое настроение. Она сбросила маску и сказала почти яростно:

— Я знаю, что это я, поэтому и пришла к тебе. Я действительно старшая дочь своего отца. И этого достаточно, я думаю, чтобы однажды я стала царицей Египта, и нет никакой надобности для этого мне выходить замуж за твоего сына. Разве корона Египта уходит из рук женщины, когда фараон обладает счастьем иметь старшую дочь?* Почему же я должна обременять себя твоим сыном? Особенно если я люблю другого!

Девочка внезапно замолчала, поняв, что наговорила лишнее.

Тэйя побледнела, однако следы гнева не проступили на ее лице. Она сказала холодно:

— Ты, Нефертити, не являешься дочерью Великой

Царской Супруги... О чем ты, кажется, забыла. Если бы ты была моим ребенком, возможно, ты могла бы заявлять права на трон... но ты всего лишь дочь женщины из гарема, и, если я пожелаю, чтобы ты осталась на женской половине вместе со своей матерью, я прикажу, чтобы Аменхотеп женился на своей младшей сестре... Кто сможет меня в этом упрекнуть?

После таких слов гнев молодой девушки вышел из берегов. Она вспомнила слова своей матери о низком происхождении Тэйи и воспользовалась ими, чтобы нанести ответный удар.

— Ты Великая Царская Супруга, — сказала она дрожащим голосом, — но из какой нищезавоеванной деревни ты явилась сюда? Ты прохлаждаешься на подушках, обтянутых материей из Нубии, но в каких песчаных дюнах ты вышла из живота своей матери? В твоём сыне или во мне течет более чистая кровь? Ибо мой отец, фараон, оплодотворил лоно царевны Митанни, старшей дочери царя хуриттов, и я появилась на свет. Но твой сан не делает твою кровь благородной, и твой плод хотя и поспел в царской оранжерее, но сохранил кислый вкус диких плодов! Я родилась не третьего числа в месяц Хойяк*, чтобы быть глухой, и не двадцатого того же месяца, чтобы быть слепой! Во дворце моего отца все тебя боятся, потому что ты говоришь пронзительно и резко, но я, которая видит и слышит, я знаю, что тебя не любят и что многие относят твоё высокомерие на счёт неудовлетворенного честолюбия... Они говорят, что благородных отличает гордость, а честолюбие всего лишь насмешка над ней и является уделом людей маленьких! Верить ли ты, что те, кто говорит это, а их много, позволят твоему сыну взойти на трон? Если я

крикну чуть громче, они закричат вместе со мной, это я тебе говорю! Я не боюсь тебе это сказать! Даже если сейчас ты могущественна, а я перед тобой как беззащитный ребенок!

Тэйя была женщиной энергичной, но обладала сверх того необыкновенным терпением. Она понимала, что девочка-подросток говорит такое под влиянием гнева, но восторгалась ее откровенностью, ее, без всяких уверток, прямоотой, ее гордой дерзостью — признаками хорошего происхождения. Она восторгалась и потому, что видела в ней жену своего сына. Она не хотела ни для него, ни для трона этих томных и слащавых царевен с тяжелыми серьгами в ушах, которые находили удовольствие в раболепстве и подличали перед властью с единственной целью — добиться милости и покровительства, стать фаворитками. Тэйя никогда и ни о чем не просила своего мужа. И когда она была возведена на трон, она не запрятала своих родителей в какую-нибудь мышиную дыру, она ввела их в круг знати, и фараон не имел никаких прав требовать от нее рабской признательности. Если бы он попросил этого, она никогда бы его не полюбила и никогда бы не вышла за него замуж... Но фараон, не в пример большинству окружающих его людей, не обладал мелкой душонкой. Он имел мужество заставить всех принять Тэйю, не прикрывая ее бедное происхождение значительностью царского сана!

Внезапно Тэйя почувствовала желание прощупать Нефертити поглубже. Если та презирает ее низкое происхождение, то не значит ли это, что она слишком слаба для борьбы со злыми языками женщин гарема и, в частности, своей матери... Тогда какая ей цена, тогда

Тэйя ошиблась, предполагая, что из Нефертити выйдет хорошая соправительница.

— Ты произнесла красивую речь, — холодно сказала она после долгого молчания, не переставая наблюдать за яростным лицом подростка. — Я знаю: то, что ты сказала, не лишено правды, ибо, как ты заставила меня заметить и насколько я могу об этом судить, ты рождена не глухой. Однако ты только повторяешь услышанные разговоры, сплетни, которые ходят среди женщин гарема. Разве ты не имеешь на мой счет собственного мнения? Разве ты еще так боязлива и держишься за юбку своей матери, чтобы совсем его не иметь? Ты проявила смелость, придя и сказав мне о моем происхождении с точки зрения других... Теперь говори от своего имени. Мне было бы любопытно узнать, в чем именно ТЫ меня упрекаешь.

Спокойствие Тэйи сбило молодую девушку с толку. С того момента, когда она напала на Аменхотепа, она ждала криков, ярости и даже оскорблений, но холодное достоинство, с которым были встречены ее слова, заставило ее остолбенеть и почти стыдиться сказанного... Она внезапно почувствовала себя маленькой девочкой, которая за свой каприз и за свою дерзость только что была наказана.

— Какая тебе разница, что я думаю о тебе, — промолвила она упрямым голосом.

— Это мне очень важно. Сделай усилие, по крайней мере, наберись смелости, и если ты меня боишься, то уверяю, что не накажу тебя за то, что услышу.

Задетая предположением, что она могла задрожать от страха перед властью своей мачехи, Нефертити ответила в запальчивости:

— У меня не было причины жаловаться на тебя до сих пор, так почему мне думать о тебе плохо? Но не было поводов и быть довольной тобой, так почему я должна думать о тебе хорошо? Пусть ты простолюдинка или знатного происхождения, это касается моего отца, а мне все равно. Не считай, что я ревную, видя тебя на троне вместо моей матери, или что я пришла сюда отстаивать ее интересы! Как и ты, моя мать не оказала мне ни плохой, ни хорошей услуги, она для меня посторонний человек, и если ты ждешь, что я скажу плохо о ней, как она ждет, что я плохо скажу о тебе, то ты ошибаешься на мой счет! Я не слежу за государственными делами и не знаю, управляешь ли ты страной лучше, чем она могла бы это делать, или нет. Но если ты управляешь хуже, я не буду винить в этом твое происхождение... только твой ум. Послушай, я здесь, перед тобой, чтобы сказать тебе о своих собственных делах, и я тебе говорю это: я не хочу выходить замуж за твоего сына не потому, что ты его мать, но потому, что я его не люблю и не смогу никогда полюбить. С другой стороны, я буду биться за трон всеми средствами, какие окажутся в моем распоряжении. Берегись, Тэйя, чтобы это не обернулось для тебя опалой!

Тэйя засмеялась, придя в хорошее настроение. Она не ошиблась в оценке ума девушки, собиравшейся стать женой ее старшего сына и соправительницей Египта. Девочке не было и четырнадцати, а она говорила с хитростью, достойной зрелой женщины.

— Что ты думаешь о ягненке, пришедшем в логовище льва, чтобы предупредить его о западне, устроенной у входа в овчарню? — спросила она. — Ибо ты ягненок, а я лев. Все твои силы состоят из отряда женщин,

танцовщиц, наложниц, что больше говорят, чем делают... Один взгляд повергает их наземь, один жест бросает их к моим ногам, которые они со страхом целуют. Вот твои солдаты, которых ты выдвинешь против военачальников, которых я отобрала за их доблесть и мужество! Кто с твоей стороны и кто с моей? Теперь скажи мне, кто победит? Подумай! Я счастлива, что ты всходишь на трон, Нефертити, и я хочу этого, потому что думаю, что ты сможешь стать великой царицей. И не прольется ничья невинная кровь в день твоей коронации... Только твоя и только на брачном ложе. Не заставляй женщин понапрасну убиваться ради гиблого дела! Не отказывайся выйти замуж за своего брата, ибо, по правде говоря, я не знаю, кроме тебя, другой жены, которую я могла бы ему предложить! Я для тебя посторонняя, но не ты для меня. Издалека я следила за тобой, чтобы видеть, как растет семя. Вглядись в себя и пойми, что будущее великого царства стоит того, чтобы ему принести в жертву свое самолюбие. Ты ребенок, и твое сердечко еще не окрепло, ты как неоперившийся птенец... позволь ему окрепнуть в тепле и заботе, которыми окружит тебя мой сын, и ты сможешь сделать для него то, что я сделала для твоего отца!

Отчаяние охватило душу девочки перед этой удивительной силой характера Тэйи, которую, она знала это наверняка, ей никогда не удастся победить. Рыдания подступили к ее горлу, и она бросилась прочь, крича полным слез голосом:

— Я ненавижу его! Я ненавижу тебя!

Тэйя закрыла глаза и улыбнулась.

ГЛАВА 4

Нефертити бросилась на кровать и, под недоуменным взглядом глубоко огорченной Мишере, зарыдала от отчаяния. Юная царица в сердцах потребовала от рабыни, чтобы та «шла в болота Севера пасти крокодилов», но Мишере оставалась на месте и, опустив руки, молчащая и встревоженная, смущенно перебирала в уме десятки мыслей, и все они были очень важными... Почему она должна идти пасти крокодилов? И почему в эти ужасные болота Севера? Что она сделала, чтобы впасть в такую немилость? Впрочем, не держит ли фараон стада крокодилов в городе Шедит* по причине расположенного там святилища богу Себеку?*

Вчера она была приглашена разделить трапезу со своей божественной хозяйкой, а сегодня ее посылают на верную смерть. Ибо Мишере знала очень хорошо, что она никогда не сможет жить в добром согласии с крокодилами! Возможно, ее хозяйка поэтому и плачет сейчас... Конечно, Ти решила избавиться, и царица была вынуждена уступить... Кто знает, не отдала ли этот приказ сама великая царица Тэйя?! Никогда еще Мишере не видела свою юную хозяйку плачущей. Нефертити смеялась или гневалась, она болтала или становилась задумчивой, но горе, казалось, не могло поселиться в ее сердце... Если сейчас она выражает такое отчаяние, это, должно быть, по важной причине... по вопросу о жизни или смерти... смерти ее маленькой рабыни; ибо даже печальная участь служанки может вызывать у царицы жалость.

При мысли, что дочь фараона оплакивает ее ужасную судьбу, Мишере зарыдала сама. Усевшись на кор-

точки, опустив голову меж колен, она погрузилась в мрачное настроение.

Странное сопение донеслось до ушей Нефертити, и, позабыв на мгновение о своем горе, она подняла голову и посмотрела, что происходит в комнате. Она заметила маленький всхлипывающий комочек, в который превратилась Мишере, и недовольно сдвинула брови.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она строго. — Разве я не приказала тебе выйти? Ты, должно быть, шпионишь за мной? И прежде всего, почему ты плачешь, глупышка?

Мишере подняла распухшее от слез лицо с красными удивленными глазами и взглянула на хозяйку.

— Я не шпионю, — ответила она неуверенным голосом, — и, поскольку на это была твоя воля, я собираюсь идти пасти крокодилов на болота Севера... Но не надо оплакивать мою участь, моя горячо любимая царица, ибо одна сирийская рабыня — это пустяк, совсем ничего... ибо на самом деле ее место среди крокодилов, а не подле дочери фараона!

Говоря эти слова, Мишере поднялась, чтобы с тяжелым сердцем последовать навстречу своей судьбе. Из последних сил она надеялась, что хозяйка окликнет ее и с чувством скажет «прощай»... Тогда она, покорная рабыня, бросится утешать ее и выразить ей свое преклонение и свою глубокую любовь... Кто знает? Может быть, Нефертити, покоренная этим обожанием своей несчастной рабыни, найдет в себе мужество заступиться за нее перед фараоном и помешает ее высылке на болота Севера!..

Нефертити остолбенела. Она не могла вначале понять, что хочет сказать Мишере. Затем, вспомнив, ка-

кими словами прогнала служанку, она не смогла удержаться от смеха, хотя сердце ее по-прежнему наполняла горечь.

— Вернись, — сказала она тоном, в котором не знающий о ее горе человек услышал бы только радость.

Мишере почудился проблеск надежды. Она подошла к кровати царевны и стала почтительно ждать, что та ей скажет. Нефертити взглянула на ее несчастное личико и улыбнулась.

— Так ты сейчас собираешься отправиться на болота Севера? — спросила она забавляясь. — Но знаешь ли ты, где находятся стада крокодилов, которые тебе поручено охранять? Около Таниса*? Или около Сайи*? Ты считаешь, что Север — особое место в землях Египта? И что тебе достаточно будет спросить дорогу туда, и тебе ответят: «Поверните налево, идите прямо!» Впрочем, знаешь ли ты, каким образом пасут крокодилов? Ты считаешь, их кормят месивом из муки, как быков? Не думаешь ли ты, что, если ты заставишь их открыть пасть, они не сожрут тебя?

Перед этой ужасной картиной, нарисованной Нефертити, Мишере задрожала, и ее глаза переполнились слезами, как Нил во время разлива.

Нефертити смеялась, пребывая в хорошем настроении, что ее служанке показалось крайней жестокостью.

— Ты глупая дурочка, Мишере, — сказала царевна. — Выходит, если бы я тебе сказала: «Пойди ухвати фараона за бороду, чтобы посмотреть, не накладная ли она у него, или он сидит вместе с ней», — ты бы без колебаний, не боясь его гнева, поднялась бы к трону и кощунственно протянула бы руку, чтобы потянуть за бороду, которую мой отец так любит поглаживать! Ах!

Ах! Если она накладная, то у моего отца оказались бы оборваны уши, а ты очень быстро обнаружила бы себя без глаз, без носа, без рук, без ног и, возможно, без головы! Без головы! Это было бы тяжело, ибо всем казалось, что ты родилась с плечами в виде подставки... на которой ничего не поставлено! Как же ты могла бы поднимать голову, если бы ее не было? Моя бедная Мишере, прекрати шмыгать носом! Ты мне надоела! Конечно, никто не пошлет тебя на съедение крокодилам в болота Севера! Даже я, которая обязана выносить твою глупость! То, что я тебе тогда сказала, означает: выйди из комнаты, оставь меня в покое... одну... И это все!

Мишере покраснела и стыдливо опустила голову. Она глупа. Она раздражает хозяйку, и хозяйка никогда больше не уделит ей и крохи любви, потому что она слишком умна, чтобы любить такую глупую рабыню... Однажды, чтобы вообще от нее избавиться, она, возможно, даже отдаст ее какой-нибудь подруге как подарок на Новый год, и, конечно, Мишере умрет от тоски в чужом доме. Тогда, заранее отчаявшись, под удивленным взглядом молодой хозяйки служанка заревела навзрыд.

— Но ведь я объяснила тебе, что никто не хочет посылать тебя к крокодилам! — воскликнула царевна, нервничая. — Ты не поняла, нет? Какая ты глупая! Ну какая же ты глупая, моя бедняжка!

Мишере больше не могла выдержать. Не соблюдая правил, запрещающих рабыне описывать хозяевам состояние своей души, она попыталась объяснить:

— Я плачу потому, что я тебе разонравилась, — всхлипнула она, — вот я и плачу... мне все равно, что

быть съеденной крокодилом, что раздавленной гиппопотамом, если ты любишь меня еще... Но если ты не любишь меня, если я тебе разонравилась... в Новый год ты отдашь меня своей подруге, и я умру вдаль от тебя, потому что я люблю только тебя... и предпочитаю, чтобы мне отрубили нос, руки, голову, которую лучше не иметь, чем разонравиться тебе... Но я тебя раздражаю... я тебе не нравлюсь... — Рыдания помешали ей продолжить.

Нефертити смотрела на служанку, как будто видела ее впервые. Она была так взволнована, что готова была заплакать сама. Значит, в холодном дворце ее отца, среди окружавших ее людей с черствыми сердцами, была девушка, которая ее любила! Робкая и нежная, бедная сирийская рабыня смотрела на нее с любовью и предпочитала смерть невозможности ей служить... Молодая девушка почувствовала утешение от мысли, что она больше не одна в этом жестоком мире взрослых людей. Отныне она знала, что что-то значит для кого-то, даже если этот «кто-то» всего лишь девочка-рабыня. Конечно, Мишере была проста и наивна, но она была еще очень молода. Однако как посмотреть! Вот уже целый год она находилась во дворце, и не казалось, что она выросла и развивалась каким-либо образом. Она оставалась маленькой, тщедушной, и общение с другими служанками гарема не научило ее ни смелости, ни лукавству.

— Сколько тебе лет? — спросила Нефертити ласковым голосом.

Мишере зашмыгала носом.

— Я... я не знаю, — ответила она нерешительно. Затем, испугавшись, что покажется глупой во второй раз

и вновь не понравится своей хозяйке, прибавила: — Мне двадцать пять лет!

Она сказала эту цифру, потому что часто слышала, как говорили вокруг, что фараон был на двадцать пятом году правления, и как добавляли: «Он подобен молодому восходящему солнцу». Таким образом, она была еще молодой, не будучи уже ребенком... и, следовательно, думала, что если ей и не полностью двадцать пять лет, то где-то недалеко... Она не умела считать и не имела никакого понятия о времени. Все, что она знала, это то, что она присутствовала при одном-единственном разливе Нила. Раньше она жила в деревушке на морском побережье у людей, которые ее били... казалось, с самого рождения. Она спала со свиньями, и пищей ей служила пригоршня муки да головка красного лука... Однажды ее продали, и ей пришлось совершить длинное и мучительное путешествие вместе с другими женщинами. Она была удивлена, узнав, что представляет некоторую рыночную стоимость из-за своей девственности. Ее новый хозяин следил за тем, чтобы ее лучше кормили, и часто он заботливо ошупывал все ее тело, чтобы посмотреть,росло ли мясо на кости. Когда она вспоминала его толстые пальцы, шарящие по ее коже, хватающие ее за ягодицы и щиплющие за ляжки, она чувствовала ужасное стеснение в груди и стыд. Однажды ей, надлежащим образом одетой в короткую набедренную повязку, дали пожевать шарик из меда и кифи, чтобы ее дыхание стало приятным, затем ее вместе с другими рабами выставили на базарной площади Уисы. Вначале, объятая страхом, она слышала, как говорили, что у нее плохо посажена голова, что лодыжки слишком толстые, бедра костля-

вые, живот дряблый, ноги наружу, грудь впалая, ягодицы невзрачные, пупок выступает вперед... и, отодвинув набедренную повязку, какой-то мужчина клялся, что свинья лучше выполнит свои обязанности... «Она девственница, а кто может сказать это о твоей собственной дочери?» — проворчал хозяин. В толпе засмеялись и начали выкрикивать непристойности. Мужчина разозлился и ударил ее хозяина, и потасовка началась. Вскоре подоспели городские стражники с дубинками. Когда был восстановлен порядок, свидетели начали давать показания о том, что произошло. Таким образом, мужчина, ее хозяин и она были препровождены к советнику, во дворец самого фараона. Великая царица Тэя присутствовала при разбирательстве. Она определила палочные удары мужчине за нарушение общественного порядка и палочные удары ее хозяину, чтобы знал, как оскорблять дочь подданного фараона. Затем она посмотрела на Мишере, дрожащую от страха и стыда, и приказала ее, почти голую, одеть. Затем она прибавила: «Вот и подарок на Новый год, который фараон предложит своей старшей дочери Нефертити по случаю двадцатипятилетия своего правления. Она производит впечатление послушной и боязливой, как беспородный котенок, который спасся и не был утоплен вместе со своими новорожденными братиками и сестричками...»

Она окликнула ее: «Кис...Кис... Мишере... иди, Мишере, и служи усердно твоей хозяйке... чтобы палочные удары, щедро отмеренные твоему прежнему хозяину как плата за твою юность, были бы даны не напрасно».

Мишере поняла не все из сказанного, но запомнила, потому что эти слова означали для нее начало но-

вой жизни. С этого дня ее никогда не били без достаточного на то основания, она могла спастись спокойно, не боясь, что ее будут ощупывать волосатые пальцы хозяина, и она познала величайшее счастье любить всем своим существом. Да, если ее предыдущая жизнь прошла в нищете и страданиях, то она родилась вновь на двадцать пятый год правления фараона, да здравствует, живет и процветает он вечно! И стало быть, число «двадцать пять» было хорошим!

Нефертити улыбнулась.

— Ты еще маленькая, и твои груди, как пирамидки, на три четверти ушедшие в песок... Мои только наполовину, вот почему я должна быть старше тебя... года на два, возможно... если только у сириек в двадцать пять грудь не меньше моей! Нет, если хорошенько подумать, тебе не больше одиннадцати лет. Давай перестань плакать... У меня нет подруги, которой я могла бы отдать тебя, и в любом случае я не отдам тебя, потому что ты мне не разонравилась.

Мишере посмотрела на Нефертити с нежной признательностью. Если бы в это мгновение в дверях комнаты появился крокодил, она была бы способна предложить ему в пищу себя, чтобы отвлечь внимание чудовища от прелестного тела ее доброй царевны! Действительно, в жизни она боялась только одного — разонравиться той, для которой она навсегда останется преданной рабыней! И в тайне своего сердца она желала однажды дойти до «пасти крокодила», чтобы лучше выразить хозяйке всю безграничность своей преданности.

— Теперь иди, мне надо подумать... и не возвра-

щайся до завтрака. Впрочем, найди Ти и скажи ей, что я сплю и не хочу, чтобы меня беспокоили.

Мишере бросилась на колени и, соблюдая правила, облобызала ноги Нефертити. Из-за любви к ней она собиралась смело встретиться лицом к лицу с царской кормилицей... что было немного схоже с тем, как если бы она пробежала перед крокодилом, жаждущим разорвать ее на части! Ибо она знала, что Ти, выслушав послание, разгневается и пообещает Мишере отрезать ее дерзкий язык. Конечно, Ти больше дает, чем кусает, но Мишере с детства поняла, что всякая угроза похожа на тучу с градом... она может пройти мимо или обрушиться на месте и принести полное опустошение. Кто знает, не схватит ли однажды Ти в порыве гнева какое-нибудь режущее орудие, которое злая судьба Мишере подложит ей под руку, и не бросится ли она на служанку, чтобы отрезать ей все, что собиралась отрезать столь долгое время?

Нефертити смотрела, как служанка скрылась за дверью. Она чувствовала себя лучше с тех пор, как поняла, что может рассчитывать на чью-то преданность и искренность. В своем противостоянии Тэйе она была отныне не одна... Ей не придется теперь одной умирать за свое дело, ибо Мишере не станет унижаться перед властью для спасения своей жизни, она не будет целовать ноги Тэйе, чтобы избежать побоев... Ее взгляд чист и открыт, ее послушание и ее простодушие непритворны... Что до любви, то это чувство светится в ее глазах, как у преданной собаки. Если Нефертити до сих пор никогда этого не замечала, то потому, что, слишком привыкшая встречать среди рабынь только угодливость и раболепие, не обращала на девушку ни-

какого внимания. В мире у молодой царевны теперь было два друга: Май и Мишере... Май... если бы только Май был здесь! Конечно, он придумал бы вместе с ней верное средство! Возможно, он сделал бы ей ребенка! Аменхотеп отказался бы жениться на легкомысленной женщине. Да, но он женился бы на своей младшей сестре и сохранил бы трон! В глубине души Нефертити не имела такого уж страстного желания стать царицей. Она находила, что судьба Великой Царской Супруги была несчастливой: постоянно выносить присутствие болтающих без умолку придворных дам, которые, если не были заняты безобидными делишками, охотно использовали досуг для интриг против короны... заставлять шпионить среди своих приближенных, чтобы не умереть преждевременной смертью... выдерживать этикет, чтобы являть собой пример... испытывать смертельную скуку во время религиозных церемоний или приема послов... Никогда не позволить себе ни малейшей небрежности из страха развязать злые языки в гареме... Иметь возможность развлекаться только перед придворными, чтобы их удовлетворенное честолюбие было бы залогом их преданности... и вечером показывать, что ты вся облысела, двум женщинам высоких рангов, одной — хранительнице парика, и другой — носительнице зеркала... и знать при этом, насколько их почтительный вид скрывает их желание злословить и насмехаться! Короче, не иметь никакого времени для спокойного уединения! Такова участь Великой Царской Супруги! И Нефертити, по правде говоря, не чувствовала никакой склонности к подобному времяпровождению. Пусть Египет идет своей дорогой, она пойдет своей, как обыкновенная простолюдинка! У нее будет

дом, рабыни, муж, дети, сикоморы, чтобы взбираться на них для своего удовольствия, и островок из ила, поросшего папирусом, — для того, чтобы мечтать... Ее дни будут протекать в мире и радости. Она останется свободной женщиной, и никакой глупый этикет не свяжет ее порывистую натуру. Но чтобы иметь право на такую жизнь, надо чтобы Май сделал ей ребенка. И даже сделал бы его срочно, ибо до Нового года осталось двадцать дней, а очень вероятно, что фараон выберет первое утро нового года для объявления своего сына соправителем.

Едва девочка решила отказаться от трона, как спокойствие наполнило все ее существо, ибо если она не была совершенно уверена в победе Аменхотепа в его погоне за короной, то думала, что у нее есть все шансы не проиграть Тэе с ее брачными проектами. Тэя смогла бы убедить своего сына жениться на сводной сестре, которая совсем его не любит, но она не сможет навязать ему уже «распечатанную» супругу, сомнительное целомудрие которой обещало бы ему внебрачных детей. Преувеличенно стыдливый Аменхотеп нашел бы достаточно сил, чтобы отказаться выполнить волю матери.

Молодая девушка все холодно обдумала, и план сражения быстро сложился у нее в голове. Оставалось двадцать дней. Она не хотела посылать Май письмо: во-первых, гонец рисковал быть схваченным предусмотрительной Тэей, затем, даже если Май получит ее сообщение и поспешит приехать, произойдет это слишком поздно... день нового года настанет, соправление будет объявлено и Нефертити связана брачными узами со своим сводным братом Аменхотепом... В лю-

бом случае Маи было бы очень трудно найти в Уисе время и место, чтобы спокойно сделать ребенка своей милой подруге! Его считали взрослым и держали вдали от женщин.

Оставалось только одно решение: приехать ей самой.

Вода в Ниле начинала медленно подниматься, течение становилось быстрее, и в ближайшее время не собиралась замедлять свой бег... Ном, которым управлял отец Маи, находился в восточной части Дельты. Было бы несложно раздобыть лодку и пуститься плыть в ней, подгоняемой течением реки... Конечно, путь долг и не лишен опасностей, если принять во внимание хищных зверей, населяющих реку в районе болот, но Нефертити решила, что она выберет лодку крепкую и большую, сделанную из множества жгутов папируса, связанных между собой. Она загрузит достаточное количество провизии, плотные циновки, чтобы уберечься от ночной сырости, возьмет свое глиняное яйцо, на котором вырезаны заклинания, действующие против крокодилов... и, быть может, также Мишере. Она на секунду засомневалась в необходимости вовлекать молодую девочку в эту полную трудностей авантюру, но почувствовала ужас от мысли, что окажется посреди враждебной реки одна, и, для того чтобы оправдать себя и увезти с собой рабыню, она сказала себе, что если та останется, то наверняка будет строго наказана за пособничество в бегстве или за недосмотр.

С другой стороны, Мишере имела бы уникальную возможность доказать хозяйке свою привязанность и преданность, которыми так легко хвастать, когда ис-

питание далеко... и потом, не она ли сама сегодня утром направлялась пасти крокодилов в болота Севера?

По лицу девочки пробежала лукавая улыбка. Бедняжка Мишере! Как она наивна! Ей, должно быть, не больше одиннадцати лет. В свои одиннадцать Нефертити не была такой глупой!

Вернув себе таким образом хорошее настроение, Нефертити забыла, что ее грандиозная поездка, если не думать только о пьянящем счастье пожить несколько дней свободной, вдали от двора и его гнусных людей, достаточно безрассудна. Она рисовала себе картины завтраков под открытым небом, поисков гнезд птиц в зарослях тростника, радости слышать только пение птиц и шелест воды о корпус лодки... Возбуждение, которое вызывали эти мечтания, вскоре охватило ее целиком. Она не могла больше лежать и спокойно размышлять, ей необходимо было действовать, говорить с Мишере о своих планах, начать складывать то, что она хотела взять с собой.

Царевна обнаружила маленькую рабыню сидящей на корточках перед дверью. Она приложила палец к губам, приказывая молчать, и сделала знак следовать за ней в комнату.

Мишере повиновалась с искренним удивлением.

— Я видела Ти и сказала ей то, что ты мне велела, — проговорила Мишере.

— Не кричи! — произнесла царевна тихим голосом и нахмурила брови. — Ты никого не заметила вокруг?

Юная рабыня озадаченно покачала головой, стараясь не открывать рта, что чуть не привело хозяйку в раздражение.

— Послушай, не ты ли мне говорила, что умрешь без меня, потому что любишь только меня?

Мишере энергично закивала головой, подтверждая это.

— Это не было подлой лестью рабыни?

Мишере опечалилась и завертела головой в знак отрицания. Она не понимала ни почему царевна говорит тихим голосом, ни почему ее глаза так сверкают, но чувствовала, что наступил момент доказать свою любовь, и чувствовала, что предстоящее испытание пахнет если не крокодилом, то не меньшей опасностью.

— Что бы ты предпочла? Отправиться со мной или остаться и претерпеть гнев фараона?

Мишере от ужаса широко открыла глаза. Она меньше боялась ярости фараона, чем настроения «резать» у Ти. Не находя возможности ответить на вопрос Нефертити движением головы, она открыла рот и замерла.

— Итак? — не выдержала девушка. — Говори!

— Я пойду туда, куда пойдешь ты...

Нефертити улыбнулась.

— Сегодня вечером мы возьмем большую лодку из папируса, что привязана у берега, мы загрузим ее провизией и циновками... Сейчас ты отправишься на кухню и спросишь фруктов, хлеба, пива, запеченных гусей и овощей... как можно больше, но не привлекая внимания. Ты только скажешь, что тебя послала Ти или я... наконец, исхитришься, как сама знаешь. Мы не съедим весь обед, это увеличит наши запасы... и, главное, ни словечка! Я рассчитываю на тебя, Мишере! И берегись, если ты откроешь рот и проболтаешь то, что я тебе только что сказала, ты пожалеешь о том дне, когда поступила ко мне на службу! Теперь иди!

Мишере засемила в направлении кухонь. Хотя она не умела плавать и испытывала перед водой панический ужас, перспектива оказаться в лодке из папируса особенно не беспокоила ее. Нет, в эти минуты то, что на нее действительно нагоняло страх и парализовало волю, была необыкновенная трудность возложенного на нее поручения. Оно заключалось в выманивании у главной поварахи, подозрительной по природе женщины, провизии, которая, казалось, представляла собой еду для одного человека, но была настолько обильной, что составила бы пропитание для двух человек в течение нескольких дней. Единственное решение, которое напрашивалось само собой: тут же взять весь обед своей госпожи, говоря, как бы ни к кому не обращаясь, что царица ужасно проголодалась... подождать два часа и вернуться за хлебом и финиками, громко восклицая, что божественная Нефертити никогда еще не имела такого аппетита... затем снова и снова, все два часа до самого ужина.

«Лишь бы мне не пришлось идти воровать фрукты в оранжерею!» — с тоской думала бедная Мишере.

Она была настолько растеряна, что не задалась вопросом ни о причине этого путешествия, ни о конечной цели столь долгого странствия. Впрочем, какая ей разница? За все украшения царской сокровищницы она не захотела бы остаться во дворце, если царица решила уехать. Взвесив все, она, скорее, предпочла бы отправиться в болота Севера пасти крокодилов, чем выносить разговор с Ти подле пустой кровати своей госпожи.

ГЛАВА 5

Нефертити не хотела ждать восхода луны. Вместе с Мишере они погрузили на лодку циновки и провизию и, прячась в тростнике, стали дожидаться, пока все успокоится. Наконец они услышали, как захлопнулись тяжелые ворота, которые закрывали каждый вечер, чтобы перекрыть вход в сады со стороны реки. Украдкой они соскользнули к лодке и столкнули ее на темную воду. Путешествие началось среди тревожного шелеста, раздававшегося в прибрежных зарослях.

Вытянувшись на носу лодки, Мишере должна была раздвигать руками стебли тростника и листья водяных лилий, мешавших движению, но сердце ее не было расположено к этому занятию. Ей было неприятно опускать в воду руки, до которых, как она считала, водяные чудовища большие охотники.

Вскоре Нефертити заметила отсутствие пыла в ее работе и сухо приказала ей отправляться спать, добавив, что совсем сошла с ума, взяв с собой эту глупую гусыню, которая даже не годится для жарки. Мишере попыталась робко свалить вину за свою нерадивость на расстройство желудка, произошедшее из-за двух кусков ячменного теста, которые она съела в обед, но под презрительным взглядом своей хозяйки она безропотно смирилась и, свернувшись клубочком под своей циновкой, с гнетущим чувством собственной ненужности задремала. Вскоре в темноте, под покровом циновки, воображение маленькой девочки разыгралось с невероятной силой. Оно породило вереницу безрадостных картин, в которых ее сердце низвергалось на весы Загробного Суда* и ожидало приговора и смерти. Один за

другим перед ее потрясенным сознанием проходили ее грехи: однажды она показала язык за спиной Ти... множество раз она врала, чтобы избежать побоев... однажды вечером она украла один плод из вазы для фруктов в комнате хозяйки... увы, она сделала это!

«Это был совсем маленький плод... и потом, внутри был червяк... к тому же царевна не настолько дорожила этим самым фруктом!» — поймала она себя на шепоте, как если бы срочно требовалось ее оправдание. Даже тихий звук собственного голоса мгновенно избавил ее от страха. Она пришла в себя и улыбнулась, подумав: «Ба! Египетские боги не будут меня наказывать за грехи, совершенные мной в Сирии!» Но ее воображение тут же напомнило ей, сколько богов в Египте нетерпимы даже к малейшим грешкам. Оно заставило ее вспомнить рассказ Нубхас, служанки, ошипывающей царских гусей, которая поведала ей об ужасных случаях, происходящих с людьми, если они не помогают своим несчастным товарищам... Например, когда одна девочка празднично смотрела, как бедная женщина выбивается из сил, ошипывая домашнюю птицу и не имея возможности ни на секунду отдохнуть, Джебга, демон, прислуживающий богам, получил приказ заставить эту ленивую девочку проглотить яйцо крокодила, которое уже собиралось треснуть... после чего ужасное животное, вылупившееся из яйца, начало изнутри пожирать нежные ткани желудка, и злая девочка испытывала такие страшные колики в животе, с которыми не сравнятся даже боли, возникающие, если съесть весь урожай незрелых фиников! По строгости наказания, накладываемого на живых, можно было предположить,

какое невыносимо тяжелое будущее ждет Ка* в мире мертвых.

Столь уместные размышления позволили осмелевшему воображению Мишере отправиться по ту сторону могильных плит и нарисовать живописную картину дальних странствий одного Ка, разделенного со своей мумией. Похожий на испуганного, бесцветного мертвеца, блуждал он по огромной сфере, населенной сверхъестественными существами: пространство буквально кишело различными «Кровопийцами», «Пожирателями теней», «Извергающими огонь», «Скалозубыми», «Костоломами», «Оборотнями» и другими разъяренными монстрами, готовыми сожрать бедного Ка, если он не противопоставит их аппетитам свои заклинания, магические формулы и, главное, непоколебимое мужество...

Спокойный голос Нефертити заставил маленькую девочку подпрыгнуть. Все еще пребывая в своих страшных видениях, она выскочила из-под циновки с проворностью испуганного зайца, вытянув шею, с обезумевшими глазами и с сильно бьющимся сердцем, растерянная и одуревшая.

Наконец она настолько пришла в себя, что услышала, как хозяйка ей говорит:

— Ты спишь с того времени, когда звезда Арж появилась на горизонте... теперь она на три локтя выше, и наступила моя очередь отдыхать. Становись на мое место и гребь кормовым веслом потихоньку, чтобы плыть на этом расстоянии от берега... Самое главное, не валяй дурака и не буди меня, если тебе что-нибудь померещится! Страх как резчик, он вырезает изображение там, где ничего не было до этого... Впрочем, вот

мое глиняное яйцо, и, если ты заметишь крокодила, угрожающе потряси яйцом и громким голосом произнеси заклинание! Каждый раз, когда я видела какое-нибудь чудовище, я делала так, и мы все еще в добром здравии!

Мишере, еще ни разу не задремав, не осмеливалась заподозрить свою госпожу во лжи. Она просто решила, что та произносила заклинания тихим голосом, и потому их не удалось расслышать. Однако при мысли, что ей несколько раз удалось избежать смерти, даже не догадываясь об этом, она не могла сдержать стука зубов. Теперь она одна должна заботиться о безопасности! Ее доверчивая царевна будет спать, положившись на бдительность своей рабыни!

Страх, охвативший девочку, был столь велик, что яркий лунный свет не приносил ей никакого утешения. Напротив, она упрекала ночное светило за то, что оно освещало воду перед их лодкой... словно хотело указать на беглянок подводным чудовищам!

Однако Мишере храбро встала на корму. Ее широко открытые глаза пытались обнаружить врага в зарослях папируса. Она старательно напрягала слух, чтобы успеть различить за кваканьем лягушек кровожадное щелканье зубов. Она внимательно принюхивалась, чтобы определить среди запахов воды и водорослей тошнотворное дыхание Джебги, демона с поджатыми губами, умеющего ловко принимать невинный облик... Сжимая в руке глиняное яйцо, она напряженно ждала момента, когда надо будет им потрясти для спасения их жизни. Уже множество раз она проделывала это с единственной целью обескуражить прожорливых крокодилов до того, как аппетитный запах молодых жен-

ских тел ударит чудищам в нос. Если бы она посмела, то осталась бы стоять с поднятой рукой до пробуждения хозяйки, но ее удерживал страх, как бы царица между двумя сновидениями не застала ее в этой не очень смелой позе и не отругала за трусость.

Внезапно Мишере показалось в густой тени папируса, таинственно выступающего из воды, какое-то движение... волна, блеснув в лунном свете, ударила о борт лодки и исчезла, как если бы какая-то живность шевельнулась в нескольких шагах от их суденышка, ниже по течению. Заросли стремительно приближались, и Мишере охватил панический страх. Она открыла рот, чтобы закричать, но никакого звука не вырвалось из ее сдавленного испугом горла, и в сумасшедшей путанице мыслей она забыла, что держит в руке могучее средство спасения.

Тогда между стеблей папируса появился монстр. Он издавал адское зловоние, покачиваясь направо и налево, как кошка, собирающаяся с силами перед прыжком на добычу.

Неотвратимая опасность лишила Мишере инстинкта самосохранения. Она одновременно взвыла, взмахнула глиняным яйцом и ударила веслом по воде, что развернуло лодку под прямым углом и заставило с силой врезаться в заросли тростника и замереть почти под носом у поганого животного. Нефертити поднялась и с бьющимся сердцем увидела в лунном свете маленькую, воющую от страха девочку, которая стояла с вытянутой над головой рукой и махала ею так неистово, что рисковала опрокинуть их легкое суденышко. Царица быстро перевела взгляд на то место, откуда, казалось, грозила опасность. Она чуть-чуть дрожала,

ибо никогда еще не встречалась лицом к лицу с крокодилами в столь темном и пустынном месте, и хоть знала самые испытанные заклинания, способные испугать любое, самое жестокое сердце, она не была до конца уверена в их действенности. Множество рыбаков погибали каждый год, однако можно было предположить, что они никогда не отваживались отправиться на реку без яйца с нанесенными на нем магическими формулами!

Ее рука нащупала острогу с двойным острием, которую она заботливо взяла вместе с дротиками, чтобы иметь возможность поймать рыбу или поохотиться на уток, если провизия подойдет к концу. Это был не тот тяжелый гарпун, которым бьют гиппопотама или другое крупное животное и ручка которого отделяется в тот момент, когда он вонзается в жертву. Это было скорее тонкое копье, достаточное для охоты на рыбу, но, конечно, бесполезное против толстой кожи хищных животных. Тем не менее молодая девушка, держа оружие в руке, почувствовала себя уверенней. Она отвечала за Мишере и готова была защищать ее до смерти. Ее ум лихорадочно работал: она собиралась бросить острогу в нос чудовищу и использовать отдачу от броска, чтобы высвободить лодку из зарослей и вытолкнуть ее на чистую воду. Затем, если все же, придя в себя от удивления, животное начнет нападать, она бросит ему как можно дальше несколько жареных гусей, которые Мишере смогла выкрасть на кухне.

Ужасный монстр по-прежнему раскачивался между стеблями папируса. «Это» не было крокодилом и «это» имело более бледную окраску, чем морда гиппопотама... А если это был водяной брат тех фантастических

животных, что водятся в пустынях? Нечто вроде Сага с головой сокола, тело льва у которого заменено телом толстокожего животного болот? Нефертити, казалось, заметила черный клюв... и тревога стеснила ее дыхание... Возможно, Саги Нила не любят жареных гусей! Возможно, они жестоки и беспощадны!

Затем какой-то плывущий предмет ударился об «это», прячущееся в засаде. Образовался водоворот, и «это» двинулось из своего тростникового убежища, и его огромная пасть поплыла вниз по течению. Как только «это» целиком выступило из воды и свет луны осветил его, Нефертити поняла, что «это» было дохлым ослом, раздувшийся живот которого они приняли за чудовищную голову, а половой член за клюв Сага. Труп спокойно уплывал вдаль, безразличный ко всему, даже к тому, что на некоторое время он приобрел над девушками ужасную власть болотного чудовища, он, маленький осел, душесципательный рев которого мог напугать только полевых птиц.

Нефертити залилась нервным смехом. Что до Мишере, то та словно окаменела: рука замерла в воздухе, рот, не издающий ни звука, остался открытым.

Она испытала слишком большое потрясение, чтобы быстро собраться с чувствами. Только через какое-то время в беспорядке, творившемся в ее голове, прояснилась одна грустная мысль: она вновь повела себя глупо, и хозяйка никогда больше не окажет ей никакого доверия! Ей хотелось немедленно, на глазах у царевны, броситься в воду. Но она не умела плавать, и это удержало ее от прыжка в воду, столь же нелепого, как и появившееся «нечто».

Сгорая со стыда, она подобрала зад и напрягла спи-

ну, как собака, ожидающая удара, и Нефертити сжалилась над ней. Тоном скорее насмешливым, чем сердитым, она сказала:

— Знаменитый Саг! Его клюв свешивался, как увядшая тыква, его щеки растянулись от свежего мяса... Он проплыл перед нами, не соизволив нас съесть, настолько он был сыт трусливыми детьми! Возможно, когда он закончит переваривать пищу, то спрячется в зарослях тростника ниже по течению, чтобы броситься на нас, когда мы будем проплывать мимо! Если мы доплывем до него. Ибо крики, которые ты выпускала, без сомнения, разбудили все деревни в округе! И вскоре толпы любопытных поспешат на берега Нила. Моя бедная Мишере, не строй такую мрачную рожицу. Встряхнись и помоги мне высвободить лодку! Ты сейчас ляжешь спать, а я останусь бодрствовать, ибо мне теперь не до сна, а ты слишком напугана и не годишься для важного дела.

Мишере грустно вздохнула. Она верно разгадала намерения царевны. Она навсегда потеряла доверие хозяйки из-за того, что подняла такой шум по поводу дохлого осла!

Страшно огорченная, служанка помогла высвободить лодку, застрявшую в тростнике, затем, не говоря ни слова, она вернула Нефертити главный атрибут впередсмотрящего — это несчастное яйцо из глины, вырезанные заклинания на котором уже начали стираться от ее влажной руки... Она походила на разжалованного военачальника, который с позором удаляется в изгнание; она пробралась на нос лодки, чтобы укрыться циновкой и поплакать над собственной глупостью.

Мишере быстро заснула и увидела сон, в котором

она вновь снискала милость своей хозяйки. Ей виделось, что мертвый осел — это в действительности Джебга, замаскировавшийся, чтобы получше их обмануть... Страшный демон расположился ниже по течению в густых кустах и ухмылялся от радостной мысли, что его хитрость удалась и прекрасная царевна потеряла бдительность... Но заметив его издалека, Мишере закричала: «Я тебя вижу, Джебга! Выходи из шкуры мертвого осла!» Тогда Нефертити легкомысленно засмеялась и сказала: «Как ты глупа, моя бедная Мишере, его нос поник, сморщенный, как увядшая тыква, это всего лишь издохший осел!» — «Не верь этому! — ответила Мишере с волнением. — Это Джебга, я узнала его по тому, как он покачивается направо и налево, подобно кошке, что готовится к прыжку!» Нефертити еще больше рассмеялась, и когда ужасный демон собрался наброситься на нее, Мишере кинулась в его широко открытую пасть, и тогда, в тот момент, когда пасть закрывалась над рабыней, Нефертити воскликнула: «Моя бедная Мишере, ты осталась по-прежнему такой глупой! Этот Саг на деле всего лишь мертвый осел!» — и в холодном, влажном животе Джебги Мишере заплакала от того, что осталась непонятой.

Она проснулась от холода. Вода пропитала папирус лодки, и ее одежда намокла. Розовая заря занималась на Востоке, и тучи мошкары, встречая рассвет, оживленно носились над поверхностью воды. Взгляд девочки живо скользнул по корме... ее хозяйка была по-прежнему там и правила веслом. Она не смеялась, как в том сне, а выглядела обессиленной, уставшей, с темными кругами под глазами, и казалась погруженной в грустные размышления.

Мишере приподнялась, опираясь на локоть, и проговорила неуверенным голосом:

— Я долго спала... Сейчас покажется солнце... Я не приму больше пададь за крокодила... если ты хочешь, я постелю свою циновку на дне лодки, чтобы ты не чувствовала сырости и смогла отдохнуть... Ты знаешь, если я и не обладаю храбростью, то могу все-таки управлять лодкой! Я обещаю, что больше никогда тебя не разозлю!

Нефертити с любовью улыбнулась маленькой девочке. Здесь, в лодке, среди воды и волн, поднимаемых северным ветром, в одиночестве, в белесой пелене рассвета больше не существовало ни царевны, ни рабыни, а были только две сестры-близняшки... Пропасть, разделявшая человека простого и человека знатного, исчезла, потому что день для них начинался среди такого пейзажа, где ни этикет, ни иерархия не имели равным счетом никакой ценности. Единственной правдой здесь были трогательная слабость Мишере и ответственность за нее Нефертити. И молодая девушка хорошо знала, что, когда они обе вернутся во дворец и каждая из них займет свое место, порядок установится сам собой, но что она будет всегда помнить это мгновение, когда осознала, что рабыня может быть ее собственной сестрой. Ибо до сих пор она верила в превосходство знати над рабами, и только что, смотря на спящую служанку и охраняя ее сон, она открыла для себя, что вдали от человеческих законов, перед ее величием природой, в той необъятной красоте, которая предшествует появлению Ра, знатный человек объединяется со своим слугой. Смысл его собственной ценности покидает его, как одежда, и он обнажается перед своим

обнаженным братом и замечает, что их корень произрастает из одной и той же земли.

— Я устала, и поскольку ты мне предложила отдохнуть, я отдохну немного, — ответила Нефертити с нежностью в голосе. — Однако еще сыро, и было бы хорошо, чтобы ты накрылась своей циновкой. Я вернусь в свою и хорошо устроюсь. Поешь, если проголодалась... и знаешь, этой ночью я так же была напугана, как и ты, этим дохлым ослом. Если бы я была на твоём месте, я думаю, что кричала бы от страха не меньше!

Мишере взволновала нежность, с какой обратилась к ней хозяйка, к ней, простой и глупой служанке. Чувство любви заполнило её сердце. Она не знала о странной перемене, произошедшей в душе Нефертити, а если и знала бы, то не поняла: для неё, рожденной в нищете и безвестности, знатность имела значение красоты и благородства, носила в себе оттенок некой божественной истины. Воспитанная в послушании, она не искала выхода из тех рамок, что были установлены её рангом. Если бы ей пришла мысль осмелиться порассуждать о равенстве людей, она быстро раскаялась бы в своей дерзости и почувствовала бы, что заслужила наказание...

Великим мира сего, возможно, подобает говорить о братстве всех людей, но маленьким людям нельзя и подумать об этом, не впад в грех гордыни и не оказавшись за это наказанными.

Мишере была негордой, она обладала сердцем пугливой мыши и преданностью собаки. Малейшее проявление нежности по отношению к ней переполняло её и придавало ей смелости больше, чем это могли бы

сделать сотни ударов, к которым она слишком привыкла.

Мишере смотрела на поднимающийся красный глаз солнца и нашла горячие слова молитвы.

— Бог Ра! Не позволь зверю, человеку, растению, тобой созданным, причинить зло моей госпоже! Я перед ней как дождевой червь, но если смерть червяка может тебя порадовать, возьми мою жизнь вместо ее жизни... — прошептала она с жаром.

Безмятежность опустилась на ее душу, и она принялась внимательно править лодкой.

Стая диких уток пролетела над рекой. В воздухе чувствовался добрый запах перегноя и аромат цветков лотоса, раскрывавших свои лепестки навстречу первым лучам наступающего дня.

ГЛАВА 6

Вот уже восемь дней, как лодка скользила вниз по течению реки. Иногда ее сопровождали клубки водорослей, поднимавшихся со дна, и стебли папируса, с корнем вырванные на берегу. Весь этот мусор, собираясь в большие массы, мог представлять опасность для легкого челна, и Нефертити плыла вблизи берега только в ночное время. Но едва небо начинало светлеть на востоке, как она отводила лодку на середину реки, где чувствовала себя в большей безопасности. Она подозревала, что ее отец заставит обшарить всю страну и что приказ о задержании беглецов уже дан, однако надеялась, что скорость течения реки больше скорости движения царских гонцов. Ей часто встречались на

пути тяжелые лодки под парусами. Они поднимались, подгоняемые северным ветром, к Уисе. Длинные грузовые суда, направлявшиеся в Минфи*, обходили ее со всей мощью своих двадцати весел. Они были наиболее опасны. На них могли плыть не только торговцы, но и люди, посланные с заданием доставить Нефертити к фараону. Вот почему, когда вдали появлялся завитой нос, она спешила укрыться в зарослях тростника, поручив Мишере прижимать лодку как можно ближе к берегу. Некрасивое лицо Мишере, ее массивный нос, толстая кожа и узкий лоб — все свидетельствовало о ее низком происхождении... И если кто-нибудь увидел бы ее в утлой лодчонке из папируса, то посчитал бы ее направляющейся в соседнюю деревню и перестал обращать на нее внимание.

Жизнь наладилась. Девушки по очереди сменяли друг друга за кормовым веслом. Вместе с опытом у Мишере появилась уверенность, вместе с уверенностью пришло спокойствие духа, почти храбрость. Когда ее хозяйка, вытянувшись на циновке, спала, а она в одиночестве бодрствовала на корме, то без всякого страха всматривалась в темноту ночи, и ее рука решительно правила лодкой. Если во время ночной вахты ее сердце и начинало биться чаще из-за тихого шуршания лодки или близости неприветливого берега, где могли спать крокодилы, то она умела вовремя посмеяться над своей глупой впечатлительностью или вспомнить случай сдохлым ослом, что умеряло разыгравшееся воображение.

Однако что более всего укрепляло уверенность Мишере, это ласковое отношение к ней самой царевны. С самого начала путешествия, с их первого рассвета,

Нефертити относилась к ней мягко и приветливо: никогда не повышала голос, дружески улыбалась ей время от времени, передавала во время еды своей красивой и тонкой рукой фрукты, сушеную рыбу, ломти засоленного гуся... Она не приберегала для себя ни большие, ни лучшие куски, но все делила поровну, словно Мишере была наперсницей в ее играх, словно они выросли вместе в царском дворце. И когда Мишере, смущенная такой честью, не решалась начать есть одновременно с ней, дочь фараона пожимала плечами и говорила без всякого раздражения:

— Заруби себе на носу, что здесь, на воде, которая бежит из-за южного горизонта и уносится в море за северным, на воде, которая не является подданным моего отца, поскольку течет перед его столицей и не платит ему никакой дани... мы с тобой две чужестранки, изгнанницы, что оказались вдали от места своего рождения. Ни я не ношу здесь знаков отличия, ни ты — печати своего хозяина. Распрямись, смотри уверенней и смело бери пищу, чтобы есть вместе со мной... Ведь в действительности эта лодка и есть наше королевство, и, поскольку мы правим им по двенадцать часов каждая, будет справедливым, если мы разделим поровну и честь, полагающуюся его правителям.

Несмотря на радость от этой новой и совершенно свободной жизни, где не докучают ни трудности этикета, ни назойливое присутствие кормилицы, Нефертити чувствовала все большее беспокойство по мере приближения к Минфи. Сегодня утром, на девятый день пути, она увидела вдали, на западном горизонте, светя-

щиеся точки. Она знала, что это пирамиды, что это их шлифованные грани* отражают лучи восходящего солнца. В детстве, вместе со всем двором, ее возили в Минфи, и она хорошо помнила эту вереницу огромных пирамид на краю пустыни. Их строй начинался в двадцати милях выше по течению от старой столицы, обходил ее и обрывался милях в двенадцати ниже по течению. Все пирамиды были очень старыми, такими старыми, что храмы при многих из них уже давно не действовали. Наиболее красивыми оставались три самые большие пирамиды, они охранялись Гор-эм-ахетом*, этим «старым сидящим зверем», чье огромное тело все увязло в песке с тех пор, как дедушка Тутмос* умер и некому было больше заботиться о его защите от наступающих песков.

По выходе из Минфи Нефертити предстояло плыть по местности с низкими берегами, и, поскольку река в этом месте разделялась, как растопыренная пятерня, на рукава, это создавало определенные трудности. Конечно, Май объяснил ей, как найти путь к Танису. Он сказал:

— Проток, что приведет тебя в нужное место, начинает свой поворот ниже Гор-эм-ахета и смотрит на точку восхода... Плыть два дня, и станут видны голубые дымки стойбищ волопасов, дымки, что поднимаются над заросшими берегами, как дым от ладана... Плыть еще один день, и перед вами Танис, прекрасный город над водами, город, раскинувшийся на своих насыпных дамбах, как на жертвеннике Сэту*, небесному воину, победителю Осириса*.

Это объяснение вполне устраивало молодую девушку, поскольку Нил до сих пор не предлагал ей тысячи

рукавов... но здесь, в дельте, было достаточно темной ночи, легкомыслия Мишере или ее собственного, чтобы ошибиться на развилке и не попасть туда, куда надо.

Нефертити почувствовала, как мужество оставляет ее, и все путешествие стало казаться ей смешным, глупым, безумным, совершенно недостойным ее ума. Еще до отъезда ей надо было бы оценить свое положение спокойно, со всей твердостью отказаться от замужества со сводным братом и, главное, объявить, что она отказывается от трона и от славы. Знать, для которой богатство и почет являются самыми важными вещами в мире, высказала бы свое осуждение; женщины из гарема обозвали бы ее дурой; фараон был бы крайне раздосадован, а Тэя гневно побледнела бы от оскорбления, нанесенного ее любимому сыну... Возможно, бешенство и досада вскипели бы в крови служанки Ти, и пусть она упала бы замертво и высохла, как земля без орошения... но в любом случае ничто и никто не смог бы обязать Нефертити выйти замуж за Аменхотепа. Нет никакого закона на этот счет!.. Никакого! Какой демон затуманил ее разум и помешал высказать все это прежде, чем она пустилась в это бессмысленное путешествие! Но слишком поздно поворачивать назад — река готовилась к поре разлива... Девушка была готова разреветься от безнадежности. Как далек был восторг ее первого рассвета!

Она сурово посмотрела на рабыню, которая отдыхала, пока госпожа бодрствовала, и грубо позвала Мишере:

— Вставай! Ленивица! Уже больше шести часов я правлю лодкой! Ты думаешь, что сможешь увилить от работы? Достань еду, я очень проголодалась! Мне

кажется, я слишком потакала твоим дурным привычкам, моя девочка!

Мишере испуганно открыла свои большие глаза. В мгновение ока она потеряла былую уверенность и вновь превратилась в боязливое, несчастное существо. Лихорадочно она начала шарить в большой корзине с провизией, вытащила оттуда маленькую сухую рыбку и протянула ее царевне.

— Эта — последняя, что была в связке, — сказала она голосом, сдавленным от страха объявить хозяйке столь плохую новость.

Нефертити с раздражением сдвинула брови.

— Хорошо, раздели ее пополам, — проговорила она сухо, — ты видишь, я занята!

Мишере напомнила ей о новой заботе, о необходимости раздобыть провизию для себя и для своей рабыни. Она пожалела, что не украла побольше перепелов и гусей, засоленных в глиняных кувшинах, и у нее появилось желание разгневаться на Мишере за то, что та не смогла найти выход из трудного положения и принести с кухни фруктов и птицы в достаточном количестве. Теперь из-за своей глупости Нефертити придется охотиться с дротиком и ловить рыбу остройгой... Опьяненная радостью отъезда, она не представляла себе всех трудностей путешествия. Она видела, как охотится на утку и поражает ее в голову, когда та внезапно появляется из зарослей тростника... Она представляла, как точным ударом вонзает острогу в косяк рыбы и вытаскивает больших сверкающих карпов. Она умела точно прицелиться и, когда надо, быстро расслабить руку. Вместе с Май она много упражнялась в метании разного оружия, но забыла про скорость течения, которое

заставляло смещаться любую цель; она не думала, что болото, на которое она вступит, будет кишеть опасными животными. Она должна была позаботиться и взять с собой одного из тех, специально обученных для охоты в зарослях папируса, котов. У ее отца были такие, и он ими очень дорожил. Такой кот был способен проскользнуть в самую гущу зарослей, чтобы принести сраженную или раненую добычу, и ни разу ни один из них не позволил крокодилу сцапать себя. Они были ловкими, легкими, изворотливыми и могли проворно карабкаться по длинным стеблям папируса, чтобы схватить раненую птицу, не желающую умирать в тине и цепляющуюся за верхушку растения.

«Тем хуже, — подумала она, — я подожду, пока мы выйдем из Минфи... в дельте есть болота, а там посмотрим, что делать! Я использую багор, чтобы достать упавшую в тростник птицу! В конце концов, я всего лишь в трех днях пути от Таниса... если только я не в протоке, ведущем к берегу моря!»

Она мрачно посмотрела на окружающий ландшафт, красоту которого так страстно полюбила с самого первого рассвета. Она завидовала и стаям ибисов, летевшим над малахитовым пространством дельты, и воде, которая наверняка знает, где тот проток, что указывает на восходящее солнце и омывает дамбы Таниса.

Нефертити не была особенно набожной, но, миновав Минфи, она нашла слова, чтобы попросить Исиду поддержать ее в трудную минуту.

— Я проплыву мимо этого «старого сидящего зверя» среди ночи, и, если ты не посмотришь на меня с

благосклонностью, как не ошибиться мне в выборе протока на восток? Как ты любишь Осириса, я люблю Май, и в болотах, где ты родила Гора, я плыву, чтобы ребенок зародился во мне! Разве я не такая, как ты? И поэтому не могла бы ты привести мою лодку к порогу дворца моего возлюбленного?

Юная девушка решила скорее бодрствовать до рассвета, но не доверять рулевое весло этой глупой Мишере, которой так не хватало сообразительности и выдержки. Она правила близко от восточного берега, готовая тут же нырнуть в заросли тростника, если луна внезапно высветит несколько рукавов и понадобится время, чтобы решить, по какому плыть дальше.

Нос лодки долгое время был направлен к северу. К шестому часу, когда звезда Арж достигла середины пути, лодка скользила мимо трех огромных пирамид, мягко светившихся в лунном свете на фоне пропадающих вдали песчаных дюн... в то время как у их подножий зарывшийся по грудь в песок чудовищный Горэм-ахет продолжал с открытыми глазами смотреть свой сон, начавшийся более тысячи лет тому назад.

Затем, чуть дальше, не более трех миль ниже по течению, река разделилась, как будто разошлись два друга. Нефертити утешила себя: Май не ошибся, ей надо выбирать не из десяти рукавов, а только из двух. Проскочив без труда заросли тростника, она продолжала следовать вдоль восточного берега с уверенностью, что теперь осталось увидеть восход солнца, которое укажет новое направление по Нилу.

Она засмеялась. Как было глупо беспокоиться понапрасну, как глупо было жалеть о своей затее! В конечном счете за эти девять дней она хорошо развле-

клась! А идея родить ребенка не так уж и плоха! Это, конечно, многое упростит, избавит ее от многих бесполезных слов. Завтра она отправится на болото... силы многих демонов нужны, чтобы помешать ей набить дичи, достаточной для трех дней пути, что отделяют ее от Таниса!

— Ты добрая, Исида, — прошептала она, — ты позаботишься обо мне! Когда утром нового года твоя душа, что находится в сердце Сопдет*, поднимется, голубя в первых лучах рассвета... тогда я вспомню твою благосклонность! Я принесу тебе в дар благовония и пищу!

Она решила, что достаточно пообещала богине для того, чтобы та осталась довольной, и позвала Мишере сменить ее у руля.

Солнце стояло высоко в небе, когда она проснулась. Улыбнувшись Мишере, она весело спросила:

— Мишере, ты, которая видела появление Ра, скажи мне, бог поднимался из Нила?

Мишере, которой передалось хорошее настроение хозяйки, подумала, что госпожа шутит, что она использует еще одно выражение, подобное словам: «Пошла ты в болота Севера пасти крокодилов», то есть выражение, не имеющее прямого смысла. Не желая сойти за глупую, она ответила, заранее покраснев от удовольствия, что дает такой тонкий ответ:

— Он вышел из Нила, и его золотые лучи были влажными, как стебли лотоса, когда их вынимают из воды!

Довольная ответом, Нефертити засмеялась, и ма-

ленькая рабыня почувствовала прилив гордости от мысли, что ее умные слова хорошо приняты.

Принцесса обняла свои колени руками и уперлась в них подбородком. Настало время рассказать маленькой девочке о цели их путешествия. Та никогда не задавала вопросов и имела право знать... впрочем, Нефертити была слишком счастлива, чтобы молчать.

— Знаешь ли ты, куда мы направляемся? Ты думаешь, что на болота, где пасутся крокодилы? Или, быть может, мы плывем во дворец Ра? — спросила она весело.

Мишере покачала головой. Она была нелюбопытна и простодушна. Она следовала за своей хозяйкой, чтобы быть при ней, и ничто из того, что делала ее госпожа, не казалось ей странным.

— Мы направляемся во дворец Таниса, — продолжала Нефертити, — там мы встретимся с моим будущим мужем.

Девушка широко открыла глаза. Тень страха легла на ее лицо и омрачила то счастливое настроение, в котором она пребывала, радуясь, что может показать госпоже свой ум.

— Я, может быть, не понравлюсь твоему мужу, — сказала она изменившимся голосом. — Он, может быть, скажет тебе поменять служанку и предложит их великое множество!

Нефертити засмеялась.

— Не будь глупой, Мишере! Мой муж будет тебе благодарен за то, что ты не покинула меня в трудную минуту. Возможно, ты даже станешь кормилицей моих детей. И, конечно, тебе дадут «награду золотом»! А теперь, пока ты не улеглась спать, мы отправимся охо-

титься на болото, ибо я не могу довольствоваться одним оставшимся луком.

Спустя некоторое время они направили свой челн сквозь заросли лотоса, что загромаждали одну из стариц Нила. По мере того как они продвигались по этой старице, их все больше и больше охватывал страх. Мутно-зеленая стоячая вода, казалось, скрывает какую-то опасность. Молчаливые и настороженные, они внимательно вглядывались в заросли на берегу. Нефертити держала в одной руке глиняное яйцо, а другой сжимала багор, готовая размахнуться ими в случае необходимости, и повторяла без конца слова заклинания против крокодилов:

Я один из миллионов, что восстают из адской бездны, и имя мое никому не известно*.

Но если позовешь меня ты у реки — река иссохнет,
А если имя ты мое произнесешь над полем — земля сгорит.

Я Шу, сидящий в зраке Ра*, отца и бога моего,
И если тот, кто прячется в воде, посмеет лапами ударить,

Посмеет пасть открыть,

Низвергну я земную твердь на воды так, что Юг и Север, Небо и Земля перевернутся враз!

Болото наполнилось таинственной жизнью. Большие папирусы странно подрагивали, и если напрячь слух, то можно было услышать скрипы, хруст, скрежетания, издаваемые тысячами живых существ, которые, почув-

ствовав приближение человека, пытаются забиться как можно глубже в чашу. Лягушки прыгали в воду рядом с бортами лодки, огромный сом хлестнул по поверхности воды хвостом, тучи мошкары непрерывно гудели в воздухе... Тут Нефертити заметила крокодила. Он спал на узкой песчаной отмели, зеленоватая спина поблескивала на солнце, голова направлена к воде — неподвижен, как упавшее дерево. Инстинктивно молодая девушка подняла обе руки, в которых было все ее оружие, но не решалась произнести магическую формулу в полный голос из страха разбудить рептилию и напомнить ей, что пришло время охоты. Царевна довольствовалась тем, что прошептала необходимые слова в надежде на их магическую силу. Сидевшая на корме Мишере дрожала, как верхушка папируса, по стеблю которого взбирается фараонова мышь. Служанка Нубхас, ошпыливавшая при кухне гусей, научила ее одному заклинанию богу Хнуму, богу с семьюдесятью семью глазами и семьюдесятью семью ушами*, но слова перепутались в голове и ничего путного не выходило.

Однако Хнум имел столь тонкий слух, что услышал бормотание служанки, а его душа была столь широка, что он посчитал необыкновенные заклинания Мишере за вполне сносные. Он проникся жалостью к этим несчастным «детям женщины» и послал им свою помощь, которая появилась в виде совершенно голого мужчины, высокого, мускулистого и черного от загара. Мужчина появился из зарослей, молчаливый, как дикий зверь. В руке он сжимал веревку с петлей и был готов ею немедленно воспользоваться. Он взглянул на остолбеневших от ужаса девушек и направился к погруженному в свои сновидения крокодилу. Большими спо-

койными шагами он подошел к животному и приблизил петлю к его морде.

То, что случилось затем, произошло молниеносно. Внезапно мужчина закричал и быстро надел петлю на пасть крокодила, воспользовавшись тем, что тот поднял голову. Потом он, живо протянув петлю вокруг головы животного, уселся верхом на его бугорчатую спину и стал натягивать веревку изо всех сил, крепко упираясь при этом ногами в песок. Крокодил яростно бил хвостом, царапал мощными лапами землю... затем раздался сухой треск, и крокодил замер, испустив дух.

Мужчина поднялся, и юные девушки, парализованные страхом, смогли наконец вскрикнуть.

Мужчина обернулся и принялся хохотать.

— Это же маленький крокодил, — бросил он. — Я убивал куда крупнее. Локтей в восемь или десять!

У него была явная потребность преувеличить свои подвиги, чтобы произвести на путешественниц, из которых одна была в его вкусе, как можно лучшее впечатление.

— Как зовут тебя? — спросил он понравившуюся ему девушку. — И из какой деревни ты явилась? Я не встречал тебя ни в землях моего хозяина, ни среди домашних рабов моего господина Пезе, когда мы ходили разыскивать его волов. Быть может, ты пряталась у своей матери в страхе, что мужчина украдет твою красоту? А может быть, ты новенькая и тебя только что купили?

Он посмеивался, говоря это, и его белые зубы сверкали на бронзовом, как у нубийца, лице.

Дерзкие слова незнакомца ужаснули Мишере. Как может этот раб не отдавать себе отчета в божественном

происхождении той, к кому обращается? Очевидно, потому, что ее хозяйка так просто одета и ее одежда запачкалась... На ней нет украшений, и ее кожа под солнцем стала подобна красной меди. Но первый дурак, первый объявившийся грубиян мог бы заметить ее знатность, ее величие! Конечно, этот наглец получит заслуженную награду за свою дерзость... Нефертити, старшая дочь фараона, пронзит его своим копьем, как обыкновенного сома, и грешная душа этого ненормального доставит радость Джебге!

Тем временем царевна вновь обрела бесстрастный вид. Сохранить свою тайну было для нее важнее, чем заслужить уважение волопаса, и, с другой стороны, она чувствовала себя в большей безопасности с тех пор, как крокодил лег замертво на песок. Она подняла багор и воткнула его в илистое дно, чтобы лучше застопорить лодку, которая, запутавшись в лотосах, находилась в пяти шагах от берега. Затем она спокойно сказала:

— Погонщик, я не рабыня ни твоего хозяина, ни господина Пезе, и эта девушка — моя служанка. Я направляюсь в Танис, что в трех днях пути отсюда, где находится мой муж, любимый писец номарха*. Я прошу тебя принять во внимание мое положение, чтобы избежать палочных ударов, а будучи полезным — получить награду за свое усердие! Из Таниса я прикажу послать тебе душистого масла, и номарх узнает, что ты спас нас от опасного животного. Теперь раздобудь мне несколько рыб и птиц, ибо у меня только один дротик и я не решаюсь воспользоваться им без дрессированного кота, который приносит добычу; у меня есть острога, но я не привыкла ею пользоваться.

Мужчина был озадачен. Конечно, молодая девушка

обладала тем высокомерием, которое свидетельствовало о ее образовании и положении в обществе. Она говорила изысканным языком, а ее спутница походила на рабыню.

— Танис не в трех днях пути отсюда, — сказал он сдержанно. — Танис на Востоке, а если ты спустишься по этому протоку, то попадешь в Сайю, что на Севере. Разве твой муж служит писцом в Сайе?

Нефертити была неприятно удивлена. Вначале она даже отказалась понимать услышанное.

— Разве ты глух? Я же сказала тебе, что мой муж ждет меня в Танисе! — бросила она раздраженно.

Мужчина покачал головой.

— В этом случае ты прибудешь туда не через три дня, ибо вода на Ниле начинает прибывать и, чтобы подняться до того места, где тебе надо было начать спуск по течению, необходимо больше времени.

Нефертити побледнела. Она посмотрела на несчастную Мишере, которая съжилась в своем углу, словно пытаясь исчезнуть, и резко бросила:

— Разве ты не говорила мне сегодня утром, что солнце поднялось из потока?

— Это ты сказала, моя госпожа! Я сказала тебе, что оно было влажным... — бормотала Мишере охрипшим от волнения голосом.

— Но оно появилось не в конце потока? — вскричала Нефертити таким тоном, что мужчина больше не сомневался в ее знатном происхождении.

— Оно появилось, как обычно, по правую руку! — ответила Мишере и почувствовала, что сейчас заплачет.

— Слабоумная! Тупая дура! Ослица! Я прикажу бросить тебя крокодилам в озеро Моер! Когда я разбудила

тебя этой ночью, я прошла развилку реки и была уверена, что мы плывем по рукаву, ведущему в Танис... Что ты наделала? Какой ты выбрала путь? Не говорила разве я тебе: «Держись восточного берега»?

Нефертити была готова сорваться. Если она не сдержится, то избьет Мишере. Внезапно ее гнев сменился безграничным отчаянием. Она попала к волопасам Севера. Эти дикие мужчины, живущие, как животные, на болотах, голые, грязные, вонючие, громадные... у нее никогда не найдется сил подняться к развилке, и она должна будет остановиться в Сайе, где ее узнает правитель города. Все кончено... кончено...

И она опустилась на палубу из стеблей папируса, где и осталась сидеть, горько оплакивая свою несчастную долю.

ГЛАВА 7

Сидя на песке подле мертвого крокодила, мужчина терпеливо ждал, пока девушки не кончат плакать. У него самого была в деревне жена, и он по опыту знал, что женские слезы подобны разливу Нила: никто не в силах его остановить и нужно просто смотреть и ждать, пока время разлива закончится. Когда в изнеможении они прекратили рыдать, он сказал:

— Госпожа, что направляется в Танис, не сможет бороться с течением в этом месте. Ей надо подкрепить свои силы на стойбище волов моего хозяина, господина Хена, и господина Пезе. Там мы сделаем шалаш из папируса, в котором, если старший волопас позволит, а я думаю, он не сможет отказать жене любимого пис-

ца своего номарха, ты сможешь отдохнуть со служанкой... Я доставлю твою лодку, по крайней мере, в деревню. Там я, возможно, найду тебе проводника и осла, которые перевезут тебя до рукава, ведущего к Танису.

Нефертити слушала его, не очень вникая в сказанные слова, однако она не остановила мужчину, когда тот набросил петлю на корму их лодки. Убеденный, что жена писца приняла его предложение, поскольку не отвечала, он оттащил лодку от берега, на котором молчаливо возвышался крокодил, взял весло из ослабевших рук Мишере и направил суденышко прямо к багру, по-прежнему торчавшему среди листьев лотоса. Затем, встав во весь рост на носу лодки и помогая себе багром, он пустил суденышко сквозь заросли тростника.

Старший волопас оказался человеком, преисполненным долга. Из слов пастуха он узнал о том, что произошло, и сразу решил помочь молодой особе, без сомнения, из знатной семьи, грязная одежда которой указывала, что она, должно быть, немало путешествовала до того, как достичь этих болот. Он представил себе ее страдания, ее огорчения, ее законное нетерпение воссоединиться со своим мужем, и в нем пробудилось глубокое сочувствие, возросшее, когда он увидел ее красивое и взволнованное лицо. Пибес, как звали старшего волопаса из дома господина Хена, был очень хорошим человеком. Он был замечен своим хозяином, и его отличное знание болот и бродов позволяло последнему увеличивать свое стадо на пять быков и десять коров за сезон, ибо он отдавал его в наем своему соседу, господину Пезе, у которого не было человека, способного повелевать его собственными пастухами. Гордость быть нанятым за достаточно высокую цену

заставляла Пибеса заботиться о том, чтобы не впасть в немилость у своих хозяев. Он думал — впрочем, вполне простодушно, — что молодая жена «писца, любимого его властителем», будет ему признательна за то, что он для нее сделает, и это дойдет до ушей его хозяина. Она, без сомнения, одарит его чем-нибудь, но он заботился не об этом. Только бы господин Хен был доволен им как слугой, и он не желал ничего другого.

Обученный хорошим манерам, он потребовал, чтобы его люди надели свои набедренные повязки, сплетенные из тростника, для того чтобы их нагота не оскорбляла взгляда их гости. Затем поднял нескольких людей, чтобы строить шалаш из папируса, приказал ощипать жирных птиц и не забыл нацарапать на глиняной табличке, где он отмечал поведение волопасов, запись:

«Пикамен привел путешественницу высокого ранга, заблудившуюся в болотах».

Сидя вместе с Мишере, бросавшей на нее отчаянные взгляды, Нефертити ждала, не говоря ни слова, когда шалаш будет наконец закончен. С момента прибытия она сидела в молчании, обняв руками колени, как статуя Исиды. Она едва отвечала на низкие поклоны Пибеса легким кивком головы.

Царевна проголодалась и чувствовала себя уставшей и обескураженной. Необходимость еще одного путешествия, наполненного тысячами трудностей, в то время как она считала себя уже у цели, вызывала желание заплакать горючими слезами, и только самолюбие заставляло ее сдержаться. Она хотела бы оказаться во

дворце отца, к роскоши и удобствам которого так привыкла... С нее достаточно было ходить неумытой, быть принимаемой за жену писца, ее утомило солнце, которое обжигает, и комары, которые кусают; грубая пища, циновка вместо мягкой кровати... Она была побеждена.

Мишере прислуживала ей во время еды, и Нефертити не приглашала служанку опустить руку в блюдо с едой вместе с ней. Потом, перед тем как уйти в шалаш, где она собиралась лечь спать... спать без конца, она сказала таким сиплым, таким охрипшим голосом, что не узнала его сама:

— Скажи старшему волопасу, что я отправляюсь на рассвете.

Когда на следующий день Мишере пришла ее будить, она не сказала ей ни слова, не справилась ни о месте, где та спала, ни о том, что делала перед сном. Она поднялась и вышла, следуя за своей рабыней, чья душа была полна грусти и отчаяния. На горизонте занимался рассвет. Густая дымка, едва разрываемая верхушками высоких папирусов, сплошь покрывала луга и болота.

На травянистых лугах быки с рогами в форме лиры, казалось, щипали туман. Вокруг костра сидели, завернувшись в циновки, пастухи и ждали, когда один из них закончит жарить гуся, которого тот поддерживал над огнем с помощью палки, вставленной в горло птице.

Когда они увидели гостью, Пибес встал, чтобы поприветствовать ее. Он низко поклонился и сказал:

— Костер разожжен для тебя и твоей служанки, и жареные голуби ждут, чтобы ты ими воспользовалась. Я приказал наполнить корзину провизией, которой тебе хватит до самой деревни. Пастух Пикамен, которого

ты знаешь, будет тебя сопровождать и сделает так, что ты не устанешь на веслах, и он будет одетым. Я сам лично хотел бы позаботиться о том, чтобы ты благополучно прибыла на место, но я доверенное лицо моего хозяина и должен заботиться о его интересах так же, как и об интересах господина Пезе, ибо господин Пезе платит моему хозяину высокую цену за мою службу. Однако не бойся, Пикамен — знающий человек. Не отзывайся обо мне плохо, ибо все, что у меня есть, я предоставил тебе.

— Ты тем более не бойся, — сказала Нефертити с горечью, — я пришлю тебе вознаграждение.

Под небесами все люди похожи, от самого высокого звания до самого низкого... Они никогда ничего не делают безвозмездно, и рука, которую они протягивают, чтобы дать, остается открытой, чтобы получить сполна.

Пикамен ждал их, стоя в лодке и небрежно опираясь на длинный багор. Он задумчиво смотрел на запад, где за лугами, болотами и бесчисленными рукавами реки находился Танис. Ему был знаком этот город, он бывал там в детстве, когда, на взгляд хозяина, был еще слишком мал, чтобы служить волопасом, но достаточно взрослым, чтобы грести на грузовых судах. Он припоминал пышное великолепие этого города и говорил себе, что если бы он более удачно родился, то предпочел бы стать писцом в одном из его дворцов. Увы! Его жребий — всегда оставаться нагим среди болот, погонять быков по бродам и охотиться на крокодилов; в этом искусстве он превзошел своего учителя. Он не стал возвращаться в поисках убитой рептилии, не со-

мневаясь в том, что к настоящему времени от нее не осталось ничего: ее братья с мощными челюстями уже разорвали труп, радуясь бесплатному пиршеству.

Когда он заметил девушек, то низко поклонился им. Пибес раз десять наказывал ему проявлять уважение к жене писца, которая, если властна над сердцем мужа, может добиться для него в награду благовонных масел. Именно это Пикамен ценил сейчас больше, чем драгоценности или кувшины с пивом, ибо в гнилых болотах дельты ничего так не помогало против яростных укусов мошкары, как пахучие мази, которые были одновременно и приятны, и действенны.

Нефертити устроилась в лодке, прислонившись спиной к корме, Мишере — на дне, свернувшись клубочком около корзины. Путешествие началось в полном молчании, прерываемое только тихими всплесками воды, — это на ее поверхности между широкими листьями лотоса лопались поднимающиеся со дна пузырьки воздуха.

Нефертити не справилась о месте, куда их направил Пибес, ей не было даже любопытно узнать у Мишере, о чем говорили волопасы, пока она спала. Сердитая и скучающая, она будто насильно согласилась отправиться в путь, и ее безразличие было столь велико, что ее не беспокоили даже большие ящерицы, выползшие на илестые отмели или скользящие по зеленой воде, как сгнившие обломки деревьев.

В час, когда солнце было на полпути к зениту, лодка достигла края болота, и Пикамен сказал:

— Ты сейчас со своей служанкой сойдешь на берег, а я взвалю лодку на спину, как охапку папируса, и мы пойдем пешком по лугу до следующего болота, которое

находится во владениях господина Заруая: сегодня вечером ты попадешь в его дом, который стоит на западном берегу одного из рукавов Нила.

Нефертити ничего не ответила.

Они долго топтали зеленую траву полей, уже впитавшую воду. Мужчина шел впереди, шел быстро. Казалось, его не стеснял вес лодки. Он нес ее на спине, придерживая простой веревкой, сплетенной из тростника, которая была завязана на его лбу. Корма торчала над ним по меньшей мере на шесть локтей вверх, а нос едва достигал ляжек и не мешал при ходьбе...

Нефертити шла следом, за ней тащилась Мишере, напрягаясь под тяжестью корзины с провизией и бурдюка из шкуры козы, наполненного питьевой водой.

Когда солнце достигло зенита, Пикамен опустил свой груз на лужайку и пригласил девушек позавтракать. Что касается его, он предпочел усесться на корточки в отдалении, чтобы жена писца не упрекнула его за зловоние, которое исходило от сушеной рыбы, взятой им для себя. Он подождал немного, пока они отдохнут, и путешествие под палящими лучами Ра продолжилось вновь в полном молчании.

Они пересекли еще одно болото, затем луг, на котором паслись бараны с тяжеловесными хвостами, большие быки с короткими рогами и ориксы* с рогами в форме кривого меча. Их дикий нрав заставлял всегда держать рога в боевом положении... Собаки, лая на них, пытались укусить за икры, а огромные обнаженные волопасы окликали Пикомена на местном наречии, которое девушки не понимали. Он отвечал им, не прерывая шага, и, поскольку пастухи начинали смеяться, Нефертити заключила, что он грубо шутил. Она

приняла гордый вид и поклялась, что прикажет избить его палками за нанесенные оскорбления.

Наконец появились зеленые поля, на которых уже начинали собирать урожай обнаженные до пояса женщины. При приближении путешественников они прерывали работу и, несмотря на близость надсмотрщика, усаживались на корточки под худосочными фиговыми деревьями. Надсмотрщик принимал угрожающий вид и кричал, что ослы ждут на солнце, чтобы отделить зерно от соломы, и что спины созданы для палочных ударов, и что палка не соскучится по работе. Затем, заметив самого Пикамена и следовавших за ним девушек, он переставал кричать и с любопытством принимался их разглядывать. Спустя какое-то время он заключал, что не будет страшно, если он сделает усилие и поднимется, чтобы поприветствовать людей столь малой важности, что путешествуют пешком, как обычные рабы, и затем снова принимался за полусонное наблюдение за своими подопечными.

Дом господина Заруая высился над дамбой ила посреди сада акаций и сикомор, тень от которых в этот вечерний час, когда солнце собиралось заходить, протянулась далеко к востоку.

Господин Заруай, казалось, владел большими богатствами. Строения были многочисленны, и большие хранилища для зерна в форме «белой митры Юга»* занимали огромное пространство... Их было двенадцать, возвышающихся над западной стеной.

Нефертити внезапно опомнилась. Она подумала: господин Заруай достаточно богат и, следовательно, занимает важное место в управлении Нижних Земель,

а поэтому он должен был быть предупрежден о бегстве старшей дочери фараона. Догнав Пикамена, она сказала ему:

— Послушай, я присяду здесь вместе со служанкой. Ты оставь лодку и иди к хозяину дома. Скажи ему, что ты слуга жены писца, которая направляется в Танис, и что ты просишь у него пристанища на ночь. И подчеркни, что госпожа очень устала и хочет спать. Что она сама не решается беспокоить его потому, что скромное положение ее мужа не позволяет ей докучать такому важному человеку, как он. Завтра на рассвете мы продолжим наш путь к Танису, срезая его по лугам и болотам, как мы делали это сегодня, и я тебе обещаю, я клянусь честью, что ты получишь вознаграждение сверх ожидаемого. Кроме этого, я дам крупную сумму твоему хозяину за те дни, что ты провел у меня на службе.

Пикамен колебался. Он не очень верил в состоятельность писцов, даже любимых писцов номарха... Возможно, молодая женщина бросает обещания на ветер, и, может быть, добравшись до места назначения, она забудет послать его хозяину, Хену, плату за наем волопаса... Тогда Пикамен будет бит за то, что понапрасну потратил время.

Покачивая головой, он освободился от ноши и удалился в сторону дома господина Заруая. Он собирался хорошенько обдумать, как лучше обернуть это дело... Кто знает, не готов ли какой-нибудь торговый корабль хозяина подняться вверх по течению до развилки реки, чтобы затем спуститься вниз к Танису! Это избавило бы его от многих хлопот.

Нефертити сидела на лодке и следила взглядом за

мужчиной, пока он не вошел за ворота ограды. Она спрашивала себя, не представился ли ей случай вновь попытать счастья, хотя еще утром она чувствовала себя побежденной и уже хотела вернуться к отцу. Возможно, это было простым упрямством маленькой девочки... Возможно, это было потому, что она испытывала доверие к этому волопасу, который, казалось, так хорошо знает дорогу... Возможно также, что она отказывалась признаться себе в провале своего столь затянувшегося предприятия... Во всяком случае, Танис не казался ей больше таким далеким, как накануне вечером.

Она украдкой взглянула на Мишере и с раздражением пожала плечами при виде ее несчастного личика, вытянувшегося от усталости, и ее глаз, полных мрачной тоски.

— Не вешай носа, Мишере, — прошептала она голосом менее уверенным, чем хотела. — Кто знает! Быть может, твоя глупость кончится вместе со старым годом... и ты поумнеешь в новом году!

Боясь зарыдать, Мишере ничего не ответила. Она была убеждена, что на всей земле с севера на юг и с запада на восток не найдется рабыни более печальной и более несчастной, чем она...

Стая журавлей пролетела по небу. Вдоль полей сехета крестьяне гуськом переносили свой урожай, увязанный в снопы, на ток, где три осла, без конца подгоняемые криками охрипшего мальчишки, топтали сехет копытами... Настал самый безмятежный час, время, «когда солнце думает заходить»...

Пикамен вышел из ворот.

У господина Заруая было много слуг, заботящихся о благосостоянии своего хозяина. Его первый писец подсчитывал урожай и умел заставить крестьян вернуть утаенное, не считая себя обязанным идти и объяснять хозяину способ, который он применял в борьбе с этими нечестными людьми. Его управляющий выслушивал жалобы и не позволял надоедливым людям и попрошайкам нарушать отдых своего хозяина... У Заруая был небольшой, хорошо вооруженный отряд охраны и многочисленные женщины, дополнявшие супругу, прекрасные дети и мир в душе. Он чувствовал себя настоящим царьком и подчинялся номарху, только когда его к этому обязывали. Ибо почести, заключающиеся в целовании ног более знатного, чем он, господина, скорее вызывали у него одышку, чем радовали сердце. Это был маленький полный мужчина, который ничто так не любил, как нежное мясо птиц из страны Пунт, сопровождаемое добрыми старыми винами и поданное на блюдах из алебастра, каждое из которых он выбирал сам и с большой любовью. Другим приятным времяпрепровождением была прогулка по своим владениям среди согнутых спин своих подданных или сидение под большим тамариском, где он развлекался игрой в змей со своей фавориткой. Он любил щедро наградить хорошего слугу, чтобы потом долгое время слышать, как бродит по комнатам дома восторженный шепот, или лишить милости другого слугу, который чем-то ему не понравился. Короче, он любил изображать в своей вотчине фараона.

Управляющий подождал, пока хозяин закончит принимать свою вечернюю ванну, чтобы доложить, что жена простого писца настойчиво просит его милость

предоставить ей и двум ее слугам кров на ночь... Он ей ответил, что судно, стоящее на причале, приготовлено для знатных путешественников, но что в глазах его могущественного хозяина посетитель является «знатным» только начиная с советника номарха. Что поскольку дела обстоят так, то она должна надеяться быть принятой только писцом хозяина, и добавил, что на земле есть маленькие люди, раздувшиеся от непомерной спеси, и что они недостаточно наказаны за свою наглость.

Заруай улыбнулся своему верному слуге и одобрительно кивнул. В новом году он даст ему ожерелье из металла, покрытого глазурью, в награду за его усердие. И управляющий вышел, пятясь, низко сгибаясь и вытягивая вперед руки. Он ликовал, ибо ему удалось расстрогать сердце хозяина и щедрость последнего не замедлит излиться на его верного слугу!

Когда господин Заруай уже заканчивал наряжаться, чтобы идти в комнаты своих наложниц и поужинать там под звуки песен и танцев, которыми он удовлетворял свою любовь к искусству, в комнату стремительно вошел его первый писец.

— Сожалею, что побеспокоил тебя, — сказал он, заметив, что брови его господина насупились. — Скорее мне стать скопцом, чем помешать тебе направиться к твоим удовольствиям, если бы забота, занимающая меня, была бы вызвана ущербом, который собираются нанести черви, грызущие зерно в хранилище... Но я пришел к тебе по более важному делу. Оно касается твоей репутации как друга фараона. Вернувшись к себе, я увидел мою жену, и моя жена, если и имеет неприятный голос, то не менее от этого сообразительна.

Она мне говорит на ухо: «Нежданно-негаданно по распоряжению господина Заруая две молодые девушки и волопас пришли, чтобы провести у нас ночь, ибо мнимый слуга на самом деле не кто иной, как волопас по имени Пикамен. Он меня не узнал, ибо я была ребенком в его деревне, во владениях господина Хена, но я уверена, что это он. У него была репутация известного охотника на крокодилов, и, если ты хочешь быть совершенно уверен, что это он, попроси Хори, старого волопаса, прийти и засвидетельствовать это. Что делает он в качестве слуги жены писца? Что же касается ее, то у нее грязная одежда и загар, как если бы она проделала долгий путь под солнцем... у ее служанки кожа от рождения желтая и грубая... это действительно девушка низкого происхождения. Странно, что жена писца путешествует пешком и в лодочке пересекает болота, когда ее состояние должно быть достаточным, чтобы позволить нанять торговое судно, идущее в Танис. Странно также, что она рискнула идти одна, ибо она очень молода... ей, кажется, столько же лет, сколько старшей дочери фараона... и в своих грязных одеждах она сохраняет благородство... Не ты ли мне говорил, что к хозяину приходил гонец от царя? (Да здравствует, живет и процветает он вечно!) И что хозяин советовал нам держать глаза открытыми на случай, если царевна Нефертити вдруг окажется в прибрежных областях?»

Заруай слушал начало речи, досадуя, что застанет мясо птиц из страны Пунт остывшим и невкусным. Но мало-помалу его интерес оживал, и, когда первый писец наконец замолчал, он заметил, что аппетит у него пропал полностью.

Два дня тому назад он получил от номарха послание, в котором говорилось:

«Возлюбленная дочь фараона, божественная царица Нефертити, вошла на лодку из папируса вместе со своей служанкой Мишере, и поток унес ее далеко от его глаз, которые ее оплакивают. Если ты ее увидишь, окажи ей честь, как будущей царице страны Египет, ибо она вскоре взойдет на трон соправительницей рядом со своим возлюбленным братом Аменхотепом. Между тем солнце, возможно, внесет беспорядок в ее голову, и страх расстроит ее мысли... Она откажется подняться на одно из твоих судов. Почтительно заставь ее это сделать, прикажи отплывать без промедления и привези ее в Уису, где царская семья тревожится о ее судьбе. Не мешкай!.. Твоя преданность откроет тебе казну, и ты приобретешь могущественного друга».

Если жена писца говорила правду, тогда его управляющий будет немедленно наказан за свою дерзость! Не смотрел ли он на божественную царевну свысока? Не он ли, ничтожное насекомое, не разрешил ей взойти на судно, приготовленное для знатных гостей? К Новому году он получит такую награду, что окажется в опале...

— Как зовут служанку? — спросил внезапно Заурай, пораженный важностью этой детали.

Первый писец широко улыбнулся.

— Если у моей жены и неприятный голос, то достаточно тонкий слух... Она мне сообщила, что, слушая под дверью комнаты, куда она препроводила путешественниц, она услышала, как кого-то позвали: «Мишере!» — и говорили это таким властным тоном, что ошибиться было невозможно.

Господину Заруаю было достаточно. Подталкиваемый радостной мыслью о подарке, которым непременно наградят за его усердие, он бросился в сопровождении писца вон из своей комнаты.

Если бы речь шла о каком-либо другом деле, Заруай оставил бы себе время подумать. Он заботливо собрал бы все сведения, внимательно выслушал бы многочисленных свидетелей, узнал бы мнения здравомыслящих людей, и, таким образом, его окончательное решение подверглось бы меньшему риску стать для него причиной падения, ибо репутация для уважающего себя человека — это то же самое, что невинность для девицы. Должно принять меры предосторожности, если не хочешь, чтобы она была испорчена теми, кто стремится сделать зло.

Однако в этих условиях у Заруая не было времени ни подумать, ни опросить свидетелей. Его подгоняло секретное послание номарха, повелевавшего ему: «Не мешкай!..»

Он был хозяином у себя, если был один... но, когда распоряжения великих мира сего распространялись на его поместье, он тотчас чувствовал себя словно брошенным, словно пригвожденным к земле, спина его становилась согнутой, а душа раболепной, как у самого покорнейшего из его слуг.

Он постучал в дверь комнаты, где отдыхала дочь фараона, и, когда ему приказали войти, двинулся вперед, вытянув обе руки вперед и опустив голову. Все, что попало в поле его зрения, были две пары грязных

ног, из которых он никак не мог определить, какая же принадлежит будущей царице Египта.

Нефертити почувствовала, как сердце у нее уходит в пятки. На человеке, который стоял перед ней в такой почтительной позе, были тонкая льняная одежда и богатые украшения. На шее висела золотая муха — знак отличия, который дается только храбрым военачальникам в отставке, и от него шел запах духов превосходного качества... Этот человек был господином Заруаем. И, однако, он гнул спину перед женой простого писца! Шутки кончены! Фараон связался с номархами, правители номов — со своими сановниками. Она сделала слабую попытку бороться с судьбой.

— Что означает визит столь знатного господина к жене простого писца? — спросила она неуверенным голосом.

Толстенький мужчина вздрогнул, внезапно осознав, что его поведение выглядит глупо, если жена его писца ошиблась. К счастью, в тот момент, когда он начал испытывать муки сомнения, он вспомнил слова номарха, который ему писал: «Солнце, возможно, внесет беспорядок в ее голову, и страх расстроит ее мысли...»

— Я знаю, что ты божественная царевна Нефертити и что течение реки унесло тебя вдаль от любви Его Величества. Фараон беспокоится за тебя, вот почему судно, стоящее у моего причала, ждет тебя.

Нефертити приготовилась ответить с иронией, что она смущена и одновременно восхищена узнать, что ее одежда и ее драгоценности так похожи на те, что носит царевна, что важный господин дал обмануть себя, не распознав запаха простолюдинки. Но времени для этого у нее не оказалось. Бедная Мишере, доведенная до

изнеможения событиями последних дней, ударилась в слезы.

Тогда молодая царевна поняла, что пропала. Она устало пожала плечами и проговорила дрожащим голосом:

— Я Нефертити, старшая дочь фараона. Ты получил приказ препроводить меня в Уису, и я знаю, что ты не собираешься отправлять меня в Танис. Награди как хочешь волопаса Пикамена, который привел меня к тебе... Мой отец вернет тебе это сверх того, что ты получишь в благодарность за меня. А теперь не могла бы я воспользоваться твоим гостеприимством, принять ванну и получить чистую одежду для себя и служанки?

Господин Заруай поздравил себя с умением ловко вести дело. Он радовался тому, что отправится в Уису, где получит должные почести за свою преданность, ибо сердце фараона будет растроганно, а его щедрость не будет знать меры.

ГЛАВА 8

Из-за встречного течения и внезапных перемен ветра, во время которых матросы должны были уныло тащить судно, идя вдоль берега, обратный путь занял двадцать дней. К тому же было решено избегать всякого риска и, хотя уровень воды был достаточно высок, не передвигаться ночью, ибо опасные песчаные отмели еще выступали на поверхности во многих местах.

Таким образом, первый день нового года застал их на судне, но господин Заруай едва ли сожалел об этом, счастливый по поводу доблестно исполненного им дол-

га. Нефертити если не обрела вновь радость жизни, то все же получила некоторое удовлетворение и, главное, удобства, которых ей так не хватало и в чем она не хотела себе признаваться. Ее гостеприимный хозяин проявил всю свою изобретательность, развлекая будущую царицу в долгом плавании. Он раздобыл двух арфисток, двух певиц и одну «придворную даму» в лице своей собственной младшей дочери. Она умела играть в десять различных игр и обладала живым умом. Заруай надеялся, что дружба настолько объединит молодых девушек, что фараон предложит им не разлучаться и далее. Кто знает, не займется ли он позже устройством судьбы этой миловидной дочери своего слуги и не выдаст ли ее замуж за члена царской семьи!

И поскольку Нефертити была еще ребенком, она скоро перестала дуться и начала понемногу радоваться жизни. Она заупрямилась, только когда вдали, в ярком полуденном свете солнца, показались белые отвесные скалы Уисы. Она знала, что во дворце отца ее ожидают неприятные объяснения, шепот недоброжелателей, гнев фараона, холодность Тэйи и, сверх всего, ее будущий муж, Аменхотеп... Аменхотеп, с утра и до вечера, от их завтрака и до кровати... до самой смерти... Ибо Заруай ей сказал:

— Твой божественный брат надел корону Обеих Земель, но запретил празднества до твоего прибытия... Может ли Египет веселиться, когда его царица пребывает в смертельной опасности?!

Едва Нефертити высадилась на набережной напротив Большого дворца, как госпожа Ти с великой помпезностью склонилась перед ней в церемониальном поклоне, что очень стеснило царевну.

— Я вижу то, что ожидала, — прошептала девочка-подросток. — Итак, Ти, это все, на что я могу надеяться? Разве ты не обнимешь меня?

— Ты оказываешь мне высокую честь! — сказала та сокрушенно и прикусила губу, чтобы не заплакать. Сегодня утром она получила указание соблюдать по отношению к царевне церемониально сдержанный тон, но ее сердце готово было разорваться на части во время этого трудного испытания. В течение девятнадцати дней она обливалась кровавыми слезами, она ломала руки, она молилась и обещала бесчисленные дары богам, упрасывая их оказать покровительство и спасти ее питомицу... Затем, когда гонец от господина Заруая прибыл во дворец, она в течение еще двенадцати дней плакала слезами радости, она раскаялась во всех упреках и порицаниях, которыми так щедро осыпала свой «цветочек лотоса». Она молилась и принесла дары богам в знак благодарности за их милосердие... Тогда-то фараон и приказал ей не показывать своих чувств и встретить Нефертити только с уважением, полагающимся будущей царице Египта. Он добавил: «Будет хорошо, если она удивится спокойствию нашего духа».

Нефертити улыбнулась одними глазами. Она сказала:

— Тебе поручено проводить меня к отцу? Тогда пусть это произойдет как можно скорее, ибо не будет другого более подходящего времени для неприятных объяснений.

Ти поспешила воспользоваться случаем и повернулась спиной к своей питомице, ибо не была уверена, что сможет притворяться безразличной и дальше. Молчаливо и торжественно она довела ее до покоев царя и

оставила одну, не открывая рта, который мог издать только рыдания.

Прием, оказанный ей кормилицей, огорчил Нефертити. Она поняла, что слова приказа были таковы: «Проявлять сдержанность», и она знала, что за дверью ее отец и Тэйя, полные высокомерия, ждут ее. Сердце сжалось, но она собрала остатки мужества, чтобы не радовать их своим отчаянием.

Фараон сидел в кресле со спинкой. У него был равнодушный вид сильно скучающего человека... Он время от времени устало отмахивался от мух опахалом, сделанным из четырех шакальих хвостов. Рядом с ним на табурете сидела Тэйя, прямая и непреклонная; ее взгляд сверкал огнем, скрывающим под собой лед. Молча они наблюдали, как с вытянутыми вперед руками и слегка склоненной головой к ним приближается Нефертити. Затем, когда она остановилась и молча застыла в почтительной позе, Тэйя заговорила. Ее голос хлестнул по молодой девушке, как ветер с песком.

— Ты опаздываешь на свадьбу, — сказала она, — и твой муж коронован без тебя. Надеемся, что ребенок, которого ты ему принесешь, не будет побочным! Что его настоящим отцом не будет волопас с болот Севера!

Нефертити побледнела. Она опустила руки, вскинула голову и ответила с ненавистью:

— Когда мой отец женился на тебе, ты жила среди слуг его родителей. Нужно ли предположить из этого, что твой старший сын внебрачный ребенок?

Фараон притворно прикрыл рот ладонью. Он хотел скрыть улыбку, которую не мог сдерживать. У его дочери был такой же злой язык, как и у ее матери, но она была умней, и ее дерзость свидетельствовала о хорошей крови.

— Ты осмелилась оскорбить меня перед моим супругом! Ты не боишься, что он поразит тебя молнией? — бросила Тэйя сухо, не повышая голоса.

— Ты осмелилась оскорбить меня перед моим отцом! Ты не боишься, что он с тобой разведется? — парировала Нефертити тем же тоном.

— Ты не ровня дерзить нам и ты виновата перед нами, однако, кажется, ты не испытываешь сожаления в том, что вела себя глупо в глазах всего Египта. В это самое время в каждом номе рассказывают о твоём безумном приключении, потешаются над тобой, смеются у тебя за спиной, посягая этим на достоинство царской короны. Кто может поверить в ложь, которую выдумал твой отец? Кто может поверить, что ты случайно была унесена водой разлива?

— Но в этом виновата ты, — ответила молодая девушка с горечью, — только ты... Ты со своим диким желанием заставить меня выйти замуж за твоего сына, потому что его не коронуют без этого! Ибо моя мать, возможно, и входит в гарем, но вошла она туда как жена, а не как наложница! Итак, будь счастлива, поскольку твой сын коронован! Ты должна была радоваться слухам о моей «смерти в результате несчастного случая», чтобы воплотить свои замыслы в жизнь! И ты задыхаешься от ярости, потому что я жива... жива, Тэйя! В каждом номе в это самое время удивятся, узнав, что я у подножия трона, который занят узурпатором! И если должное уважение к короне поколеблено, это не моя вина, но твоя!

Фараон подумал, что ему лучше вмешаться до того, как женщины ранят друг друга смертельно. Спокойным, немного шутливым тоном он начал говорить:

— Я почти поверил сейчас, что нахожусь в доме мертвых перед Осирисом! Ибо вы обе говорили так, словно уже отправили мою мумию в гробницу! Одна меня оскорбила тем, что я произвел на свет публичную девку, другая подозревала, что моя жена... не опасаясь моего присутствия... По правде говоря, Нефертити, ты говорила здесь как сирота! Ты обвинила в происках Великую Царскую Супругу, ты сказала, что ТВОЙ трон узурпирован, словно я для тебя стал уже тенью, которой нечего и добавить! Но я тоже, я тоже жив, Нефертити, настолько жив, что именно я выбрал Аменхотепа в соправители и именно я предпочитаю видеть тебя в соправительницах. Это моя воля. Никто не может ни внушить мне свою, ни послушаться моей, потому что, пока я жив, я Всемогущий. Аменхотеп коронован, и ты должна была находиться здесь по этой же причине, хотя в это время была где-то на Ниле. Таким образом, ни ты, ни Тэйя не можете ничего изменить. Итак, почему вы обижаете друг друга? Ты упрекаешь Тэйю, что она надеялась на твою смерть? Но над тобой она трясется больше, чем надо мной! Она винит свою глупость, что толкнула тебя на легкомысленный поступок. Она говорила мне в слезах: «У Нефертити такой взрослый ум, что я забыла, что ее поступки могут быть поступками ребенка четырнадцати лет». И верно, в твоём упрямстве, в твоём желании вести себя вызывающе, несмотря на свою вину, ты показываешь себя ещё малым ребенком! Ты потеряла голову, ты восстала против МОЕЙ власти. Признай это и иди прощенной! Но сначала обними мать твоего мужа, которую ты дважды огорчила: вначале своим побегом, затем своей дерзостью. Если она захочет навсегда забыть колкость твоих

слов, ты должна будешь проявить к ней глубокую признательность и горячую любовь, ибо я, если бы был на ее месте, не выдержал бы и сотой доли твоих дерзостей!

Тэя держалась натянуто и высокомерно. Побег молодой девушки ее действительно очень расстроил, фараон ничуть не преувеличил этого, и если она бросила Нефертити обидные слова, то для того, чтобы сдержаться и не зарыдать. Но она хотела, чтобы ее муж понял причины ее поведения: Нефертити, которая ее не любит, будет ее еще и презирать, если она проявит слабость!

Девочка-подросток бросила быстрый взгляд на суровое лицо мачехи и уверилась, что та выходит из себя, видя ее в добром здравии. Она поджала губы в насмешливой ухмылке и холодно бросила, не смущаясь присутствия отца:

— Я вернулась в Уису, Тэя! Я сяду на трон рядом с твоим сыном, и, если ты тряслась в последнее время за мою жизнь, теперь тебе надо будет трястись за жизнь моего царственного супруга!

Аменхотеп-отец* разгневался.

— Замолчи! — бросил он сурово — Не забывай, что ты еще в том возрасте, когда за дерзость могут и выпороть! И поскольку ты упрямо несешь вздор, возвращайся в свои покои! Твоя мать приготовит тебя к коронации! Все, что тебе нужно, моя дочка, это муж, который возьмет на себя укрощение твоей мстительной силы! После свадебной ночи ты будешь намного меньше горячиться в своих речах!

Нефертити покраснела и сжала губы. Ее убивал ненавидящий взгляд этой женщины, из-за которой ее отец только что оскорбил ее, и, не говоря ни слова, она

покинула залу, пятась и вытянув руки, как самая ничтожная из слуг фараона.

Она была в ярости. Ах! Ее собираются выдать замуж за сводного брата? Ах! В ее возрасте могут и выпороть? Что же, она им покажет все, на что способна! И это не та сила внутри ее, которую собираются укрощать! Она вспомнила историю одной женщины, которая убила своего мужа, обессилив его. Ее муж стал послушен ей, как трехлетний ребенок, потому что она заставляла его пить сильнодействующий любовный напиток, и каждую ночь, и даже чаще, его жизнь выходила из него, как из продырявленного мешка... Однажды, иссякнув, он обессилил и умер... У сопровителя болезненный вид, и не составит труда заставить его потерять остатки здоровья! И Тэя умоется тогда кровавыми слезами.

Келу-Хеба ждала дочь в ее комнате. Она лениво развалилась на кровати и грызла финики, которые служанка принесла ей на алебастровом блюде. Три нубийские рабыни суетились вокруг большого сундука из черного дерева, привезенного из страны Куш. Сундук был полон тканей и драгоценных украшений, подаренных Аменхотепом IV своей будущей жене.

Келу-Хеба улыбнулась молодой царевне и, перед тем как откусить засахаренный финик, сделала знак подойти.

Нефертити нахмурила брови. Она хотела побыть одна, чтобы потихоньку подготовить месть.

— Что ты здесь делаешь, мать? — спросила она грубо.

Келу-Хеба помедлила, чтобы сплюнуть косточку в чашу, которую ей поставила служанка. Наконец она

протянула тем тягучим голосом, которым умела так хорошо и так жалобно исполнять модные песни:

— Дитя мое, на мой взгляд, ты не выглядишь счастливой! Однако в последнее время мое дитя меня огорчает! Оно причиняет мне заботы и слезы!

Нефертити пожала плечами. До сих пор ее мать почти не проявляла к ней интереса, и она не могла представить себе ее переживающей за судьбу дочери!

— Если бы я это знала, я бы не уезжала, — ответила она с намеренной иронией.

У Келу-Хебы, возможно, был беззаботный характер, но глупой ее назвать было нельзя.

Она засмеялась, как она одна умела это делать, хорошо заученным движением откинувшись назад. Она была очень красива, тем более что ее тонкие арийские черты выгодно выделялись на фоне египетских лиц более грубого типа.

— Ты уехала, — сказала она напускным тоном, — потому что ты моя дочь и так же, как и я, не обладаешь здравым смыслом. Взгляни на меня!.. Я такая, что согласилась стать только второй женой после простолюдинки! Но ты не повторишь моей ошибки, ибо я рядом с тобой. Я здесь, чтобы нарядить тебя, как Великую Царскую Супругу, и позаботиться о том, чтобы ты непременно взошла на трон, на котором должна была быть я. Подумай об обиде, которую нанесли твоей матери, Нефертити! Покажи Тэе всю разницу, которая существует между выскочкой и властительницей царских кровей!

— Действительно, я должна была причинить тебе много забот и слез, — сказала девочка-подросток со

злой. — Ты бы умерла от горя, если бы твою последнюю надежду добраться до трона сожрали крокодилы.

Келу-Хеба заморгала ресницами и съела финик, прежде чем ответить.

— Дитя мое, чтобы иметь право дерзить, надо сперва надеть корону Обеих Земель. Начинать лучше одеваться, если твой язык чешется говорить только дерзости! Чем быстрее ты будешь готова, тем быстрее сможешь безнаказанно развивать свою природную наглость.

Она сделала знак трем нубийкам, которые наблюдали эту сцену, поджав губы, чтобы не рассмеяться.

— Идите искупайте вашу царевну и не жалейте благовоний, в эту ночь ее посетит молодое восходящее солнце, Аменхотеп Четвертый!

— Где Мишере? — спросила Нефертити сухим тоном.

Келу-Хеба надула губы, желая выразить этим свое неведение, и откусила от большого финика с тем отсутствующим видом, который показывал, что она не обратила внимания на такую мелочь.

— Я хочу видеть Мишере, пусть ее найдут! — приказала Нефертити.

По правде говоря, Мишере была единственным существом, которое она хотела видеть рядом с собой в тот момент, когда ее оставили все. На ее лице она могла бы прочесть иные чувства, нежели на этих враждебных, безразличных, осуждающих лицах людей, что ее окружали теперь.

Мишере ничего не могла сделать для нее, но она дала бы ей ту нежность и любовь, в которых Нефертити нуждалась больше, чем когда-либо.

Одна нубийка отправилась на поиски и спустя долгое время вернулась в сопровождении маленькой сирийки. Нефертити, уже умытая, наряженная, надушенная, с недовольным видом сидела на ковре, в то время как две черные рабыни вносили последние штрихи в ее прическу, по поводу которой Келу-Хеба без конца делала замечания, не прекращая при этом с легкой улыбкой на ярко покрашенных губах неспешно есть финики.

Мишере бросилась на пол и поползла к хозяйке, чтобы облобызать ее ногу, когда Нефертити сухо спросила ее:

— Почему тебя не было здесь? Разве твое место не подле меня? Разве не мне ты принадлежишь? Берегись, Мишере, как бы я не надумала подарить тебя кому-нибудь за твою небрежность!

Мишере подняла лицо, по которому текли две соленые слезинки.

— Она была в тростнике на берегу, где моют белье! — сказала нубийка резким от ярости голосом: ей пришлось заниматься поисками, в то время как ее подружки возились с дорогими тканями и золотыми украшениями.

— Замолчи, она объяснит все сама, — сурово отрезала Нефертити.

Затем, обращаясь к Мишере, спросила не менее резким тоном:

— Что заставило тебя отправиться мечтать в тростниковые заросли?

— Ничто, — ответила несчастная Мишере дрожащим голосом, — совсем ничто... так как ты не разговаривала со мной долго, я решила, что ты не хочешь

больше меня видеть, потому что я тебе надоела у господина Заруая.

Грустный вид Мишере глубоко поразил Нефертити. Оттого ли, что маленькая сирийка воскресила в памяти путешествие, которое они совершили вдвоем от двора и мелочного мира взрослых людей? Нефертити захотелось, чтобы ее слезы смешались со слезами служанки, чтобы они обнялись, как два потерявшихся и от страха плачущих ребенка.

Она протянула руку к лицу Мишере и нежно вытерла ее влажные щеки.

— Ты не надоела мне, Мишере, — сказала она, — и, если бы я должна была раздать все, чем владею, я не отдала бы тебя. Ты моя главная служанка, и другие должны тебе подчиняться. Я предпочла, чтобы ты меня одевала и причесывала как обычно, и это все. Но... ты порвала свое платье в тростнике... иди, чтобы тебя умыли, чтобы тебя надушили, чтобы тебя одели... возьми в моем ларце серьги из лазурита и ожерелье с эмалью и золотом, я тебе их дарю не в награду за твою преданность, но потому, что я тебя люблю как младшую сестру.

Служанки Келу-Хебы надулись от того, что им придется мыть и умащать благовониями эту грубую азиатку. Они посмотрели на свою хозяйку, ожидая ее властных приказаний, которые освободят их от неприятной работы, но Келу-Хеба просто сказала:

— Берегись, Нефертити, чтобы сережки из лазурита и браслет с глазурью и золотом не превратили преданность твоей рабыни в лицемерное угодничество... Мой отец, царь Митанни, говорил мне мудрые слова: «Преданность произрастает на тернистой почве, и только

навоз ей хорош для подкормки... Дай ей золото, и она зачахнет, в то время как тернии разрастутся».

Мишере вздохнула при мысли, что ее хозяйка могла даже на мгновение заподозрить ее в корыстных намерениях.

— Я прошу не дарить мне больше ничего, — сказала она умоляющим голосом. — Единственное, чего я хочу, это остаться подле тебя.

Нефертити бросила на мать победный взгляд.

— Иди, Мишере, пусть тебя вымоют, пусть тебя надушат и пусть тебя оденут... и не забудь взять драгоценности, что я тебе подарила... Ибо, повторяю еще раз, они не награда за твою преданность, но чтобы украсить мою младшую сестру.

Келу-Хеба покачала головой. Нефертити еще молода... У нее будет время узнать, что рабыни — это разновидность злобных животных.

Она лениво поднялась и сказала:

— Проводи меня в мои покои, дочка, ибо я также хочу украсить тебя, как младшую сестру... Я хочу повесить тебе на шею ожерелье из Митанни для того, чтобы при взгляде на него ты не могла не вспомнить, что корону тебе принес союз Египта с великим царством «Двух Рек»...* Это красивый свадебный подарок и для твоего мужа. Он прекраснее, чем сундук, наполненный тканями и украшениями! Помни, дочь моя, поскольку ты вносишь много, ты вправе много и требовать!

Нефертити поняла, что ее мать хочет этим сказать: «Ты вправе требовать для себя роскошной жизни, дворцы, богатства, украшения...»

И девочка-подросток презрительно улыбнулась.

ГЛАВА 9

Свернувшись калачиком на льняном ковре, махровый ворс которого имитировал шкуру барана, Нефертити ждала своего мужа. В противоположном конце комнаты, освещенное бледным сиянием алебастрового светильника, возвышалось огромное царское ложе. Его поддерживали две фигуры Таурт*, богини гиппопотамов, символа плодородия. Служанки проводили ее в эти комнаты, которые отныне станут ее новыми покоями. Они натерли ее душистыми маслами и удалились, оставив сидеть обнаженной на кровати. Даже Мишере должна была уйти, хотя теперь она была повышена в должности и звалась «Первая служанка, одесную царицы».

Оставшись одна, девочка внезапно осознала, что она голая, и ее охватило чувство стыда. Тогда она соскочила с кровати, чтобы укрыться в темном углу, где съежилась, словно хотела спрятать свое тело от глаз мужчины, который должен был скоро войти в комнату. Во время церемонии в Карнакском храме* ее муж едва удостоил ее взгляда, и слова, с которыми он к ней обращался, носили исключительно ритуальный характер. Она нашла его некрасивым, лишенным всякого изящества, а его лицо напоминало ей суровую важность Тэйи. Сегодня он собирается обнять ее своими костлявыми руками... он собирается своими губами целовать ее... он навалится на нее своим дряблым телом, его руки, всегда чуточку потные, будут шарить по ее коже. Она содрогнулась от отвращения.

Слезы тихо скользили по ее щекам... Квakanье лягушек, доносившееся со стороны рукотворного водо-

ема, и стрекот саранчи, пронзительно звучащий в тишине ночи, были настоящим гимном лету... Шаги скрипнули по плиткам коридора... вдали послышался взрыв смеха... Мошкара гудела над ухом, и молодая царица машинально смахивала ее в сторону.

Может быть, Мишере уселась под дверью!.. Нефертити хотелось, чтобы служанка сделала это. Она чувствовала бы себя спокойней в этой гнетущей тишине ночи, когда готовилась познать мужчину. Хотя она знала точно, чего должна ожидать, предстоящая близость с мужчиной приняла для нее внезапно видимость очень страшного таинства, к которому она не чувствовала себя достаточно подготовленной. Келу-Хеба посчитала полезным вспомнить, что была ее матерью, и дать ей несколько интимных советов. Между другими забавными деталями она сказала ей:

— Если ты не получишь удовольствия в первый вечер, возможно, ты получишь его завтра или в последующие дни, но в любом случае не показывай мужу своего безразличия. Ибо мужчина рождается со своей пикой, как воин, и, как воину, ему нужно верить в свою победу над неприятелем. Если он посчитает себя побежденным, он теряет храбрость и поворачивается в поисках других врагов, которых, как он считает, победить легче... именно тогда он начинает усердно заниматься пополнением своего гарема. И, поверь мне, гарем хорош для утоления любовного чувства супруга!

«Если бы только мой брат мог посчитать себя побежденным заранее!» — мечтала Нефертити с отчаянием. Увы, мать ей сказала также:

— Молодой мужчина восемнадцати лет обладает в наши дни большим опытом. Есть множество рабынь,

которые придают ему храбрость... но кажется, что твой муж будет тихим мальчиком, склонным больше к мечтаниям, чем к бурной деятельности. У тебя есть все шансы, чтобы он не спускал с тебя глаз долгое время! Не упусти свой счастливый случай!

Внезапно Нефертити почувствовала в комнате чье-то присутствие. Она подняла затуманенный слезами взгляд и увидела своего мужа, который смотрел на нее, стоя перед ведущим на террасу порталом. Она подалась назад, и страх сжал ее горло.

Аменхотеп подошел к ней. Ноги его были обнажены, но набедренная повязка прикрывала тело, и его бритая голова тускло блестела в бледных лучах светильников.

«Ему намазали голову благовонными маслами, его тело, должно быть, натерто для брачной ночи... Он сейчас снимет набедренную повязку и будет голым, как я... Он сейчас обхватит меня своими руками... Он сейчас...»

Ум Нефертити лихорадочно работал. Ее брат все ближе подходил к ней, и она поспешно зажала себе рот рукой, чтобы не закричать.

— Я пришел сказать тебе «добрый вечер», — проговорил молодой человек спокойным и почти строгим голосом. — Что ты делаешь на полу? Разве ты не хочешь отдохнуть?

Нефертити хранила молчание.

— Не нужно было меня ждать, дитя мое, — продолжит Аменхотеп, — иди ложись и забудь на сегодня, если сможешь, что ты моя супруга... Я буду более милосерден, чем нильские крокодилы, которые тебе милее

меня! Корона Египта в надежных руках, а династия может и подождать!

Почувствовав, что опасность исчезает, девочка вспомнила, как муж назвал ее «дитем», и испытала нечто вроде досады. Еще не окрепшим голосом она сказала:

— Зачем мне тебя ждать? Я просто хотела подышать свежим воздухом, и это все. Я не настолько маленькая, чтобы мне нужно было ложиться засветло! Но ты сам почему не спишь? Мне говорили, что ты не засиживаешься допоздна, чтобы потом вставать на рассвете и поклоняться Амону-Ра, когда его ладья появляется на востоке!

— Тебе неправильно объяснили, если сказали, что я обожаю Амона. Нет, не Амону я поклоняюсь, а солнечному диску, что сверкает над головами людей, Атону, который проливает свою радость и свой свет...

Голос молодого человека почти дрожал, и Нефертити разозлилась, что так безрассудно оказалась втянутой в спор о богах. Она слышала, что ее брат, вялый по природе, оживлялся, как только переходил к вопросам веры, и что вся его скрытая внутренняя сила тогда выходила на поверхность, как бог Хапи* из своей пещеры Сиен*. Конечно, она знала, что молодой человек не поклонялся Амону, а презирал его с таким пылом, что жрецы Уисы жаловались на него фараону! Однако Нефертити мало волновали эти отвлеченные темы. Она находила их скучными, хотя и не могла не слышать сплетен о том, что ее брат обзывал верховного жреца Амона «мироедом», «лицемером», «пожирателем жертвоприношений».

Она хотела сдержать опасный порыв мужа, ин-

стинктивно боясь, как бы огонь спора не напомнил ему, что он мужчина.

— Извини, я забыла эту мелочь, — сказала она, — конечно, ты страстный почитатель Атона!

Аменхотеп строго посмотрел на девочку. Она сидела на полу, поджав ноги и подняв к нему свое острое личико, на котором сверкали смотревшие на него без всякой нежности и даже симпатии два круглых черных глаза. Кем она была для него? Сестрой? В то время когда они бегали голышом по дому царских детей, они почти не общались: она была шумной, он — неразговорчивым, она — дерзкой, он — застенчивым, она — властной, а он — боязливым... всегда окруженный тайным страхом сделать то, что не положено делать, сказать то, что нельзя говорить! Ибо, если страдания раздирали его грудь с раннего детства, он научился быстро их прятать, как тайную боль, глубоко внутри себя! Его мать, Тэйя, не потерпела бы беспокойного сына. Холодная и непреклонная, она была образцом того, чем сама хотела бы его видеть! Сознывая, что не имеет права походить на своих сверстников из дома царских детей, Аменхотеп отдалился от них... Так сухая ветка отваливается от полного соков дерева, чтобы меньше страдать, оставаясь уродливой и сухой среди красоты весеннего цветения... Он ушел в себя, как прячется в дупло сова, страшась дневного света. Он отказался от веселых игр и развлечений подростков, чтобы не быть застигнутым презрительным взглядом матери, и одиночество стало его уделом. Да! Кем была для него Нефертити? Его женой? Она предпочла бы подойти к крокодилу, чем согласиться на брак с ним. Она ненавидела его до такой степени, что отвергала, не пытаясь

даже понять! Ненавидела до того, что отказывалась от короны! Когда он узнал о ее побеге, он немедленно пошел к своей матери и осмелился ей сказать:

— Я знаю, что есть обычай, когда брат женится на сестре... но в этом случае не мог бы я жениться на младшей? Разве необходимо принуждать Нефертити смотреть на меня как на своего мужа, раз она испытывает такое отвращение к этому браку?

Но мать решительно возразила:

— Нефертити создана для тебя, как я была создана для твоего отца! Не сдавайся, воспрянь духом! Любая женщина полюбит своего мужа, если тот будет пристально смотреть на нее, как укротитель смотрит на дикого зверя. Надо показать ей, что ты ее совершенно не боишься!

— Я не боюсь! — воскликнул он с жаром, заметив упрек в тоне матери, которой он так страстно восторгался.

И он не осмелился больше восставать против воли Тэйи, боясь, что она сочтет его трусливым существом, дрожащим перед маленькой девочкой-подростком.

Он женился на своей сестре и теперь смотрел на нее так величественно, будто сердце в его груди вовсе не дрожало от неуверенности и страха. Он поклялся себе растопить лед ее враждебности и из уважения к ней возлечь с ней, только когда она сама попросит об этом... А вдруг Нефертити окажется глупой и легкомысленной, как какая-нибудь женщина гарема! Не была ли она безразличной к самому важному для него вопросу, вопросу о боге? Без сомнения, ее головка — как надушенный альков, затянутый богатыми материями и украшенный роскошными безделушками! Тогда он бро-

сит ей в пищу украшения и драгоценности, и она будет довольна своей судьбой! Таким образом он шутя завоеует ее сердце. Но он предпочел бы свое одиночество любви женщины, которая так далека от того, чтобы иметь качества его матери, великой Тэйи.

— Атон не мелочь! — сказал он презрительным голосом. — Но что ты можешь понять, ты, которая постоянно шумишь и суетишься? Ты всего лишь женщина, и единственной твоей заботой являются украшения и удовольствия! Твоя голова пуста, твое сердце тоже пусто!

Нефертити почувствовала себя глубоко уязвленной. Забыв, что она нагая, и что этот мужчина ее муж, и что не в ее интересах гневить его, если она хочет остаться девственницей в эту ночь, она вскочила на ноги и встала перед ним во весь рост. Ее маленькие груди вздымались, руки напряглись, кулаки сжались, готовые к драке.

— Я царица, и мои заботы — это мое царство. Это не бесплодные рассуждения на тему свойств и наименований бога. Для меня Амон, Ра, Атон означают СОЛНЦЕ, и я поклоняюсь солнцу как моему богу. Он может называться «свиным навозом», какая разница? Я знаю, что он встанет на востоке, что он благословляет землю и что он ложится спать на западе. Я верю, что он посещает мир мертвых от сумерек и до рассвета и что он благословляет даже и их! Я приношу на его алтарь фрукты, которые он заставил созреть, я потрясаю систрами*, чтобы понравиться ему и выразить этим свою любовь... Остальное — это праздная болтовня и напрасные споры, которые я оставляю тем, для кого это ремесло или мания! Но им я не говорю: «Вы пожи-

ратели жертвоприношений» или: «Вы люди, единственная забота которых — испещренные свитки!..» От того что люди вроде тебя спорят по пустякам о словах и об их значениях, правда моего сердца не меняется! Кстати, Аменхотеп, не означает ли твое имя «Амон доволен»? С другой стороны, твоя титулатура* не носит ли эпитета «Мир Амона»? И еще «Единственный для Ра»?* Почему бы тебе не отменить их в пользу третьего имени, которое тебе дано и которое читается так: «Великий жрец животворного света Атона»?* Разве ты не похож на комнатную собачку, что только лает, но не кусает?

Губы Аменхотепа задрожали, и кулаки сжались сами собой.

Он презирал дураков, которые рассуждали, не пытаясь что-либо понять, и раздувались от собственного самодовольства.

— Я не хочу задерживаться ни чтобы объяснять тебе, ни чтобы переубедить тебя, ни даже чтобы выслушать твои бессмысленные речи! — бросил он высокомерно. — Я хорошо вижу теперь, что ты всего лишь маленькая девочка и что у тебя не больше ума, чем у женщин, живущих в гареме, из которого ты вышла! Впрочем, какая разница, понимаешь ты или нет? Ты здесь, чтобы дать мне сына! Я был достаточно глуп, когда полагал, что говорю с женщиной, подобной моей матери. Мой духовный отец передал мне слова, исполненные большой мудрости, он мне сказал: «Женщины как совы, польза от них только ночью!»

Подростки измерили друг друга взглядами, как два зверька перед боем. Нефертити была слишком разгне-

вана, чтобы испугаться неожиданному повороту в настроении своего брата. Она холодно обронила:

— Я воспользуюсь твоими же словами: «Корона Египта в надежных руках, а династия может и подождать!» Мы молоды, ты и я, мы можем подождать другого дня, чтобы заняться воспроизводством потомства; ибо я не люблю тебя настолько, чтобы мне хотелось заняться подобного рода упражнениями! Если у тебя такое настроение, отправляйся к женщинам, которые тебя обслуживают и которые ждут твоей благосклонности, дрожа от радости и нетерпения! Ты был прав, когда сказал: «У тебя пусто в сердце...» По правде говоря, сегодня вечером ты смог бы обнять только пустое сердце, и твои действия были бы похожи на изнасилование!

— Сегодня вечером я не в настроении, Нефертити, — ответил Аменхотеп с затаенной страстностью, — но когда захочу, я приду и возьму тебя, потому что ты моя жена, и я должен тебя оплодотворить подобно быку, оплодотворяющему телку, чтобы она не осталась нетелью! Если солнце не погрузит свои лучи в землю, земля породит только голод, она обречена на запустение... и мне жалко тебя, сестра!

С этими словами он повернулся и вышел.

— Я тебя ненавижу, тебя и твою мать, — прошептала Нефертити, обессилив от ненависти. — Но день, когда ты дотронешься до меня, будет для тебя днем, когда жизнь начнет покидать тебя!

В течение последних трех месяцев у Нефертити было достаточно свободного времени, и она почувствовала сполна, что жизни царицы не позавидуешь. Она, которая так долго прожила в относительной независимости, должна была принуждать себя к выполне-

нию множества неприятных обязанностей. Она редко оставалась одна, поскольку новые служанки, чтобы лучше ей услужить и развлечь ее, считали себя обязанными пребывать в ее покоях с утра и до вечера. Кто-то играл на арфе в три струны, кто-то принимался танцевать, в то время как другие, отбивая ритм, прихлопывали в ладоши, кто-то пел любовные стихи, сопровождая себя на азиатской лире... Молоденькие служанки с таким увлечением исполняли эти музыкальные номера, что у Нефертити не хватало духу заставить их прекратить весь этот птичий галдеж.

Она наблюдала за ними издали, чаще всего молча, и начинала понимать, почему ее мать приобрела болезненную привычку есть финики в течение всего дня: рассеянный взгляд и неспособность мыслить. Только присутствие Мишере приободряло ее. Они никогда не заговаривали о своем путешествии. Это была во дворце запретная тема, история, отмеченная печатью позора... Но они переглядывались, они вспоминали... и поэтому иногда, чтобы укрепить свое прекрасное тайное сообщество, связавшее их навсегда, Нефертити шептала, улыбаясь: «Мишере, ты дохлый осел», и Мишере принималась хихикать, прикрывая рот рукой. Своего мужа Нефертити видела редко и никогда с глазу на глаз. Он не входил в ее комнату и ни разу не заговаривал с ней на людях, ограничиваясь тем, что бросал на нее строгие взгляды, приводившие ее в холодное бешенство. Она не знала, подозревают ли в обществе придворных и чиновников, что она еще девственница. Каждый вечер служанки купали ее, натирали душистыми маслами и оставляли обнаженной на кровати, как если бы она должна была провести ночь вместе со

своим мужем, а из бесед, которые вела со своей матерью, она не обнаружила, что в гареме могут виться подозрения. Начиная со следующего за свадьбой дня, Келу-Хеба считала хорошим тоном пересыпать свои речи игривыми намеками, которые она сопровождала понимающим подмигиванием. Она, например, говорила: «У тебя слишком свежий вид для молодой супруги!» — или: «Не загоняй раньше срока свое молодое солнце! Пусть у него будет время достичь горизонта!»

И она смеялась своим шуткам (которые Нефертити, впрочем, не все понимала). Один раз она спросила ее прямо:

— Ты наконец получила удовольствие? Или ты его только изображаешь?

— Я получаю удовольствие, когда удается, — уклончиво ответила Нефертити.

— Это глупо, моя девочка... «Когда удастся» — это еще не все удовольствие! Да, умение любить, возможно, придет к тебе с опытом, а пока, если ты нуждаешься в советах, спроси их у своей матери.

Она звучно рассмеялась, что не понравилось девочке, но из опасения, что мать будет продолжать в том же духе, Нефертити ответила:

— Опыт матери редко может помочь дочери, ибо дети имеют дерзость верить, что все знают сами. Твои слова попадут, таким образом, в уши глухой!

Без сомнения, Келу-Хеба обиделась, но не рисковала больше задавать Нефертити вопросы о ее брачных делах.

Кормилица Ти тем более не осмеливалась вступать на эту зыбкую почву. Она слишком хорошо знала свою питомицу, чтобы не понимать, что та ни за что не ска-

жет ей, что происходит на самом деле. Приходилось довольствоваться малым, прислушиваясь к малейшим ее словам, чтобы обнаружить в них указание или намек, позволявший бы понять состояние души ее питомицы. Она внимательно разглядывала ее нежное личико, пытаясь прочесть на нем первые проблески удовлетворенной любви. Но питомица задала ей очень трудную задачу: она никогда не произносила имя своего мужа и совсем, казалось, не потеряла нахальности молодой телки... Что касается ее глаз, они всегда смотрели на людей и на предметы с гордой дерзостью, которая указывала на переходный возраст едва созревшей девочки. Очевидно, Ти знала, что девочка вышла замуж за своего сводного брата без любви, но она говорила себе, что мужчина и женщина, лежа в постели, легко забывают свое недовольство и начинают относиться друг к другу с симпатией и любовью. Однако любопытство сделало жизнь Ти в конце концов невыносимой. На исходе третьего месяца терпеливого ожидания она решила использовать искусственное средство, чтобы вызвать на откровенность свою слишком сдержанную питомицу. Она тайно растолкла арбуз и попросила немного грудного молока у поварихи Карен, родившей мальчика в начале разлива Нила. Все смешав и молясь Исиде на болотах, она пригласила Нефертити отведать эту смесь, уверяя ее коварно, что этот рецепт имел огромный успех в Митанни. Она пошла даже на жертву и поела вместе с Нефертити, найдя смесь изумительной по вкусу.

Не моргнув глазом Нефертити проглотила мякоть арбуза, размятого в молоке, оценила это блюдо как освежающее и, кажется, не испытывала тошноты... той

тошноты, которую так ждала бедная Ти... той тошноты, которая должна была показать, что царица беременна!

Напротив, Ти сама не смогла долго сохранять в себе эту смесь. Она была вынуждена стремительно удалиться от лица своей царицы и бежать в уединенное место, чтобы извергнуть содержимое желудка.

Эти результаты ее ошеломили: ее питомица не ждала ребенка, зато она сама имела большой шанс родить в конце девятого месяца... Она пыталась вспомнить последние «излишества» своего мужа, Аи, но не смогла прийти ни к какому заключению.

«Молоко Карен, должно быть, недостаточно хорошее, и надо вновь вернуться к магии!» — сказала она себе в утешение.

Тогда, чтобы узнать то, что она хотела узнать, она решила действовать более прямым способом. Она вынула из своей шкатулки с украшениями статуэтку Таурт, богини деторождения, покровительницы беременных женщин. Мать дала ей этот амулет в день ее свадьбы, и на нем было выгравировано ее имя, но она отнесла его к мастеру и попросила заменить свое имя на имя Нефертити. Гравер все сделал быстро и превосходно.

Вооружившись статуэткой, Ти отправилась к царице и упросила ее согласиться на срочную беседу с глазу на глаз. Нефертити живо отослала всех служанок. Она заметила таинственный вид кормилицы и приготовилась выслушать важные сплетни. С тех пор как они стали реже видаться, она испытывала огромное удовольствие от ее посещений: Ти, когда хотела, умела быть смешной.

— Посмотрим! Посмотрим, что ты мне намерена рассказать! — проговорила девочка, подтягивая колени

к подбородку и усаживаясь в любимую позу. — Ты кажешься возбужденной, словно заметила змея Апопа*, готового напасть на ладью солнца! Если это так, то в следующий раз приходи разбудить меня, чтобы я тоже смогла развлечься, поглядев на это более чем редкое зрелище! Я устала смотреть на танцующих служанок!

Ти радостно закудаhtала.

— Пускай Апоп* без конца нападает на солнечную ладью на восходе и на заходе ее. Ты и я, мы знаем, что ему никогда не проглотить солнца! Я пришла по более важному делу!

Она потрясла своим амулетом из раскрашенного известняка:

— Вот что я тебе принесла, моя козочка! Я принесла своей овечке магическое изображение богини Таурт! И на нем вырезана твоя печать! Повесь его на шею и не разлучайся с ним никогда! Ибо он предназначен для того, чтобы твой ребенок появился головой вперед и чтобы ты совсем не мучилась при первых родах! Молодая мать, как молодая гусыня, свое первое яйцо кладет в муках!

Нефертити разочарованно повела плечами.

— Послушай, Ти, каждый вечер я ложусь в кровать, поддерживаемую двумя фигурками Таурт! Если она заботится о моем сне, она позаботится и о родах, и я не собираюсь для твоего удовольствия вешать на шею эту тяжелую штуку, которая заставит меня ходить согнувшись в три погибели.

Кормилица подумала, что слышит в ее ответе очень ясный намек на «состояние поздней беременности». Таким образом, ее питомица была в самом деле беременна! Она давно это подозревала: ее вялость была не-

естественной, отсутствие аппетита тем более. С другой стороны... эти глаза, сверкающие необычным блеском! Их слегка затуманенный цвет!.. Ее живот, не натягивал ли он платье несколько больше обычного? Бедная овечка! Из стыдливости она не осмеливается признаться!

Кормилица победно улыбнулась.

— Моя козочка, — сказала она надменно, — нельзя ничего скрыть от того, кто выкормил тебя своим молоком! Ни ты, ни кто-либо другой не говорили мне, в каком ты положении, и, однако, я знаю сердцем, что ты ждешь ребенка! Когда же ты поймешь, что кормилица соединена со своей питомицей тайной связью? Видишь, я ничего не знала и, однако, отнесла граверу этот амулет и настояла, чтобы он сделал быстро, как будто я не могла ждать дольше!

Нефертити почувствовала раздражение от этой наглой самоуверенности Ти.

Она сказала нарочито безразличным тоном:

— Скажи мне, Ти, ты, которая знает все, знаешь ли ты, каким образом дети появляются на свет? Веришь ли ты, что Нил кладет их в нужный день на порог дома женщины, которые были беременны в течение девяти месяцев?

Ти захлопала глазами. Она не понимала, куда клонит ее питомица.

— Что ты мне рассказываешь? — пробормотала она, нахмурив брови и подумав, что Нефертити смеется над ней. — Не мне учить тебя, что... что дети...

Девочка несколько мгновений наслаждалась растерянностью кормилицы, а затем, как бы в ответ на ее молчание, продолжала спокойным голосом:

— Если ты не думаешь, что Нил создал службу до-

ставки детей, зачем ты приносишь мне этот амулет? Разве я сказала тебе: «Я делала и так, и эдак с моим мужем и теперь жду малыша»?

Ти с удивлением широко раскрыла глаза. Она не понимала странных речей молодой царицы. Нефертити знала очень хорошо, что мужчина и женщина обнимаются как бы вслепую, не зная выбранного богами момента, когда семя даст плод. Выражение «делать так и эдак» не имело никакого разумного смысла, и даже того, который несчастная кормилица боялась вообразить.

Она прошептала, как бы себе самой, с оттенком бесконечного ужаса:

— Моя бедная, моя маленькая белая овечка! Была бы ты еще девочкой, так не делала бы ни того ни другого со своим мужем?!

Нефертити сильно покраснела и прикусила губу. Она слишком много наговорила, она сказала то, что не надо было говорить этой женщине. Ибо у Ти начисто отсутствовало чувство юмора, когда речь шла о вещах, которые она считала для себя важными. Даже если бы Нефертити засмеялась и стала убеждать, что пошутила, кормилица не поверила бы и отправилась переживать услышанное в одиночестве, а когда ее разум начал бы сильно перегреваться, она не смогла бы не поделиться своей новостью с кем-либо еще.

— Ладно, не строй такого лица, — рискнула все же сказать девочка, стараясь придать своему голосу легкомысленный тон. — Ты можешь отличить правду от шутки? А настоящая правда в том, что я не беременна... или если я ошибаюсь, то я этого еще не заметила! Возможно, ты права. Возможно, кормилица связана с

питомицей до такой степени, что угадывает ее тайны раньше ее самой!..

Ти силилась улыбнуться и казаться спокойной, но, когда она покинула Нефертити, она почувствовала себя вновь не в себе.

«Не сделано, что нужно? Не сделано, что нужно...» — поймала она себя на шепоте.

Тогда она отправилась в свою комнату, чтобы в прохладе и уединении все не спеша обдумать, но быстро распалила свой ум и решила открыться своему мужу, дабы не умереть, задохнувшись от беспокойства.

Аи был хорошим человеком, но не любил ни сложностей, ни неясностей. Его девизом было: если хочешь жить в мире, то надо уметь закрывать глаза на причуды великих мира сего. Верный своему принципу, он попросил жену интересоваться желаниями своего мужа больше, чем желаниями сопровителя, и добавил, что именно женщины с их привычкой считать зерно у соседа — причина развала всех царств.

Ти не увидела связи между подсчетами урожая соседа и причиной развала царства, но она была слишком возбуждена, чтобы вступать в препирательства. Вероломно брошенная мужем, не принесшим ей утешения и не давшим столь необходимого ей совета, она решила все выяснить сама, приговаривая, что ее питомица имеет право на любовные игры.

Ночной порой она притворилась, что идет смотреть на подъем воды в Ниле, и незаметно проникла в царские сады. Спрятавшись за живой изгородью, она увидела свою козочку, которую заботливо растирали благовониями преданные служанки. Затем она увидела ее, оставленную одну, сидящую на кровати в одеяниях

брачного ожидания. Затем — о ужас! — Нефертити вытащила из коробки для книг папирус и принялась спокойно читать его в тусклых лучах светильника.

Ти напрасно ждала, что сейчас к ней присоединится молодой супруг. Какое-то время спустя Нефертити задула фитиль и предалась сну.

Этой же ночью Ти пришлось прикладывать к лицу и другим открытым частям тела свежее масло и натирать их гусиным жиром, чтобы уменьшить зуд от укусов мошкары и комаров, которые она из любви к своей питомице мужественно терпела, прячась за живой изгородью.

Однако решившись изменить такое положение дел, Ти использовала самое лучшее из известных ей средств. Она завязала разговор с Келу-Хебой и дала ей понять, что духовный отец сопровителя глуп и верит, что это Нил кладет детей на порог беременным женщинам, и что он еще более глуп, раз научил этому своего воспитанника. Она вложила в свои слова достаточно легкости, чтобы придать им оттенок шутки, но она знала, что ни Келу-Хеба, ни женщины гарема не упустят случая пересказать эту историю в более ярких красках.

И случилось то, что обязательно должно было случиться.

История дошла до ушей Тэйи. Полагая источником сплетен свою невестку, она предпочла обратиться к сыну, а не к Нефертити, которую считала слишком злопамятной. Со дня ее свадьбы Тэйя никогда не осмеливалась выступать против невестки из опасения услышать обидные слова, которые еще больше огорчили бы ее, но она была убеждена, что придет время, когда девочка-подросток влюбится в своего мужа. Она терпе-

ливо ждала и верила, что не ошиблась в своих расчетах и Нефертити создана для ее сына, как она сама была создана для фараона.

Она сообщила сыну о слухах, распространившихся в гареме, и просила его предупредить жену об опасности, которой та подвергает себя, говоря что попало кстати и некстати, даже с намерением пошутить. «Ибо, — добавила она, — твоя жена должна знать, что царица подобна рабыне, выставляемой для продажи на рынке: хромой покупатель находит ее слишком хромоющей, косой кричит, что не хочет служанку, страдающую ко-соглазием... Кривоногие дамы твердят, что она плохо сложена, злюки ругают ее дурной нрав, который, как они считают, читается в изгибе рта! Нефертити отпустила невинную шутку, как сорванец, но те, у кого грязная душа, увидели только грязь и упиваются этим!»

Аменхотеп нахмурил брови. Когда вечером, в день их свадьбы, он, раздраженный до бешенства, покинул свою жену и вернулся к себе, то долго ходил по комнате, чтобы успокоиться. Он вспылил при этой маленькой девочке, которая наговорила ему столько обидного, и от этого обозлился на всех женщин, чьей заносчивости и насмешек постоянно боялся. Мысленно излив всю желчь, он рухнул на кровать и остался лежать обессиленный в неимоверном страдании: казалось, что ему не добиться теперь расположения своей молодой жены.

Он, который до сих пор был доволен своим одиночеством, внезапно ощутил сильную жажду любви и нежности. Он был лишен их столь долгое время... Сжав руки на груди в отчаянии, уверенный в том, что навсегда обречен обнимать только пустоту, он не стыдился слез. Он не знал Нефертити, но будучи убежден, что

потерял ее навсегда, наделил девушку самыми прекрасными качествами. Впервые в своей жизни он поднял бунт против своего бога... того бога, который жег его сердце и заставлял в трепете бросаться на землю в непостижимом восторге. Он обвинил ЕГО в нетерпимости, в запрете ему, его сыну, иметь простые человеческие радости. Ибо именно из-за НЕГО он вспыллил и бесповоротно разрушил свое счастье!

На следующий день он отправился в свое тайное убежище на берегу Нила, чтобы покаяться. Он познал свое ничтожество и теперь умолял бога не прекращать своего тайного с ним общения. Он решил наказать себя сам и поклялся даже не пытаться искать любви своей жены. Дав эту клятву, он стал вести себя по отношению к ней с полным безразличием, не наносил визитов по вечерам в ее покои и обращался к ней только в самых исключительных случаях...

И вот, хотя он ничего не делал, чтобы растрогать свою жену, она жаловалась, что не оплодотворена! Означало ли это, что Атон внял мольбам своего сына? Что он давал ему новую возможность поднести кубок, наполненный обычными человеческими радостями, к своим губам?

Аменхотеп закрыл глаза и от всего сердца поблагодарил бога за его бесконечную доброту. Затем он вновь увидел Нефертити такой, какой ее оставил в комнате в тот вечер после их свадьбы, увидел ее прекрасное тело, блестящее в бледном свете, как полированный камень... и он захотел ее.

В эту ночь он велел натереть себя благовониями, снял набедренную повязку и направился через большую веранду в покои жены.

Когда Нефертити увидела его обнаженным, она поняла, что пришел час встретиться лицом к лицу воина, о котором говорила ее мать. Она знала о ходивших по гарему слухах, и если сердилась на кормилицу, то была честна и по отношению к себе, понимая, что сама виновата в своей беде. За глупость всегда надо платить.

Аменхотеп рассматривал ее юное тело, которое, казалось, ждало его в робком трепете как пойманный, но еще не прирученный зверек.

Ему хотелось начать их встречу как можно мягче, и он сказал нежным голосом:

— Сегодня вечером я узнал, что мой духовный наставник меня обманывал и что Нил если и оплодотворяет землю, то вовсе не он вкладывает детей в утробу женщины... Как ты, должно быть, смеялась над моим невежеством!

Нефертити стало не по себе. В ее комнате было влажно, что казалось необычным для последних жарких дней лета. Дыхание у нее перехватило, кровь стучала в висках. Она не нашлась что ответить. Если бы сплетни, ходившие по гарему, не расположили ее к этой встрече как к неизбежности, она сопротивлялась бы, но словно злой рок приковал ее к постели, а язык к небу.

Видя, как дрожат ее губы и округляются от страха глаза при его приближении, Аменхотеп ласково улыбнулся. Он чувствовал, что его переполняет нежность... Никогда никакая женщина не доставляла ему такой тайной радости, не вызывала в нем такой любви, трепещущей в нем, как птеник, еще покрытый пушком.

Он чувствовал, что победа над Нефертити потребует больших усилий, но что он, как мужчина, мог толь-

ко желать такой победы и отдать ради нее всю свою жизнь. Так, в сказке о двух братьях, Анубис* семь долгих лет искал бесценное сердце своего младшего брата Баты*, искал терпеливо, только бы найти свое утраченное счастье. И Нефертити была таким счастьем... и в этом он был глубоко уверен. Ибо страстное желание ее плоти в эти мгновения облачилось в нежность, почти в робость. Первый раз в жизни он обнаружил, что его душа трепещет не перед Атоном, а перед смертной.

Он сел на край кровати и медленно, благоговейно протянул руку к дрожащему лицу Нефертити.

Нефертити напряглась от этого прикосновения. Ее сердце бешено забилося, и дыхание едва не оборвалось.

«Это скоро кончится, — повторяла она про себя, как в бреду, — это скоро кончится, он получит удовольствие и уйдет... это моя ошибка... но это кончится скоро... тем хуже для меня... это моя вина...»

Но рука юноши задержалась, она ласкала ее губы, она приглаживала ее волосы, она спускалась по шее и слегка коснулась груди, еле заметно, как лапки мухи. Кровь бросилась в голову девочки, и глазам стало больно. Тогда она их закрыла, и Аменхотеп решил, что она готова отдаться.

Он наклонился и обнял ее.

Когда Нефертити проснулась, в комнате никого не было. По телу разливалась усталость, и она внезапно вспомнила то, что случилось ночью. Содрогнувшись, она прикусила губу, чтобы воспротивиться этому сладкому чувству, которое охватило ее при воспоминании о руках, ласкающих ее тело. Аменхотеп был ее врагом,

она его ненавидела, она отдалась ему потому, что у него была власть над ней, но в следующий раз она сохранит свой ум холодным, ибо у нее больше не было страха. Он истратит все силы, лаская ее, но она противопоставит ему безразличие, и это нанесет удар его гордости. А в один прекрасный день она отдастся Май, и Май будет делать с ней все, что захочет. Его руки будут нежными, ласковыми, его губы горячими... Она задрожала, представляя себе его поцелуи, покрывающие ее тело... Эти поцелуи походили на поцелуи Аменхотепа, но она старалась приписать их Май, и она закрыла глаза, чтобы сосредоточиться на этой мысли.

Ти вошла на цыпочках, улыбающаяся, с игривыми глазами. Ее муж сообщил, что сегодня на рассвете Аменхотеп не ходил встречать восход солнца... и это случилось впервые, а ее козочка слишком долго не поднималась со своего ложа. Поистине эти два события исполнены значения. Ти гордилась собой. Она была взволнованна при мысли, что способствовала счастью своей горячо любимой питомицы, и бурно выражала свое удовольствие.

Нефертити почувствовала чье-то присутствие и в ужасе открыла глаза, решив, что эти тихие шаги принадлежат ее мужу.

Заметив Ти, она с облегчением вздохнула. Однако, подумав, что кормилица, должно быть, празднует свою победу, она пришла в ярость.

— По твоей милости я больше не девственница, моя дорогая, моя хорошая Ти, — сказала она сухо. — Беги же, сообщи новость в гареме!

Эти слова явно не предполагали благодарности. Ти запнулась. Чувство, что она жертва своей же собствен-

ной привязанности, подавило ее, и она заплакала. Муж сильно отругал ее. Вот и питомица повернулась против нее... Никто, кроме богов, не воздаст ей по справедливости, и при взвешивании ее сердца на суде Осириса никто не узнает величия ее жертвы. Ибо с риском навлечь на себя гнев фараона, упреки Аи и презрение питомицы Ти внесла свой вклад в счастье Нефертити. Она принесла себя в жертву на алтарь преданности. Она не собиралась ничего объяснить, ничего просить, ей достаточно было сил, которые она черпала в самой себе.

Величественная в своем несчастье, она направилась к занавескам, закрывающим вход на веранду, и раздвинула их, чтобы солнце вошло в комнату. Затем, по-прежнему не говоря ни слова, она поклонилась и вышла, пятясь, как послушная служанка.

Нефертити пожалала плечами. Эта покорность ей надоела. Она знала, что не сможет долго сопротивляться и начнет утешать свою кормилицу.

Однако на этот раз она твердо решила сердиться дольше, чем обычно. Царица не должна иметь слишком мягкое сердце, если она хочет добиться уважения.

Думая так, Нефертити не замечала, что стала рассуждать, как ее свекровь, характер которой она так ненавидела.

ГЛАВА 10

Этим утром Аменхотеп не смог подняться до рассвета, чтобы встретить восход Атона до принесения даров в храме, но, как только он совершил приношение, поспешил на берег Нила в свое укромное местечко, где

обычно предавался молитвам солнцу. Он был счастлив и взволнован: счастлив потому, что любил всем своим существом; взволнован потому, что где-то в глубине сердца тихий голос упрекал его за утреннюю лень... и это был голос его бога. Аменхотеп узнал его потому, что он звучал внутри его, хотя и был отличен от его собственных мыслей. Он начал слышать его очень давно, но никогда и никому не говорил об этом из осторожности, из страха быть совершенно непонятым. Уже в первый раз, когда им овладел такой экстаз, лекарь наклонился над ним и поставил диагноз — приступ болотной лихорадки. Аменхотеп, хотя был еще очень юным, взбунтовался, он сказал тогда почти с бешенством:

— Я видел ослепительный диск, который поворачивался и который меня пожирал, и это не болотная лихорадка! Это... это — солнце, которое находится в моей груди!

Кормилица вытерла его влажный от пота лоб, и лекарь с озабоченным видом покачал головой.

Приступы продолжались, и Тэйя упрямо заставляла лечить своего сына, как больного, не слушая его протесты. Тогда маленький Аменхотеп безропотно замолчал и более не выказывал открыто своего нежелания принимать снадобья... но он знал, что этот пламенеющий, наполненный жизнью диск был образом бога, стремящегося к общению с ним втайне. Совершенно естественно он верил, что видит даже дух солнца, и в один прекрасный день, памятный ему среди других, в утро своего четырнадцатилетия, он получил подтверждение этому. Величественный голос сказал ему с такой

силой, что его удивило, как не слышат его окружающие люди. Голос проговорил:

— Я есть Атон, благотворный жар солнечного диска*, бог, единственный и единый, который взирает на всех людей с любовью: на шумных и на молчаливых, на наглых и на застенчивых, на властных и на боязливых. Единственное, что надо, чтобы снискать мою любовь, — это стремиться ее найти, желать всем сердцем обладать ею. Все остальное суета и пустая трата времени.

Трепеща, Аменхотеп рухнул на землю и с этих пор начал обожать этого бога, так непохожего на всех других. Конечно, он уже знал его имя, ибо его отец и мать поклонялись этому богу в Карнакском храме, но до момента обращения он уделял ему внимание, всего лишь как одному из многочисленных божеств, которые переполняли храмы Египта. Но вот голос беззвучно ему сказал: «Я есть Атон», и отныне подросток стал внимателен к наставлениям своего тайного бога, и тот ему часто повторял:

— Я открылся тебе, чтобы ты проповедовал среди слепцов, которые молятся глухим и немым идолам.

Однако Аменхотеп не осмелился закричать на весь мир об этой ослепительной истине из страха, что его мать посмеется над ним и только заставит глотать еще больше снадобий. Прикрываясь своей слабостью, он решил: «Когда я стану фараоном, я начну действовать. Теперь я еще для моего народа как малый ребенок, кто меня будет слушать?»

Тем не менее он попросил совета у Ур-Мау* из Аны, которому необыкновенно доверял, и мудрый старик ответил, качая головой:

— Атон — это светящийся образ Ра, которому в

Нижнем Египте поклоняются в священных храмах. Ты избран и благословлен быть глашатаем его единичности во времена затмения, когда Уиса, столица, управляется лицемерными жрецами ложного бога Амона. Во сне я увидел, как солнце расплавляет металлические сердца этих идолов, высасывающих соки из народа и разоряющих его.

Некоторое время спустя голос подтвердил его мудрые речи. Он сказал:

— Амон является символом мертвых камней, которым несведущий народ поклоняется напрасно. Амон не знает и ничего не хочет знать ни о крестьянах, в поте лица обрабатывающих землю, ни о проросших зернах, что дрожат от холода во влажной от ночной сырости почве... он пребывает в своем наосе* и сохраняет твердость гранита или драгоценных металлов до тех пор, пока мир не рухнет. Он не спасет своих верных слуг ни от уничтожения, ни от отчаяния.

Тогда Аменхотеп поближе присмотрелся к жрецам Амона и признал, что они недостойны занимать свои места. Как только он надел корону соправителя, он начал борьбу со жрецами в Карнаке: жрецы не получили от него ни единого быка или овцы, ни единого серебряного или золотого перстня, ни даже сосуда с плохим пивом или кувшина с гнилыми финиками... Он отказался присутствовать на их службах; и когда Кен, верховный жрец, пришел и дерзко напомнил ему, что царица должна возглавить гарем бога как первая супруга Амона, он выпроводил его, обозвав «лицемерным развратником», «подлецом, который злоупотребляет легковерием женщин». Кен не стерпел такого оскорбления. Он направился к фараону, чтобы пожаловаться и

предсказать неурожайные годы в случае, если Амон не простит этого святотатца. После этого свидания фараон приказал сыну прийти и начал говорить с ним:

— Если Амон тебя простит и отведет от Египта гнев Сехмет*, богини с головой львицы, — пятьсот семьдесят пять изваяний с ее изображением, украшающие мой погребальный храм и храм Мут*, свершат много, чтобы избежать этого несчастья, — то, поверь мне, Кен, верховный жрец, помешает богу отпустить тебе грехи. Он использует свою магию против тебя. Ты мне наживешь врагов, мой сын! Ибо отказываясь отдать царицу в божественный гарем, ты открыто ставишь под сомнение достоинство своей бабушки и мои родственные отношения с Амоном! Не забывай, что на барельефе большого храма в Луксоре написано, что я плод любви бога к моей матери!

Но говоря это, он хитро улыбнулся и прибавил:

— Но, быть может, ты предпочитаешь сохранить свою жену для Атона! В конце концов, Диск Солнца, без сомнения, увидит своим ревнивым оком, что она вошла в гарем другого бога, а ведь он твой покровитель! Это я и сказал Кену... И еще я ему сказал, что столь важное дело не в нашей власти, пусть боги сами разбираются, и, конечно, из-за простой смертной Амон и Атон не вступят друг с другом в борьбу подобно Сету с Осирисом!

По тону голоса своего отца молодой человек понял, что тот хотя смеялся над этими религиозными спорами, но все же решил следовать мудрости, бытовавшей в Нижнем Египте: «Не обижай ни своего поля, ни священных ибисов!» Но Аменхотепу и самому были смешны угрозы жрецов Амона. Более того, он поступал до-

стойно: не пряча ни своего презрения к ним, ни скрываясь от их враждебности. И никто из придворных не мог не знать, что все его заботы посвящены одному богу Атону!

Еще раньше, воспользовавшись разливом реки, он приказал доставить из карьеров Хену большие блоки песчаника, предназначенные для создания его храма Атону. Он осыпал служителей этого храма подарками и давал им многие привилегии. Он не присутствовал больше ни на одном празднестве в Карнаке, а имя Атона не сходило с его уст.

Молодой человек присел на широкий камень, возвышавшийся над ведущей к реке лестницей. Нил бежал, почти касаясь его босых ног. Разлив в этом году был сильным, он с легкостью достиг шестнадцати локтей, и Хаемхет, управляющий царскими закромами, принародно получит в награду благовония и золото за то, что представил фараону отчет об обильном урожае. И это несмотря на гнев Амона и магию его слуг!

Аменхотеп стиснул зубы. Он представил себе, как волосатые руки Кена обнимают беззащитное, нежное тело Нефертити... Жена бога?! Блудница, да! Отдающаяся всем этим лысым жрецам, даже тем, кто осмеливается вынести смертный приговор женщине, застигнутой за прелюбодеянием... Атон не потерпел бы ничего подобного! Он был богом чистоты, богом человеческой любви! В качестве жертвоприношений он просил фрукты, которые он сам же заставлял зреть, и цветы, которые он сам наделял такой красотой. Он радовался ликующим гимнам, несущимся из невинных сердец его подданных.

Атон вновь говорил со своим горячо любимым сыном, он сказал ему «втайне»:

— Я не просил у тебя твоей жены, однако ты не пришел встречать мой восход!

Но его сын был рассеян. Его взгляд бродил по окрестностям, пострадавшим от наводнения. Пейзаж напоминал Нуна*, перевозданный океан, откуда в форме лотоса появилась жизнь. Он рассматривал деревни, красовавшиеся на илистых пригорках, как водяные лилии, он восхищался могучему цветению Карнака и Луксора*... Он пытался окинуть взглядом всю протяженность бурлящего потока, несущего красный ил, и он шептал, как в опьянении:

— Бог Хапи лег на землю Египта и оплодотворил ее... Он оплодотворил ее, как я оплодотворил Нефертити...

Внезапно Аменхотеп очнулся от своих мечтаний и пришел в смущение. Он только что произнес слова народного суеверия, в борьбе с которым, собственно говоря, и заключалась его миссия, а его ум был занят похотливыми мыслями, тогда как он должен быть полон молитв и восхвалений бога!

Тотчас он воздел руки к небу и сказал:

— Прости меня, боже, прости меня, ибо ты бог любви, а твой сын влюблен! Он любит женщину, которую ты по доброте дал ему, которая принадлежит только тебе, ибо я некрасив, а она прекрасна, я уродлив, а ее тело — как драгоценный цветок, я лишен рассудка, а она исполнена ума! Этой ночью я ласкал ее дрожащими руками, и поцелуи мои были неуверенными. Но она не оттолкнула меня... Ах! Бог любви! Наполни ее сердце любовью ко мне! Сделай так, чтобы от любви ее

рука дрожала на моем затылке и губы трепетали от прикосновения моих губ! Сделай так, чтобы ее любовь, как и моя, была пугливой, подобно пушистому птенцу, что не осмеливается пуститься в свой первый полет! Тогда мы станем как брат и сестра: если она заглянет себе в душу, она увидит там мое изображение, и какую любовь она увидит в себе, то же чувство она прочитает во мне! Иначе как я мог бы найти слова, чтобы ей его описать?

Атон исполнил его просьбу. Он, чей свет проникает в сердца людей, знал, что его горячо любимый сын останется верным ему... и он не испытывал ревности. Он сказал:

— Люби свою жену, она достойна этого, но завтра встань и, когда я появлюсь на востоке, поклонись моему диску.

— Я буду там к твоему восходу! — обещал Аменхотеп, душу которого переполняла радость.

И день стал для него днем благодарения и восторга.

Однако он постарался не видеться со своей женой. Безотчетный стыд удерживал его от того, чтобы встретиться с ней лицом к лицу при свете дня... Быть может, это был страх не увидеть в ее взгляде той нежности, которую он желал в нем увидеть.

Но только опустилась ночь, он натерся маслом, скинул с бедер повязку и с бьющимся сердцем направился в комнату царицы.

Когда он увидел ее обнаженной на кровати, он почувствовал, как спазмы сжали его горло и пот покрыл его тело. Он не мог произнести ни единого слова и приблизился к ней с таким трепетом, с каким предстал обычно пред алтарем бога.

Каждую ночь в продолжение недели Аменхотеп наносил молчаливые визиты своей жене, молчаливой, как и он... В продолжение недели он избегал встречи с ней при свете дня, и она не пыталась его увидеть. Сказали бы, что они оттягивают час выяснения отношений из страха, что это выяснение может все испортить.

С приближением сумерек Нефертити чувствовала странное волнение. Тогда она становилась как молодая газель, что пугается малейшего шума: сердце замирало, глаза округлялись, она следила за наступлением темноты, и горло ее перехватывал страх. Затем ее оставляли обнаженной на кровати... легкие шаги чуть задевали плитку веранды, занавес раздвигался, и мужчина медленно входил в комнату, не спуская с нее глаз, светящихся, как фитили из льна... в ушах начинало шуметь, кровь стучала в висках, дыхание становилось коротким, и сладкая дрожь пробегала по всему телу... Она хотела этого мужчину и она отдавалась ему, не желая запоминать его имени...

Наутро, в невинном свете дня, она вспоминала, что его зовут Аменхотеп, что он ее муж, что она его ненавидит. Ее сердце наполнялось яростью и злобой. Она произносила имя Май, как имя воина, который отомстит за ее унижение, и давала себе обещание сопротивляться сегодня же вечером и выставить своего мужа до того, как он до нее дотронется.

Нет, у нее не было желания встречаться с Аменхотепом в течение дня! Она не хотела видеть выражение самодовольства в уголках его рта и победы в его взгляде. Если бы она хоть один-единственный раз отказала ему, у нее хватило бы мужества сказать, что он уродлив и что он никогда не сможет рассчитывать на ее любовь!

Однако на восьмой день молодые люди оказались лицом к лицу в библиотеке фараона, куда Нефертити пришла, чтобы взять футляр с текстами. Большое здание библиотеки состояло из четырех залов, где хранилась вся египетская и месопотамская литература: стихотворные поэмы, истории на религиозные и научные темы, даже царская переписка и доклады писцов, причисленных к различным службам. Когда Нефертити заметила молодого человека, ее на мгновение охватила паника, и, попятившись, она натолкнулась на Мишере. Это вывело ее из смущения. Она повернулась к служанке и сухо сказала:

— Ты не можешь быть повнимательней?

После этого она почувствовала себя достаточно уверенной, чтобы взглянуть на мужа. Она посмотрела ему прямо в глаза, пытаясь обнаружить в них наглый, победный блеск.

Но Аменхотеп стоял перед ней подобно ребенку трех лет. Его губы дрожали, а глаза излучали тот странный слабый свет, который так очаровывал ее в полутьме ночи и который теперь она находила неуместным и глупым. Она прикусила губу, чтобы не рассмеяться над собственной глупостью, которая в течение восьми дней не позволяла ей избавиться от власти этого мужчины. И поскольку Аменхотеп не походил на победителя, о котором ей не раз говорила мать, она почувствовала почти снисхождение к нему. Благодарность могла быть воздана богам — она была, как никогда в жизни, свободна. Ее муж любил вроде слащавого любовника из книги стихов, и она была уверена, что, если его немного приободрить, он стал бы сам писать стихи.

Мое сердце полно радостью,
Ибо вместе мы с тобой.
Упиваюсь я той сладостью,
Что дает мне голос твой.
Видеть тебя, ради этого жить
Лучше, чем в одиночестве есть и пить*.

Нечто вроде презрительной жалости поднималось в ее груди. В течение восьми дней она отдавалась своему мужу, и этого было достаточно, чтобы сделать из него своего раба! Отныне она возымела власть над Его Царским Величеством, и если бы она была хитрой, то смогла бы извлечь из этого большую выгоду. Она постоянно слышала, что ее брат от природы пуглив, скрытен, упрям, и гордая мысль, что она его победила, придавала ее доброжелательному тону оттенок высокомерия, когда она сказала ему:

— Что подделывает мой братец в библиотеке? Я его здесь никогда не видела. Пришел за поэтической пищей?

Аменхотеп почувствовал себя сильно оробевшим. Он не обнаружил в голосе жены ни насмешки, ни сухости, и это его потрясло.

— Я приходил положить письма Шуттарны, твоего прадеда, царя страны Нахримы*, и письма царя Аласии*, который просит меня прислать ему позолоченное ложе, дорогую колесницу, серебра и полотняной ткани в обмен на сосуд с дорогими маслами, который он мне подарил по случаю моего восшествия на трон.

Он испытывал потребность говорить много, даже о незначительных вещах, для того чтобы отсрочить момент признания, заранее сушившего его горло.

Нефертити легко засмеялась.

— Вот это друг, твой царь Аласии, — сказала она

светским тоном. — Действительно, если бы народ взбунтовался против тебя, ты нашел бы убежище на его острове! Он кормил бы тебя даром и осыпал богатствами! Не посылает ли он тебе зуйка в обмен на стадо упитанных коров? Что ты сделал? Ты послал ему глиняную табличку, полную признательности, вместе с сотней женщин, нагруженных подарками, чтобы наградить его за этот маленький сосуд с маслами для натирания? Или ты ему написал, что он твой подданный и что ему нечего от тебя ждать, кроме снисходительности?

Молодой человек растерялся.

— Этот царь — мой брат, — сказал он почти басом. — Он владеет маленьким царством, которое не приносит обильного дохода... Этот сосуд, возможно, стоил ему целого состояния, а то, что он у меня просит, мне ничего не стоит! Зачем огорчать моего брата под солнцем?

Нефертити задели его доводы.

— И что сказали мой отец и твоя мать по поводу этого замечательного обмена? — спросила она сухо. — Они не просили тебя добавить с их стороны партию перьев страуса и свору гепардов из страны Пунт?

Аменхотеп понял, что жена не одобряет его, и был недоволен, что начал этот разговор, повернувшийся таким нехорошим образом.

— Царь Аласии обратился ко мне, и я ему послал подарки из моей личной казны. Сделав это, я не причинил никому убытков, не обеднил никого, кроме себя.

— Я надеюсь, что ты не будешь так расточать богатства твоего народа! — бросила Нефертити почти резким тоном.

Внезапно наступило молчание, во время которого молодые люди пристально смотрели друг на друга. Аменхотеп был потрясен твердостью в голосе Нефертити, которую он помнил в нежности и любви. Нефертити же сердилась на себя, что слишком много наговорила. Ей надо упорно работать над собой, чтобы стать хитрой... хитрой, как ее свекровь Тэйя, о которой Келу-Хеба говорила: «Это она держит поводья... Фараон всего лишь кожаный ремень, которым она оборачивает руку, чтобы не пораниться!» Тем хуже для ее стремления к правде и честности! Ее вынудили лгать и лицемерить, и ей не надо больше проявлять излишнюю щепетильность.

Эта мысль ее вдохновила. Она сделала усилие, чтобы смягчить тон своего голоса.

— У меня не было случая тебя увидеть, — сказала она, — и ты, кажется, забываешь, что я царица, что мое желание возвеличить Египет подобно твоему! Однако я еще ребенок и ничего не понимаю в делах государства. Слишком большое одолжение просить тебя обучить меня тому, что хорошо делать или не делать в управлении страной. Возможно, я сказала нечто несообразное со здравым смыслом, когда упрекнула тебя за то, что ты послал подарки царю Аласии. Если это так, извини мое невежество и упрекай только себя, что не нашел времени меня просветить.

Эти слова бальзамом легли на раненое сердце молодого человека. Он решил, что Нефертити простодушно смирилась, и почувствовал себя совершенно счастливым, видя ее просящей его помощи.

— Конечно, конечно, ты говорила разумные вещи, — поспешил он утешить ее, — ты говорила здра-

вые вещи, поскольку не знала, что сосуд имеет большую цену... Я не смел надеяться, что дела государства тебя заинтересуют, но, поскольку это так, я счастлив, ибо женщина выказывает в большинстве случаев большую тонкость мышления, чем мужчина, и ее ум, естественно, склонен судить по справедливости. Я еще слишком молод и мало знаю, как и ты, и мне надо еще многое изучить. Однако то, что я знаю, я тебе расскажу. Когда я должен начинать?

Нефертити захотелось улыбнуться, но она сдержалась.

— Сейчас я не в настроении приниматься за серьезные вопросы. Что ты скажешь на то, чтобы пойти и сыграть со мной партию в собак и шакалов?

— Лучше и не придумаешь, — сказал молодой человек поспешно. — У меня как раз есть для тебя изумительный подарок: игральная доска из эбенового и олибанового дерева, собаки покрыты эмалью цвета лазурита, а шакалы из черного сланца, инкрустированного золотом... Я получил это в подарок от одного царька из Нубии.

— В обмен на что? — неловко спросила Нефертити, но быстро сгладила улыбкой неуместность вопроса, и Аменхотеп засмеялся. — Однако я пришла в библиотеку моего отца за какой-нибудь книгой... Что ты мне посоветуешь взять? — добавила она.

— Я никогда не читал ни вымышленных историй, ни сборников поэзии, — извинился Аменхотеп. — Я вспоминаю только одну книгу, которую мне читала моя мать, когда я был маленьким, она очень ее любила, и это была «Книга Сладкой Сикоморы».

Нефертити скорчила недовольную гримасу.

— Я ее читала... — сказала она. — Ничего, я приду в другой раз. Пойдем посмотрим эту потрясающую доску для игры в собак и шакалов, которую ты мне пода-ришь... если я выиграю партию.

— Все мое — это твое, — осмелился сказать молодой человек почти шепотом и вышел вслед за ней из залы. Его лицо приняло выражение горячей любви и взгляд вновь стал излучать странный свет, но его властного очарования Нефертити больше не боялась.

Спутница Нефертити побежала рассказывать о случившемся в гарем: соправитель и его жена играли в собак и шакалов на прекрасной доске из эбенового и олибанового дерева, и это прямо после обеда... в комнате царицы. Со дня их свадьбы такое случилось в первый раз! Келу-Хеба пожала плечами и заметила, что лучше эта игра, чем в кошку с собакой. Она с самого начала осуждала поведение своей дочери, которая привередничала, когда ей предлагали трон. Ах! Если Шаи, божество доброй судьбы, знало бы, что делает, оно превратило бы Нефертити в Келу-Хебу, а Келу-Хеба превратилась бы в Нефертити!

Слухи, сделав круг среди дворцовых слуг, устремились к знати. Таким образом, они достигли ушей бедной Ти. Кормилица открыла в себе таланты домоседки с тех пор, как сердце ее питомицы как будто закрылось для нее. Аи, возвращаясь со службы, постоянно видел ее дома. В любое время дня она была у себя, в своей комнате, где изводила себя, браня служанок, или во дворе кухни, споря со старой Нефрет, которая ее ког-

да-то воспитывала и которая в свои семьдесят три года умела ощипывать гусей «как в молодости».

Молва застигла ее в тот момент, когда она собиралась отправить в рот пирожное. Тотчас она вернула пирожное на блюдо и бросилась на землю, чтобы совершить молитву богине Нейт, покровительнице брачного союза*. Она сказала:

— Благодарность и слава пусть будет тебе, о Великая Нейт! Ибо твое могущество вновь доказано! Вот моя козочка уже играет после обеда в собак и шакалов со своим мужем! Завтра она будет сопровождать его в храм... Послезавтра она будет вместе с ним принимать послов. Послепослезавтра она зачнет ему ребенка... ибо когда играют в собак и шакалов после обеда, это означает, что могут сыграть вечером в Нут-и-Геба*, до того как Шу* вмешается в их дела!* Не прекращай заботиться об этом союзе, Великая Нейт! Ибо, если моя птичка будет приручена птицеловом, преданная тебе Ти не останется в немилости!

Служанки, это дерзкое отродье, отвернулись, чтобы незаметно посмеяться, не рискуя вызвать гнев своей хозяйки. Тогда Ти поднялась и одним махом съела пирожное. Она была уверена, что скоро будет вызволена из своего печального изгнания... из той дали, куда слухи, появившиеся в царском гареме, доходили только спустя три часа.

Тэя, узнав о случившемся, ограничилась лишь покачиванием головы и улыбкой. Она была не очень удивлена, ибо знала, что любовь — это река в половодье: вода поднимается сначала медленно, почти незаметно до того дня, когда ее напор вдруг достигнет такой си-

лы, что срывает с берегов пучки папируса, несет их по течению, заставляет обваливаться плотины и дрожать земную твердь.

ГЛАВА 11

Богиня Нейт, без сомнения, отнеслась к просьбе доброй Ти с благосклонностью. Нефертити стала сопровождать своего мужа в храм Атона. Она приняла посланцев из Сирии, Нубии и с «острова на море», Аласии. Она была беременна. Что касается игры в Нут-и-Геба, она играла в нее со страстью большей, чем того хотела. Вначале Нефертити возмущалась, что снова совершает прежние ошибки, несмотря на добрые намерения не делать их. Затем она убедила себя в необходимости покончить с этим и сказала себе: «Ночь и День похожи на негра и египтянина, которые пытаются прийти к согласию. Каждый до встречи поклонялся богам своего народа, питался согласно вкусам, бытовавшим в его родной стране. Мир существует между людьми, если они не мешают друг другу и не стараются навязать один другому свои законы». Так объяснил мне мой муж, рассматривая вопросы мира между народами. В действительности он сказал это о Дне и Ночи! Ночью мужчина входит в мою комнату. Я не вижу его, ибо погасила светильник перед его приходом. Он говорит мне слова любви, возможно, даже улыбаясь. Днем я просыпаюсь в царской опочивальне, я встречаюсь со своим сводным братом, я беседую с ним о делах государства, я председательствую на Совете. Мой ум холоден, я все обдумываю, я бодрствую. Но Мой День не

знает того, что делает Моя Ночь, и, чтобы остаться в мире, они не должны пытаться навязать друг другу свои законы».

С этого времени Нефертити обрела душевное равновесие, но злость на кормилицу у нее не прошла. Таким образом, доброта великой богини Нейт проявила себя не до конца: Ти по-прежнему оставалась в немилости и продолжала стенать в своем изгнании.

Нил вернулся в прежнее русло. Пришло время сева, персиков и... зловония. Повсюду, по всей обширной территории страны Черный Кем крестьяне, полные задора и ликования, разбивали комья ила, пахали и сеяли: разлив не разорил их, напротив, он разнес благотворный ил далеко в глубь их земель. Призрак голода исчез, ибо урожай должен был стать обильным, и в амбары будет ссыпано достаточно зерна, чтобы какой-нибудь засушливый год не погубил страну. Воздух наполнился смехом, песнями, веселыми возгласами и криками. От северного горизонта и до южного люди вздохнули с облегчением. Однако воздух вблизи многочисленных луж и озерков со стоячей водой, оставленных Нилом за собой, «вонял больше, чем икра рыбы». Так было с тех пор, как Нун* породил Египет.

Это было время москитов и счастливая пора для продавцов благовонных масел и гусяного жира.

Это было время царских празднеств, состязаний лодочников и охоты в болотах. Фараон с удовольствием позволил своему сыну взять на себя заботы по устройству праздников, но никому не разрешил вмешиваться в охотничьи дела. Водоплавающая птица не представлялась ему особо ценной добычей, ему, кото-

рый убил не одну сотню львов, диких быков, леопардов и других опасных животных! Но он не пренебрегал и ею, когда дичь собиралась на зеленых, густо заросших тростником островках среди болот.

Накануне открытия большой охоты Майи прибыл в Уису с письмом от своего отца. Он настоял, чтобы доставить его самому, ибо начал скучать в провинции, где жизнь тянется слишком монотонно и уныло. В нем жили воспоминания о счастливых днях детства, о времени, которое он провел в «доме молодых солнц», и начиная со дня, когда Аменхотеп взошел на трон соправителем, он мечтал, что будет сразу же принят в его окружение. В самоуверенности своих пятнадцати лет он не сомневался, что легко добьется своего, если представит свою просьбу сам. Не был ли он большим другом Нефертити? Не стала ли Нефертити всемогущей царицей?

Он приблизился к трону с поднятой головой, с уверенным взглядом, твердой походкой, и при виде его гордой осанки, его стройной фигуры и красоты лица Нефертити почувствовала, как ее охватывает сильное волнение. С тех пор как она перестала быть невинным ребенком, с тех пор как в ней проснулись желания, она стала отличать мужчин от женщин. Майи был мужчиной, тем мужчиной, который должен был на ней жениться и кого она звала в минуты сладострастия. Рядом с ним день и ночь теряли границы, они смешивались в нежном хаосе, присущем любовной страсти. Она слышала голос, звучавший высоко и чисто, и сравнивала его с голосом мужа, глухим и низким. Внезапно она испугалась, что выставляет себя напоказ перед Майи рядом с этим уродливым, безобразным существом, ко-

торым был ее муж и с которым она теперь соединена неразрывными узами, ибо была от него беременна. У нее появилось ощущение, что она навсегда замарана, и ей казалось, что этот позор виден на ее лице... как прыщ на носу. Она притворилась, что падает в обморок, и не открывала глаз, пока не очутилась у себя в комнате на кровати. Сквозь слезы она различала фигуры растерявшихся от волнения служанок.

— Оставьте меня одну... — прошептала она дрожащим голосом.

Служанки переглянулись в нерешительности и удалились, сожалея, что не смогут утолить свое любопытство.

Тогда Аменхотеп вышел из темного угла, где таился, обеспокоенный и несчастный, ожидая, когда служанки приведут царицу в себя.

Когда Нефертити заметила его, она едва не взвыла.

— Что с тобой? — спросил молодой человек в отчаянии от своей беспомощности перед этим странным недомоганием женщины, которую он любил больше всего в мире. — Хочешь, я позову Пенту?

Нефертити глубоко вздохнула, чтобы сдержать рыдания, готовые вырваться из ее горла.

— Я не больна, чтобы звать лекаря! — сказала она охрипшим голосом. — Я жду ребенка... я жду ребенка, вот и все... Оставь меня одну, одну, ОДНУ!!!

Она выкрикнула последнее слово и, закрывая лицо руками, снова ударилась в слезы.

Аменхотеп замер в молчаливой растерянности.

Его жена ждала ребенка... его ребенка... Его сына! Он был перед великой тайной рождения... Во чреве его жены покоился зародыш его любви, и это маленькое

зернышко было его сыном. До этого часа он почти не думал о божественном чуде рождения жизни. Конечно, вокруг него женщины рожали, животные приносили приплод, но его не поражало чудо происходящего.

В нем проснулось какое-то новое уважение к жене, которая стала храмом жизни, и он опустился на колени перед ложем. Он не произнес ни слова, не шевельнулся, он находился в единении со священной Тайной, которая развивалась в сокровенном на о се, навсегда скрытом от взглядов людей.

Он чувствовал себя перед Нефертити, как чувствует себя непосвященный, присутствуя при мучительных испытаниях человека, которого возводят в сан жреца, и ему оставалось лишь смиренно ждать и дрожать от страха. Нефертити страдала, и вся безграничная любовь ее мужа не могла ей помочь, ибо в глубине своего существа человек всегда одинок.

Через какое-то время Аменхотеп молча вышел, его сердце переполнила нежная и светлая радость. Он вернулся в зал приемов, оказал честь Маи, как своему брату, и пригласил его принять участие в открытии большой охоты, которое должно было состояться на следующий день.

Царица Тэя тревожно поглядывала на своего сына. Он успокоил всех насчет здоровья своей жены. Он объяснил, что сильные запахи в это время года вызвали у нее недомогание и что она просто отдыхает в комнате, наполненной ароматом ладана. Но Тэе было не по себе. Она вспомнила речи господина Заруая, который задержал девочку, в то время как она направлялась к своему деду в Митанни. Он сказал:

— Божественная Нефертити выдавала себя за жену писца из города Таниса...

И еще:

— Божественная Нефертити сказала мне: «Ты получил приказ доставить меня обратно в Уису, и я знаю, что ты не хочешь проводить меня в Танис».

О! Май в детстве был любимым товарищем маленькой царевны... и он проживал в Танисе.

С другой стороны, в день своего побега не говорила ли девочка своей мачехе:

— Почему я должна возиться с твоим сыном, особенно если я люблю другого?

Тэйя отчетливо помнила эти слова, ибо они долго мучили ее.

Почему Нефертити упала в обморок, как только молодой Май появился на приеме?

Ее страхи усилились, когда она узнала из уст одной служанки, что ее невестка лежит в постели и плачет.

Тем не менее ее сын был полон радости, и мягкость его голоса свидетельствовала о мире в его душе.

Тэйя приказала сообщить сыну о своем визите. Она не хотела делиться с ним своими подозрениями, собираясь только расспросить его. Ибо впервые она мучилась сомнениями в правильности своих выводов. Не могло ли быть так, что она действовала слишком легкомысленно, насильно заставив Нефертити выйти замуж за ее сводного брата, отговариваясь тем, что невинная девушка влюбится в того, кто пробудит в ней чувства? Вот уже три месяца Аменхотеп нарочито держался с довольным видом счастливого мужа, но Тэйя знала по опыту, что мужчины слишком глупы и само-

надеянны, чтобы обмануть своей довольной миной окружающих женщин.

Она застала сына в комнате дел и свитков, где он, как всегда, проводил время после обеда с пяти до шести часов. На низком столике перед ним были сложены глиняные таблички и свитки папируса. Однако молодой человек изучал не их; его взгляд был устремлен в невидимый мир, заставлявший его нежно и сладко улыбаться. Аменхотеп и вправду производил впечатление глубоко счастливого человека.

Она сделала ему знак не вставать и села напротив него на скамейку.

— Я пришла к тебе по поводу Нефертити, — сказала Мэйя, — надеюсь, она не больна! Я не осмелилась ее беспокоить, ибо ты сказал, что она нуждается в отдыхе. Действительно ли запахи вызвали ее недомогание? Это любопытно, ибо ни разу, начиная с раннего детства, она не жаловалась на голову... или сердце. Ты должен был вызвать Пенту к ее постели, чтобы он прописал целебные средства!

Аменхотеп засмеялся. Мать не поверила в его ложь. У нее был острый глаз, тонкий ум... и она была любопытна, как любая женщина. Молодому человеку захотелось ее подразнить.

— Ее голова на месте, ее сердце общается со всеми частями тела без перебоев, — сказал он, используя ученый язык Пенту. — Нет, действительно единственной причиной ее слабости был дурной запах!

Тэйя покачала головой.

— Мне доложили, что у нее слезятся глаза, как если бы она находилась в комнате, полной дыма... разве это не признак того, что ее тело перегрелось? Что вызвало

этот жар? Быть может, она не переносит молодое вино из фиников? Сын мой, ты не испытываешь любви к своей жене, ибо она страдает на своем ложе, а ты остаешься здесь, смеешься и шутишь!

Лицо Аменхотепа стало серьезным.

— Мама, — сказал он тихо, — конечно, моя жена больна!.. Она больна тем, что носит под сердцем ребенка... Моего ребенка. И если она плачет, то потому, что в ней живет мучительная тайна...

Тэя вздохнула с явным облегчением. Нефертити была беременна, этим объяснялось многое... Тем не менее она хотела прояснить все до конца, чтобы погасить в себе даже намек на подозрения.

— Я рада за тебя, мой сын, ибо ничто так не связывает семью, как ребенок. Однако не сердись на свою мать, если она задает тебе слишком откровенные вопросы. Любопытство — удел черни. Не дело матери вмешиваться в личную жизнь сына, но Нефертити молодая, и я не скрою от тебя, что ваша женитьба была решена без ее согласия. Вы живете вместе полгода, и последние три месяца она кажется мне более спокойной и, похоже, более уважает и ценит тебя как своего супруга... Скажи мне, мой сын, твоя жена любит тебя?

Аменхотеп вздрогнул. Его мать попыталась открыть потайную дверь, которую он держал запертой для всех. В течение дня Нефертити никогда не оказывала ему знаков внимания, не смотрела на него понимающим взглядом, не улыбалась с любовью... Она не искала его руку, чтобы незаметно сжать в своей. Во время долгих приемов она не протягивала ему своего кубка, чтобы он выпил, она не целовала его украдкой за колоннами... и когда он искал ее руку, она ее убирала. Когда он

давал ей свой кубок, она отказывалась и не пила из него. Когда он тянулся губами к ее щеке, она отстранялась. Однако ночью она становилась совсем другой, она не отказывалась от ласки, она целовала его, и ее тело становилось податливым, движения сладострастными!.. Тогда он и не думал беспокоиться о том, почему она никогда не отвечает на его страстные признания в любви... Она молчала, как призрак из невидимого мира, но он видел только одно, то, что каждая частица ее тела излучает желание, что жар ее тонкой руки обжигает его влажный затылок.

Нет, он не хотел впускать в сердце сомнения. Он любил Нефертити такой, какой она была...

— Жена любит меня, — ответил он глухим голосом, — я в этом уверен.

Тэйя заметила, как сын вздрогнул, и была этим огорчена. Ей захотелось услышать более искренний ответ. Но сын говорил медленно, как если бы хотел убедить самого себя в этой любви. Ей стало жалко его.

— Конечно, она тебя любит, — продолжала она улыбаясь, — я заметила, как изменился ее характер за последние три месяца! Но мне было важно услышать это от тебя, чтобы знать, что ты думаешь... Ты понимаешь? Я считала, что ты вообразил себе невесть что! Когда случалось, что Нефертити вела себя холодно, я боялась, что ты обвинишь ее в равнодушии... На самом деле эта холодность не что иное, как притворство, стыдливость молодой женщины. Я счастлива, что ты это понял! Ты можешь доверять наблюдательности матери, она редко ее подводит: Нефертити влюблена в тебя. Я поймала ее на этом, когда она смотрела на тебя однажды... Ты собирался уходить, и ее взгляд был неж-

нее крыла бабочки. Однако, помни это, женщина — предмет хрупкий, с которым надо обращаться бережно... Она как металл, который надо долго полировать, прежде чем он сможет засверкать... Не получишь удовольствия, пока не заставишь его блеснуть, ибо, пока он тускл, он не даст хорошего отражения твоего лица.

Аменхотеп ответил с необъяснимым гневом:

— Нефертити не жалуется на меня по этому поводу, и я не жалею на нее!

Тэя не без лукавства улыбнулась. На этот раз он говорил искренне, горячность его голоса свидетельствовала об этом. Нефертити могла изображать холодность и безразличие на глазах у всех. Ее муж сумел разбудить в ней чувственность, и любовь не замедлит явиться и разбить последние преграды.

Однако не надо было пренебрегать и тайной привязанностью, которую она питала к Май. Нужно было действовать, как если бы он был повинен в ее обмороке и слезах.

— Май — славный юноша, — проговорила она, отчетливо произнося каждое слово. — Я рада видеть его красивым и гордым, ибо его отец — друг твоего отца и его радости — это и наши радости. Я думаю, что было бы хорошо позаботиться о его будущем. Спроси его, что ему будет приятно... быть может, ему захочется возглавить экспедицию в страну Пунт в качестве посла Его Величества фараона? Есть и другое дело: Рамозе уже сообщил тебе о жалобах рабочих некрополя?* Кажется, хлеб, овощи, рыба и пиво не были выданы им в достаточном количестве. Еще и писцы приворовывали! Я не люблю Нефрета, он скрытен, и чаще видишь кожу

его черепа, чем цвет его глаз, настолько он из уважения к тебе ходит согбенным.

Аменхотеп улыбнулся.

— Рамозе мне говорил, и я собираюсь сам посетить некрополь. Что касается Май, с радостью соглашусь с тем, что он пожелает, ибо он мой брат, и я помню его еще голышом в доме царских детей.

Тэя покинула сына совершенно успокоенная. Он говорил о Май с любовью. По-видимому, здесь нечего опасаться. И пока ревность не поселилась в его сердце, у него будет меньше шансов повести себя глупо наедине с женой и потерять те крохи ее нежности, которых он добился за эти шесть месяцев.

ГЛАВА 12

Сидя на корточках у порога комнаты своей хозяйки, Мишере дремала. Нефертити приказала ей:

— Оставайся за дверью и, если захотят меня видеть, объясни, что я отдыхаю.

Задача не из легких! Было нетрудно помешать войти служанкам, но сколько хитрости и ловкости надо было употребить, чтобы заставить знатных вельмож внять этому доводу и не задеть при этом их самолюбия! И хотя Мишере была повышена в должности до «Первой служанки одесную царицы», ее сердечко пугливого мышонка еще не окрепло и не облачилось в доспехи гордости и панцирь самоуверенности. Приказывать другим было для нее сущей пыткой, ибо природная робость мешала ей поверить в свою значимость. Когда

речь заходила о том, чтобы дать отпор придворной знати, бедное дитя претерпевало адские муки!

После обеда она только и говорила:

— Моя хозяйка спит, и ей станет лучше, когда она проснется... Не надо ее беспокоить.

Она говорила одну и ту же фразу и для рабов, и для господ, ибо не могла одновременно дрожать от страха и выдумывать что-нибудь новое.

Большинство знатных людей кусали губы, многие уходили нахмутив брови, и Мишере страдала от мысли, что бестактность служанки сможет запятнать репутацию царицы.

К вечеру посетители поредели, и она смогла какое-то время подремать.

Однако ее Ка* бодрствовал. Он услышал шаги в коридоре и сильно встряхнул маленькую стражницу. Она подскочила и сделала усилие, чтобы открыть глаза: прямо перед ней возвышалась Великая Царская Супруга. Мишере на мгновение охватила паника: она была горсткой пыли перед Великой Царской Супругой! Как могла она обрести дар речи, чтобы запретить той входить в комнату? Ее хозяйка ей сказала: «Не позволяй входить никому... никому, ты слышишь? Ни рабам, ни господам».

Великая Царская Супруга не подходила даже отчасти ни под одну из этих категорий, она была божественной, она была матерью юного солнца! Кто посмеет сказать луне: «Свети на мой фруктовый сад! Не проникай своим взглядом в мое жилище! Оставайся снаружи! Не входи будить мою царевну!»?

Однако ее привязанность к Нефертити была такой сильной, что она осмелилась вызвать гнев Тэйи.

Она поверглась ниц на плитки пола, лицом в холодный алебастр, чтобы лучше скрыть свой страх перед необходимостью совершить преступление — оскорбить Ее Величество, и пробормотала по этому случаю новую фразу:

— Если сочтете меня дерзкой, то прикажите отсечь мне голову немедленно. О Великая Царская Супруга! Я не могу позволить тебе увидеть мою госпожу, ибо она приказала сторожить у двери, чтобы никто не побеспокоил ее сон! Должна ли я прогневать ее, чтобы угодить тебе, или вызвать твой гнев, чтобы угодить ей?

Тэйя воспользовалась тем, что служанка не смотрит на нее, и, будучи в добром расположении духа, улыбнулась. Она оценила сердце Мишере, найдя его невинным и исполненным глубокой преданности.

— Если я должна приказать отрубить тебе голову перед тем, как войти в комнату дочери, я воздержусь от этого, ибо вид крови вызывает у меня недомогание! — сказала она, забавляясь. — Я выберу решение более... опрятное: я сейчас уйду, но только после того, как буду уверена, что моя дочь чувствует себя лучше.

— Она мне сказала, что почувствует себя лучше, когда проснется, — поспешно отвечала Мишере, радуясь, что столь дешево отделалась.

— Вот и хорошо! Успокойся, моя девочка, преданность служанки должна вызывать восхищение!

Когда шаги Тэйи затихли, Мишере вновь приняла свою любимую позу.

— О Великая Царская Супруга! — прошептала она тоном старика, жалеющего наивного ребенка. — Ты добрая, но очень простодушная. Я сегодня не понравилась многим людям. Но ты луна, о Тэйя! И ты дер-

жишься очень высоко, чтобы видеть происходящее на земле! Да! Я действительно не понравилась многим людям!

Наконец ее позвала Нефертити, и она влетела в комнату как на крыльях от мысли, что ее мучениям пришел конец. Увы! Ее госпожа собиралась доверить ей задание еще более страшное, нежели первое!

— Слушай, — сказала молодая женщина, даже не спросив имени тех, кто приходил справиться о ее здоровье, — ты сейчас пойдешь к моему отцу и передашь ему, что я очень устала, чтобы присутствовать на пиру... Ты скажешь ему: «Великая Нефертити хочет набраться сил в одиночестве, чтобы присутствовать завтра на открытии охоты. Она уверена, что, хорошо отдохнув, убьет на двадцать птиц больше, чем ее отец. Она просит его также как можно лучше подготовиться к этому состязанию, чтобы почести достались не только победителю».

Нефертити знала, что, выслушав такое послание, фараон, ослепленный своей гордостью охотника, не придаст особого значения неприличному отсутствию дочери на пиршестве, дававшемся в честь Маи. Она его видела отсюда, входящего в большую залу как воин, со сверкающим взглядом, твердой походкой, ибо фараон не любил тратить силы на государственные дела, прибегая их для охоты.

«Соправительница не будет присутствовать на празднике, — скажет он ироничным тоном. — Она отдыхает, чтобы укрепить свою руку! Она вызвала меня на состязание и уверяет, что убьет на двадцать птиц больше, чем я! Она просит меня хорошо подготовиться к соревнованию, словно мне необходимо приберечь силы

накануне охоты! Это детям надо хорошо отдыхать. Она занемогла сегодня из-за дурного воздуха, но тем не менее она, конечно, сможет завтра бросить свой дротик точно!.. Молодежь сегодня пошла такая самоуверенная!»

И он самодовольно улыбнется.

Мишере задрожала, выслушав послание, содержащее столько опасных выражений, и засемила к покоям фараона. Она без конца повторяла приободряющие слова Великой Царской Супруги: «Преданность служанки должна вызывать восхищение».

И добавляла быстро:

— Лишь бы только Солнце это помнило!

Теперь, выплакав все слезы и проспав пять часов подряд, Нефертити чувствовала себя спокойней. Она не хотела присутствовать на пиршестве, ибо надо было основательно подумать о том, как вести себя на следующий день. Завтра она должна встретиться с Май под зорким взглядом Тэйи, и ей нужно будет вести игру осторожно. Хотя свекровь не знала о ее греховных мыслях, Нефертити опасалась, что та уже заметила странность в ее поведении сегодня после обеда и что при всей недоброжелательности она сумеет сопоставить факты: Танис, Май, внезапное недомогание невестки, отказ кого-либо принимать, отсутствие на пиру... Плохо, когда не умеешь владеть собой!

— Необходимо вести себя естественно, — прошептала молодая женщина. — Если я брошусь на шею Май как дорогому другу детства, Тэйя не усомнится, что лев забрался в овчарню, и сделает все, чтобы Май был уда-

лен из Уисы навсегда... Если я проявлю холодность, она будет этим удивлена, и это посеет в ней подозрения... Мне надо держаться просто, дружески, но без лишних чувств, как если бы от моей детской привязанности остались только невинные и смешные воспоминания... Сумею ли я? Смогу ли?

На миг отчаяние поколебало ее мужество. Когда Маи приблизится к ней, найдет ли она силы сдержать дрожь в теле?

Быть может, она волновалась попусту? Ведь не было уверенности, что Тэя настолько проникательна! Ее сын уже должен был сказать ей, что его жена беременна, а беременной женщине простительно падать в обморок, плакать или предаваться любым другим странностям. Особенно если она должна родить солнце! В конечном счете и послание, переданное отцу, было искусно составлено. Оно походило на послание дочери, у которой в голове другие хлопоты, нежели только желание избежать встречи с Маи.

«Зловоние!..» Мишере ей сказала, что сопровитель извинился за свою жену, сославшись на зловоние!.. Какое глупое оправдание! С самого рождения во время разлива реки Нефертити спокойно терпела эти миазмы, а все, что Аменхотеп придумал, было: «Извините мою жену за недомогание по причине зловония!»

— Какую чудовищную глупость он сказал! — прошептала Нефертити с тем большей горечью, что перед ней в памяти появилось красивое и умное лицо Маи. Как смогла она отдаться Аменхотепу с таким доверием? Как могла она минутами позволять ему верить, что он может взволновать ее? Ее охватила дрожь от отвращения к себе. Она себя презирала. Она не должна боль-

ше думать о Май с любовью, потому что она недостойна его! Никогда не надо было сомневаться в своей любви. Что помешает теперь ему бросить ей в лицо слова презрения?

Да, из-за Май, ради любви к Май она должна притвориться безразличной к нему. Со временем он женится, будет щедро осыпан почестями, а она позволит себе погибнуть в презрении! Возможно, она покончит жизнь самоубийством! Нет... она не может этого сделать, она не имеет на это права, она должна следить за своим супругом, чтобы он не причинил вреда египетскому народу! Ибо хотя она и ненавидела Тэйю, но признавала в ней большой ум и была уверена, что сразу же после смерти матери Аменхотеп станет нагромождать глупость на глупость, если никого не будет рядом, чтобы дать ему совет. Нет! Могущество Египта не страдает из-за горя его царицы! Она забудет себя, чтобы думать только о судьбе царства, и когда сын ее мужа достигнет возраста правителя, тогда она удалится... Возможно, тогда она покончит жизнь самоубийством. Мысль о самоубийстве была как бальзам для ее израненного сердца... Она не испытывала больше горечи, она была печальна и несла свою печаль величественно и с достоинством. Бедный Аменхотеп! Это была не его вина, что он вырос таким отвратительным. Он был незлым, но слабым, безвольным, глупым... Он представал перед своей женой как трехлетний ребенок и мог быть ей так же предан, как собака... В эти минуты возвышенных чувств она прощала его и даже винила себя в том, что огорчила его. Какая низость отвергать человека, не отвечающего за свои поступки. Она была тру-

сливой, мелочной, подлой. Потихоньку ее уныние перешло в усталость.

Она ужинала в своей комнате, наедине сама с собой. Она отказалась умываться и натираться маслом, испытывая горькую радость от грязи на своем теле как знака грязи в своей душе. Аменхотеп мог прийти или не приходиться, какая в том разница? Если бы он пришел, она отдалась бы ему для того, чтобы он получил удовольствие. Но она была бы в его руках как мертвая... опустошенная, отсутствующая... Она уснула в этом гордом равнодушии... фитиль светильника еще горел.

Аменхотеп вошел в комнату. Долго, с любовью смотрел он на детское личико своей жены. Он заботливо укрыл ее, ибо ночи становились сырыми, задул фитилек и вернулся на праздник, проходивший в большом зале гарема. Быть может, Нефертити не любила его еще... но он ощущал в себе безграничное терпение и неистощимую силу воли... Атон сжалился над своим слугой и сделал так, что его любовь к жене стала взаимной.

Сон — это одно из чудес бога: он возвращает легкость уставшему телу воина, приносит мир в озабоченное сердце, дает душевные силы раненым и побежденным. Нефертити заснула огорченная и несчастная, а проснулась если не полностью исцеленной, то по меньшей мере исполненной желанием бороться и побеждать.

Заря еще не окрасила небо в розовый цвет и едва занималась на востоке, но дворец уже гудел, как улей, ибо наступал день большой охоты. Женщины, с их привычкой долго дремать после восхода солнца, прервали сон. И во дворце, и в доме для слуг стоял неверо-

ятный шум, а всем известно, что шум является уделом исключительно женщин!..

Нефертити больше не мучил страх от неуверенности, как вести себя по отношению к Маи. Она чувствовала даже своего рода нетерпение, желая как можно быстрее встретиться с ним лицом к лицу под неусыпным взглядом Тэйи, чтобы та разозлилась, видя, как ее подозрения рассыпаются в прах... Если, конечно, они у нее были!

Служанки не появлялись, и девушка поднялась сама, натерла себя душистыми маслами, надела длинное, но достаточно широкое платье, не стесняющее движений. Ведь речь шла о том, чтобы выдержать соревнование со своим отцом. Какая хитрость была бросить вызов фараону! Теперь задор и пыл, с которыми она возьмется за игру, покажутся очень естественными и извинят то явное безразличие, которое она должна соблюдать по отношению к Маи, Тэйе и своему супругу. Ибо если ее сердце билось от одной мысли, что она увидит Маи, она не могла помешать ему трепетать от мысли, что вновь увидит Аменхотепа после признания, которое ему сделала накануне. Она не боялась у всех на глазах встречаться с его глупым взглядом, от которого ее тошнило и повергало в стыд.

Собравшись, она вышла через веранду в сад и пошла к пристани, где стояли большие царские дахабиехи*. Шум и волнение еще не достигли этого места, и три большие лодки, до краев заполненные съестными припасами и напитками, мирно дремали на воде.

Молодая женщина взошла на одну из них, где для фараона был натянут пурпурный навес, и собралась усесться на носу, свесив ноги над бегущей водой. Было

тихо, и воздух очистился за ночь от запахов тины и гнили, которые поднимутся вновь под лучами восходящего солнца. Волна ностальгии захлестнула душу Нефертити: как она была счастлива в маленькой папирусной лодочке! Теперь, когда ей это вновь пригрезилось, она поняла, что ей не хотелось останавливаться нигде, даже в Танисе, что ее счастье было плыть по своему крошечному водному царству в направлении горизонта, все время ускользающего вдаль, которого никогда не достичь, но стремишься к которому постоянно. Жизнь была ей в тягость, общество людей тяготило. Вечное соперничество удручало: притворяться веселой, увлеченной... Делать вид, что испытываешь чувства, которых нет. Быть той, которая не ты, любить того, кого не любишь... Ей вспомнился торжественный рассвет на Ниле, когда Мишере еще не проснулась, чтобы сменить ее у рулевого весла... Тогда она чувствовала себя настоящей, значительной. Ее душа была полна мира и безмятежности. Она словно встречалась с богом, она верила в него. Теперь ее сердце забыло дорогу к богу, оно высохло, сморщилось от мелочных забот. Оно умерло, задушенное миром людей.

В этот момент Май ей казался таким же неприглядным, как и другие. Он был похож на всех этих молодых придворных, немного фатоватых, немного тщеславных, кичащихся своей красотой и хорошим происхождением... Вспоминал ли он, что она была его самой первой и нежной любовью? На его детских губах была та дерзкая складка, которая обнаруживала в нем воина-победителя... и раз ему не надо было давать сражения, приходилось верить, что эти победы он одерживал над женскими сердцами! Нефертити почувствовала

волнение от этой мысли. Если Маи развлекался с другими женщинами, то почему она упрекает себя в том, что получала удовольствие с «мужчиной, который приходил в ее комнату»!

Она была погружена в свои размышления, когда появился царский кортеж. Обернувшись на шум, который он производил, она увидела без всякой радости, как вслед за фараоном и Аменхотепом идет нарядный Маи.

Когда ее заметил муж, он быстро отделился от процессии и подошел к ней.

— Мы волновались за тебя, — сказал он с упреком. — Твои служанки не нашли тебя сегодня утром, и я не нашел тебя в храме Атона.

— Я видела, как ты подходил, — ты болтал, и вид у тебя был далеко не взволнованный. Зачем же казаться обеспокоенным теперь, когда я нашлась? — сказала Нефертити язвительным тоном.

Аменхотеп не успел ответить. На борт поднялся фараон и радостно воскликнул:

— Я тебе говорил, сын мой, моя дочь поднялась чуть свет, чтобы пойти и испортить мое метательное оружие и так победить в этом состязании!

Нефертити улыбнулась.

— Я их все натерла кожей акулы, но только с одной стороны, чтобы они теряли равновесие и не попадали в цель! Но так как ты сделал то же самое с моими дротиками, разница в наших силах осталась прежней. Не эту ли разницу должны определить состязания? Остальное не важно!

Фараон засмеялся, и все придворные позади него засмеялись тоже.

— Если будет необходимо посвятить какое-нибудь животное для культового поклонения тебе, я предлагаю, чтобы этим животным стала гадюка!

— А для тебя...

Нефертити прикусила губу. Она хотела сказать: а шеш, это сказочное существо, наполовину птица, наполовину лев, был бы хорошим символом для ее отца: беззаботный, как птица, когда речь шла о делах государства, и великолепный, как лев, когда дело касалось охоты.

— Кто для меня, дочка? — спросил фараон с веселым видом среди всеобщего молчания.

Нефертити засмеялась.

— Подойди, я скажу тебе на ушко, ибо это шутка, которую сможешь понять только ты, Солнце Египта, и которую другие сочтут за оскорбление Твоего Величества.

Фараон приблизился, хмуря брови, и Нефертити, вытянувшись на цыпочки, сказала ему что-то тихим голосом. Придворные стояли молча... напряженные и испуганные. Этот злой язык Нефертити! Фараон дал очень верное сравнение! Этот злой язык Нефертити мог испортить царю хорошее настроение, и чистое небо над участниками охоты сменилось бы грозowymi тучами.

Но фараон предпочел захохотать, и все собравшиеся вмиг успокоились.

Келу-Хеба прошептала рядом стоящей даме:

— Она, должно быть, сравнила его с птицей, которая предпочитает оставаться в гнезде и сидеть на яйцах, в то время как самочка носится повсюду и управляет всем хозяйством.

Эта желчная фраза обошла всех придворных дам, и они получили от нее большое удовольствие. Они боялись властной Тэйи и ничего так не любили, как шутки на подобные темы.

Открытие сезона большой охоты далось на славу!

Выбрав момент, Нефертити повернулась к Майи и очень естественным тоном спросила его:

— Майи, что ты подумал обо мне? Ты, который знал меня в те времена, когда зловоние на меня не действовало? Я хотела бы стать для тебя другом, а не обижать тем, что не явилась на пиршество, устроенное в твою честь. Ибо я помню хорошо, как мы подолгу играли вместе в доме царских детей... Тем не менее извини меня и будь счастлив! Я вспоминаю уроки по метанию оружия, которые ты мне давал, и скоро ты сможешь гордиться своей ученицей. Фараон считает, что я хвастаю, но он никогда не видел меня в деле!

— Моя царица бросает лучше, чем я, — ответил Майи, сдержанно и учтиво поклонившись.

«Вот слова придворного! — подумала Нефертити и ощутила укол в сердце. — Майи, Майи!.. И ты тоже!..»

Она приняла гордый вид, и складки горечи появились в уголках ее губ. Тут она встретилась взглядом с Тэйей и произнесла светским тоном:

— Я надеюсь, мы будем видеться часто во дворце Уисы.

Затем она повернулась к своему мужу:

— У меня совсем нет оружия для метания, братец, ты одолжишь мне свое?

Тэйя улыбнулась. Она восхищалась девушкой, ее естественностью, с которой та встретила молодого человека, но она заметила и как дрогнуло ее лицо, когда

Маи склонился перед ней. Теперь она была уверена, что узнала правду: Нефертити ранее испытывала особую симпатию к Маи, но не утратила ее и теперь. Надо было держать Маи подальше — послать его в Нубию или в страну Пунт, ибо он жаждет успеха и полон самомнения юности. Он быстро поймет чувства Нефертити и захочет использовать их, чтобы завоевать себе место под солнцем.

Нефертити достойна лучшего. После своего мужа и старшего сына Тэйя любила ее больше всего в мире: у девушки были открытый ум отца и прямота сводного брата, но более того, она обладала той твердостью, тем благородством сердца, в котором Великая Царская Супруга находила черты, свойственные ей самой в юности.

Зловоние поднималось одновременно с солнцем. Три больших дахабиеха бросили якорь в русле старицы, находившейся в двух часах пути вниз по течению от Уисы. Они замерли посреди огромного цветника из белых и розовых лилий. На судах царила полная тишина: прежде чем вместе с охотниками удалиться на легких челнах, фараон приказал:

— Те, кто стоит или сидит, должны оставаться неподвижными, те, кто предпочитает поспать, должны спать без храпа, ибо дичь пугается малейшего движения и удирает даже от скрежета зубов.

Женщины, не желавшие лишаться удобств, имевшихся на судне, улеглись, чтобы продолжить смотреть сны, прерванные на рассвете. В глубине трюмов служанки ощипывали домашнюю птицу и потихоньку подтрунивали над матросами.

Становилось жарко, и было трудно дышать. Впереди расстилалось болото, неподвижное и молчаливое, словно вся живность покинула его. Лишь над высокими папирусами роились тучи мошкары.

Внезапно, разрывая монотонную песнь, затянутую насекомыми, донесся легкий шум крыльев... пронзительный свист... плеск воды. Тогда заросли тростника и папируса таинственным образом ожили: верхушки растений подрагивали справа и слева, скрипели, задетые каким-то ползущим существом. Прокричал журавль, лягушка нырнула в воду, лилии закачались на гребнях волн, как флотилии лодок... и в небо поднялась стая гусей.

Келу-Хеба, спавшая под пурпурным навесом, внезапно проснулась. Она заметила птиц, которые улетали, вытянув шеи, и прошептала:

— Надеюсь, мы поедем гусятины.

Затем, пожав плечами, она снова провалилась в сон. Тем временем Нефертити, стоя в маленькой лодочке, пыталась отыскать свои метательные орудия, потерявшиеся в тростнике. Ее дрессированный кот уже принес ей гуся и тощего зуйка. Она была рада, что находится в стороне от остальных и отец не может посмеяться над ней.

— Однако же я целилась в большого гуся, — прошептала она, — и этот звук не мой... Я собиралась охотиться в стороне не для того, чтобы мой глупый кот таскал бы мне всякую мелочь!

Она заметила два дротика, подобрала их и сделала знак Мишере грести направо.

— Надо присоединиться к другим! — еле слышно предложила маленькая сирийка, которая не чувствова-

ла себя спокойно здесь, на воде, так как никогда не спускалась по Нилу до его дельты.

— Молчи! — приказала Нефертити, напрягая слух и зрение.

Она больше не думала о Майи. Ее ум был целиком занят охотой, и единственной ее заботой было не остаться без гусей. Как ни странно, но она совсем не боялась встретиться с крокодилом, словно присутствие где-то вдали других охотников могло отогнать всякую опасность.

Ей удалось подбить еще двух уток и великолепную цаплю, но солнце уже достигло зенита, и она решила, что пора присоединиться к остальным. Она слышала гул, доносившийся из-за зарослей тростника, откуда-то с юга. Из тростника внезапно взлетел журавль и так близко от лодки, что его крыло едва не коснулось лица молодой женщины. Нефертити отпрянула назад и чуть было не свалилась в воду. С досады она упрекнула Мишере:

— Ах! Дай мне весло! Бедняжка Мишере, ты всегда так быстро гребешь! Займись лучше дичью и не упусти kota. В следующий раз я отправлюсь одна, так будет лучше!

В молчании они поплыли на юг, в том направлении, откуда доносился шум.

Внезапно Нефертити услышала, как неподалеку раздался смех, и она узнала голос Урель, дочери Рамозе, царского советника. Урель воспитывалась в доме царских детей вместе с Майи, но совсем не принимала участия в их играх из-за своего изнеженного и какого-то рыхлого характера, за который Майи прозвал ее «сдобной булочкой». Однако сегодня утром Майи не прекра-

щал смеяться вместе с ней, как если бы характер «сдобной булочки» стал ему нравиться. Он не пригласил ее спуститься в свою папирусную лодочку, ибо это было бы неприлично, но правил своей так, что она плыла рядом с лодочкой Урель. До сих пор, должно быть, он от нее не отстал.

Нефертити охватила ярость. Не понимая, что делает, она раздвинула густые заросли папируса, отделявшие ее от смеющейся Урель.

Маи и молодая девушка мирно сидели на носу лодки и забавлялись тем, что бросались друг в друга цветками лотоса, в то время как их слуга с отсутствующим видом правил, стоя на корме.

— Пусть эта лилия скажет тебе о моем восхищении твоей красотой! — говорил Маи.

— Пусть эта ранит тебя, как ты ранил мою стыдливость, — смеясь, говорила Урель.

— Если вам хочется забавляться, — вскричала Нефертити голосом, дрожащим от ярости, — возвращайтесь на дахабиех! Здесь место для охоты!

Молодые люди замерли с поднятыми руками. Маи хорошо понял по тону своей царицы, что она рассержена и что он тому причиной.

— Извините нас, — сказал он смущенно, — мы считали, что уплыли далеко от охотников. Ибо мы их оставили, когда они направлялись на юг.

Нефертити ухмыльнулась.

— Твоя охота не кажется мне очень успешной, братец, — сказала она, — твой глаз стал менее острым и твоя рука ослабла от многочисленных наслаждений в Танисе?

— Твоя охота мне не кажется лучше моей! — пари-

ровал молодой человек. Затем, желая исправить резкость, адресованную скорей Нефертити, чем царице, он быстро добавил: — Но это, без сомнения, из-за того, что мы распугали всю дичь. Если ты отправишься к западу, ты найдешь там много гнезд толстых уток. Без сомнения, они вернуться, боясь оставить гнезда с яйцами прожорливой ласке!

Урель не сказала ни слова. Она не очень любила Нефертити и тайно завидовала ее положению и красоте. Что же касается ума, то она отказывала в нем Нефертити по очень простой причине — Нефертити никогда не обращала на нее никакого внимания.

Юная царица видела, что оставаться дальше в таком положении невозможно. Впрочем, она и не хотела: запасы учтивости Майи и приобретенная им изворотливость причиняли ей сердечную боль. Майи больше не был ее другом, он стал придворным. Взгляд его перестал быть открытым, речи потеряли прямоту и искренность.

Нефертити быстро отвернулась, чтобы Майи и Урель не видели ее слез, и, не добавив напоследок ни слова, направила свою лодочку на запад. Едва она оказалась одна с Мишере среди зарослей папируса, как услышала звенящий, подобно оскорблению, смех Урель.

«Они смеются надо мной! — подумала она, раздираемая печалью и яростью. — И я вела себя как полная дура!»

Нефертити еще долго оставалась среди болот. Она старалась думать только об охоте, но ее мысли были там, за густыми зарослями тростника, в бухточке, где Майи и Урель бросали друг в друга лотосы. И она смогла убить только двух худых нырков.

Однако она не решалась вернуться на дахабиех. Она испытывала горькое удовольствие от мысли, что ее отсутствие вызовет беспокойство. Все охотники, нагруженные добычей, должно быть, уже вернулись на судно. Они, верно, немного подождали, посмеиваясь и шутя. Ее отец, конечно, сказал: «Она стыдится той мелочи, что набила! И не осмеливается предстать передо мной!»

Маи тогда, должно быть, рассказал об их встрече, и фараон смеялся еще больше... по поводу зуйка.

Конечно, ее звали: она слышала, но воздерживалась отвечать, стараясь, напротив, уплыть чуть дальше из-за досады, из-за желания нарушить безмятежное спокойствие Маи... для того, чтобы в своей тревоге он наконец вспомнил любовь, которую испытывал к ней.

Внезапно недалеко от себя Нефертити услышала, как выкрикнули ее имя. В голосе кричащего слышалось безумие. Вначале она решила, что это голос Маи, и ее сердце забилося в груди. Увы! Это был ее муж!..

Мишере, видя, что хозяйка не собирается откликаться, пошла на хитрость. Она заметила плохое настроение госпожи и не пыталась понять его причину, ибо обязанность служанки любить свою царицу, а не испытывать ее сердце. Но она чувствовала, что, если не сделает что-нибудь, они обе потеряются в зарослях тростника и угодят по ночной темноте в логовище крокодилов. Пронзительным голосом она сказала:

— Госпожа, мне кажется, что кто-то тебя зовет!

Она надеялась, что звук ее голоса долетит до ушей сопровителя.

— Замолчи же! — бросила Нефертити в ярости.

Но хитрость удалась, и Аменхотеп услышал. Он

взял весло из рук слуги и стал решительно прокладывать дорогу сквозь заросли. Без труда он нашел лодку своей жены и еще издали, как только ее увидел, прокричал:

— Возвращайся, Нефертити! Весь двор тебя ждет, чтобы начать пир, и наш отец тобой недоволен!

Он не осмеливался упрекать ее перед слугами за то беспокойство, которое она вызывала у всех целое утро. Ибо она отказалась принять участие в охоте в лодке мужа под предлогом состязания со своим отцом. Не в силах ничего сделать, Аменхотеп видел, как она одна со слабосильной рабыней удаляется от охотников в противоположную сторону, в глубь мрачных, таящих в себе опасности болот. Весь день он напрягал слух, боясь услышать испуганный крик своей молодой жены. Однако он не осмелился последовать за ней из страха, что она его заметит и грубо отчитает. Какой сухой и холодной была она по отношению к нему в течение всего этого утра! Не находя причин ее состояния, он винил себя в какой-то оплошности, природу которой не мог понять.

Нефертити не ответила, но развернула свою лодочку и с яростным видом и сжатыми губами поплыла за мужем.

«Я вела себя как круглая дура!» — думала она, и это заставляло ее сердиться еще больше.

Как только они показались в бухточке, где стояли на якоре царские да х а б и е х и, на палубах раздались радостные возгласы и смех. Ничего не сказав, фараон вновь уселся в кресло под пурпурным навесом и принялся терпеливо ждать, поглядывая на плоды своей охоты, которые он приказал разложить перед ним.

Слуги положили дичь, убитую его дочерью, рядом с его добычей, и фараон, казалось, был долго погружен в подсчеты.

— Я думаю, — сказал он, — что ты представила передо мной без жульничества только результаты своей утренней охоты. Ибо в состязании для каждого участника назначается одно и то же время. В этом случае я победил, и с большим преимуществом! Однако хороший же я игрок, что не назначил определенного времени. Я должен винить себя самого, что предпочел вернуться так рано, а не продолжить охоту. Я разрешаю тебе, таким образом, приказать слугам принести всех многочисленных птиц, которых ты убила после полудня.

Нефертити видела, что отец смеется над ней, и поскольку была не в настроении шутить, она пожала плечами.

— У меня только это и еще один толстый гусь, которого кот не смог найти и решил оставить твоему, — сказала она сухим тоном.

Фараон, казалось, был удивлен.

— Если этот гусь твой, я тебе его отдаю, — сказал он, улыбаясь, — но это все равно не сделает тебе счета!

Затем, полагая, что недовольный вид дочери вызван ее уязвленной гордостью, он отечески добавил:

— Ну! Полно! Не делай такого лица! Честь полагается выигравшему, ибо на деле ты принесла куда больше, чем я предполагал. И из всех дам, которые принимали участие в охоте, ты лучшая охотница. Честное слово, я горжусь моей дочерью! Однако в следующий раз не заплывай так далеко, ибо болота могут оказаться опасными!

Приключение, таким образом, закончилось благополучно. Каждый вновь обрел веселое настроение и хороший аппетит. Нефертити старалась выглядеть любезной и ни разу не показала вида, что заметила кокетничанье Май с Урель.

Однако, чтобы поддержать настроение, она много выпила. Ти, зная свою питомицу лучше, чем кто-либо другой, поняла, что та чем-то огорчена. Она посчитала своим долгом держаться рядом со своей козочкой, рискуя, правда, быть грубо одернутой. Но впервые за долгое время Нефертити смотрела на нее с веселым видом. Она сказала ей слегка заплетающимся языком:

— Моя хорошая Ти, ты была больна, раз я не видела тебя так долго? Иди ко мне, я тебя обниму. Ты та, кого мое сердце предпочитает из всего мира!

Таким вот образом богиня Нейт вознаградила терпение служанки. Ти вновь оказалась в милости на глазах у всего царского двора. Завистливые души могли бы умереть с досады, ибо она была названа «та, которую предпочитает сердце царицы».

ГЛАВА 13

Чем больше проходило опьянение Нефертити, тем более обострялась ее память. Ей отчетливо представилось поведение Май и Урель во время их возвращения, и их разговор зазвучал в ее ушах. «Что буду делать я в Танисе, вдали от твоих прелестей!» — говорил Май. «Тсс! Тсс! Медовые слова на горечь моего сердца!» — отвечала Урель. «Если мое сердце полно горечи, то оттого, что оно не надеется никогда завоевать твое!» —

произносил Май. «Однако ты пронзил его цветком лотоса!» — продолжала Урель. «Пусть лучше умел бы я целиться стрелами любви!» — усердствовал Май. «Мое сердце хорошо защищено от этих стрел!» — говорила Урель, глупо посмеиваясь.

Вытянувшись на ложе, в полной темноте, Нефертити злилась. Она считала Май более сдержанным и более умным... Правда, Урель была душой и не смогла бы понять умных слов!

Конечно, казалось, что Май не оказывает большого внимания своей детской подруге, но это происходило потому, что он был связан тем почтением, которое должен был оказывать Ее Величеству! Быть может даже, он пытался вызвать ревность, стараясь ухаживать за Урель!..

А если хорошо подумать, то невозможно найти лучшего средства, чтобы рассеять подозрения Аменхотепа и его матери! Возможно, в этот миг он в своей комнате оплакивал свою утраченную любовь... Возможно, он сейчас мечтал обнять ее и ласкать...

Дрожь пробежала по ее телу, и она позволила преступному желанию полностью овладеть ею, даже не пытаясь с ним бороться.

Как раз в этот момент Аменхотеп раздвинул занавес, отделяющий комнату от веранды. Весь день он чувствовал себя таким несчастным, что не мог удержаться и не прийти сюда. Он жаждал подтверждения, что его жена его любит... что только ее беременность была причиной перепадов ее настроения.

— Ты спишь? — спросил он нерешительно.

Нефертити задержала дыхание, но не ответила.

«Убирайся, убирайся», — подумала она с такой не-

навистью, которая заставила бы молодого человека задрожать от страха, если бы он смог прочесть ее мысли.

Аменхотеп замер. Он не желал будить свою жену, ибо знал, что она устала за день охоты, и, однако, понимал, что неспособен жить дальше в такой неопределенности. Он решился подойти к ложу и, чуть касаясь, провел рукой по ее обнаженному телу, которое он так обожал.

— Ты не накрылась, а ночи прохладные, — прошептал он, как бы извиняясь за свою настойчивость.

У Нефертити перехватило дыхание, и она почувствовала, как ее охватывает странная тревога, предвестница минут сладострастия, но пересилила себя и подавила желание. Ей пришлось совладать с собой, и поэтому ее слова прозвучали излишне резко.

— Оставь меня в покое! — сказала она. — Если я тебе не ответила, значит, я хочу побыть одна! Почему ты преследуешь меня? Разве у тебя нет гарема, как у твоего отца? Почему я должна быть единственной жертвой твоих плотских желаний?

Сердце Аменхотепа оборвалось.

— Я полагал... я считал, что это тебе нравится... — бормотал он, — я думал...

Нефертити представила себе его глупый вид, с каким он обычно смотрел на нее, и у нее появилось желание причинить ему боль, раздавить его самомнение, как ядовитое насекомое.

— Ты думал, что мне это доставляет удовольствие!.. — бросила она. — Нет, твое самомнение тебя в этом убедило! Ты оказываешь мне милость, ты, Солнце Египта, тем, что посещаешь меня так часто, и ты считаешь, что это одолжение доставляет мне радость и

прибавляет гордости! Вспомни, что я сказала тебе в первый вечер! «Ты найдешь в моем сердце только пустоту». И ты всегда обнимал только пустоту! Я обязана была покориться тебе только потому, что ты фараон, божество... и потому, что обязанность придворного, если он печется о своей жизни, — не перечить желани-ям своего господина! Мои любовные вздыхания были ложью, мои поцелуи — еще одной ложью... потому что на земле Египта только один фараон имеет возможность оставаться искренним! Остальные сразу же, как покинут дом царских детей, могут рассчитывать на хорошую жизнь, состояние и добрую репутацию, только если они в совершенстве научатся хитрить и лицемерить!

Сказав это, она подумала о Маи, у которого она не нашла ни открытого взгляда, ни искренних речей. Эта мысль рассердила ее еще больше.

— Однако мне уже противно играть роль удовлетворенной женщины! Я презираю себя за то, что потакала тебе в твоём монаршем самомнении. Я не люблю тебя, Аменхотеп, я никогда не любила! Только твоя мать находит тебя неотразимым, и ты должен упрекать только ее за то, что слышишь сейчас. Поверь мне, что я не побоялась бы разлива Нила, если бы это помогло избежать брака, который мне навязали! Ты уродлив, Аменхотеп, ты уродлив и глуп! От твоих жабьих глаз меня тошнит! От прикосновения твоих пальцев меня рвет! Я ношу в себе своего сына... но не дотрагивайся до меня больше!

Она прокричала свои последние слова, и они гулко зазвучали в тишине комнаты.

Аменхотеп задрожал. Весь мир рухнул. Сжав зубы,

чтобы не разразиться рыданиями, душившими его, он медленно вышел из комнаты жены. Он не пошел к себе, а направился в свое заповедное место на берегу реки. Именно там с ним разговаривал Атон, и теперь он нуждался в его божественном утешении. Он попытался сосредоточить свои мысли на Атоне, чтобы не утонуть в пучине отчаяния.

— Ты один благ... — прошептал он. — Ты один благ. Только ты любовь, но ты не испытываешь отвращения к ней! Зачем я просил у людей крохи нежности? Я отвернулся от тебя, чтобы дать моей жене то, что должен был отдавать только моему богу... Я ее обожал, как твой образ, я ее почитал, как тебя, я трепетал при звуке ее голоса, как при звуке твоего... и ты был лишен части моей любви. Целых три месяца пел я тебе гимны, а ум мой был целиком занят моею женой, я забывал прославлять твое имя, чтобы бежать в ее объятия... я посчитал себя простым смертным, тогда как был твоим сыном! И ты меня сурово наказал, но твоя кара справедлива... Благодарю тебя за то, что ты наложил на меня наказание так скоро, ибо мое отчаяние теперь станет меньше! И в этом проявление твоей безмерной благодати. Укрепи мое сердце! Сжался над моей слабостью, которая как слабость новорожденного... ибо я только что родился в твоём Сиянии! Атон! Я буду жить только во славу твою!

Хотя эти слова и принесли некоторое утешение, Аменхотеп чувствовал себя разбитым, как борец после жестокой схватки. Всю ночь он оставался на берегу реки, с нетерпением ожидая восхода солнца. Ибо он отчаянно верил в этот волшебный миг, когда Атон взойдет и зальет его лучистым светом. Тогда мужество

вернется в его исстрадавшееся сердце, а несчастная душа наполнится радостью. Он навсегда излечится от мучительных мыслей о своей жене.

Нефертити было не по себе. Теперь, выплеснув все свое негодование, она искала оправдание своему гневу.

«И все же нужно было сказать ему то, что накопилось в моем сердце! — думала она. — Нечестно было бы позволить ему верить в мои чувства! Я это сделала, впрочем, слишком поздно, и это была последняя слабость с моей стороны. Он будет страдать, но он страдал бы еще больше, если бы я затянула час признания! Во всяком случае, я скоро дам ему сына, и ему не в чем будет меня упрекнуть. Я останусь при своем, и никто не узнает ничего о моем позоре... быть может, я стану более нежной к нему на людях! Злые языки лишатся пищи, а мой брат получит облегчение в своем горе... Очевидно, я не должна была говорить ему так грубо, что он уродлив! Но он довел меня своими приставаниями! Он хорошо знал, что я устала за целый день охоты! Нет, он слишком глуп, слишком... Он, должно быть, плачет сейчас, как девица... Во всяком случае, на этот раз он все поймет и перестанет смотреть на меня своими лягушачьими глазами! Весь двор, должно быть, вовсю смеется над его влюбленным видом! Царь не может требовать повиновения от своих подданных, если они смеются над ним! Аменхотеп не сознает до конца свою роль правителя, и в этом целиком виновата Тэйя!»

Гнев Нефертити нашел свою жертву.

«Да, это вина Тэйи! Она играла в царицу и не при-

вила своему старшему характер царя. Я не упущу этого с моим сыном, я научу его носить корону!»

Но все ее превосходные доводы не заглушили терзаний совести, и она погрузилась в беспокойный сон.

Однако угрызения совести и страхи терпеливо дожидались ее пробуждения, чтобы обрушиться на нее с новой силой. Едва забрезжил рассвет, а Нефертити уже сидела на ложе, и выражение упрямства на ее лице делало ее похожей на ребенка, который нашалил, но не хочет в этом признаться.

Ей не терпелось встретить своего мужа и увидеть на его лице следы страдания, которое она ему причинила. Без сомнения, его глаза будут опухшими от слез и печаль положит морщины на его лоб... Он появится сердитым, в раздражении, и придворные забеспокоятся вокруг него, опасаясь каждый за себя, не он ли, сам того не зная, впал в немилость.

Наконец Аменхотеп появился, но его лицо не было измождено страданиями, а грусть едва прочитывалась в его взгляде... Нефертити увидела его в зале для приемов, и голос его оставался ровным, а спокойствие было самым обычным. Он встал при ее приближении и не сел, пока она не села. Но он не сказал ей ни слова. Он вел себя так, как будто ее не было там. Забавно, но по привычке Нефертити почувствовала себя обиженной этим отсутствием внимания. Весь день она старалась смеяться и шутить со всеми, но не могла удержаться, чтобы время от времени не бросить взгляд на своего мужа. И ни разу его взгляд не встретился с ее взглядом. Во время пира Аменхотеп долго спорил с Май о положении дел в Нижнем Египте, он даже улыб-

нулся несколько раз, как будто в его сердце не было и следа горечи.

«Женщины гарема, должно быть, успокоили его!» — подумала Нефертити с презрением. Мужчины таковы: единственное, чего они ждут от женщины, — это удовольствие, и когда они удовлетворят свою потребность, не важно с какой женщиной, они вновь приходят в хорошее настроение! Май, впрочем, был таким же мужчиной: он получил накануне, по царской милости, одну наложницу из гарема фараона. Вот почему если под его глазами и были синяки, то его настроение оставалось превосходным! Он теперь с жаром обхаживал Урель и, казалось, испытывал огромную радость от ее присутствия. Нефертити почувствовала к нему отвращение. Она не понимала, как могла думать о нем с нежностью хоть одно мгновение!

К концу дня она впала в такое уныние, что в самый разгар праздника внезапно потеряла интерес ко всему.

Когда танцовщицы завершили свое выступление, она, сославшись на усталость, попросила у фараона разрешения удалиться.

Все следующие дни были похожими один на другой. Молодая царица перестала даже делать усилие, чтобы вести себя вежливо. Она не появлялась в зале для приемов, не пыталась увидеться ни со своим мужем, ни с Май. Она сердилась, но как-то лениво и безучастно. Иногда по вечерам она ловила себя на том, что вслушивалась в ночные звуки, и ее сердце сжималось от малейшего треска кустарника, от малейшего скрипа шагов по коридору... Тогда ее охватывала тоска, и она засыпала со слезами на глазах.

Тем временем Тэйя проявляла огромное беспокой-

ство. Поведение Нефертити и сына смущало ее. Нефертити, казалось, больше не уделяла внимания Май, а Аменхотеп не обращал внимания на свою жену, и, забавное дело, тот и другой казались искренними в своем необъяснимом безразличии. Она решила вывести их на чистую воду в надежде спасти то, что можно еще было спасти. Ибо она относилась с недоверием к поведению молодых людей, которые скорее предпочтут умереть, чем пойдут на уступки.

После обеда она отправилась в «комнату свитков», где в этот час должен был находиться ее сын. Он принял ее с грустной улыбкой, и она поняла, что печаль поселилась в его сердце.

— Я пришла к тебе, потому что очень беспокоена, — сказала она резко.

Предчувствуя, в чем состоят опасения матери, молодой человек приготовился к долгой беседе, на которую у него, впрочем, совсем не было сил, ибо за эти дни его страдание не уменьшилось, несмотря на всю доброту его бога.

— Что же? Рассмотрим все повнимательней, — сказал он беззаботным тоном. — Ты говорила, что писец Нефери тебе разонравился? Что он расхитил провизию рабочих некрополя? Я знаю это, но у меня не было времени отправиться туда и выяснить причины недовольства этих людей. Я поеду туда сразу же после отъезда Май. Действительно, я спросил Май, что его устроило бы больше, путешествие в Нубию или поездка в страну Пунт. Он выразил радость от идеи возглавить наше посольство в стране ладана. Он молод, горяч, искренен, предприимчив... я не смог бы найти лучшего посла, чтобы повергнуть в большой страх соседей на-

шего царства! Через него они познакомятся с растущим могуществом Египта и, думаю, будут в восторге от его решительности и прямоты. Хорошо, если иноземцы будут относиться к нам с доверием. Так они поймут, что единый бог светит всем людям на земле без исключения!

Он закончил речь с отсутствующим видом, как если бы хотел показать матери, что разговор окончен. Но Тэйя не слушала его. Она думала о своем:

«Мой сын говорит о юном Маи совершенно подружески... Он не подозревает ничего о тайных чувствах своей жены. Значит, не ревность причина его грусти».

— Послушай меня, сын, я тебя хорошо знаю, и тебе не удастся отвлечь меня от мыслей, которые меня занимают, ибо твое счастье и счастье твоей жены мне очень дороги. В другой день ты был очень рад объявить мне о беременности Нефертити, однако в последнее время, как только ты заметил у своей жены упрямое желание жить затворницей, твое настроение изменилось! Я боюсь, что причиной всему глупая ссора между супругами, которые еще слишком молоды, и я пришла с мыслью образумить тебя.

Аменхотепа затрясло от слов матери, и лицо его покраснело.

— Мама, эта тема мне крайне неприятна, и я желал бы, чтобы ты не касалась ее больше. Однако знай, что речь не идет о глупой ссоре между двумя слишком молодыми супругами. Мы разговаривали с Нефертити и с обоюдного согласия пришли к выводу, что не испытываем никакой любви друг к другу... только дружеские чувства... как брат и сестра. Не стараясь больше выка-

зывать чувства, которых нет, мы, естественно, занялись своими собственными делами... Я не знаю, чем занимается моя жена, что до моих интересов, ты знаешь, что это по-прежнему Атон, мой бог. Но это не мешает нам поддерживать друг друга при необходимости! И я по-прежнему счастлив от того, что у меня скоро будет сын!

Тэйя нахмурила брови и ответила спокойно:

— Вот это славные речи, мой сын! Однако было бы лучше, если бы ты не сказал вначале: «Эта тема мне крайне неприятна, и я желал бы, чтобы ты ее больше не касалась...» По правде говоря, это очень забавная манера начинать речь с такого признания, если хочешь изобразить мир и спокойствие!

Аменхотеп сжал губы. Он встал и принялся ходить взад и вперед. Помолчав, он сказал:

— Есть темы, которые сын, исполненный уважения к матери, предпочитает избегать из опасения показаться дерзким... И все-таки для того, чтобы твой ум не витал в облаках слишком долго, я считаю себя обязанным это сделать. Я очень люблю и уважаю тебя, я спрашиваю у тебя совета, как управлять страной, ибо перед народом я словно ребенок... Тем не менее мне хотелось бы, чтобы ты занималась своей семьей. Вот что мне было крайне неприятно тебе сказать... Я знаю, что твое желание — это видеть нас с Нефертити счастливыми, но попытайся понять, что наше понимание счастья непохоже на твое. Мы не верим в страстную влюбленность... для нас любовь — это лишь слово из сказки... Мы верим в привязанность, в дружбу... в понимание друг друга без слов... Ради Атона! Не старайся нас соединить, исходя из своих правил! Не пытайся нас «об-

разумить!»! Мы достаточно взрослые, чтобы знать, что устроит нас самих! Не обижайся, мама... и хотя меня это огорчает, но я должен был тебе это сказать для того, чтобы по горячности ты не обвинила Нефертити в том, что она не сделала меня счастливым. В действительности она дала мне огромное счастье и я не желал бы другой супруги! Прекрати же наконец вмешиваться! И не касайся больше этого вопроса, на который у тебя и у нас разные ответы!

Тэйя почувствовала себя глубоко обиженной словами сына и решила на откровенность.

— Хорошо, — произнесла она несколько суховатым тоном, — возможно, юность действительно отличается от нас, стариков! Я пекусь о вашем благе, о вас обоих, но, поскольку это вам не нравится, я не расположена и дальше вам докучать! Делайте что хотите... но позволь мне сказать тебе, что вы лишаете себя многих радостей!

Аменхотеп грустно усмехнулся, и эта грусть удивила бы Тэйю, если бы ею самой не владели ее собственные заботы.

— Иди с миром... наши радости столь же велики, как и ваши, — сказал он.

Не сказав напоследок ни слова, Тэйя вышла в твердой решимости больше не позволять сыну так грубо одергивать ее. С этого момента она старалась не интересоваться семейными делами своего сына.

Тем не менее она не могла не заметить, что Нефертити не обращает никакого внимания на Маи, как если бы он был для нее совершенно посторонним человеком. Таким образом, ее подозрения лишались всякого основания, и ее ум, как сказал сын, «стал витать в облаках». Она казалась себе стареющей женщиной, кото-

рая проявляет нездоровое любопытство к любовным делам молодых для того, чтобы хоть немного оживить свои собственные воспоминания.

ГЛАВА 14

Решившись направить Маи в страну Пунт, Аменхотеп взвалил на себя много работы и был этому рад, ибо в этом нашел средство против уныния. Он написал командующему крепостью Сав на Красном море, для того чтобы заказать ему постройку пяти крепких гублихов* из кедрового дерева, в каждый из которых помещалось до тридцати гребцов и которые выдерживали установку больших парусов. Затем он взял на себя всю переписку, ведущуюся «с Великим Пунтом и со своей горячо любимой женой». Он заботливо составил опись боевых топоров, острых кинжалов и ценных украшений, которые посылал в обмен на ежегодную дань янтарем, деревом, ароматными смолами, слоновой костью, притираниями, борзыми собаками, самками и самцами обезьян Киу, которую присылали могущественному царству Египта соседние страны. Он написал родственникам, что разлив Нила в этом году был благоприятен и что закрома страны Черный Кем открыты для его братьев в заморских странах, если Атон сочтет уместным послать засуху в их земли... Ему нравилось описывать на многочисленных папирусных свитках доброту единого бога, и он тщательно отделявал каждую черточку, чтобы требующая терпения работа руки отгоняла от него сердечные боли и горести. Когда работа заканчивалась, он находил новое средство: начи-

нал готовить свое путешествие вместе с Май до города Сав, ибо хотел покинуть Уису хоть на некоторое время.

Как только все было готово, он направился к фараону и сказал ему:

— Я возвращаю бразды правления в твои опытные руки. Из Сава, где я увижу, как грузят щедроты Египта для отправки в другие страны, я отправлюсь в Ану, город солнца. Я рассчитываю там основать «дом жизни», жреческое училище, где разместится Ур-Мау со жрецами и молодые кандидаты в священный сан. Ур-Мау из храма Ра, мой духовный наставник, даст мне советы, которые я с уважением выслушаю. Когда я их все запомню, я вернусь в Уису.

Фараону все это не очень понравилось. Ибо ему было невыносимо даже подумать, что снова придется взвалить на себя ярмо в виде комнаты свитков, зала для приемов, докладов советника и много-много другого. Однако он слишком хорошо знал своего сына и понимал, что бесполезно что-либо говорить, когда у того начинался «божественный бред». Фараон часто проклинал религиозный фанатизм своего старшего сына, считая его не очень умным человеком. Для него самого все боги были хороши для почитания, даже иноземные, такие, как Иштар, которую он высоко ставил после того, как она три раза избавила его от ужасной зубной боли. Он полагал, что небесные дела похожи на дела земные и каждое требует своего знатока. С другой стороны, как было просто молиться Сехмет, богине войны, когда появлялось желание воевать, и Баст, богине веселья, когда приходило настроение поразвлечься! И быть, таким образом, уверенным, что твои просьбы дойдут до нужного уха, и ты не рискуешь остаться

неуслышанным. Было гораздо более удобно пользоваться услугами Птаха*, когда останавливаешься в Минфи, и Себека, если находишься в Ком-Омбо!.. Таким образом, во время путешествия не нужно было перевозить божества с их постоянного местожительства и тащить с собой громоздкие предметы культа, без которых нельзя было обойтись!..

Фараон ничего не имел против Атона. Он даже приказал соорудить для него чудесный храм... Но это уважение не исключало и всего остального. Он был достаточно опытен и полагал, что спокойствие рождается от правильного распределения сердечных чувств, а мир — от этого спокойствия. Он никогда не смог бы сохранить мир в своем царстве, если бы забавлялся, как его старший сын, тем, что отбирал Амона у его жрецов! Их власть над народом была огромна, и их гнев мог быть очень опасен! Аменхотеп кончит тем, что поймет это, когда его юность растратит свои силы и задор с годами поутихнет. Сейчас, в свои двадцать лет, он был неуправляем, пристрастен, непримирим... Но придет время, и его кровь загустеет в жилах, тогда ритм его сердца станет более спокойным, и Аменхотеп найдет время одуматься.

По этой причине фараон не предпринял ничего, чтобы удержать сына в Уисе.

Накануне отъезда молодой царь направился в мастерскую скульптора Бека, чтобы заказать ему огромные статуи, которые будут стоять прислоненными к пилонам во дворе храма Атона.

При его появлении работники приостановили свой труд и улеглись на землю, с ног до головы перемазанные разноцветной пылью, роскошным ковром покры-

вавшей земляной пол: белая пыль от известняка, желтая от песчаника, зеленая от хризолита, черная от базальта, серая и розовая от гранита, красная от кварца, пыль от очень ценного и богатого оттенками алебастра, диорита, мрамора и порфира.

Аменхотеп не приказал им встать. Он знал, что рабочим нравится такая поза. Она позволяет им расправить натруженные мышцы и, воспользовавшись случаем, немного передохнуть. Он уселся перед Беком и сказал:

— Я не знаю, когда смогу вернуться в Уису, и я не хочу, чтобы храм Атона пострадал из-за моего отсутствия. Начиная немедленно высекать фигуры стражей Солнца.

Бек несколько раз с уважением покачал головой.

— Я знаю, что сделаю, — сказал он заискивающе, — я сделаю твое изображение высотой в восемь локтей, одна нога у тебя будет выставлена вперед, как будто ты направляешься к солнцу, которое восходит, и на твоём лице будет лежать печать благородства и красоты возлюбленного Атоном.

Эти последние слова пронзили сердце Аменхотепа подобно вражеской стреле. Внезапно резкие слова жены, которые он хотел бы забыть, всплыли в памяти и зазвучали с новой силой: «Я обязана была покориться тебе только потому, что ты фараон, божество... и потому, что обязанность придворного, если он печется о своей жизни, не перечить желаниям своего господина... потому что на земле Египта один фараон имеет возможность оставаться искренним!.. Я презираю себя за то, что потакала тебе в твоём монаршем самомне-

нии... ТЫ УРОДЛИВ... ОТ ТВОИХ ЖАБЬИХ ГЛАЗ МЕНЯ ТОШНИТ!.. ТЫ УРОД!

Он был уродлив, а Бек сказал: «Твое лицо будет носить печать благородства и красоты возлюбленного Атоном!» Бек был придворным, все те, кто его окружал, были придворными! На словах они восхваляют его «благородство и красоту возлюбленного Атоном», а в сердце смеются над его уродливостью!

Аменхотеп побледнел, как известняк из рудников Тураха, и его глаза, вышедшие из орбит, пристально смотрели на бедного Бека, который чувствовал, что весь плавится, как пчелиные соты под солнцем.

Странное состояние его государя заставило его впервые в жизни испытать неуверенность и страх. Потеряв голову, он напрасно искал ошибку, которую мог совершить, и не находил ее.

— Так мое лицо носит печать благородства и красоты? — спросил наконец Аменхотеп. Его голос настолько изменился, настолько охрип, что Бек понял, что теперь пришло время не грубой лести, а тонкого мастерства.

— Твоя душа носит печать самого высокого благородства и самой совершенной красоты, которые я когда-либо видел, о Великий! — пробормотал он.

Эта фраза, казалось, успокоила сопровителя.

— И в каком виде ты собираешься представить мою душу, если, конечно, душу ты собираешься изобразить? — спросил он с горькой иронией.

На мгновение Бек почувствовал, что все вокруг него рушится.

— Черты твоего лица освящены божественным внутренним светом, — сказал он и остался доволен своей изворотливостью.

Но Аменхотеп решил придраться.

— Мое лицо некрасиво, и у меня жабы глаза, — сухо уронил он, — и если моя душа благородна и прекрасна, она не просвечивает сквозь мою лошадиную внешность, ибо я ношу ее не на лице. Мое лицо как глухая стена, которая скорее полезна, чем красива, и она отгораживает меня от врагов и от мерзостей внешнего мира... Я храню мою душу глубоко внутри себя, как мое единственное по-настоящему ценное достояние, и ни один посторонний взгляд не вправе проникать в тайники моей души. Вот почему я велел тебе создать статуи высотой в восемь локтей, изображающие меня таким, каков я есть: некрасивым, даже отталкивающим, но на губах должна лежать печать тайны. Изобрази меня еще более уродливым, если такое возможно, для того чтобы мой храм казался еще более непостижимым! Таким образом, прислоненный к пилонам храма, я буду символом таинственности бога, который может быть понят только чистым сердцем... Только чистые сердца, сердца, внемлющие богу, проникнут сквозь толщину стен, чтобы созерцать совершенное! Ибо тем, кто вслушивается, дано слышать, тем, кто вглядывается, дано видеть, тем, кто желает войти, открывается... что до других... они остаются снаружи, и никто не поможет им, кроме них самих...

Сказав это, Аменхотеп подумал о Нефертити: он принес ей в дар свою безграничную любовь, и она не захотела его понять... Она не поймет никогда, пока не захочет того, и никто не поможет ей, кроме нее самой.

Бек понял немного из этих отвлеченных рассуждений. Он посчитал, что состояние его государя не особенно улучшилось, но что по прошествии приступа он

посмотрит на дело под другим углом зрения, более разумно. Тогда соправитель может забыть, что однажды выразил такие забавные пожелания, и Бек рискует быть серьезно наказан... Кто знает: возможно, ему отсекут руки, которые создали скульптуру без достаточного уважения! Маленькие люди всегда виноваты! Они подобны собаке, которую хозяин топит, когда сам в бешенстве. Подобны резцу, который скульптор ломает, когда у него болят зубы.

Вот почему Бек решил ограничиться соблюдением строгого канона и, несмотря на все, преобразить неприятное лицо Аменхотепа в гармоничный лик бога. Разве фараон не бог на земле Египта?

Молодой государь заметил хитрое выражение, промелькнувшее в глазах его слуги, и понял, что тот не собирается быть послушным. Тогда он пришел в ярость.

— Возьми кусок известняка, Бек, — сказал он строго, — и нарисуй мой портрет, как я тебе сказал, или я поручу кому-нибудь другому. Ибо, если ты не хочешь делать то, что я приказываю, скажи мне об этом открыто, и я оплачу твою прямоту... Неправда, что на землях Египта только один фараон имеет возможность быть искренним! Неправда, что обязанность придворного, который печется о своей жизни, не вступать в спор со своим господином! Но если ты убеждаешь меня, что все выполнишь хорошо, и, несмотря на это, обманешь... Тогда я буду неумолим! Хитрость вызывает у меня такое же отвращение, как и ложь!

Бек покраснел, поняв, что его раскусили.

— Нет, нет, — бормотал он, — вот я уже беру кусок известняка.

— Поднимайтесь, работники, и отправляйтесь во

дворец. Там спросите себе пива! — сказал Аменхотеп, пожалев каменотесов, которые, лежа на земле, должно быть, наглотались слишком много пыли, чтобы не испытывать жажды.

Рабочие не мешкая вышли, выкрикивая при этом: «Да здравствует, живет и процветает он, во веки веков!»

Целых два часа Бек потел над работой. Он с горечью думал о своих подчиненных, которые, вероятно, сейчас, разгоряченные отменной выпивкой из царских погребов, смеялись над ним. Он поклялся наказать их и заставить работать до тех пор, пока его досада не пройдет.

Раз двадцать скульптор переделывал свой рисунок. Аменхотепа все время что-то в нем не устраивало: лицо слишком полное, нос слишком тонкий, слишком красивый разрез глаз, рот недостаточно большой, подбородок недостаточно подчеркнут... тело слишком правильных пропорций, плечи слишком широкие, живот слишком плоский, ноги слишком толстые, бедра слишком худые... Здесь рисунок слишком законченный, тут слишком жесткий...

Несчастный Бек охотно зарыдал бы, как пожилая вдова над мумией своей последней опоры в жизни! Он был хорошим художником, художником признанным, пользующимся успехом, имеющим много заказов! За долгие годы своего ученичества он получил не один удар, чтобы научиться изображать человеческое тело в божественных пропорциях. Сотни раз учитель разбивал его работы, чтобы научить его терпению. Пудами он глотал пыль мастерской, и никогда его не приглашали выпить хорошего пива! Он разбил свои пальцы о гранит, пытаясь понять великие законы искусства, он

испортил себе глаза, бодрствуя долгими ночами в желании понять основной принцип красоты. Наконец, он удостоился прихода «вдохновения», достиг мастерства, и вот теперь все рушится... Все его надежды! Когда возможные заказчики случайно пройдут перед храмом Атона, они воскликнут: «Какой неуч изваял этого уroda?» — «Это известный Бек», — затараторят завистливые языки его подчиненных, которые ждут не дождутся, как бы сжить его со света. «Мы не пойдем к Беку заказывать наши статуи!» — скажут люди. Другие воскликнут: «Какая дерзость изваять такой ужас! Он, должно быть, был совсем без головы, когда делал такое, и не стоит ходить к нему!» В любом случае он терял своих заказчиков, свое имя, свою репутацию умного человека и тонкого художника!

Чем больше нервная дрожь охватывала Бека, тем больше его рисунки становились похожи на каракули, сделанные двухлетним ребенком. В конце концов, полный горечи и отчаяния, с мрачной иронией тех, кому нечего терять, он создал рисунок, изображающий какое-то неприятное, злобное существо со вздутым животом, с обрюзгшим телом, с кривыми ногами, с узкими плечами, с округлыми бедрами и головой в форме перевернутой калевасы*, с подбородком, свисающим, как накладная борода, с губами, выступающими в середине и поднимающимися по краям в подобии улыбки, с разрезом глаз, словно сделанным лезвием кинжала, и странно вытянутым по углам к вискам...

Создание этой карикатуры не отняло много времени. Ибо раз отрицается культ красоты, раз лишаются смысла законы гармонии и равновесия, то не составит труда впасть в безобразия, диспропорции, произвол.

О дурной вкус черни! О заблуждения профанов!
О капризы высокого повелителя, гордое самомнение
которого кичится тем, что заставляет принять свою
верховную волю даже в той области, где безгранично
властвует искусство и красота! Аменхотеп Четвертый,
стоя перед этим олицетворением безобразия, восклик-
нул:

— Вот здесь я таков, каким видят меня другие! И не скажут теперь, что я испытываю меньше отвращения, чем другие, когда смотрю на свое уродство! И это уродство я не хочу больше никогда забывать! Я хочу его видеть высотой в восемь локтей, прислоненным к пилонам во дворе храма Атона! Символ человека, созданного из грязи, но содержащего в себе частицу бесконечности бога! Бек, я вознагражу тебя за твое мастерство! Начинай работу... Но чтобы у тебя и желания не появлялось изваять другой образ! Ибо, Бек, нарисовав меня таким, каков я есть, ты совершил честный поступок, и он прославит тебя! Те, кто увидит, как высятся эти гиганты, воскликнут: «В землях Египта не только фараон может говорить правду! Бек изваял правду и не лишился рук, а получил имя «Великий друг царя». Идемте же к фараону и бесстрашно очистим наши сердца от лицемерия и лжи, станем чище для того, чтобы Атон сжалился над нами и впустил нас в свое святилище!» Нет, Бек, в землях Египта даже раб, самый ничтожный раб имеет право оставаться правдивым! Царствовать на страхе, который внушает моя власть, это значит попирать ногами свободу человека! Страх порождает ненависть, а ненависть — это яд, разрушающий душу человека. Я не хочу царствовать над телами без душ, над высушенными мумиями... Я правлю людьми, а лю-

ди отличаются от животных прямоотой и твердостью сердца.

Лицо Аменхотепа, казалось, светилось изнутри, и Бек почувствовал неясный, почти суеверный страх, как будто он предстал перед самим богом! Только после ухода Аменхотепа он смог собраться с мыслями и со спокойной душой порадоваться, что его назвали «Великим другом царя». Тогда он забыл это странное чувство, охватившее его во время разговора с Аменхотепом, к нему вернулся здравый смысл, который посоветовал ему извлекать выгоду из сумасбродства великих и никогда не вступать с ними в пререкания.

В восторженном настроении Аменхотеп отправился к жене, чтобы попрощаться с ней. От этого неожиданного визита у молодой женщины закололо в сердце.

Впервые за целый месяц он обратился лично к ней:

— Мы завтра рано утром уезжаем, и мне не хотелось будить тебя раньше времени, вот почему я позволил себе помешать твоим развлечениям и пришел попрощаться.

Придворные дамы, развлекавшие Нефертити, умирали от желания остаться и присутствовать при этом разговоре, который, быть может, наконец объяснил бы им все странности во взаимоотношениях супругов, но благородство их происхождения не позволяло им попираť законы приличия. Они поднялись и скрепя сердце удалились.

Нефертити и ее муж молча ждали, пока последняя служанка не исчезнет вслед за последней дамой. Затем молодая женщина сказала слабым голосом:

— Я желаю тебе хорошего путешествия и быстрого возвращения.

— Я вернусь, чтобы увидеть рождение моего сына, — ответил Аменхотеп спокойно. — Однако я пришел сказать тебе другое: я раздумывал над твоими словами и все обдумал. Я понял, что они совсем не лишены здравого смысла. Я горжусь тобой и уважаю за то, что ты не побоялась заставить меня понять, что первый долг царя поддерживать правду в народе. Благодарю тебя за всю правду, тобой сказанную! Таким образом, я тебе обязан своей первой добродетелью, и я буду поступать так, чтобы остаться достойным тебя, моего учителя! Я передал дела государства в руки фараона из опасения утомить тебя во время беременности, но буду счастлив и спокоен, если узнаю, что силы твоего ума и природная одаренность не дремлют. Еще раз пусть Атон будет благосклонным к тебе, чья чистота подобна сердолику из Нубии...

Нефертити стало неловко от похвал мужа. Она читала в его прямом взгляде, что он говорит искренне, что в его словах нет и намека на иронию, и перед этой скромностью, перед этим смирением, указывающим на величие его души, Нефертити стыдилась показаться злой, мелочной, язвительной... какой-нибудь гадюкой... Ее отец нашел тогда для нее хорошее сравнение! Гадюка! Ей захотелось плакать... исповедаться кому-нибудь для того, чтобы ее поддержали, помогли вернуть уважение к самой себе. Но у нее не было друга, чтобы помочь ей утвердиться в своих глазах... Она была одна-одинешенька среди этого болота, полного крокодилов, готовых сожрать ее, если она проявит малейшую слабость: Ти совсем не обладала тонкостью, у Ми-

шере было мало опыта. Нефертити не могла и надеяться быть понятой ими. Она устало пожала плечами, и губы ее дрогнули, когда она заговорила:

— Не благодари меня за намерения, которых у меня не было, ибо я хотела обидеть тебя, а не научить мудрости. Не надо уважать меня понапрасну. Твое безразличие не столь тяжело для меня, как уважение без причины. Отправляйся, и пусть твое путешествие будет удачным, чего я тебе искренне желаю.

Аменхотеп приблизился к ней на шаг. Он был расстроен этой тихой грустью, которая, казалось, рождалась в раненном навсегда сердце и которое он был не в силах утешить... Он любил свою жену, он любил ее безнадежно... Его любовь могла быть рассеянной, но ее сила не могла ослабеть. Его любовь была сродни божественной вечности, и время не имело над ней власти! Когда-нибудь его огорчения забудутся, но ничто не поколеблет ее, ибо эта любовь как судьба, которую, подобно гранитной глыбе, Аменхотеп должен был нести на своих узких плечах.

Молодой человек сжал кулаки. Возмущение бурлило в нем: с какой целью ему была послана эта любовь, раз она никому не приносит пользы?

«Каждое человеческое существо одиноко, — думал Аменхотеп, — каждый человек отделен от собратьев сплошной стеной. Он подобен узнику в одиночной камере. Свои печали и свои радости, свои надежды и свое отчаяние он носит только в себе... сильные натуры справляются с ними... слабые умирают, обессилев. У Нефертити сил недостаточно, и я... со всей этой любовью... со всей этой любовью, которую я не могу выдержать и которую я не могу передать ей!»

Тогда, сознавая свою беспомощность, он повернулся и вышел.

Молодая женщина неправильно поняла причину его внезапного ухода. Она решила, что ее супруг обиделся на нее. Она пожала плечами и ощутила горечь на губах и в сердце.

Чтобы развеять грусть, она взяла небольшую лиру, лежащую на полу, где забыла ее одна из придворных дам, и стала перебирать струны. Печальные звуки напомнили ей одну поэму, бесконечную меланхолию которой она никак не могла понять до конца. И вот неожиданно эти полные разочарования стихи вдруг чудесным образом отозвались в ее уставшей душе.

Сегодня смерть передо мной,
Как смирны аромат.
Сегодня смерть передо мной,
Как путь ночной,
Как возвращение к себе мужчины на военном корабле.
Сегодня смерть передо мной,
Как возвращение домой
Из плена, после долгих лет неволи...*

ГЛАВА 15

Каждый год в период сильной жары фараон и весь царский двор пересекали Нил, чтобы расположиться в летней резиденции: в прохладных комнатах дворца с навесами, с тенистыми садами и бассейнами с прозрачной водой, где женщины любили купаться обнаженными. Это было время ленивых утренних пробуждений, долгих обедов и послеобеденного отдыха, игр под открытым небом в часы, когда солнце уносило с собой жару к западному горизонту и прятало ее за

пыльные прибрежные скалы. Тогда под большими сикоморами становилось особенно хорошо... воздух наполнялся веселой болтовней, смехом и песнями до глубокой ночи, которая благоухала жасмином и лотосом. «Время летнего отдыха» было самым, самым счастливым. Острые язычки женщин теряли свою бойкость и прекращали разносить сплетни, эгоистичные сердца мужчин таяли от нежности, дерзость рабов смягчалась, все дышало миром и спокойствием.

Когда-то Нефертити нравился этот жаркий сезон. В эти дни безделья она ускользала в свое дикое, уединенное местечко на острове священных ибисов... Но так бывало во времена ее безрассудной юности! Теперь она стала взрослой, более того, беременной, и сильная жара ее утомляла. Пенту советовал не относиться к первой беременности легкомысленно. Он часто приходил осматривать ее и прописать целебные средства, как, например: «мед, чтобы ребенок скользил справа и слева, не слишком ударяя мать в брюшную перегородку», «смесь из разбавленного пива и зеленых фиников для того, чтобы жидкость была выведена из тела наружу и не разжижала кровь», «натирание теплым маслом для того, чтобы мужская боль и женская боль покинули сорок шесть сосудов тела».

Нефертити позволяла заботиться о себе, не сопротивляясь. С тех пор как она приняла мед, у нее появилось ощущение, будто плод, находившийся в ее животе, стал двигаться взад и вперед, как масло в бурдюке... Что касается массажа, он помогал против мужской боли и женской боли, поскольку молодая женщина испытывала каждый раз блаженное состояние, которое распространялось по всему ее усталому телу. Если бы

только Пенту мог вылечить ее тоскующую душу! После отъезда мужа Нефертити жила как во сне. Дни проходили, и ничто не вызывало ее интереса. Часто она ловила себя на том, что шепчет: «Сегодня смерть передо мной, как смирны аромат...» — тогда она с силой прикусывала губу, чтобы вывести себя из оцепенения, которое ее медленно подталкивало... к небытию. Она вспоминала историю про человека, заблудившегося в пустыне: он был сильным, имел при себе в достаточном количестве еды и воды, и тем не менее каждое утро он просыпался чуть-чуть более усталым... в течение ночи жизнь вытекала из его тела, как вино из треснувшего кувшина. Вскоре его голова лишилась своей жизненной силы... Затем — шея, торс, руки, ноги. И наконец, он вытянулся на земле, чтобы умереть. Но в это время там проходили кочевники, и они заметили духа пустыни, высасывающего остатки жизни из пальцев ноги этого человека... Они отогнали духа, и каждый постарался вдохнуть частицу своей жизни в это обмякшее, как пустой бурдюк, тело. Человек вновь обрел силы и сказал: «Я долго спал, и, пока я спал, я видел смерть как бесконечный покой, и я ее нежно любил».

Нефертити чувствовала себя этим путешественником в пустыне: она спала каждый день чуточку больше... скоро ее жизнь останется только в кончиках пальцев на ноге, и она, полюбив смерть, потихоньку расстанется с жизнью. Иногда, приободрившись, она восставала против этого болезненного состояния. Тогда она силилась смеяться и шутить с окружающими, она требовала музыки, танцев, песен... но быстро снова впадала в мрачную тоску: никто вокруг не жалел ее, никто не пы-

тался вдохнуть в нее «чутьочку своей собственной жизни». Она была совершенно одна на этой безводной земле.

По правде говоря, она не очень хорошо понимала причину этой странной апатии. Она думала: «Это из-за моей беременности. Ребенок как дух пустыни, он питается своей собственной матерью, он разъедает ее изнутри, в то время как считают, что она усыхает снаружи!»

Однако в глубине себя она знала, что этот довод неверен, что ее тоска имеет другое происхождение.

Совершенно случайно помогла Ти.

Нефертити была на последнем месяце беременности и чаще оставалась в комнате, чем прогуливалась по саду, потому что внезапно она почувствовала стыд показываться перед людьми в таком безобразном виде. Безуспешно уговаривая Нефертити развлечься вечером под сикоморами в кругу знати, Ти заподозрила наконец правду. Она очень пеклась о том, чтобы развлечь свою питомицу. Зная о ее страсти к чтению, она отважилась пойти в библиотеку, в комнату, куда еще никогда не ступала ее нога: она рассудила, что во время сильной жары очень вредно для здоровья питаться горячей пищей, вызывающей болезненную припухлость во всем теле. Она выбрала футляр со свитком, название которого показалось ей необыкновенно радостным. Это была «Книга Ликований», и хотя она сама никогда ее не читала, но решила, что ее содержание должно ободрить душу.

Торжествуя, она вручила книгу Нефертити.

— Возьми, — сказала она. — Поскольку ты решила остаться в прохладе дома, ты сможешь себе позволить

это занятие, не опасаясь перегреться так, что закипит кровь!

Таким образом, боги доказали, что хорошо относятся к своим верным служанкам: они направили руку Ти, чтобы та натолкнулась на подходящее средство. Действительно, среди стихов, находившихся там, Нефертити прочитала следующее:

Когда отроком я ходил голышом,
Свое счастье носил я в пузе своем.
Утолял я жажду пивом, вином,
И жирных гусей поедал за столом,
И смеялся тогда, удовольствия полный...
Но утром однажды открыл я глаза —
Ни еда, ни питье меня не влекли.
В голове была жажда,
На сердце тоска!
Я сказал: «Пусть дадут мне напиток любви!
Пусть предложат мне женщины сердце!
Золотистое сердце, как мясо на вертеле птицы из Пунта!
И тогда обрету я веселье и радость!»
Тут я понял, что стал настоящим мужчиной,
И одежду себе повязал поверх бедер...

Внезапно Нефертити озарило. Она вдруг поняла основную причину своей тоски: у нее не было больше аппетита к тем удовольствиям, которые насыщали ее в отрочестве, потому что она стала женщиной... женщиной, как Ти, как ее мать...

Разумеется, она думала, что стала взрослой со дня своей свадьбы, с момента, когда почувствовала желание мужчины, но тогда она не ощущала этого всем своим существом, как теперь.

Это открытие ее потрясло. Она пошла за зеркалом, чтобы получше рассмотреть свое превращение. Она увидела, что ее глаза стали серьезными, что детская припухлость щек исчезла, что губы потеряли сердитое вы-

ражение и налились алым соком, как фрукт созревший наконец... и радость охватила ее, когда она поняла, как она красива. Долго смотрелась она в полированный металл и улыбалась себе, чтобы как следует удостовериться, что ее улыбка приобрела ту загадочную мягкость, ту сокровенную полноту, которая, как ей казалось, есть выражение созревшей души. Ей пришла мысль подрисовать месседеметом нижние веки и натереть верхние малахитовой мастикой, затем она наредила губы ярко-красной краской и надела на голову парадную тиару — изысканный головной убор, который закрывал волосы, подчеркивая тонкость ее лица и стройность шеи.

«Я красива...» — прошептала она с некоторым изумлением.

Затем ее взгляд упал на выступавший вперед живот, и у нее вновь испортилось настроение. Она не могла выйти в таком виде... несмотря на огромное желание показаться перед всеми придворными в сиянии своей женской красоты. Нужно было ждать еще целый месяц!

Внезапно она вспомнила, что ее муж не собирался задерживаться в Ане, и ее охватило смятение, что он увидит ее безобразное тело, на котором самая лучшая туника принимала вид набитого зерном мешка.

«Если он вернется до родов, я откажусь его принять, — сказала она себе, упрямо нахмурив брови. — Я, которая сказала ему, что он уродлив! Он с удовольствием посмеется! Из чувства мести он вызовет Бека, чтобы тот сделал с меня наброски и изваял высотой в восемь локтей!

Нефертити, как и все при дворе, знала, что произо-

шло между соправителем и его скульптором. Бек постарался распусть слухи об их разговоре, чтобы избежать ложного мнения о своем дурном вкусе, о котором, без сомнения, говорили бы на каждом углу его завистливые подчиненные. При дворе все немного встревожились, но Нефертити только устало пожала плечами: она хорошо знала глупое увлечение своего мужа крайностями! По возвращении из Аны ее супруг, без сомнения, скажет, как злой ребенок и особенно чтобы вызвать гнев своей матери: «Нефертити утверждает, что я урод, и я приказал изваять скульптуру более уродливую, чем я есть, для того, чтобы она была удовлетворена!»

И Нефертити дала себе слово, что обидит его еще больше, когда он спросит ее мнение. Она скажет тогда: «Это очень похоже, правда!»

Нельзя только, чтобы Аменхотеп увидел ее беременной... Нет, Нефертити откажется его принять!

Когда добрая Ти пришла узнать новости, молодая женщина сказала ей, что решила никого не принимать до родов, за исключением Мишере, своих рабынь, своей дорогой кормилицы и Пенту. Она сослалась на крайнюю усталость и очень плохое настроение, чтобы получать удовольствие от посетителей.

Таким образом, молодая царица оставалась в уединении три недели. Она боролась со своим нетерпением при помощи свитков из библиотеки, принесенных доброй Ти, и особенно при помощи зеркала, перед которым она оставалась подолгу, рассматривая свое новое, красивое лицо, лицо взрослой женщины. Она пообещала себе, что, как только родит ребенка, как только вновь станет стройной и грациозной, она научится поль-

зоваться всеми преимуществами, какие ей дает ее новый облик.

Пенту явился с визитом и объявил:

— Еще две недели, и ребенок появится в лучшем виде! Он родится на свет к Новому году.

Однако за пять дней до назначенного срока у Нефертити начались боли. Пенту прибежал к ее постели и нахмурил брови, как если бы он был озабочен и находил эти преждевременные симптомы заслуживающими беспокойства. Но такая мимика была частью его ремесла. Чтобы сохранить доверие, лекарь должен выглядеть решительным и не показывать, что пребывает в сомнениях, если не все идет в соответствии с его предсказаниями.

— Очень странно! Очень странно! — прошептал он. — Надо полагать, что звезда Сотис взошла в этом году раньше! Иначе я ничего не понимаю! Я предсказал, что девятнадцатого еще ждать будет нечего! Все теперь не так, как встарь!

Убедив собравшихся в своей компетенции, он прописал маковую микстуру и исчез, посоветовав Ти, однако, приготовить кирпичи на случай преждевременных родов.

И Ти наскоро установила два кирпича на ковре из козьей шерсти, на котором Нефертити пожелала присесть на корточки — каждая ступня на кирпиче, ноги широко раздвинуты, для того чтобы оставить месту ребенку.

Служанка побежала предупредить лекаря, но до того, как тот смог прийти, Нефертити вскрикнула два раза, и ребенок выскользнул из живота матери в руки Ти, протянутые, чтобы его подхватить.

Удостоверившись, что это девочка, кормилица прикусила губу: месяц тому назад она взяла одно зерно полбы* и одно зернышко обыкновенной пшеницы. Она их окунула в мочу питомицы и положила в маленькие мешочки, следуя испытанному рецепту. Из двух семян зернышко пшеницы проросло, из чего Ти, естественно, сделала вывод, что первенец ее козочки будет мальчиком! Она горланила повсюду, что можно заранее радоваться рождению молодого солнца! И вот рецепт, оказалось, соврал!.. Первенцем Нефертити стала девочка! При дворе не было недостатка в шутках по поводу предсказания Ти. Злые языки говорили:

— Зрение Первой Царской Кормилицы ухудшается с быстротой спада воды после разлива! Она приняла полбу за пшеницу и пшеницу за полбу! Скоро она съест свои испражнения, полагая, что это медовый пирог!

Пенту прибыл, когда все закончилось, Нефертити лежала на кровати, а ребенок уже был обмыт.

— Все не так, как прежде! — прошептал он с горечью.

Лекарь заставил брызнуть из своей царицы молозиво, обнюхал его и сделал заключение о его превосходном качестве, предвестнике обильного молока. Затем он наклонился над орущим младенцем, пощупал его заботливо и спросил:

— Выходя из живота матери, младенец кричал НИ или МБИ?

— Если мое зрение ухудшилось, мои уши еще в полном порядке! — ответила кормилица ворчливо. — Младенец крикнул НИ! И я не отступлюсь от этого!

— Да! Да, он кричал НИ! — хором заголосили служанки.

— Слава богам, дочь Солнца будет жить! — сказал поучительно Пенту. — Я выполнил свои обязанности, оставшееся — не по моей части, но дело жрецов! Пусть натрут младенца маслом из лилий, а мать — миррой!

— Все это я знаю, — прошептала Ти, считая, что Пенту смеется над ней из-за полбы и пшеницы.

Спустя три часа фараон, Тэйя, верховный жрец Амона и также жрец Атона в сопровождении всего двора, наряженные в церемониальные одеяния, пришли поклониться перед молодой царицей и ее младенцем.

Фараон, обеспокоенный отсутствием своего сына, взял на себя ответственность собрать у постели роженицы представителей двух враждующих культов, чтобы не показаться пристрастным. Если Аменхотеп окажется недоволен таким решением, он должен будет пенять на себя!

— Мерит-Атон...* Твое имя будет во славу Диска Солнца, — сказал Па-Хуа, верховный жрец Атона, поднимая руки ладонями вверх к небу Востока.

— Мерит-Амон... Твое имя будет во славу прекрасного бога! — сказал Кен, верховный жрец Амона, поднимая руки ладонями вверх к небу Запада.

В ходе этой церемонии двое мужчин повернулись друг к другу спинами и, казалось, не замечая одного, произносили наизусть каждый свою формулу, состоящую из четырех основных членов.

— Ты вылеплена Хнумом, богом-горшечником! — говорил Кен.

— Ты вылеплена светом Атона! — декламировал Па-Хуа.

— Хекет с головой лягушки вдохнула жизнь в твой рот, — говорил Кен.

— Атон вдунул в тебя лучезарную жизнь! — пел Па-Хуа.

— Амон протянул руки между кирпичами, чтобы принять тебя до акушерки! — говорил Кен.

— Атон посмотрел на тебя первым, когда ты вышла! — монотонно гнусавил Па-Хуа.

— Хатор покормит тебя грудью, и Мут помажет тебя! — говорил Кен.

— Атон сделает так, что молоко твоей матери будет медом на твоих губах! — восклицал Па-Хуа.

Затем, когда церемония завершилась, двое великих жрецов соблаговолили заметить друг друга. Они бросили один на другого взгляды, полные ненависти, что означало: «К счастью, я был здесь, чтобы спасти ребенка от твоего яда... Без меня она бы умерла, и ее кровь легла бы на голову фараона! Хоть бы ты лопнул, изъеденный паразитами!»

Аменхотеп приехал из Аны в канун Нового года. Весь двор уже давно перебрался в зимние помещения во дворце на восточном берегу.

Когда Нефертити узнала, что большой царский дахабиех появился вдали и стал виден из Уисы, она почувствовала странное покалывание в груди. Пришло время извлечь пользу из своей женской красоты! Она приняла ванну, натерлась миррой, тщательно накрашилась, затянула живот крепкой льняной лентой, надела длинную, отделанную многочисленными складками тунику, которая искусно обрисовывала формы ее тела,

ставшего вновь совершенным, надела головной убор из золота, украсила себя драгоценностями и присоединилась к своему отцу и мачехе, которые сидели в тронном зале и ждали прибытия ее мужа.

Когда Тэйя увидела ее, входящую в двери залы, то была поражена изменениями, произошедшими с ее падчерицей. Нефертити неожиданно потеряла угловатость и неловкость подростка. Ее грудь четко прорисовывалась под тонкими одеждами, бедра округлились, походка стала мягкой, как у кошки, и ее лицо, умело подкрашенное, излучало красоту и благородство зрелой женщины. Казалось даже, что она подросла, так гордо возвышалась ее голова на длинной и изящной шее.

«Материнство пошло ей на пользу, — подумала Тэйя. — Когда мой старший увидит ее такой, я хочу, чтобы Диск Солнца сжег меня, если его мнение о любви не изменится и не станет похожим на наше!»

И она с удовольствием заулыбалась.

Сам фараон, казалось, был очарован ослепительной красотой своей дочери.

— Твой супруг — счастливый человек, ибо его ждет настоящая богиня! — сказал он, и странное волнение сдавило его горло.

— Ты выглядишь очень красивой, — искренне проговорила Тэйя.

Нефертити почувствовала, как ее грудь поднимается от гордости и радости. Она была красива. Фараон и Тэйя заметили это. Все при дворе, должно быть, это заметили, и она сторала от нетерпения побыстрее посмотреть, как изменится лицо мужа, когда он увидит ее.

Но Аменхотеп, казалось, не заметил красоты своей

жены. Он едва на нее взглянул... Как раз в тот момент, когда спросил, не устала ли она от родов, поздравил ее и пожелал видеть свою дочь. Затем он удалился с фараоном для разговора о положении дел в дельте.

Тэйя заметила досаду своей невестки, которая угадывалась в ее высокомерном виде и плотно сжатых губах. Она обрадовалась этому, решив, что такое часто бывает знаком, предвещающим настоящую страсть.

«В конце концов, молодежь не настолько отличается от нас, стариков, — подумала она с иронией, — и мой сын настоящий дурак, если воображает себе, что его мать годится только для того, чтобы быть обмотанной погребальными лентами и опущенной в гробницу!»

ГЛАВА 16

Аменхотеп был взволнован. Он оставался в Ане около пяти месяцев, и в течение этих пяти месяцев он совершенно не думал о своей жене. Его ум был целиком занят мыслями о боге. Он выслушивал со вниманием речи великого жреца бога Ра, он обустроивал духовное училище, где должно было воспитываться духовенство Атона, он сам преподавал новое вероучение. С ходом дней его мистический пыл обрел постоянство, и из своих экстазов, во время которых его тело, казалось, становится легче пуха, он выходил чудесным образом обновленным и радостным. Тогда он считал, что навсегда вылечился от Нефертити. Однако вернувшись, он увидел, как красива его жена, и по его телу пробежала дрожь, а сердце на мгновение перестало биться. И все вечера теперь он ходил по своей комнате, как лев

по клетке, испытывая смертельные муки желания... Кровь бурлила в жилах, как река во время разлива, его голова горела от неудержимых мыслей, и сердце мучилось от нескончаемых переживаний. Он уезжал влюбленным, а вернулся сумасшедшим, в горячечном бреде. Какой властью обладала эта женщина! Она была демоном! Она была мстью жрецов Амона! Кен в ярости, что не смог доставить это совершенное тело в гарем своего бога, околдовал ее для того, чтобы она околдовала мужа! Да, это так, это могло быть только так!

Аменхотеп спал мало. Почти все свое время он проводил в храме Атона, где, уединившись в уголке, пытался войти в один из своих чудесных экстазов. Но Атон не общался с ним больше, оставив бороться со своими страстями в одиночестве.

Однажды утром, когда он молился восходящему солнцу, он услышал голос, прошептавший ему втайне:

«У твоей жены дочка... Было бы хорошо, если бы у нее появился сын!»

Аменхотеп выпрямился и посмотрел вокруг безумными глазами. «Нет, это невозможно! Это не Атон говорил со мной! Атон хорошо знает, что если я хоть раз прикоснусь к своей жене, то не смогу больше бороться против ее чародейства! Против колдовства жрецов Амона!»

И каждое утро при восходе солнца, каждый вечер, когда он был в своей комнате, таинственный голос твердил ему:

«У твоей жены дочь... Будет хорошо, если у нее появится сын!»

К еще большему его смущению, Нефертити поднималась на рассвете и, необыкновенно красивая, появ-

лялась в храме Атона, чтобы совершить приношение богу. Когда он бывал в комнате свитков, она входила, чтобы поговорить о государственных делах. Когда он отправлялся на площадку, где рабочие устанавливали статуи, она сопровождала его. Тогда страдания молодого человека становились еще более острыми, ибо он мог воочию сравнить красоту своей жены и свое собственное уродство высотой в восемь локтей.

Она ничего не говорила, стоя перед этими колоссами, но ее молчание говорило само за себя: «Ты очень похож!»

Он думал со смутной надеждой, что она воскликнет:

«Ты не настолько некрасив. Зачем ты приказал создать такой ужас!»

Но она не произносила ни слова, и печаль окутывала сердце Аменхотепа, как расшитая золотом мантия, сверкающая и невыносимо тяжелая.

Не желая больше терпеть, он решил снова уехать из столицы. Под предлогом необходимости построить храм в провинции Сирии и несмотря на упреки отца, без удовольствия ожидавшего, когда на него, старика, опять ляжет вся ответственность за порядок в царстве, он готовился к своему отъезду.

Нефертити тревожилась. Два месяца она пускала в ход все свое очарование, она кокетничала с таким совершенством, какого никогда не думала достичь раньше... С большим удовольствием она заметила, что все молодые люди при дворе вертятся вокруг нее, как бабочки, обезумевшие от огня, что за эти два месяца она

выслушала больше похвал, чем за все предыдущие шестнадцать лет... Однако ее муж, казалось, не был взволнован. Он сохранял сдержанность и держался на расстоянии, таинственный и молчаливый... почти безразличный. Казалось, что он вернулся из Аны полностью поглощенным своими религиозными настроениями и что служение Богу мешает ему заниматься другими необходимыми делами. Разве не отправлялся он в Сирию для построения храма Атому? Можно было бы подумать, что государственные дела не имеют для него больше никакого значения.

«Мне безразлично, что он не обращает на меня внимания, — думала Нефертити, пожимая плечами. — Мне даже помешало, если бы он решил, что мои усилия направлены на то, чтобы ему понравиться! Я жена царя, а не верховного жреца! Надо, чтобы его мать сказала ему, что забота о благосостоянии народа должна стоять на первом месте! Если все будет продолжаться по-прежнему, я скоро буду править одна!»

Нефертити забыла, что каждый вечер в течение этих двух месяцев она вздрагивала от малейшего шума, который, казалось, доносился с веранды. Она забыла, что все ее тело напрягалось каждый раз, когда Аменхотеп приближался к ней.

Когда ее муж пришел попрощаться, она не сдержалась и заметила ему резким тоном:

— Если я поняла тебя правильно, я должна царствовать, как Хатшепсут, моя бабушка, которая обходилась без мужа, чтобы заботиться о процветании своего царства. Твое доверие делает мне честь! Итак, отправляйся с миром! Я больше не вынашиваю ребенка, и я прекратила кормить его грудью, так что свободна править

вместо тебя! Но не подумай упрекнуть меня однажды, что я поступила против твоих желаний!

Аменхотеп с горечью усмехнулся.

— Я доверяю тебе больше, чем самому себе, — сказал он, — ибо именно ты научила меня, что фараон должен управлять народом, а не придворными! Ты обладаешь пронизательностью, как моя мать, и министры, которыми ты сможешь окружить себя, будут, а я в этом уверен, людьми самой высокой добродетельности. Действуй, как ты решишь, и я все одобрю. Но запомни: жрецы Амона не только жулики и лицемеры, но они еще и очень опасны. Они держат народ в невежестве, и, если не хочешь увидеть их однажды у кормила власти, нужно начинать отбирать у них богатство, ибо богатство в нечистых руках — смертельное оружие! На него можно купить завистливое сердце, руку, вооруженную кинжалом!

Голос Аменхотепа стал жестким, и он посмотрел на Нефертити с ненавистью, словно именно она представляла собой всю мерзость этой ненавистной касты, она со своей изумительной красотой, со своим столь желанным им телом и губами, которые он так страстно хотел целовать.

Нефертити вздрогнула от его взгляда. Она почувствовала раздражение от того, что не может вызвать у этого мужчины ничего, кроме равнодушия или приступа ярости.

— Почему же ты не останешься здесь и не последишь за жрецами Амона, если испытываешь перед ними такой страх? — спросила она сухо. — Отправляйся и не указывай мне или оставайся и делай, что считаешь

нужным. Но знай одно, что я буду поступать так, как мне захочется!

Аменхотеп сжал кулаки.

— Я тебя предупредил, Нефертити! Открой глаза пошире и не позволяй суевериям и глупости овладеть тобой!

И до того, как она успела ответить, он вышел из комнаты.

Нефертити не видела его до отъезда, впрочем, она и не искала встречи с ним. Он оскорбил ее гордость, и она обещала себе совершить нечто такое, что по возвращении домой ее муж будет очень удивлен. Он придет в восторг от тонкости ее ума и мудрого управления делами государства.

Фараон приятно удивился, узнав, что теперь на его дочь возложено так надоевшее ему дело управления страной. А Тэя была счастлива узнать, что ее невестка обладает и здравым умом, и сметливостью. Обе женщины виделись теперь часто, как никогда раньше, и мало-помалу общность их интересов и сходство характеров начинали их сближать. Вскоре Нефертити почувствовала к своей свекрови нечто вроде уважения или привязанности. Никогда они не говорили об Аменхотепе: Тэя была очень проникательной женщиной и понимала, что эта тема может разозлить невестку и разрушить достигнутое ими взаимопонимание.

Маи и Аменхотеп вернулись в Уису в период хамсина*, и это, казалось, незначительное совпадение оказало большое влияние на судьбу Нефертити.

Когда Маи прибыл из далекой страны Пунт на корабле, нагруженном богатствами земли ладана, Тэя забеспокоилась, что ее старшего не было на месте, что-

бы защитить свою собственность: сердце молодой жены, лишенное нежности, и ее тело, лишенное ласки... которыми этот дурак пренебрегал, чтобы принести своего бога дикарям. Если Нефертити не выдержит искушения, она не будет в этом виновата одна!

С тревогой Великая Царская Супруга наблюдала, как ее невестка уделяет слишком большое внимание Май. В его компании Нефертити шутила, болтала, смеялась и даже опасно кокетничала. Казалось, Май совсем забыл, что ухаживал за Урель: он не спускал глаз со своей царицы, он заходил повидаться с ней в комнату свитков, он следовал за ней в храм Атона и во множество других мест, не отставая ни на шаг.

Однако Нефертити, казалось, не находила свое поведение странным. Она чувствовала себя с Май на удивление спокойно. Она любила разговаривать с ним о детстве и испытывала удовольствие, когда глубокое волнение охватывало молодого человека, приближавшегося к ней. Один только раз Май рассердил ее: в этот день он сопровождал ее в храм Атона.

— Что за идея была у Аменхотепа изваять подобные статуи! — сказал он с иронической улыбкой. — Тебе не удалось его отговорить? Ты была не властна над сердцем мужа, ты, которая так красива?

— Это я посоветовала ему отойти от канона и общепринятых правил, — ответила она сухо, — ибо Атон — новый бог, необычный, и его храм должен быть по его подобию, новым и необычным.

Тогда Май заговорил языком придворного, что так не нравилось Нефертити.

— Представленная таким образом, — сказал он с воодушевлением, — эта идея кажется мне изумитель-

ной, и она достойна твоего ума! Эти статуи, если хорошо присмотреться, выражают собой предельную правду, и холодный камень в некотором смысле оживает. Ты создала новое искусство, придала новую силу руке скульптора, у тебя хватило мужества порвать с вековыми традициями! Я восхищаюсь тобой, моя царица!

Нефертити, пожав плечами, ничего не ответила, но долго не могла отогнать от себя неприятное впечатление, оставшееся от слов Маи.

Придворная обходительность Маи, однако, помогла ей на время преодолеть свое замешательство, а когда она вновь начала опасаться того, что не сумеет воспротивиться желанию молодого человека, осмелившегося подвергнуть опасности сердце его царицы, вернулся из Сирии Аменхотеп.

Когда она встретилась с мужем лицом к лицу, он окинул ее обжигающим взглядом, и она почувствовала то волнение, которое парализовывало ее тогда на ложе, во время его первых визитов в ее комнату. Она удалась настолько быстро, насколько это ей позволили правила приличия.

Но странная тревога не покидала ее целый день, и она прилагала большие усилия, чтобы выглядеть естественной и спокойной.

Вечером на пиру она услышала, как Маи сказал:

— Господин, если ты заходил в свой гарем, то видел десять роскошных женщин, которых я привез из царства Пунт, и этой ночью ты узнаешь, что тело женщин из страны Пунт пахнет ладаном!

Эти слова вошли, как кинжал, в сердце молодой женщины. Почти потеряв самообладание, она бросила:

— Ты уже попробовал их до своего господина, если стал таким знатоком их тел?

Маи рассмеялся от ее слов, как от блестящей шутки.

— Когда я был в Пунте, — сказал он, — я ел птиц Пунта, я пил пиво Пунта и я знал женщин Пунта! Но для моего господина я привез живых птиц, чтобы они резвились в его клетках, я привез кувшины с пивом, которые я не откупоривал... Вот то, что я хотел сказать! И остальное таким же образом!

Аменхотеп нежно улыбнулся:

— Ты верный друг, Маи, и пусть моя преданность будет тебе наградой!

«Безумец, какой ты безумец, — думала Нефертити в гневе. — Ты не приехал бы вовремя, и Маи заключил бы меня в свои объятия без всякого угрызения совести... и я позволила бы ему это сделать, потому что не люблю тебя, а люблю его!»

Она нервно рассмеялась и произнесла:

— «Я сказал: «Пусть дадут мне напиток любви! Пусть предложат мне женщины сердце! Золотистое сердце, как мясо на вертеле птицы из Пунта! И тогда обрету я веселье и радость!»

— Спой, моя царица, — сказал Маи, — и развесели сердце своего мужа.

— Царица — не женщина гарема, — сказала она с горечью, — она не умеет ни угождать, ни петь, ни танцевать... Она здесь, чтобы помочь своему мужу заниматься делами страны и жизнью народа.

— Но я могу подтвердить, что ты когда-то умела очень хорошо это делать! — сказал Аменхотеп, даже не улынувшись.

— И играть в собак и шакалов! — живо добавила Нефертити.

— Это игра не для дураков, и ты всегда блистала умом в таких играх, — сказал Аменхотеп спокойным голосом.

Нефертити рассмеялась слишком сильно.

— Мой ум разъял все сердце! — сказала она.

И внезапно у нее появилось огромное желание заплакать, просто так, без всякого повода. Она оставалась молчаливой до конца пира, отвечая односложно, если ее о чем-то спрашивали.

Этой ночью она долго не могла заснуть: она думала о своем муже, обнимающем ароматные тела девочек из Пунта, и слезы текли по ее лицу. Она решила завтра же отдаться Маи, ибо не понимала, отчего ее мужу можно совершать измены, а ей нет.

У нее никогда не было подходящего случая отдаться Маи.

На следующий день с юго-запада подул песчаный ветер.

Позже старики будут говорить, покачивая головами, что не припомнят, чтобы видели или слышали о таком бешеном хамсине.

Все начиналось с глухого шума, доносившегося одновременно со всех сторон, как ропот разгневанной толпы. Потом шум переходил в гул, усиливался и наполнялся дикими завываниями, в которых слышались угрозы смерти и разрушения. Затем внезапно небо над Уисой, ставшее совершенно красным от поднятого в воздух песка, обрушивалось на город. Каждый пытался

укрыться под защитой своих стен, затыкая щели кусками материи, смоченными в воде, но порывы ветра были столь горячи, что тряпки очень быстро высыхали и выпрыгивали из щелей, как пробки из кувшинов, когда пиво начинает бродить слишком сильно. Песчаные вихри, крутясь, стучали в двери, хлопали по крышам, как будто стегали их бичом, а большие веерообразные листья, сорванные с пальм, скребли землю, как огромные метлы, приводимые в движение невидимой и яростной рукой... Окна и двери во дворце фараона были закрыты, законопачены, завязаны толстыми веревками, но несмотря на это, они скрипели и стонали, как проглоченные чудовищем и попавшие в его живот жертвы... В гареме никто не разговаривал. Женщины теснились друг к другу и судорожно прижимали руки к груди, боясь, как бы их сердца не выскочили от страха наружу. Дети прятались под кроватями, думая, что наступает конец света, поскольку взрослые были испуганы так же, как и они. Только рабыни не теряли живости: они бегали и укрепляли запоры, затыкали щели, натягивали и крепче завязывали веревки, и песок только поскрипывал под их босыми ногами, песок, который медленно, но без передышки заполнял все залы дворца.

Нефертити были смешны эти глупые страхи, однако и у нее от происходящего цепенели руки и ноги. Внезапно она вспомнила о маленькой царевне, оставшейся совершенно одной в комнате. Она выбралась из уголка, где сидела на корточках, и побежала в царские покои.

В комнате было темно. Малышка не кричала. Мужчина убаюкивал ребенка, шепча при этом какие-то

слова, которые молодая женщина не могла разобрать из-за сильного воя ветра и хлопанья окон и дверей.

В этот миг Нефертити поняла, что любит своего мужа со страстью, в которой причудливо смешались сила и нежность.

Когда позже она думала об этом мгновении, она не могла определить точно, что именно ей дало возможность осознать свою любовь. В комнате был Аменхотеп. Он прижимал к себе маленькую хрупкую жизнь — их дочь, и от них исходила бесконечная нежность и неимоверное спокойствие. Они были, как островок мира и доброты среди разбушевавшейся стихии. Внезапно Нефертити захотелось, чтобы эти большие руки обнимали ее, чтобы к этой крепкой груди была прижата она, чтобы этот шепот лился ей в ухо, как прохладная вода в разгоряченное тело. Она осталась стоять и смотреть на этого мужчину, которого считала уродом и в которого она теперь в полутьме комнаты с любовью вглядывалась. Если бы Май не приехал раньше Аменхотепа, она, возможно, никогда бы не поняла, что ее желание быть утешенной, быть защищенной, как маленькая девочка, было порождено ее любовью. Она же относилась к этому на счет своей слабости. В течение двух недель она встречалась с Майем с глазу на глаз, но желание оказаться в его объятиях появилось у нее в тот самый день, когда они были на западном берегу Нила, в некрополе, и их застал там хамсин*. В этот день они, укрывшись в доме начальника строительства, оказались отрезанными от всего мира. И пока песчаная буря выла за дверью, они, как обычно, шутили, и Май внезапно сказал:

— Женщины всегда боятся шума, который создает

юго-западный ветер: это удобный момент для женщины, чтобы распахнуть свои объятия!

— Держи свои объятия закрытыми, я не боюсь ничего! — ответила Нефертити смеясь, но опасная мысль уже поселилась в ее сердце, и ей пришлось сделать много усилий, чтобы не выказывать страх перед бурей.

И вот вдруг ей захотелось прижаться к своему мужу, и это желание было полно потрясающей нежности... Она внезапно увидела в нем свое прибежище от всех забот и неприятностей мира...

Аменхотеп не обратил на нее внимания, и, когда она подошла, он просто протянул ей ребенка и вышел, не сказав ни слова.

Нефертити тоже молчала. Ей надо было бы кричать, чтобы быть услышанной, но она могла только шептать, очень тихо. Она поцеловала дочку в личико и принялась убаюкивать ее, напевая:

Мы с тобой одни в саду,
Что засадила я цветами
И травами душистыми на выбор.
Тут есть прелестный водоем, что вырыг мною.
В прохладе северного ветра,
Какое милое местечко, где мы гуляем.
Твоя рука в моей руке. И сердце радостью полно,
Что вместе мы с тобой*.

Напевая это, Нефертити думала о своем муже, и ее переполняла любовь.

ГЛАВА 17

Мишере боялась громкого шума, сильного ветра, открытого пространства и полного одиночества, но когда она знала, что ее госпоже может угрожать опас-

ность, ее сердечко наполнялось таким мужеством, что это толкало ее совершать невероятные поступки. Когда хамсин начал с яростью сотрясать дворец, она уселась на корточки в темном уголке, около толстого и прочного столба, и из своего укрытия следила за своей госпожой, чтобы спасти ее или погибнуть вместе с ней в случае необходимости, если, например, небо начнет падать им на голову. Тем не менее, когда дверь северной залы с ужасающим грохотом распахнулась, она не смогла противиться позыву пригнуть голову и обхватить ее руками, запричитав при этом: «Несчастные мы! Несчастные мы!» И когда она ее подняла, царицы уже не было на месте.

Смертельный страх сжал и без того встревоженное сердечко служанки. Вначале она решила, что ее госпожу унесло ветром, затем она сказала себе, что будет лучше посмотреть самой, что произошло в то время, пока она, как страус, прятала голову. С сожалением она покинула свое убежище и решилась выйти в коридор. Она кричала проходящим мимо рабыням:

— Вы не видели нашу царицу?

И рабыни, видя ее столь растерянное лицо, сами теряли голову и отвечали с испугом:

— Ее здесь нет.

Не обращая внимания на бурю, завывавшую, как сам демон Джебга, Мишере упрямо бродила по темным комнатам, наполненным ужасными звуками, которые издавали, казалось, орды злых духов, падких до ее нежного тельца.

В конце концов она добралась до царской комнаты и успокоилась, увидев свою госпожу в добром здравии.

Нефертити нежно ей улыбнулась.

— Ты пришла как раз вовремя, — прокричала она сквозь завывание ветра. — Я не хочу оставлять Меритатон одну, а мне надо идти! Я полагаюсь на тебя. Оставайся рядом с ней, ибо она боится песчаной бури!

Мишере задрожала, но ей не хотелось выказывать меньшую храбрость, чем Нефертити. Она взяла ребенка на руки и выбрала крепкий столб, около которого надеялась найти убежище. Когда ее госпожа ушла, она села на корточки, прижимая малышку к своей груди, и для спокойствия накрылась с головой своей вуалью.

Нефертити необходимо было увидеть своего мужа, немедленно, и увериться, что она не ошиблась в своих чувствах, что любовь — это именно то, что она испытывала к нему. Она была настолько изумлена тем, что с ней произошло, что ни на миг не сомневалась в счастливом исходе этой встречи. Она забыла, что обидела молодого человека, и она говорила себе:

«Когда он узнает, что я его люблю, он заключит меня в свои объятия, он поцелует меня. Он будет смотреть на меня, как смотрел иногда прежде. Я попрошу у него прощения за свое упрямство, но он не даст мне договорить...»

Когда она вошла в кабинет мужа, глаза ее сверкали, а лицо светилось радостью.

Аменхотеп был там. Сидя в кресле и судорожно сжимая руками подлокотники, он, казалось, был погружен в грустные размышления. При ее приближении он подскочил, не узнав ее из-за мрака, царившего в комнате.

— Кто здесь? — спросил он сухим голосом, как ес-

ли бы обращался к служанке, пойманной на проявлении нескромного любопытства.

Сердце Нефертити подскочило в груди, как щенок, услышавший голос хозяина, и по этому признаку она поняла, что влюблена.

— Это я, твоя жена, — сказала она как можно нежнее.

Аменхотеп нахмурил брови. Он не хотел оставаться один на один со своей женой, и сегодня менее, чем вчера, и завтра менее, чем сегодня. Ибо он уехал в Ану, а его любовь только окрепла... Он пересек границы Сирии, и его любовь стала безграничной... Он пытался задушить свою страсть молитвами и другими религиозными занятиями, но от этого его страсть стала более возвышенной и сильной.

— Что ты от меня хочешь? — спросил он резко. — И почему ты оставила Меритатон одну? Разве ты не знаешь, как она боится песчаной бури?

Нефертити села на скамью советника.

— Ею занимается Мишере, и если я доверила бы ребенка какой-нибудь служанке, то только ей! Она здесь единственная, кто любит меня ради меня самой!

Аменхотеп усмехнулся.

«Единственная? Действительно?» — подумал он с горечью.

— Тебе повезло, что кто-то любит тебя ради тебя самой! — сказал он. — Не расставайся с Мишере никогда! Настоящий друг — это самая редкая вещь, какую может увидеть на нашей грешной земле Атон, и, когда его луч падает на такого человека, сердце бога наполняется радостью. Кто знает? Быть может, он продолжает смотреть на мерзости мира и освещать его, по-

скольку на земле одна женщина могла сказать: «Эта служанка любит меня ради меня самой!» По правде говоря, один человек может искупить вину многих!

Он разговаривал как бы сам с собой, и горечь, наполнявшая его голос, раздирала сердце Нефертити. Ей захотелось броситься ему в ноги, обнять колени, признаться в любви, но тайный инстинкт удержал ее от этого, шепнув на ухо: «Огорченный мужчина похож на человека, который долго голодал и чей ссохшийся желудок отказывается принять внезапно появившуюся обильную пищу. И того и другого не следует торопить».

— Когда великие люди любят друг друга и когда маленькие люди любят друг друга — это не редкость... но пусть великий человек привяжется к маленькому из простой нежности, или пусть маленький человек будет служить великому из чистой преданности — вот что в самом деле необычно, как все, что не имеет корысти. Именно это я хотела сказать о Мишере. Но, может быть, тебе хватает твоего окружения. Добрый человек редко бывает один.

Аменхотеп вздрогнул от необычной похвалы. Он решил, что она смеется над ним.

— Я знаю, ты часто упрекала меня за то, что я давал тем, кто просил, — сказал он сухо. — Ты называла это слабостью. Почему бы тебе не назвать это добротой ради шутки? Легко смеяться над тем, чего не понимаешь!

— Бывает время, когда ты еще слишком молод, чтобы понять кое-что в себе, — ответила Нефертити без обиды, — но потом однажды способность понимания приходит, потому что твой ум становится старше...

и разве ты сердишься на свое отрочество, которое многого не понимало? Разве ты будешь смеяться над самим собой, потому что думаешь теперь по-другому? Я повзрослела, Аменхотеп, я больше не маленькая девочка, которая плавала по Нилу и отказывалась вступить в мир взрослых. У меня наконец открылись глаза, чтобы смотреть вокруг, и общение с людьми мне каждый день преподносит урок за уроком. Вот почему я могу сказать сейчас: ты очень добрый. И это все.

Простота, с какой говорила Нефертити, произвела на Аменхотепа впечатление. Но, поскольку ему приходилось бороться с порывами собственного сердца, он спросил довольно грубо:

— Итак, я очень добрый... тогда что же ты пришла у меня попросить?

Нефертити выдержала этот выпад не моргнув глазом.

— Я почти не видела тебя после твоего возвращения из Сирии. И так как вместо нашего отца я заняла твое место, было правильным прийти к тебе и отчитаться о своем правлении.

— Я разговаривал с матерью и фараоном, и они сказали мне много хорошего о тебе. Советник сообщил мне о твоих решениях и постановлениях... Со своей стороны я знаю, что ты слишком умна, чтобы действовать вопреки здравому смыслу... — сказал Аменхотеп сердитым тоном, упрекая себя в язвительности, в то время как его жена, казалось, полна терпения и доброты. — Таким образом, все довольны тобой, и я не вижу, почему бы тебе не сохранить власть за собой и далее! Я буду чувствовать себя на троне Египта посторонним, пока не распространю поклонение Атону во все края

земли... Ибо мир воцарится между всеми людьми, когда они поймут, что божественное Солнце светит для всех, и египтянин не скажет больше негру: «Ты жалкий сын презренной страны Куш... Ты не достоин развязать ремень обуви моей...», не скажет азиату: «Вы рабы, которых мы попираем ногами!» Но каждый поутру падет на землю и воскликнет: «Перед тобой, Атон, мы ничтожество... и среди ничтожеств, но твой взгляд может различить самого ничтожного!» Я собирался построить храм в Сирии... я собираюсь поехать и основать храм в Нубии... я буду ездить туда и сюда, куда мне укажет Атон... Я не нужен народу Египта, поскольку ты теперь заботишься о нем! Кто лучше, чем ты, сможет научить его любить Правду!

Нефертити почувствовала отчаяние при мысли, что ее муж собирается покинуть ее опять. Она воскликнула дрожащим голосом:

— Ты не смог забыть слова, которые я тебе сказала в приступе детской ярости? Ты говоришь о моей правдивости, потому что тогда я бросила тебе в лицо: «Ты уродлив!» Но что я могла понимать в уродстве и красоте в то время? Что я знаю об этом даже теперь, я или кто-нибудь еще? Уродство и красота всего лишь слова, которые каждый употребляет, как ему захочется, они не имеют определенного и постоянного значения. Так вот и я, когда была подростком, находила красивым все, что было постоянным, спокойным, гладким: ровную землю, подстриженные сады, невыразительные лица, симметричные линии... Однако мое сознание стало шире, я больше вижу красоту не глазами, а чувствую сердцем, а сердце смеется над постоянством... Оно признает только гармонию: песчаная буря может быть

очень гармоничной в своей мощи... угрюмые болота — в своей дикости... неправильное лицо — в своей лепке... да, я считаю теперь, что красота не поддается определению, ее надо чувствовать, ее надо вдыхать... как аромат... Маи сказал тебе: «Женщины из Пунта приятны, потому что их тела пахнут ладаном!» Этой ночью разве у тебя не было желания сойтись с этими азиатками, потому что ты любишь запах ладана?

Она бросила последнюю фразу со злостью. Вся ее нежность мигом исчезла от приступа жгучей ревности, и ничего в ней не осталось, кроме слепой ярости.

Аменхотеп не понял, что произошло с Нефертити, потому что не верил в ее любовь. Из-за тона, каким были произнесены последние слова, он забыл, о чем она говорила вначале. Он пытался найти скрытые причины этого взрыва негодования по поводу женщин из Пунта. Он нашел только одну, и эта причина его разозлила.

— Азиатки! — воскликнул он, вставая. — Почему ты говоришь о них с презрением? Чем они хуже тебя перед солнцем? Нет, у них нет твоей гордыни! Они скромны, потому что воспитаны в вере в верховную власть Египта! Они смиренны, как все, кто платит дань! Но у меня с ними будут обращаться так же хорошо, как и с гордыми египтянками! Они узнают, что единственный достойный народ в глазах Атона — это народ верных! Остальное отбросы, рабы! Да, плоть верующего замешана на ладане! Ты хорошо это подметила.

Сердце Нефертити стучало, как летний грозовой ливень. Оно словно выстукивало без конца: «Пунт! Пунт! Пунт!»

И эти звуки оглушали молодую женщину. Она по-

нимала только одно: ее муж оценил этих девочек из Пунта! Он получил удовольствие в объятиях этих наложниц! И теперь он сравнил ее с девочками из Пунта, и не в ее пользу! Страдания сделали ее глухой. Аменхотеп разлюбил ее, он смеялся над ней и над ее нежностью... Он ласкал ее, как ласкают чужую женщину... Быть может, он никогда ее не любил! Пелена обмана спала: ее муж никогда ее не любил! Она была теперь в этом уверена, ибо, если это было не так, он боролся бы, чтобы завоевать ее, а не тратил бы свое время на поездки по провинциям! У него душа погонщика каравана верблюдов, который проводит свою жизнь в дороге, останавливается там, где останавливается его осел, и спит с дочкой хозяина постоянного двора! Распространяет поклонение Атону? Предлог, чтобы попробовать женщин провинции, и делать это в полном спокойствии! А тебе, в то время как твой муж разводит свои делишки по всей стране, сетовать на его отсутствие, плакать о том, что он был огорчен своей последней поездкой! Погонщик верблюдов! Он был всего лишь подлым погонщиком верблюдов, а она... дурой!

Она встала вне себя от ярости.

— Отправляйся же в Пунт создавать храм своему Атону! — закричала она голосом, полным рыданий. — Там ты будешь довольствоваться большим, чем вертел с жареными птичками Пунта! У тебя будет целый птичник! Но когда ты соберешься взять их, задай себе вопрос: платят ли они этим дань фараону могущественного Египта или падают в обморок перед твоей красотой?

Прокричав это, она выбежала, чтобы не позволить мужу увидеть слезы в ее глазах.

Когда она исчезла, Аменхотеп в гневе схватил обеими руками стол и опрокинул его на пол со всеми лежавшими на нем глиняными табличками и папирусами.

«...платят ли они этим дань... или падают в обморок перед твоей красотой!..» Он запомнил лишь эти слова, они стегнули его, как кожаный ремень по незажившей ране. Почему он так безобразен? Почему? Почему?

Безумное отчаяние охватило его, и, уткнувшись головой в сжатые кулаки, он принялся плакать, как малый ребенок.

Если бы Нефертити не любила своего мужа с такой силой, она, быть может, ограничилась слезами, забившись куда-нибудь в укромный уголок... Но она испытывала к нему безумную страсть и теперь желала пострадать еще больше. Ей захотелось увидеть этих женщин из Пунта, узнать от них лично, что ее муж пожаловал их своей царской благосклонностью этой ночью, распознать в их глазах блеск удовлетворенного желания, увидеть на их лице победную улыбку.

Скрывая свое раздражение, она направилась в гарем.

Гарем Аменхотепа не отличался особым великолепием. До прибытия в него десяти азиаток он состоял из двенадцати плохо танцующих негритянок и трех слабо музицирующих нубиек. Сверх этого имелось несколько рабынь и пять нубийских детей, которые заменяли женщин, играющих на арфах. Ни для кого не было секретом, что соправитель не разделяет аппетитов отца к «заигрыванию», как выражалась Келу-Хеба... и что фараон даже ввел обычай называть этих живущих в

уединении женщин своего сына «несчастливыми бедняжками».

До сих пор Нефертити редко заходила в гарем своего мужа, ибо, с одной стороны, там не было женщин, которых она хотела бы видеть около себя, а с другой стороны, она знала по опыту, что дом наложниц был местом, где рождались самые злые и неприличные сплетни.

Ветер затих, и рабыни зажгли фитили в светильниках.

Когда гордой походкой Нефертити вошла в гарем, женщины прекратили болтать и смеяться. Они приветствовали ее с уважением, полагающимся Великой Царской Супруге, известной тем, что непристойные шутки, придающие их жизни радость и остроту, не пользуются у нее успехом.

Молодая царица внимательно рассмотрела этих азиаток и не нашла их красивыми. Они были толстыми и неповоротливыми. Однако этого было недостаточно, чтобы успокоить Нефертити, ибо она вспомнила слова Ти, сказанные о толстых женщинах:

«Мужчина похож на борова в том смысле, что любит толстых, как свиньи, женщин. Пусть он заснет, заграбастав побольше, и тогда будет верить, что на рынке его не надули!» Она задала им несколько вопросов о стране Пунт и, не чувствуя стыда, спросила, каким образом туземки увеселяют сердца мужчин. Затем она им сказала, что сопровитель заметил их и просил как можно лучше исполнять его желания, чтобы ему запомнилось их рвение ему услужить. После этого она добавила равнодушно:

— Моему мужу нравится запах ваших подмышек,

пропитанных ладаном! Я не помню имя той, о которой он мне говорил особенно много... Это не ты? Или ты? Посмотрим, кто пользовался благосклонностью моего супруга в последнюю ночь.

Она была настолько уверена в своих подозрениях, что ее разозлило молчание, с которым был встречен этот вопрос.

— Девочки из Пунта настолько стыдливы, что не осмеливаются порадоваться вслух благосклонностью Солнца?

Одна из нубиек, покачав головой, ответила красивым и серьезным голосом:

— Господин не приходил в эту ночь! Он даже не пришел послушать мою песню, которая ему очень нравится!

Нефертити на мгновение остолбенела. Затем внезапно к ней пришло осознание ее собственной глупости: она только что дала своей ревностью великолепную пищу для злых языков в гареме. Она уже слышала, как женщины начинают говорить между собой у нее за спиной: «Царица читала лживые проповеди, чтобы узнать правду, потому что она ревнива, как леопард из страны Куш! После долгого отсутствия ее муж пренебрег ею в первый же вечер... Должно быть, не все у них хорошо!»

Она покраснела и попыталась исправить свою глупость.

— Мой муж мне говорил о вас, девочках из Пунта, с такой благосклонностью, что я подумала, не пошел ли он к вам, побывав у меня вчера вечером.

Нефертити с ужасом выставляла свою интимную

жизнь напоказ, но она думала, что будет лучше соврать этим гадюкам, чем позволить им догадаться о ее супружеских неурядицах.

Женщины не ответили, и Нефертити поняла, что происходит в их головках. Они придумывали, какими неприличными шутками они скрасят свой вечер, когда царица уйдет. Она не осмеливалась уйти тотчас же. Ей не хотелось производить впечатление женщины, пришедшей с единственным намерением разузнать о любовных похождениях своего мужа. Она устроилась на подушке и попросила нубийку спеть «для того, чтобы ее красивый голос заглушил заунывные стоны еще не совсем стихшего ветра».

И в то время как глубокий задушевный голос нубийки звучал в комнате, она размышляла над тем, что недавно узнала.

Аменхотеп не прикасался к девочкам из Пунта.

Припомнив все его слова, она пришла к заключению, что он хотел вызвать в ней ревность. Но тогда, если это было так... его чувство к ней по-прежнему живо! Ибо он любил ее, в этом не было никакого сомнения! Заботы, которыми он окружил ее после свадьбы!.. Жгучие взгляды, которые он бросал на нее... Эти слова, которые он так часто шептал ей во время их ночей любви!.. Его отъезды тоже!.. Эти отъезды, напоминавшие бегство!.. Все это служило неоспоримыми доказательствами! Каким сумасшествием было все это разрушить, когда обстановка складывалась столь благоприятно! Она была готова сказать ему, что не находит его уродливым... и затем... затем появилась эта душераздирающая мысль: девочки из Пунта! Это все из-за Май! Из-за

этого молодого фата!.. Нет, вина была целиком на ней! Она поддалась своей горячности! И в своем раздражении она еще искала, как бы его побольнее обидеть!

Она стыдилась своей глупой злобы. Быстро похвалив нубийку, не успевшую даже закончить песню, она ушла, чтобы поправить то, что ее слепая ревность почти разрушила.

Она узнала, что Аменхотеп вышел из дворца, хотя буря лишь приостановила свой напор, и до самого вечера ей пришлось томиться в своей комнате вместе с Мишере и со своей маленькой дочкой. У нее не было даже сил заняться ребенком, настолько велико было ее беспокойство и ее нетерпение.

Решив поужинать в одиночестве в своих покоях, она послала Мишере извиниться перед отцом и мачехой. Она поручила ей также передать своему мужу личную просьбу следующего содержания:

«Моя госпожа хочет сообщить тебе необыкновенно важное известие, и она не может ждать до завтрашнего дня. Она не будет спать до тех пор, пока ты не придешь, но она просит тебя прийти только тогда, когда ты закончишь развлекаться на пиру».

Аменхотепа неприятно удивили эти слова, ибо он страшился комнаты жены намного больше, чем всех пыточных камер, вместе взятых, и особенно в часы, когда ум ослабевал и чувства начинали действовать беспорядочно со всей их природной силой.

Он, как мог, продлевал свое пребывание на пиру, надеясь, что Нефертити, ожидая его, уснет. Он подбадривал себя выпивкой, избегая, однако, пить слишком много и лишиться возможности рассуждать здраво.

Наконец в глубине души он взмолился Атону не покидать его в час испытания и мужественно направился в покои жены.

Нефертити не только не спала, но и не думала спать. Она искупалась и натерлась благовониями, затем отослала служанок и в бледном свете, распротра-няемом светильником, принялась ждать, прислушиваясь к малейшему звуку. Она почти лишилась голоса, как в первое время после их свадьбы. Из стыдливости она прикрыла свою наготу тонкой белой шалью. Тысячу раз она повторяла слова, которые собиралась сказать, тысячу раз она выслушивала ответы своего мужа, и все они заканчивались поцелуем, который она продлевала в своих мыслях так, что тело начинало дрожать от желания.

Внезапно послышались шаги мужа, и вся уверенность мигом слетела с нее.

Она возвышалась на ложе, глаза сумасшедшие, рот приоткрыт. Руки сжимали концы шали. Она не помнила больше тех веселых фраз, которые готовила в одиночестве. У нее была только одна мысль: ее муж сейчас войдет, как раньше... это было так давно... так давно.

Аменхотеп появился молчаливый и серьезный. Они пристально посмотрели друг на друга не двигаясь. Оба были сосредоточены на собственных страхах.

Затем, видя, что молчание затянулось, Аменхотеп решил первым нарушить его и покончить с этой тревогой, сушившей его сердце. Он сказал очень холодно:

— Ты хотела мне сообщить что-то важное... вот я и пришел, я не стал ждать завтрашнего дня.

Губы у Нефертити дрожали.

— Подойди поближе, ибо северо-западный ветер еще не стих, буря еще грохочет в воздухе, и я не могу кричать то, что мне надо тебе сказать.

Молодой человек подошел, как бы сожалея об этом. Он остановился в трех шагах от ее ложа.

— Вот я и рядом, — прошептал он.

— Я не могла уснуть, не попросив у тебя прощения за то, что наговорила тебе недавно в комнате свитков, — проговорила Нефертити едва слышно.

Дыхание Аменхотепа участилось. Он настолько не ожидал таких слов, что забормотал в растерянности:

— Я огорчен также... я...

Смушение молодого человека, казалось, вернуло Нефертити присутствие духа. Она поднялась с кровати и направилась к мужу, который пятился по мере того, как она приближалась.

— В действительности это совсем не то, что я хотела тебе сказать... но... я вспомнила женщин, которых Май привез тебе из Пунта, и я позволила овладеть собой чувству...

Она не решилась произнести слово «ревность», испугавшись внезапно показаться смешной в глазах того, кого любит, и в чьей взаимности неожиданно засомневалась.

— Чувству... ревности, — проговорила она наконец, краснея от стыда.

Аменхотеп остолбенело смотрел на нее, как коза, которую вдруг пощадил лев и которая надеялась в лучшем случае быть проглоченной одним махом. Опасаясь, что ослышался, ведь буря, еще грохотавшая в небе, могла исказить звуки, он переспросил:

— Ревности?

Нефертити глубоко вздохнула: ее муж не выказал недовольства, он не смеялся над ней... И она улыбнулась.

— Да... я хотела тебе сказать, что люблю тебя, но не так, как любят друг друга соплеменники, не так, как любит сестра брата, но полностью, как жена любит своего мужа... лучше, может быть, еще больше... я люблю тебя страстно...

Она растерялась, заметив его оцепеневший вид. У него было лицо не влюбленного, услышавшего наконец признание, а ребенка, обезумевшего от страха.

Быть может, она обманулась в своих чувствах... Она кусала губы, и слезы наворачивались на ее глаза. Наступило молчание. Затем, убежденная, что напрасно выставила себя напоказ, снедаемая горем, Нефертити прокричала голосом, прерываемым рыданиями:

— Да!.. Да!.. Я люблю тебя страстно... Почему же ты не смеешься? Это достаточно забавно!

Когда она повернулась, словно собираясь уходить, Аменхотеп очнулся от столбняка. Безграничная радость перевернула все его существо, он не дал ей уйти, почти грубо прижал к себе и держал в своих объятиях, в то время как она позволила долго сдерживаемым слезам хлынуть ручьем.

Его тело дрожало, как зонтик папируса под порывами северо-западного ветра, и счастье бурлило в нем с такой силой, что ему не доставало только задушить в объятиях свою молодую жену. Доброта бога светилась в его глазах... Если Атон не позволил ему убить свою любовь, то потому, что он видел дальше, чем его страдающее сердце... Если он дал ему эти страдания, то для

того, чтобы любовь очистилась от всего наносного, чтобы она стала как чистое золото Нубии после плавки. Атон не был ревнивым... и он только что благословил любовь своего сына!

Нежным движением руки Аменхотеп поднял лицо своей молодой жены. Как она была красива, несмотря на следы месдемета на щеках, несмотря на покрасневший нос и опухшие веки...

Нефертити шмыгала носом и неуверенно улыбалась.

Кровь зашумела в ушах Аменхотепа, он взялся за шаль и медленно сдвинул ее вдоль спины, обнажая ее дрожащее тело. Она принадлежала теперь ему, ему, безобразному мужчине, которому до сих пор женщины только платили дань.

Их губы слились в горячем поцелуе, и он длился, наполняя их страстью.

В эту ночь Нефертити зачала в страсти и ликовании. Спустя девять месяцев она родила дочку, первым криком которой было «Мби». Но никто не услышал этого крика смерти.

Маленькую царевну назвали Мекетатон*.

Часть II

АМЕНХОТЕП

ГЛАВА I

Аменхотеп IV сидел посреди комнаты свитков в своем кресле из черного дерева. Крепко сжав губы, он придирчивым взглядом осматривал четыре восковые фигурки, которые, как четыре ядовитых скорпиона, расположились на его столе. Слуги нашли их этим утром в четырех главных частях дворца: первые две случайно и две другие — уже по указанию Рамозе, советника. Рамозе в юности провел три года в услужении у жрецов Амона и знал, между прочим, что колдовские вещи расставляют всегда по четыре штуки для того, чтобы все стороны света были заперты и чтобы круг был закрыт для проникновения любой помощи. Волнение бедного советника было велико, когда он определил, что эти фигурки представляют из себя двух оксиринхов, фрага и липидота. Такие же рыбы съели фаллос Осириса в незапамятные времена, когда Исида отправилась на поиски останков любимого супруга, разрубленного на

куски его братом Сетом... и это означало, что враг царя желает поразить государя импотенцией и бесплодием.

Удрученный страхами, Рамозе сам понес сопровителю эти жгущие ему ладони восковые фигурки. Дрожащим голосом он проговорил:

— Твое Сиятельное Величество, Владыка Востока, Юга и Запада, сегодня, на четвертом году твоего правления, в шестнадцатый день первого месяца лета... твой свет вернул процветание Египту, твоя мудрость и ум твоей горячо любимой жены, владычицы Обеих Земель, вывели народ на дорогу честности и правды... Ты добр и покровительствуешь своим друзьям, ты великодушен и справедлив к своим врагам... однако во мраке земли вызрело злое сердце, как в потемках, под обломками скал набиралась сил гадюка... ее зоб с ядом раздулся, она открыла пасть, готовая укусить. На тебя навели порчу, чтобы ты не смог иметь потомков мужского пола.

Говоря это, советник не мог удержаться и не бросить быстрый, хотя и не лишенный уважения взгляд на то место набедренной повязки царя, которое прикрывало у Солнца его производительный орган, с печальной мыслью о необходимости засвидетельствовать зловерное действие магии. Ибо кто мог сказать наверняка, сколько времени эти проклятые рыбы уже находились во дворце, до того как их обнаружили?

Аменхотеп был потрясен случившимся и раздумывал над тем, кто мог подложить эти фигурки, несущие в себе столько ненависти и злобы.

По-настоящему он знал только одного врага: служителей Амона. Только у духовенства Амона была при-

чина желать его падения. В течение четырех лет Кен-Амон и его жрецы должны были терпеть открытое безразличие к ним царя. В течение четырех лет они должны были терпеть хор из пятидесяти певчих в храме Атона, расположенного поблизости от их культовых мест, и выслушивать гимны Солнцу, вырывающиеся из этих пятидесяти крепких глоток и терзающие их слух. И сердца их озлоблялись.

Судорожно сжатые губы Аменхотепа вытянулись в улыбку: отныне у него появился предлог строго наказать этих угнетателей народа.

До сих пор он не нападал в открытую на жрецов Амона. Не из-за слабости, но из уважения к своему отцу, который испытывал отвращение ко всякого рода потрясениям. Он был бы рад не замечать их наглости, не замечать, как они тянут свои жадные руки к сокровищам короны.

Теперь он деятельно работал по распространению учения о святости Атона: он устраивал «дома жизни», духовные училища, куда часто приезжал и где преподавал сам... Он беседовал о своих взглядах со знатными египтянами и с иноземцами, а по отношению к простому народу, чья наивность часто не знала границ, он принял за правило снисходительность, доброту и справедливость. Следуя этому, он заставил регулярно выдавать хлеб, овощи, рыбу и пиво рабочим каменоломен и некрополя, он заботливо следил, чтобы начальники и писцы не утаивали ничего в свою пользу. С другой стороны, он приказал ликвидировать отряды нубийцев, вооруженных прутьями из черешков пальмовых листьев. Эти отряды сопровождали сборщиков налогов, чтобы выбивать из крестьян как можно больше припа-

сов. Отныне сборщики налогов должны были вежливо спрашивать причитающееся в казну зерно и не вымещать недоимки на спинах неудачливых земледельцев, а скорее пожелать им превосходный урожай. Дом правосудия, созданный им, увенчивало изображение солнца, длинные лучи которого тянулись вниз и заканчивались кистями рук, что выражало сочувствие жалующимся, стоявшим вокруг и внимающим. Ошибки и злой умысел не закрадутся больше в судебные решения. Что касается жертв и приношений, требуемых жрецами бога от его верных, они будут состоять отныне в соблюдении чистоты и честности, а также во фруктах и цветах, символах плодородия и красоты жизни под солнцем.

Короче говоря, Аменхотеп проявил огромную заботу к людям и внушил своему народу мысль, что для поклонения Атону необходимо только усилие сердца, которое вернет честность хозяину и позволит мирно существовать самому обездоленному.

Равным образом заботился он и о прославлении всемирности божественной любви. Молодой царь выказал удовольствие принять к себе на службу иноземца. Перед всеми придворными, известными гордецами, он назначил одного азиата по имени Дуду главным слугой, верховным распорядителем пиров, начальником начальников, управляющим управляющими всеми работами. Он пошел даже много дальше: он сделал Ману, командующего городской стражей меджаи*, «Великим другом царя», он пожаловал ему веер и секиру, знаки отличия, для того чтобы нубиец мог гордо держать голову среди наиболее знатных египтян.

Таким образом, скандал назревал давно, но смог разразиться, только когда сопровитель заявил во все-

услышание: «Я высоко чту человека достаточно умного, чтобы понять, что он принадлежит не расам или племенам, а своего рода ремесленным объединениям, которые соединяют людей не одинакового цвета, а одинаковых способностей. Таким образом есть племя мудрецов и племя дураков, раса образованных и раса простецов... Ибо язык мудрости везде один и тот же, будешь говоришь ли ты по-египетски или по-вавилонски, по-нубийски или так, как говорили в Атлантиде*. И крестьяне на Севере обрабатывают землю тем же способом, что и крестьяне Юга! Перед писцом из страны Пунт невежество необразованного египтянина столь же велико, как и невежество простолюдина из страны Пунт перед писцом из Египта! Вот почему я не устаю повторять: я чту, я высоко ценю ум, который мыслит, я хочу, чтобы он был со мной рядом, и я презираю тщеславную глупость, раздувшуюся от самодовольства, я ею гнушаюсь, я хочу ее видеть отправленной в ссылку подальше от настоящих людей, под присмотр Атона!»

Слыша такое, эти самые раздувшиеся от самодовольства и тщеславия люди позволяли себе, однако, проявить достаточно ума, чтобы приветствовать новые идеи царя, помня, что он является распределителем всех благ. Они покусывали губы и говорили между собой посмеиваясь:

— Пусть те, кто думает по-другому, будут числиться в племени недоумков! Нас, у которых достаточно здравого рассудка, тонкость его рассуждений только радует! Мы действительно находим совершенно естественным, что расу господ объединяет не цвет кожи!

Таким образом, Аменхотеп сумел заткнуть язвительные глотки дуракам, которые, как он знал по опыту, более опасны, чем рогатые гадюки.

Теперь ему оставалось вырвать жало у жрецов Амона, и тогда необъятная благодать нового бога опустится, как благовонное масло, на людей, и с одного до другого края земли жизнь изменится: люди как братья улыбнутся друг другу, сильные сжалятся над слабыми и униженные перестанут бояться могущественного.

Когда молодой человек мечтал об этой светлой эпохе, он приходил в такое страстное возбуждение, которое заставляло вздыматься его грудь и зажигало его взгляд таким пламенем, которого боялись непосвященные.

Даже его мать забеспокоилась не на шутку и сказала:

— Ты, должно быть, подхватил болотную лихорадку! Надо посоветоваться с Пенту по этому поводу!

Аменхотеп улыбался и ничего не отвечал. Что толку? Он знал, что его мать настолько полна здравого смысла, что мало стремится к богу. Одна жена его понимала. Она приняла Учение с такой же страстью, как и он. Однажды она сказала:

— Огонь сжигает душу так же, как ладан. Ибо, как ладан, душа создана, чтобы быть сожженной, только тогда аромат выходит наружу и распространяется вокруг. Он очищает тех, кто приближается к нему, и они восклицают: «Я не чувствую больше запаха своего пота! Я избавлен от зловония!» О мой супруг! Ты позволяешь своей душе сторать! И от этого меня больше не беспокоит мое зловоние!

Аменхотеп протестовал против этого ее «зловония»,

в котором она винила себя, но память об этих словах осталась в тайнике его сердца как заклинание, сохраняющее и поддерживающее его жизнь. И потому что жена одобряла его полностью, он находил в себе силу победить любые трудности, преодолеть все преграды.

Жрецы Амона сделали шаг, отделявший их от пропасти, в которую они скоро будут ввергнуты! Эти колдовские фигурки обернутся против тех, кто их создал! Ибо они не принесли царю бесплодия, но из-за них духовенство Амона навсегда потеряет свое могущество. Они не смогут больше рассчитывать на равнодушие фараона. Дело стало слишком серьезным! Перед опасностью, заключавшейся в этих восковых рыбешках, фараон не остался бы в благодушии, он сказал бы сыну: «Раздави жрецов Амона, как давят скорпионов!»

— Я закрою ваши храмы, — шептал молодой человек в ярости. — Я раздам ваши сокровища вашим глупым приверженцам, которые разорились ради вашего обогащения! Я прикажу стереть имена Амона и его жены Мут со всех монументов и во всех гробницах... Таким образом, их не будет среди живущих, они исчезнут, так как их имена будут забыты навсегда! Вы хотите войны? Вы узнаете на собственном горьком опыте, что если я надену на голову хепереш*, то моя душа воина быстро привыкнет к военному шлему!

Он резко поднялся, решив не позволять событиям идти своим ходом. Наглость Кена должна быть наказана немедленно.

Широким шагом он пересек залы, вышел из дворца и дошел до своих конюшен, где помощники конюхов лениво чистили скребницами лошадей, с радостью ду-

мая о том, что полуденное солнце движется дальше и скоро наступит время отдыха.

Как только они заметили царя, то были так удивлены выпавшей им привилегией видеть лицом к лицу высшую власть, да к тому же так запросто в помещении, предназначенном для лошадей и жалких конюхов, что рухнули прямо наземь как подкошенные, со скребницами в руках, и, уткнувшись носами в лошадиный навоз, дрожа сердцем, наполнились угрызениями совести, ведь были застигнуты в лености. Голос Аменхотепа, прозвучавший в наступившей тишине, ударил им по ушам. Охваченные суеверным преклонением перед соправителем, который даже в самый жаркий час дня выказывал исключительную выдержку и жизненную силу, они поспешили запрячь царских скакунов в великолепную золотую колесницу.

Аменхотеп не стал посылать за своими телохранителями. Он поднялся на колесницу, щелкнул хлыстом и быстро выехал из города, направляясь к строениям великого храма Амона в Карнаке. Во весь дух он пустился по мощеной дороге, ведущей к храму Мут, достиг аллеи сфинксов, которая вела к Южным воротам, и, к ужасу стражников, внезапно очнувшихся от своей блаженной полуденной спячки, въехал за кирпичную ограду храма. Его въезд во двор произвел эффект камня, брошенного посреди болота. Все сразу засуетились, как мошкara над стоячей водой: приехал молодой царь, один, без сопровождения, и с быстротой, вызывающей подозрения, что нельзя ждать ничего хорошего. Хери-хеп*, поспешно предупрежденный, бросился навстречу

своему царю, согнувшись в три погибели, опустив голову между вытянутых вперед рук. Его волнение было столь сильно, поле его зрения столь ограничено, а действия столь стремительны, что он чуть не натолкнулся на священную личность соправителя, стоявшего около своей колесницы, широко раздвинув ноги.

— Ты оказываешь нам незаслуженную честь! О! Гор-Слава-Солнцу! Но светило своим огненным взглядом так раскалило воздух в этот полуденный час! Позволь мне взять на себя смелость предложить тебе перейти в прохладную сень залов! Я...

Концом хлыста Аменхотеп отодвинул этого незадачливого человека и направился, со строгим выражением на лице и плотно сжатыми губами, к помещениям, занимаемым Кеном. Он был уверен, что застанет его если не за столом, то, по крайней мере, умащивающим свою плоть благовонными маслами — делом, необходимым перед едой во время сильной летней жары, когда тело легко покрывается отвратительным потом.

Несчастный херихеб семенил за ним короткими, но быстрыми шажочками, желая выразить этим свое необыкновенное усердие. Он чувствовал, что воля его царя требует, чтобы все вокруг бойко вертелось.

Не замедляя хода, Аменхотеп вошел в полную великолепия комнату верховного жреца, где тот заканчивал облачаться в свои плиссированные одеяния.

Кен был мужчиной высокого роста, еще сильным и мускулистым для своего возраста, когда мышцы обычно сморщиваются вокруг костей, как мякоть высушенного фрукта. Жесткий рисунок рта, умудренный опытом взгляд, прижатые ноздри, лоб, изборожденный морщинами от долгих размышлений, — первое, что

бросалось в глаза при виде этого человека. Сознание собственного могущества придавало ему высокомерный вид, и он не изменял ему даже перед самим фараоном, заявляя, что священный характер его сана требует держать голову гордо и выглядеть величественным. С другой стороны, при частых ежедневных посещениях святилища богов, позволявших ему запросто проникать в тайну наоса, он приобрел убеждение в своей значимости и избранности среди других людей. Это избранничество, по его мнению, было волеизъявлением Амона и возвышало его над людьми настолько, что он считал себя обязанным проводить все свое время в гордом одиночестве. Такая манера поведения перед смертными сделала его облик холодным и неприветливым: он редко улыбался, не тратил слов понапрасну и выражал свою волю и могущество только мечущим молнии взглядом. Ужас, который он внушал, казался ему совершенно естественным, и он выходил из себя от того, что не производит на царскую семью такого же впечатления, как и на остальных подданных. Действительно, он был убежден в своем верховенстве над фараоном и от необходимости делить с ним власть чувствовал себя обиженным судьбой. Он ненавидел семью Аменхотепа и их самонадеянность, ту самонадеянность, которая позволяла им говорить с ним высокомерно, не испытывая никакого страха. Особенно он ненавидел молодого Аменхотепа, за деятельностью которого наблюдал с презрением, и часто клялся себе, что однажды, устав проявлять великодушие, он выпорот этого наглого, испорченного ребенка, для того чтобы предоставить ему благоприятную возможность понять, кто является верховным правителем Египта. С течением дней его мсти-

тельность возрастала. Когда это чувство окончательно созрело, оно стало подобно тяжелому и сочному плоду, переспевшему на дереве. Терпение Кена превосходило терпение крестьянина, который запускает прирученных обезьянок на фиговые деревья, чтобы собрать инжир еще до того, как он окончательно созреет. Придет время сведения счетов! Тогда с соправителем произойдет несчастный случай! За его сумасбродство на него обрушится ненависть неба и земли. Его ересь будет вырвана с корнем, его преступная гордость будет стерта в песок, он сам завопит от ужаса и тоски, как путник, заблудившийся в пустыне, в то время как поднимается яростный юго-западный ветер!.. И Кен взойдет на трон. Он скажет народу:

«Живите в мире, ибо Амон сжалился над вами! Он забыл свой гнев и взирает на вас с нежностью, на вас, которые перестали приносить ему дары и жертвы! Ибо я, скорбя, молился о вас, старался для вас, и ради моей любви, Амон вспомнил о своем народе!»

Верховный жрец посмотрел на Аменхотепа с презрительной жалостью, как смотрит писец на неотесанного крестьянина. Он отнес соправителя к породе дураков, поскольку тот позволил вести себя перед ним так грубо! Он вошел к Кену, как если бы направлялся за рабом в его лачугу: без глашатая, без сопровождения, внезапно и дерзко, и он теперь стоял перед жрецом, широко расставив ноги, в вульгарной и нахальной манере вольноотпущенного.

Великий жрец сделал над собой усилие, чтобы склониться перед тем, кто еще продолжал быть его господином, но сделал паузу, прикрепляя к своему поясу шкуру леопарда, что входило в знаки его достоинства.

Резким, неуточивым жестом Аменхотеп отослал слуг и несчастного херихеба, замершего в нерешительности и смущении на пороге комнаты.

— Я огорчен, что должен помешать твоему отдыху, — бросил он строгим голосом, в котором сквозили недоброжелательность и ирония, — ибо я знаю, что ты готовишься остаться наедине с поджаренной птицей, с кусками говядины, пирогами из мелко помолотой муки, с восхитительными фруктами, дорогими винами и пивом высшего качества, которые бог Амон набожными руками верующих посылает тебе на обед! Но неотложность дела заставила меня быть невежливым!

Глаза Кена опасно засверкали.

— Царь — единственный человек на земле, который не может быть невежливым! — ответил он.

Аменхотеп улыбнулся.

— Ты прав, Кен, он единственный на земле человек, искренне показывающий свои чувства, ибо его не сдерживает низкий страх увидеть себя обвиненным и осужденным более могущественными, чем он, людьми! Слова, которые ты только что произнес, возможно, спасли твою жизнь, ибо это позволяет мне думать, что колдовские фигурки, спрятанные в моем дворце, положены туда тобой не с целью провести опасный опыт, из которого ты хотел бы узнать, не потеряю ли я открытость моего характера или, скорее, не начну ли я унижаться, хитрить, изворачиваться со страхом в сердце и хитростью в душе, как поступают здесь все и каждый, если вдруг я потеряю мужскую силу! Но я стараюсь сейчас тебя убедить, Кен, что мое царство будет царством добра и справедливости. Не бойся больше говорить мне о моих делах! Тому, кто имеет смелость

крикнуть мне: «Ты уродлив», я отвечаю: «Ты прав! Пусть дадут тебе в награду за твою честность золото!» А тому, кто смотрит мне прямо в глаза и бросает: «Я тебя ненавижу и плюю на Атона!» — я отвечу: «Это твое право, ибо ты рожден свободным!» Мои слуги дадут этому искреннему человеку провизии в достаточном количестве и золотые перстни из золота высшей пробы для того, чтобы он мог без труда уехать на край земли, куда не доходит и луча от Диска Солнца! Ибо человек, нуждающийся в справедливости, должен быть выслушан с любовью, и никто, даже фараон, не может заставить его терпеть иго, которое ему отвратительно.

Говоря это, Аменхотеп положил на стол из черного дерева четыре белые восковые фигурки.

— Я возвращаю тебе твое добро, Кен, — добавил он. — Пересчитай их и убедись, что я не оставил себе ни одного из этих чудесных произведений искусства!

Кен нахмурил брови.

— Я не понимаю, что ты хочешь сказать! — проговорил он. — Эти предметы не мои. Я даже не знаю, кому они могли бы принадлежать!

Аменхотеп покачал головой и произнес тоном, в котором сквозило презрение:

— Разве ты не слышал, что я сказал? Почему же ты дрожишь передо мной? Запомни же, что я уважаю искренность и что мне омерзительно лицемерие! Таким образом, если бы ты признался: «Эти колдовские фигурки мои, и это я приказал отлить их, и я сам написал на них магические формулы!» — я бы спросил: «Зачем ты это сделал, брат мой?» И если бы ты мне ответил: «Это для того, чтобы произвести опыт с твоим характером», — я оценил бы твою любознательность. Или если

бы ты ответил мне: «Затем, чтобы твоя способность к зачатию детей пропала до того, как у тебя родится сын. Я замышляю заговор против тебя и твоей семьи, я хочу лишить тебя трона, чтобы избавить народ от нерадивости в уплате дани и чтобы спасти жрецов от нарастающей нищеты. На этом свете жизнь не имеет большого значения! Но бог дал ее для того, чтобы у человека было время приобрести радости, мир и сокровища на небесах! И он назначил жрецов, чтобы они все это ПРОДАВАЛИ!» ...Если бы ты ответил так, Кен, я был бы в восторге от твоей честности. И вместо того чтобы приказать отрубить тебе голову, я снабдил бы тебя провизией и золотыми перстнями. Таким образом, ты смог бы убежать в страну, чей царь ищет мудрого человека, умеющего угнетать народ и заставляющего его при этом верить, что все это крайне необходимо для его же счастья! Так вот, в любом случае твоя жизнь была бы спасена и ты больше не боялся бы быть честным.

Кен быстро обдумал случившееся. В этом забавном деле с восковыми фигурками он был совершенно ни при чем. Благодарность Амону, он был более тонок! У него не было времени искать глупца, виновного в столь ребяческой затее, чтобы отвести от себя гнев соправителя. Но он, возможно, мог все исправить, прикидываясь, что его чувство собственного достоинства уязвлено. Впрочем, ему не надо было изображать ярость, он был на самом деле в бешенстве от того дурака, который провалил его планы мести ради удовлетворения личного и пошлого чувства заурядной ненависти. Ибо Кен считал, что его собственная ненависть не могла быть продиктована обычным чувством. Он управлял своей вотчиной в убеждении, что выражает чаяния

своих подданных, говорит от их имени, действует в их интересах. Если он ненавидел самодовольство Аменхотепа, то во имя всего духовенства, если он замышлял мечь, то для блага всех, а не для удовлетворения своей личной злобы. Он осуждал самолюбие и мелочность того, кто положил эти магические фигурки, и был бы рад видеть его сурово наказанным.

— Я счастлив знать, что могу говорить с открытой душой, не опасаясь при этом впасть в немилость, — сказал он, силясь сделать тон своего голоса ровным. — Я рад также этой предоставившейся мне возможности прояснить вместе с твоим Величеством некоторую неясность в наших отношениях, возникшую за годы неприязни и подозрительности.

Он уставился своим сверкающим взглядом на Аменхотепа, чтобы лучше убедить его в своей искренности.

— Эти предметы не мои, — повторил он с силой. — Я не знаю, кому они могли бы принадлежать, и я молю твое божественное ясновидение убедиться, что я не лгу, что у меня нет даже причины лгать тебе. Верховный жрец Амона, избранный богами, утвержденный твоим божественным отцом, не имеет и не может иметь такого низкого характера и не способен на столь подлый поступок... и, сверх того, на столь глупый. Выслушай скорее: это дело человека, боящегося твоего могущества, а я не таков, ибо что мне бояться, если я строго выполняю обязанности, которые на меня возложили при назначении на этот пост? Это поступок слабодушного, и я не ответствен за этого человека, ибо я отвечаю за верующих перед Амоном и слишком хорошо знаю, что ты не питаешь к нам дружеских чувств.

Как могу я рисковать свободой культа и верующими в Амона ради удовлетворения чувства личной враждебности? Впрочем, ты знаешь, с каким уважением и любовью я отношусь к царской семье...

Аменхотеп вышел из себя.

— Я мог бы тебе поверить, Кен, — отрезал он, — если бы был дураком, если бы принял твои слова за правду! Но ты совершил глупость, соврав слишком нагло относительно уважения и любви к царской семье! Лесть! Лживая лесть чиновника, который считает, что ему будут платить за то, что он ее говорит!

Кен выпрямился и, дрожа от гнева, продолжил:

— Я отказываюсь от платы! Я больше не дотронусь ни до чего, что принадлежит короне!

— Справедливо! Но только я тебе больше ничего и не дам. И еще я научу верующих в Амона ничего тебе больше не давать! Ты почувствуешь, как день ото дня твои богатства и твое могущество тают, у тебя останется только нераспроданный запас пустых формул, и ты начнешь выходить из себя! Сегодня у тебя есть чем умастить свое тело перед обедом. Завтра ты будешь есть, и запах пота будет забивать твой нос. Ты возмутишься от этого, потому что единственное, что тебя беспокоит, это твое собственное зловоние! Скажи мне, Кен, думаешь ли ты, что твой пот пахнет хуже, чем пот раба? Будь уверен, все люди братья в том, как пахнут их тела! Но другое дело их души: есть души, источающие запах ладана, и есть другие, что воняют хуже протухшей рыбы! Если я и не имею божественного ясновидения, то у меня острое чутье, и под благовонными маслами, которыми ты залился по уши, я чую вонь икры оксиринха, фрага и лепидота. На фронтоне храма

твоему богу написано: «Пусть всякий входящий в храм будет чист, будет чист, будет чист, будет чист!» Ты не считаешь, что эта фраза годится теперь только для застольной песни или любовных стихов? Что могло бы быть написано на святилище: «Твоя кожа как ягода мандрагоры», — или еще: «Моя глотка пересохла, как солома!» Ты считаешь, что предписание «Будь чистым», повторенное четыре раза и возникшее в результате вздорности старого резчика, выжившего из ума, должно быть действенным? Так почему каждое утро, каждый вечер ты отправляешься к своему богу, встречаешься с ним лицом к лицу, имея в своем сердце эту неистовую злобу, эту ненависть, которая так дурно пахнет? Разве ты не боишься его гнева? Нет, ты не боишься, и я тебе сейчас скажу почему: потому что твоя душа очерствела и заскорузла... Ты не веришь больше ни во что, ни в Амона, ни в какого-либо другого бога! Богатство, роскошь, уважение, могущество, наслаждение — вот твои божества, и это на их алтарь ты приносишь жертвы! Ты угнетаешь верующих, ты злоупотребляешь их доверием, ты пользуешься их невежеством, чтобы наполнить свои дома провизией, чтобы прибрать к рукам их земли и стада... Ты крадешь уважение, которое тебе воздают, важно выставляя напоказ свой величественный вид. Сбриваешь волосы, чтобы показать, что паразиты не живут на тебе, тогда как они гложут твое сердце... Ты навязываешь свою власть, избивая бичами своих рабов, отрезая им уши, вырывая языки, не подпуская их даже к зданию суда, ибо твоя гордость не потерпит, если они выиграют дело против тебя!.. Ты содержишь, следуя варварским обычаям, священный гарем Амона, ибо твоя похотливость толка-

ет тебя к обладанию девственницами перед их замужеством, но твое лицемерие заставляет тебя прятать твои нечистые желания от глаз людей, которые еще верят в чистоту их жреца! Кен, пришло время опровергнуть обвинения, которые я бросил тебе в лицо! Я устрою над тобой суд, над тобой и твоим богом, который нуждается в людях и не дает им ничего взамен! Да, скажи мне, что ты дал людям взамен на их дары? Даже если тебя будут судить как торговца, ты не выиграешь суда, ибо в качестве продавца ты обворовывал покупателей! Ты продавал им ветер! Ветер за хорошую цену! За свое могущество! За их жизни и за их уважение! Верующие отдавали тебе все это и уходили с обязательством не вешать носа, направляясь в грядущий мир. Тебя не волновала их нищета, та нищета, которая печалит сердце, заставляет страдать тело, притупляет ум. Ты не вернул зрение слепым, чтобы они увидели красоту жизни, солнце, доброту. Глухим ты не вернул слух, чтобы они слышали песнь бога, который наполняет восторгом и укрепляет душу. Немым ты не вернул дара речи, объясняя, что только чистосердечие прекрасно перед богом и перед людьми! Больным мой народ пришел к тебе, больным он вернулся домой. Как торговец ты воровал, как священник ты не исполнял своего долга. Ты потерпел крах, ты виновен. Что ты скажешь в свою защиту и в защиту Амона, который тоже порядочный жулик, мошенник и плут, как и ты, поскольку он не считает, что пора остановить твои злодеяния!

Кен побледнел, и его кожа приобрела грязно-желтый цвет папируса, слишком долго пролежавшего в глиняном кувшине. Но его глаза сверкали, как раска-

ленное лезвие кинжала, по которому кузнец бьет молотом, и в них вспыхивали смертельные замыслы.

— На что я могу сослаться в свое оправдание, — закричал он, забывая, что пришло время успокоиться и начать хитрить. — Все, что я тебе сказал, оборачивается против меня и моего бога, ибо ты пришел обвинять и не хочешь ничего слышать! Ты постоянно ощущаешь этот запах оксиринха, фрага и лепидота, и этого зловония достаточно, чтобы помутить твой рассудок! Я тебе сказал: «Эти колдовские фигурки мне не принадлежат», — и ты, должно быть, совсем утратил способность рассуждать, если не можешь понять, что это правда! Что я не настолько глуп, чтобы рисковать навлечь твой гнев! Нет, ты не слушаешь ничего из того, что я могу выдвинуть в свою защиту, потому что ты меня уже приговорил! Эти предметы из воска только предлог... кто знает, не великий ли жрец Атона изготовил их по твоему приказу? Потому что тебе нужен был предлог, чтобы напасть на меня! Чтобы погубить меня! «Кен совершил преступление против Его Величества! Кен — преступник, которого надо наказать! Кен заслуживает высылки или смерти, и его сокровища возвратятся короне!» Но я крикну в лицо Египту слова из книги «Наставления Мерикара»*: «Нищий не поступает согласно правде, ибо тот, кто говорит: «Я хотел бы иметь»... действует не беспристрастно, он склоняется в пользу того, кто платит!»

Аменхотеп ухмыльнулся.

— Твое добро будет в моей казне как капля в море! И я не дотронусь до него, как не дотронулся бы до проклятого или преступного золота. Лучше я раздам его тем, кого ты обманывал, тем, кого ты запугивал! Каж-

дый узнает, что я не тот нищий, который говорит: «Я хотел бы иметь»... и твоя защита не пройдет! Я тоже сошлюсь на «Наставления Мерикара», я прокричу на весь мир: «Богу более приятны добродетели честного человека, чем бы того, кто поступает несправедливо»... Я напому народу отрывок из «Увещаний Ипувера», который следует за тем местом, где говорится о бедах общества, заботами жрецов не верящего ни во что, пораженного преступностью, лицемерием и развратом: «Явится Спаситель, добрый завоеватель!.. Это он зальет водой огонь. О нем скажут: «Пастырь народов. И нет зла в его сердце!»

— Ипувер говорил также: «Немногочисленно его стадо!» — вскричал Кен язвительным голосом. — И я, я могу подтвердить тебе это, ибо в ночь твоего рождения я наблюдал звезды, я читал знаки богов, и я был глубоко опечален твоей судьбой. Я не хотел тебе зла, дитя, вот почему я плакал, видя, как небесные силы называли тебя преступником, еретиком, безумцем, безумцем, безумцем!!! Народ отвергнет твое имя, оно будет стерто с каменных плит, и ты навсегда будешь изгнан из мира живых!

Как затишье перед началом хамсина: страшная тяжесть угрозы повисла в воздухе. Но голос Аменхотепа прозвучал неожиданно спокойно:

— Твои боги, возможно, настроены против меня, Кен, но Атон со мной. Возможно, народ отвергнет имя мое и скажет мне: «Это преступник, еретик, безумец...», но мой долг не бояться ни ярости богачей вроде тебя, которого я могу лишить богатства, ни неблагодарности обездоленных людей, завистливых и недовольных от рождения. Мой долг, как всякого создания бога, это

выражать правду своего сердца, жить и умереть ради нее, ибо эта правда и будет моим судьей в час смерти! Да какая важность, что мое имя будет сбито с каменных плит, если я выполню то, что нахожу справедливым! Благородный не боится наказания и не действует ради вознаграждения. Я собираюсь переоценить и твое достоинство, и достоинство твоего бога, поскольку с этого часа только Атон и его старший сын Аменхотеп будут иметь право говорить от лица Египта! Сжимай зубы, ожидая часа отмщения, но храмы Амона по моему приказу будут закрыты, а его имя будет удалено с каменных плит. Если Амон является правдой твоего сердца, ты будешь достоин несчастий, которые на тебя обрушатся. Если ты перейдешь в веру Атона, потому что не был уверен в том, что проповедовал так долго, тогда твое сердце станет свободным; или ты предпочтешь лгать, чтобы сохранить свое добро и свои почести? Но я могу приказать отрубить тебе голову!.. В конце концов, я убежден в том, что ты не веришь ни во что! Ты представляешь для меня опасность! Ибо я заявляю, что оставленный дом должен быть разрушен, потому что его подвалы могут стать обиталищем змей, скорпионов, сколопендр и других поганых и ядовитых тварей. Да, Кен, возможно, жизнь твоя висит на волоске!

Говоря это, Аменхотеп пристально смотрел на верховного жреца, чтобы заметить боязливую дрожь, которая усилила бы его презрение к фанатикам Амона. Но Кен был слишком разъярен, чтобы чувствовать страх.

— Твой отец еще не лег в саркофаг, чтобы ты принимал решения без его ведома! — ответил он хрипящим голосом. — Ты только соправитель, а не фараон!

Вспомни, что твой отец поставил пилон здесь, в Карнаке, на котором его полное имя включает в себя священное имя Амона, и что он решил, чтобы тебя, его старшего сына, звали как и его самого! Ты не зовешься «Слава Собеку» или «Гор присутствовал при его рождении», но Аменхотеп!* Почему? Потому что он, твой отец, был преданным слугой Амона! Потому что он верил в могущество этого бога! Ты пойдешь в своем безумии так далеко, что плюнешь в лицо своего отца? Ибо твои действия будут как плевок, как отказ от того хорошего, что он сделал! Как плевок на его пилон, плевок, уничтожающий то добро, которое он нам дал! Ты пойдешь сбивать его имя со стен храмов? Конечно, если ты хочешь заставить исчезнуть Амона из мира живых! Но тогда это обречет дух твоего отца на уничтожение! После его смерти его Ка исчезнет в дыму так же верно, как если бы его проглотил Джебга! Непочтителен сын, который сокращает жизнь своего отца!

Аменхотеп разразился смехом.

— Непочтителен, преступен и виновен, таким я буду, если подумаю сократить жизнь своему отцу, сбив его имя со статуй, но я думаю, Кен, что это не так. Если я хочу уничтожить имя Амона на камнях, чтобы извергнуть его из сердец людей, то я не считаю, что это может убить самого бога, если он существует! И ты знаешь так же хорошо, как и я, что думать по-другому — это суеверие и невежество. Автор «Наставления Мерикара» выражается прямо, когда говорит: «Человек продолжает жить после смерти, и его дела громоздятся рядом с ним, как горы...» Да, даже если имя моего отца соскоблить со стен храмов, его не убудет в мире мертвых: его душа будет находиться рядом с грудой своих

дел, и он будет за них в ответе перед самим собой. Если он полностью виновен, он будет навечно уничтожен, если оправдан, то получит в награду чистоту, которая есть созерцание славы божией в вечности! Ибо Атон не похож ни на Осириса, ни на Птаха, ни даже на твоего жулика Амона: он любит, а не осуждает, он оставляет заботиться об этой правде, зародыш которой он вложил в сердца своих созданий, он тайный глаз, который видит, тайные руки, которые ведут запись, внутренний слух, который позволяет различить самую незначительную злую мысль. В последние дни этот зародыш воспрянет и начнет обвинять: тогда — о мудрость Бога, который любит слишком сильно, чтобы мучить своих сыновей! Нет никакого Джебги, чтобы пожирать недостойного Ка! Ка налагает на себя наказание сам: он сбрасывает с себя одежды греха, одну за другой, пока не покажется обнаженной его душа! Несчастен тот, у кого много одежд! Ибо то, что ему останется от его красоты, будет подобно семечку инжира! Однако даже если Красота останется величиной с семечко инжира, она не будет уничтожена! Она послужит ему мерой счастья в вечности! Счастлива живая душа, которая будет обладать более вместительной мерой, чтобы взвесить свое богатство! Нет, Кен, моему отцу нечего бояться! Его царствование было справедливым: он не крал у народа, он не убивал врагов, его смех остался таким же веселым, каким был в детстве, и, если он почитал многих богов Египта, это потому, что он не верил ни одному... Он пока ищет истину! Я поговорю с отцом, и он уверует, он возрадуется, что перед ним наконец открылся выход. Не надейся спрятаться за своим могуществом! Время твоей лжи и лести закончилось!

Как человек, который слишком много съел и выпил, отрыгнет все то, что у него в животе — излишки вместе с необходимым, — точно так же Египет и его провинции собираются отрыгнуть эти верования, создававшиеся миллионы лет бандами жрецов, столь же бессознательных, как и ты! Прекративших давать людям даже необходимое! Ибо необходимым было, чтобы их жажда веры в бога была утолена! Однако благодаря тебе и тем, кто на тебя похож, мой народ болен! Когда он изрыгнет из уст своих... и для этого я засуну свои собственные пальцы ему в горло! Я пропишу ему слабительное, чтобы он очистился, а затем я нежно утолю его жажду водой жизни, я заставлю его пить маленькими глотками для того, чтобы не задеть слишком резко его израненную душу. Время выздоровления наступит, появится сила, придет бодрость... Мой народ поднимается с ложа скорби, он выйдет к солнцу, и радость вспыхнет в его сердце, как новая заря! Ты видишь, Кен, если я добьюсь своего, то пусть меня назовут преступником, еретиком, безумцем! Я очень хочу быть проклятым, уничтоженным в умах людей, как имя Амона, которое не замедлит подвергнуться этой участи! Потому что из самой глубины меня зародыш правды, который видит мои дела, мне говорит: «Ты рожден не напрасно!»

Молодой человек выпрямился величественно и гордо. Его лицо больше не пылало гневом, и легкая улыбка на губах свидетельствовала о мире в его сердце. От него исходила такая сила веры и душевного спокойствия, что Кен почувствовал себя плохо. Внезапно его охватил ужас. Впервые с начала его тяжелой борьбы с сопратителем он испугался, что не одержит победы. Аменхотеп не обнаруживал ни проявлений сумасшест-

вия, ни признаков слабости. Деспот, урод и фанатик, но существо опасное, одаренное умом и сообразительностью, холодной волей. Кен недооценил своего противника. По этой причине он рисковал потерять все, за что боролся: власть, богатство и, может быть, жизнь! Тогда он вспомнил угрозу соправителя: «Возможно, жизнь твоя висит на волоске». И ему показалось самым главным отвести от своей шеи это лезвие ножа, которое он уже почти ощущал.

— Ты сделал так, что я вынужден быть дерзким по отношению к Твоему Величеству, — сказал он малоубедительным тоном. — Ты сможешь воспользоваться оскорблением Его Величества как еще одним предложением, чтобы предать меня смерти согласно судебному кодексу! Кто меня защитит перед тобой? Скажи мне, каким образом твой зародыш правды, который записывает твои дела, заносит их на дощечки? Ибо ты мне сказал: «Будь искренним без всякого страха», — и я так доверился тебе, что забыл наставление Фтаххетепа: «Молчание более выгодно для тебя, чем обилие слов».

— Не тот исполнен мудрости, кто цитирует мудрецов, но тот, кто размышляет над их наставлениями и делает их слова частью своей души, — спокойно ответил молодой человек. — Если бы ты растворил в своей крови истину мудреца, возможно, ты забыл бы слова, ее выражающие, но не глубокий ее смысл, и тебя не было бы здесь в этот час. Меня, впрочем, тоже! Ибо человеку чистому, честному и прямому я не стал бы говорить о чистоте, честности и искренности так страстно! Эта тема предполагает задушевность тона и любящие сердца! Однако не бойся, Кен, мое обвинение не касается «оскорбления Его Величества»! Твоя вина куда бо-

лее тяжелая! Действительно, если это сможет тебя утешить, я отпускаю тебе грехи, совершенные по отношению к моей царской персоне! Таким образом, я не буду мучиться угрызениями совести, что добавил камешек своей личной неприязни в ту грудку камней, которая тебя скоро завалит!

Аменхотеп иронически улыбнулся, что задело гордость верховного жреца еще больше, чем слова, следовавшие за этим.

— Нет, нет, не надо ужасаться! — добавил молодой человек. — Эта последняя фраза всего лишь образное выражение! Я не лишу жизни того, кто трясется от одной мысли о ее утрате, ибо я утверждаю, что дрожать перед смертью — значит начать осознавать свою мерзость... И преступление — отнять у человека возможность взвесить тяжесть своих ошибок и исправиться!

Кен почувствовал облегчение.

«Ты дурак! — подумал жрец с нехорошим блеском в глазах. — Нужно всегда вырывать клыки и отрезать когти льву, когда выпускаешь его на волю, предварительно избив!»

— Твое великодушие беспредельно! — сказал он без улыбки. — Амон помилует тебя за прямоту твоего сердца!

Аменхотеп нахмурил брови, рассерженный дерзостью, скрывавшейся в тоне верховного жреца. Однако, твердо решив не поддаваться личным обидам, чтобы не запятнать чистоты поединка, он овладел своим настроением и бросил на прощание:

— Ешь досыта, веселись всласть, не жалея ни масла, ни вина, ни музыки, ни благовоний! Все, что ты сможешь израсходовать, станет твоим последним барышом!

Кен не испытывал больше голода, а его жажду не могла утолить никакая выпивка: он жаждал отомстить.

В этот день он приказал найти того глупого жреца, который был виновен в колдовстве. Когда тот был найден, он сказал ему:

— Соправитель приехал сегодня утром в ярости. Он дал мне понять, что, если я не накажу виновного, все головы духовенства Амона полетят как испуганная стая перепелок! И он добавил: «Пусть его оскопят, пусть его отхлещут розгами, пусть ему вырвут язык, пусть у него со спины сдерут кожу, пусть его сделают обессиленным при помощи его собственных магических формул!» Я не собираюсь ни кастрировать тебя, ни сдирать со спины кожу, ибо я сжалился над тобой, хотя ты и подверг опасности своих братьев по вере в Амона. Но я собираюсь приказать вырвать твой язык и распорядиться, чтобы тебя бичевали, из опасения, что гнев соправителя распространится и на всех нас! Благодарю меня за мое великодушие и не показывай никому, что ты еще сохранил мужские знаки и кожу на спине!

Молодому жрецу вырвали язык и жестоко его избили. В его сердце поднялись волны ненависти, и в его голове забурлили преступные мысли против своего государя. На третий день Кен, узнав об этом, сказал ему:

— Твои глаза слишком яростно сверкают! Аменхотеп будет сомневаться, что у меня хватило мужества приказать кастрировать тебя! Я прошу, из благодарности ко мне, из жалости к своим братьям, притворись евнухом! Ибо что можно ожидать от такого кровавого безумца, как соправитель!

Затем он вздохнул с невыразимой грустью:

— Ах! Если бы я был не так стар, не так слаб!

Я думаю, что смог бы посвятить свою бедную жизнь убийству этого выродка! Но мои руки дрожат... Ах! Старость! Великий бог Амон! В какое время мы живем, если позволено кастрировать людей, как каких-нибудь баранов, и ни один не поднимется для спасения своих братьев, пусть и с риском потерять все!

Кен видел, как скривился рот молодого жреца, он заметил, как сжались его кулаки и во взгляде засверкала ненависть.

Тогда он обрадовался. Его слова дошли не до какого-нибудь евнуха или рохли. Однажды этот глупый дурак не будет тратить время на создание колдовских фигурок, его ярость придаст ему смелость, его желание быть отомщенным заставит его схватить кинжал, его фанатизм обяжет его бежать во дворец, чтобы вонзить смертельный клинок в сердце Аменхотепа. Он это совершит у всех на глазах, не боясь за свою жизнь, твердо веря, что он один из всей касты жрецов, кто поднялся, чтобы спасти своих братьев! Его язык вырван — полезная предосторожность, которая помешает ему расточать понапрасну слова и опасные обвинения. Ибо Кен хорошо знал людей и понимал, что недостатком фанатика является потребность в том, чтобы его жертва была убеждена, что ее убивают по справедливости!

«Нужно всегда вырывать клыки и отрезать когти льву, когда выпускаешь его на волю, предварительно избив! — думал он с ликованием. — Всегда, Твое Величество! Если бы ты растворил в своей крови эту мудрую истину, ты не забыл бы ее глубокий смысл! Не исполнен мудрости тот, кто только цитирует мудрецов! И вот ты не оскотил этого безумного жреца, бичевав его тело и искалечив его язык!.. Ошибка, ошибка! Ярость, кото-

рую ты заботливо сохранил в нем, станет причиной твоей гибели. Видишь, я не питаю злобы к твоей дерзости! Я желаю твоей живой душе большую меру, чтобы мерить богатство в царстве твоего бога! И пусть Амон пожалеет тебя за прямоту твоего сердца!»

И херихеб, сидевший в прохладе юго-западной веранды и размышлявший о первоначалах Вселенной, был надолго отвлечен от своих занятий невероятным явлением: он увидел верховного жреца, проходящего мимо него бодрым шагом и с радостным лицом. Впервые он видел подобное! Конечно, в своем смирении херихеб не осмеливался думать, что радость владыки могла быть вызвана его превосходным чтением сегодня утром. Однако он поздравил себя с тем, что вполне сносно прогнусавил свой текст на утренней службе и не подвергся порицанию после окончания церемонии, как это бывало ежедневно с тех пор, как ему доверили священные книги. Так он, возможно, внес свой вклад в хорошее настроение владыки!

«Нужно иметь столько терпения с нами, молодыми упрямами! — думал он, и сердце его наполнялось нежностью. — Из-за этого нашего пристрастия к дурным поступкам он напускает на себя такой суровый вид! На самом деле он страдает, не имея никогда возможности предстать перед нами с добрым лицом, и мы сами в этом виноваты! Пусть будет благословенна причина его радости!»

И он почувствовал в себе эту радость, которую пожелал своему учителю.

С лучезарных небес священный Диск Солнца бросил горячий взгляд на этого смиренного и набожного человека, не знающего зла по своему чистосердечию и

великой наивности. Луч скользнул мимо стойки навеса и ласково коснулся лица своего сына.

— Трудно подолгу оставаться на одном месте с этим окаяннм солнцем! — проворчал херихеб, отодвигаясь назад в прохладную тень.

ГЛАВА 2

Возбудив ненависть и злобу в молодом фанатике, Кен использовал свой последний шанс: если Аменхотеп будет убит, великий жрец Амона без труда признает в цареубийце того недостойного человека, который осмелился «навести порчу» на сопровителя и которого он сам приказал жестоко за это наказать. Палачи и многие жрецы смогут засвидетельствовать это. Если Аменхотеп избежит покушения, Кен громко возопит о своей вине: что не приказал отрубить голову изменнику, хищнику в овчарне Амона, где высоко чтут царскую семью! Тогда он воспользуется этим и бросит сопровителю: «Ты меня обвинил, и я не смог защититься, но был тяжело я наказан врагом, который хотел тебе зла! Удостоверься теперь, что это был не я!» Возможно, Аменхотеп позволит себя обмануть! По крайней мере он уже не сможет пользоваться восковыми фигурками как предлогом заставить народ согласиться на закрытие храмов Амона и раздачу их сокровищ.

Но он должен был сам позаботиться, чтобы кинжал достиг своей цели! В этом случае положение стало бы намного проще, и Кен смог бы поручиться за спасение власти жрецов.

Но судьба была против его тайных надежд.

Укрывшись в своем уголке, Аменхотеп предался размышлениям. Последние звезды еще мерцали на темно-синем небе, а на востоке, за прибрежными скалами, бледное свечение уже обозначало восход небесного светила. Это было время, когда дыхание спящих затихает, когда в воздухе повисает напряженная тишина и душа ощущает божественную беспредельность. Солнце взойдет. Оно заставит кровь бурлить в жилах, оно осветит каждый сумрачный уголок и убедит всех в истинности сотворенного мира. И тварь забудет до следующего рассвета эти странные и волнующие мгновения, когда настороженная душа стояла на грани постижения сверхъестественного. Аменхотеп думал о мудрости бога, позволяющей человеку испытать эти мгновения для того, чтобы не увязать в суете и чаще вспоминать, что он рожден с частицей вечности в своем сердце.

Каждый раз, когда близилось утро, он, прежде чем отправиться в храм Атона на утреннюю службу, посвященную восходу Солнца, бежал сюда, в свое тайное убежище. Здесь, перед бегущей водой, окруженной стеной тростника, он мысленно уносился в дали небосвода, вдыхал бескрайность его голубых пастбищ, и из этих трепетных созерцаний он выходил очистившимся, восторженным, сильным и повзрослевшим.

Последние три дня, оставшись во дворце почти в полном одиночестве, он приходил сюда чаще, чем обычно. Весь двор и царская семья отправились в летнюю резиденцию, расположенную на западном берегу. Нефертити желала остаться с ним, он отказал ей в этом. Дело, которое он намеревался совершить, было крайне опасным, как охота на диких зверей. Оно требовало

ловкости, осторожности, сосредоточенности, быстроты реакции и всех тех качеств, которые необходимы человеку, когда его хотят убить. Ибо Аменхотеп верно оценивал противника. Он знал, что Кен обладает большим опытом по части заговоров и убийств, что он из породы тех, кто стелется по земле, чтобы укусить за ногу. Эти три дня, начиная с того часа, когда соправитель оставил его пышущим гневом и злобой, он, конечно, не оставался в бездеятельности, ожидая открытого обвинения. Он должен был что-нибудь предпринимать, устраивать заговор, исподволь готовить какое-нибудь предательство, которое чистая душа неспособна и представить себе. Напрасно в течение этих трех дней Аменхотеп напрягал свой ум, пытаясь представить себе замыслы своего врага. Он договорился с Рамозе хранить молчание о деле с колдовскими фигурками, ибо не хотел никого пугать: ядовитые рыбы были разложены во всех частях дворца, и те, кто там находился, могли в испуге и по незнанию действия магии убедить самих себя в наступлении бесплодия. Аменхотеп хорошо знал, насколько была опасна парализующая сила страха, который гипнотизирует и неудержимо влечет к себе: только поддавшись панике, мужчина мог проявить себя как евнух, любящая жена могла передать бессилие своему мужу.

Он согласился с Рамозе, человеком спокойным и невозмутимым, не предавать огласке эту историю без крайней на то надобности. Впрочем, если хорошо подумать, было очень возможно, что Кен не имел никакого отношения к колдовским фигуркам. Тем более что он был способен яростно отрицать перед судом свое преступление в «оскорблении Его Величества».

Он мог быть даже настолько искусен, чтобы предоставить настоящего или ложного виновного, выбрав для этой цели какого-нибудь жреца, достаточно молодого и фанатично готового принести себя в жертву на алтарь Амона.

Аменхотеп сожалел, что позволил своей ярости излиться перед Кеном, что слишком рано и в полный голос заявил о своих тайных планах, которые хотя и прошумели, как ветер надвигающейся бури, но были только угрозой. Действительно, если он собирался закрыть большой храм Амона, раздать имущество жрецов, стереть имя бога с каменных плит и в сердцах верующих, значит, он должен был устроить все так, как если бы начинался новый год и все принимало вид весеннего обновления, обретало смысл возрождения. Однако теперь, возмутив Кена, открыв ему глаза на свои намерения, он подтолкнул его перейти к решительным действиям. Наступила пора открыто объявить царское решение.

Царское решение?! Решение сопровителя, да! Кен не откажется от удовольствия уточнить это. Он будет трубить повсюду:

«Фараон установил пилон при храме в Карнаке! Фараон раздал нам земли и стада! Фараон назвал своего сына своим первым именем: Аменхотеп! Фараон верует в Амона! Сопровитель всего лишь первый подданный фараона, пока тот не сойдет в гробницу! Конечно, в своем сумасшествии сын непочтительно оказывает давление на своего священного отца! Жрецы города Аны заставили фараона выпить колдовского зелья, которое парализовало его государственную волю! Он превратился в игрушку в руках профанов и своего недо-

стойного сына! Кто знает, не умирает ли он, опоенный медленно действующим ядом, который иссушает его божественное сердце, как раствор соды! Берегись, народ! Вспомни, что жрецы Амона спасли страну от гиксосов!* Помни, что оскорбление великого бога может привести к краху! Я слышал, что на границах собираются орды кочевников и племена пастушеских царей... Их лошади яростно бьют копытами... Рука Амона долго их сдерживала! Но Амон не будет больше их держать! Тогда они заполнят все земли вплоть до Уисы подобно свирепому хамсину! Сжигая и опустошая, разрушая и убивая! Насилуя женщин и вспарывая животы младенцам! Старикам они выколуют глаза, а зрелых мужчин кастрируют! Они отправят в свои страны ослов с корзинами, полными детородных органов со всего Египта, для того чтобы их жены, посмеиваясь, говорили: «Вот теперь страна Черный Кем будет зваться рынком евнухов! Со всех уголков земли цари будут покупать здесь рабов для своих гаремов, и у наших мужей будет большая прибыль!»

Эти речи поразят суеверных невежд, боящихся больше всего стать кастратами, и они покинут его, предпочтя терпеть прежний гнет.

Аменхотеп вздохнул, и отчаяние овладело им.

— Атон! Атон! — просил он шепотом. — Дай мне силы не ведать сомнений! Поговори со мной в это утро, скажи мне, что твое царствование не начнется с пролития крови возмущенного народа: брат против брата, сын против отца. Как твоему восходу предшествует красное зарево на горизонте, так, если кровь все же должна быть пролита, пусть это будет кровь одного-единственного человека! Пусть это будет моя кровь,

отец! Ибо только кровь твоего сына может хлынуть с должной страстью, чтобы окрасить твою зарю!

Молодой человек простерся ниц, лицом в высохший ил, и попытался в молчании сосредоточиться, чтобы услышать голос бога.

Тогда бог заговорил. Но не шепотом, не «втайне», но так, чтобы укрепить веру своего старшего сына. Он выбрал искупительную жертву, которая была бы в состоянии обогреть кровью восточный небосвод над землей Египта, и жреца, который заклал бы эту жертву.

С треском тростник раздвинулся... раздался крик... хрипение...

Ничего не понимая, Аменхотеп вскочил и осмотрелся: в двух шагах позади него лежал с открытым ртом и закатив глаза человек... его головной убор сбил, приоткрывая белеющий в предрассветных лучах зари бритый череп. За ним другой мужчина застыл в неподвижной позе, на коленях, и смотрел на сопровителя со страхом и трепетом. Наконец в напряженной тишине раздался голос:

— Мой повелитель, он прятался в тростнике и был готов подползти, с кинжалом в зубах... крокодил, пасть открыта, готовый схватить... Я направлялся к тебе из города Аны, чтобы передать послание Ур-Мау... ибо то, что передается из его святых уст твоему священному слуху, ни один человек не должен знать!

Великий Дуду мне посоветовал: «Иди по аллее сикомор к реке, туда, где она делает поворот к Югу, там место уединения нашего господина!» И я отправился, я шел, с миром в душе и с радостным сердцем... я увидел этого человека, бесшумно ползущего. Волшебным образом мое зрение превратило его в болотное чудовище,

и, быстро выхватив секиру, что была у меня за спиной, я бросился и ударил его... Когда я ударил его, он закричал, и исчезло волшебство, и я увидел нож, выпадающий из его зубов, и я почувствовал, как панцирь чудовища превращается под моими руками в человеческую плоть!

Аменхотеп встал и подошел к лежащему телу. Он заметил лезвие ножа на сухом иле, секиру, что вошла между лопаток подкравшегося убийцы. Он сказал:

— У него бритый череп, как у жреца.

Казалось, не замечая посланника от Ур-Мау, который по-прежнему не вставал с колен, он приподнял голову убитого и заметил печать Амона, висевшую у того на шее.

— Это жрец Амона, и он пришел, чтобы принести меня в жертву Солнцу, — добавил он.

Тогда, вспомнив о своей последней просьбе, обращенной к богу, он понял, что это знак Атона. Его душу охватило волнение. Подняв руки к восточному небу, он прошептал:

— Атон, твое могущество безгранично! Этот человек заплатил кровью за свою веру и вера его была столь велика, что ты выбрал его для искупительной жертвы! Сжался над его слепотой, и пусть чистота его любви к Амону склонит тебя уготовить ему судьбу твоих сынов! Ибо пред тобой чистая любовь имеет ценность сама по себе и не зависит от пристрастий! Он обагрил кровью твой восход! И на стенах его гробницы напишут новое имя: «Восход бога!» Между тем как я, твой старший сын, тяжело оскорбил тебя, сомневаясь в твоей царственности!

Аменхотеп повернулся к посланнику от Ур-Мау.

— Как зовут тебя, того, кого Атон так возлюбил, что сделал служителем своей зари? — спросил он тихо.

— Мерирэ, господин.

— Мерирэ, если Ур-Мау, святой провидец, выбрал твое сердце для хранения секретов, которые его уста посылают для моих ушей, это значит, он знает тебя как человека, способного донести втайне все и так далеко, как город Ана отстоит от города Уисы! Вот почему я говорю тебе: «Запечатая уста свои на то, что ты видел и делал сегодня утром. Пусть глаза твои забудут, пусть уши твои перестанут помнить!» Ибо твое священное убийство должно остаться в тайне. Никто не должен проклинать имя этого человека, никто не должен думать о нем: «Пусть бросят тело его стервятникам, он совершил преступление против особы самого сопровителя». На самом деле это человек благословен, он мой близнец в своей любви к богу! Сними с него одежду, печать, что висит у него на шее, и возьми лодку, причаленную к берегу. Положи тело в лодку, покрой моим плащом и отвези его к бальзамирщикам в Город Мертвых. Скажи им: «Мой господин, Аменхотеп, прислал вам тело своего брата-близнца для того, чтобы вы сделали из него мумию. Вот печатка моего господина, и пусть все будет исполнено в тайне!»

Говоря это, Аменхотеп отдал Мерирэ свой золотой перстень и свой плащ. Затем он добавил:

— Мне не нужен больше предлог, чтобы закрыть храм Амона! Атон заговорил со мной, он меня убедил. Вот, восток стал багряным, Диск Солнца скоро поднимется над землей Египта и прольет тепло на всех живущих... больше никогда он не зайдет для мира людей!

Мерирэ не понял, что хотел ему поведать его госпо-

дин, ибо он знал, что солнце восходит на востоке, достигает зенита в полдень и исчезает на западе триста шестьдесят пять раз в году. Однако по восторженному взгляду сопровителя он понимал, что тот сказал нечто важное, и это важное он доверил ему. Сердце его наполнила радость, в нем появилась надежда на это «важное», что должно вскоре наступить для блага всего Египта.

Он не знал точно, что наступит, но был уверен, что оно грядет теперь, когда произошло столь удивительное событие: жрец Амона хотел убить царя, а тот назвал убийцу «благословенным братом, близнецом в любви к богу». Убийца, должно быть, уже начал разлагаться, как падаль, остающаяся после разлива, а сопровитель покрыл его своим дорогим плащом и приказал ни больше ни меньше, как бальзамировать его!

«Если убийца заслужил такой чести благодаря святости жертвы, то куда больше заслуживает убийца этого убийцы!» — сказал он себе.

И видения изобилия начали представлять перед его мысленным взором.

Мерирэ не был жадным человеком. Напротив, он охотно отдавал и то, чем владел. Но до нынешнего дня он обладал столь малым, что совсем не был пресыщен богатством. И он до боли в сердце возжелал накопить как можно больше богатства и увеличить свои владения. По своей беззаботности он забыл, что не владеет ничем, и за время меньшее, чем нужно, чтобы испить глиняную табличку, обнаружил в себе крупного землевладельца, подводящего итог своим доходам, думающего, как увеличить поголовье скота, пресекающего лень слуг, этого нечестивого и наглого отродья.

Он не впитал в кровь слова Ипувера*: «Тот, кто не

имеет ничего, теряет здоровье в последнюю очередь, ибо действительно ему нечего больше терять. Но не так для того, кто владеет многим: он начинает с потери здоровья и затем расстается со всем остальным. Конечно, он использует уши, чтобы прислушиваться к шагам вора, нос, чтобы учуять жулика, глаза, чтобы следить за врагами на границах своих владений, руками, чтобы охранять свои богатства от завистников, сердцем, чтобы подозревать соседа в злых умыслах. Тогда, когда все его органы зачахнут и не смогут больше служить ему, приходят воры, жулики, враги и завистники, чтобы разделить его добро, да еще соседи требуют своей доли».

Однако восходящий Атон бросил на Мерирэ взгляд, полный благосклонности. Он, читавший в сердцах людей, знал, что лихорадочное состояние его слуги всего лишь горячность юности, которая длится не больше, чем «период зловония». Ибо плодородная земля всегда впитывает оставшиеся после разлива реки лужи стоячей воды. Тогда приходит время пахать, сеять, утаптывать землю стадами свиней, чтобы своими копытами они утрамбовали зерна в землю, и наконец, наступает пора уборки обильного урожая.

В действительности Мерирэ оказался человеком, которого Атон выбрал, чтобы сделать своим верховным жрецом.

ГЛАВА 3

Нефертити приподнялась на своем ложе, пот проступил на ее лбу, глаза округлились от ужаса. Ей приснилось, что ее Ка наклонился над ней и прошептал:

«Шш!!! Шш!!!» Она не поняла, что это означает, но от страха проснулась.

Аменхотеп направился к ней и, улыбаясь, проговорил:

— Ты разленилась, моя царица, солнце уже взошло над прибрежными скалами!

Узнав мужа, она закричала от радости и бросилась в его объятия.

— Во сне я слышала «Шш!!!», и я не узнала твои шаги, моя любовь, — сказала она, смеясь от счастья. — Не странно ли, что ты напугал меня? Ты? Ты, которого я ждала уже неделю? Наконец ты приходишь, и я принимаю тебя за зловредное существо из моего кошмара!

Затем, обхватив его голову и нежно заглядывая прямо в глаза, она прошептала:

— Разве неделю я тебя ждала? Не все ли лето? Дни едва тянулись, и я скучала без тебя. О, моя любовь, скажи мне, ты тоже не мог жить на том берегу, где меня не было!

Молодой человек прижал ее к себе, уткнувшись лицом в нежное тепло ее шеи. Жена приносила мир в его душу, она была источником, из которого он черпал силы. Когда он обнимал ее, у него появлялось странное ощущение, что он сам окружал себя стеной, защищающей его от внешнего мира. Когда он прикасался губами к ее коже, сила наполняла все сорок шесть сосудов его тела, обжигая, как слишком долго бродившее вино, выпитое натошак. Чаше всего этот избыток силы требовал немедленного выхода. Тогда он относил свою жену на ложе и возвращал ей часть того опьянения, которое она в нем вызывала. Но в это утро важных со-

бытий и решений Аменхотеп, подобно скряге, решил приберечь этот избыток.

Когда он жадно впитал в себя жар ее тела, когда его кровь с силой застучала в висках, зашумела в ушах, высушила рот и зажгла огонь в его собственном теле, он нежно отодвинул Нефертити и сказал:

— Берег, где тебя не было, был для меня берегом мертвых. День за днем я бродил по дворцу Уисы, как скитается скорбная душа по некрополю! Однако я пересек реку не из-за своего нетерпения, но потому, что должен был это сделать: события развиваются слишком стремительно, и у меня нет больше времени предаваться любовному созерцанию тебя и моего бога. Нефертити, радость моя, любовь моя. Заря окрасила небо на востоке! Пришло время восхода солнца!

Молодая женщина смотрела на мужа, ничего не понимая. Тогда Аменхотеп поведал ей о своем разговоре с Кеном, о восковых фигурках, о принесении в жертву жреца, нанятого его убить. Она пришла в ужас, он успокоил ее.

— Чего ты боишься? Разве ты не видишь в этом неудавшемся покушении могучую и доброжелательную руку Атона? — сказал он. — Разве Атон не выказал этим свою волю? Он приказал смерти подождать окончания моих тяжелых трудов. Человек, рожденный с сознанием что-то создать, не умирает, пока не выполнит это... потом... да! Он может лечь в свой саркофаг и ждать там смерть. Она не задержится, ибо она появляется всегда, когда жизнь становится бесполезной. Она подберет тот кинжал, что подрезал длинные кудри юности, когда юность прошла! Но ты и я, мы еще только наточили наши орудия для обработки земли и вот

мы стоим на нашем поле, и впереди еще много весен. Запомни это, любовь моя, хозяин не отдаст своих рабов, пока они не сделают его земли плодородными! Чем больше его земли, тем больше слуг доживет до старости! А наше поле — это безграничная земля Египта и его провинций! И за сто лет, я думаю, нам не возделать его! Ты видишь, что нам придется умирать в двухсотлетнем возрасте. Работникам некрополя не составит труда пропитать нас раствором соды, настолько мы сохнемся! Они положат нас в гробницу такими, какие мы есть! Они воскликнут: «Благословен фараон и его горячо любимая жена, что дали нам золото за то, чтобы ничего не делать! Такая исключительная щедрость не от мира сего, где обычно тот, кто платит, всегда гневается, что не получил больше оплаченного!»

Говоря это, Аменхотеп смеялся, и этот смех развеял его молодую жену.

«Как я люблю тебя! Как я люблю тебя!» — думала она, глядя на него. С того вечера, когда задул обжигающий хамсин, ее тело, ее сердце были преисполнены радости. Иногда эта полнота казалась ей столь великой, счастье столь огромным, что сердце вот-вот разорвется. Однажды она сказала мужу в шутку:

— Тот хамсин, должно быть, наполнил меня горячим песком, как заполняет он все уголки, не защищенные от его проникновения! Я чувствую себя тяжелой, словно объевшейся. Будь осторожен и не переверни меня вниз головой из страха, что меня вырвет, и я, как прежде, стану сухой, подобной пустому бурдюку. Вот будет наказание для твоей самонадеянности, которая приписывает чувству любви счастливое изменение моего характера!

«Любовь действительно странная вещь! — думала Нефертити. — Ей можно дать имя «Океан», ее число — «Единое», ее величина — «Абсолют»! Иногда мои чувства множились, мои желания становились рассеянными, мой ум поворачивался разными гранями, моя душа суетилась, как рабочий люд. Теперь я люблю, и это единственное, что я ощущаю. Я не знаю, красив или уродлив мой муж, хорош он или плох, умен или глуп: я люблю его единственным и неповторимым образом и я знаю, что любовь управляет моим существом, сглаживает острые углы, гасит множество моих страстей. Я знаю только ее, и я не хочу знать всего остального. Да, ее имя могло бы быть «Океан», ее число — «Единое», ее величина — «Абсолют»!

— Пойдем к фараону и Тэе, — сказал Аменхотеп, испугавшись, что под горячим взглядом своей жены не удержится и уступит желанию истратить избыток своей силы немедленно.

— Иди, я присоединюсь позже, — ответила Нефертити. — Мое тело еще липкое с ночи, и я не ребенок, чтобы показываться перед отцом с матерью голой!

Аменхотеп с сожалением удалился.

«Я останусь в летнем дворце на эту ночь, — сказал он себе, — в любом случае я не буду сегодня ничего начинать, слишком поздно, Атон почти уже в зените!»

По правде говоря, Атон едва поднялся над восточным берегом. Ипувер хорошо представлял себе лукавство человека, когда писал: «Голодный желудок кричит «полдень» в любое время суток и не стыдится обвинить во лжи солнце!»

Позже Нефертити вошла в коридор и, оказавшись перед дверями, ведущими в покои мачехи, услышала громкий голос фараона, раздававшийся с необычной силой:

— Так ты хочешь, чтобы мы хранили в тайне эту историю с колдовскими фигурками и с покушением этого проклятого бритоголового!!!

Молодая женщина остановилась, прислушиваясь.

— Отец, Кен будет отрицать свою причастность к этим двум преступлениям, — раздраженным голосом отвечал Аменхотеп, — и что хорошего даст долгое разбирательство! Правосудие потребует выслушать большое число свидетелей, и тех, кто будет показывать в пользу верховного жреца Амона, окажется больше тех, кто будет свидетельствовать в нашу пользу, ибо Кен не погнушается подлости и подкупит голоса, которые его оправдают. Во всяком случае, я оставляю восковых рыбок на совести Кена, а тело молодого фанатика сейчас уже освобождено от внутренностей и купается в растворе, насыщенном содой!

— Сын мой, ты ненормальный! — воскликнул фараон. — Тэйя, ты слышала это? Фигурки уничтожены, а убийца бальзамируется!

— Что ты задумал, сынок? — послышался обеспокоенный голос Тэйи.

— Поймите же наконец, — кричал Аменхотеп, — что свидетельства честного человека оборачиваются против него, когда он имеет дело со лжецом! Впрочем, эти проклятые рыбы были очень опасны, останься они во дворце!

Раздался смех фараона, громкий и презрительный.

— Вдруг мой сын испугался мистических штучек!

Тэя, твой старший от страха описался, и вместе с мочой из него вытек весь здравый смысл, который он впитал с твоим молоком!

— Жрецы города Аны позволили мне присутствовать при необыкновенных вещах, которые они совершали при помощи магии! — яростно возмущался Аменхотеп. — Смотри, сегодня утром, перед тем, как переправиться в некрополь, Мерирэ вручил мне послание Ур-Мау, и в нем говорилось: «Берегись, Кен хочет твоей смерти! Я получил подтверждение его коварства и посылаю тебе талисман, который изготовлен мной самим. Он могущественнее всех штучек Кена, ибо Кен дурак!» Не является ли доказательством действительности талисмана, что нож убийцы выпал из его рта?!

Нефертити вспомнила амулет с голубой эмалью, который ей показал муж. Это было Око Уаджет*.

— Нож выпал изо рта этого подлого раба, потому что топор раскроил ему спину!!! — грохотал фараон. — Этот открытый глаз, вставленный в крест, выглядит не лучше глаза дохлой рыбы! Ур-Мау не нуждался в магии, чтобы понять, что Кен хочет содрать с тебя кожу, ни тем более чтобы узнать, что он дурак! Каждый раз, как ты бываешь в городе Ане, ты говоришь ему о своей ненависти к жрецам Амона и ты выражаешь ясно свое мнение по поводу умственных способностей Кена. Ты считаешь его настолько глупым, чтобы он не смог учесть твои пристрастия и твою неприязнь? Скажи мне, не жрецы ли города Аны получают выгоду от разгона жрецов в Уисе? Не они ли наследуют все богатства?

— Ур-Мау святой старец! — вскричал Аменхотеп дрожащим от гнева голосом. — Это он внушил мне любовь к чистоте и правде! В своей простоте он смеется

над всякими владениями и богатствами и предпочитает молитву мягкой постели! Я знаю, что...

Нефертити решила, что ей пора войти. Она толкнула дверь и, улыбаясь, вошла. Воцарившееся молчание позволило ей поздороваться с отцом и обняться со своей мачехой. Она отметила про себя, что эта нежная сцена была наполнена тревогой.

Тэя успокоилась, увидев ее. Красивая и спокойная невестка развеяла ее страхи, как лучи рассвета разгоняют ночные кошмары. И поскольку Нефертити передала всем свое ровное настроение, положение дел показалась Тэе не столь опасным.

Засмотревшись на красоту супруги, Аменхотеп на мгновение растерялся, но затем, повернувшись к фараону, вновь нашел нить прерванного разговора и начал с такой живостью, что это не укрылось ни от кого. Тэя заметила про себя:

«Мой старший получил поддержку со стороны жены! Она для него больше, чем Око Уаджет от Ур-Мау. Она дает ему жизненные силы. Кто сможет в таком случае его победить?!»

Эта мысль наполнила ее сердце гордостью. Ее никогда не подводило чутье! Когда она выбирала для Аменхотепа Нефертити, она верила, что их распря обернется любовью.

Голос мужа вывел ее из глубоких размышлений.

— Пусть, — говорил он, — я признаюсь, что говорил об Ур-Мау погорячившись, ибо я его знаю так же хорошо, как и тебя. Он был моим другом до того, как подружился с тобой! Это человек огромной порядочности и, более того, обладающий величайшим здравым рассудком... Но не говори мне о магии! Я не мечтатель,

я охотник! Я не подниму глиняного яйца против крокодила, я подниму свое копьё и прицелюсь, чтобы убить его! Что ты теперь считаешь делать после уничтожения доказательств, которых тебе не хватало для изобличения Кена в кознях против тебя? Ты собираешься прибегнуть к колдовству?

Аменхотеп позволил себе улыбнуться. В сердце у него воцарился мир, и он, предвкушая счастливые минуты, любовно вынашивал план, как остаться в летнем дворце на ночь.

— Я собираюсь совершить государственный переворот... если можно так выразиться... я призыву армию, я соберу отряды городской стражи. Военачальники закроют храмы Амона, они проедут по улицам Уисы для того, чтобы люди, видя их, сказали: «Полководцы прибыли с границ государства. Значит, враг угрожает нам не на границах, но здесь!» Непонимание породит страх, а поскольку они будут бояться, они одобряют проявление силы. Они запрутся в домах, чтобы не быть схваченными вместе с виновными, и в своих укрытиях станут говорить: «Чем скорее враг будет наказан, тем скорее мы окажемся в безопасности! Фараон знает, что делает, и его мудрость столь велика, что он видит опасность задолго до того, как она начнет серьезно угрожать его народу!» Когда они выйдут из своих домов, они заметят, что имя Амона сбито со всех плит, что жрецы Карнака распущены, что храмы Амона закрыты. Возможно, они удивятся имени «врага», но, пошептавшись, облегченно вздохнут, что не были сами приняты за виновников смуты! Это верно настолько, насколько в глубине каждого подданного сидит неясное чувство его собственной вины!

Фараон с задумчивым видом грыз ручку своего опахала.

— Все это очень хорошо, — сказал он через некоторое время. — Конечно, народ съест то, что ему дадут, и он не преминет показаться довольным из страха подвергнуться наказанию... Но знать не столь податлива... Среди нее всегда найдется какой-нибудь наследный царевич, рожденный с чувством, что его незаконно лишили короны! Этот ухватится за малейшую возможность сплотить сторонников, пообещает им горы золота и полную справедливость, если они помогут ему захватить трон. Тогда многие пойдут за ним в убеждении, что самая необходимая вещь на свете — это справедливость по отношению к ним! Таким образом толпа бунтовщиков будет увеличиваться прямо на глазах: Это настолько же верно, насколько верно, что человек вышел из чрева матери недовольный тем, что имеет, и жадный до того, чем не обладает в достаточном количестве! Кто знает, будут ли твои военачальники подчиняться твоим приказам? Не захотят ли они воспользоваться присутствием своих отрядов, на которые они могут положиться, чтобы ниспровергнуть и твою власть? Не забывай, что при дворе найдется много преданных Амону!

— Отец, землевладельца, который не обратится к Атону, я лишу собственности, чтобы разделить ее между его слугами. Я накажу его публично, чтобы другие упрямцы притихли, дрожа от страха, что потеряют свои владения и свои стада! Ибо хотя мне грустно это говорить, но большая часть этих богачей молится только на свое имущество... Богатство — это тот бог, который ни за что не даст им от себя отречься! Уверяю тебя, я не

оставлю никому времени на размышления! Мои дела будут подобны молнии, которая поражает одновременно с раскатом грома!

Фараон пожал плечами.

— Пусть ты разгонишь жрецов Амона, пусть ты накажешь Кена, пусть ты обуздаешь его своеволие, пусть ты поставишь на его место одного из своих лучших друзей, пусть! Хорошо, пусть твоя власть окажется устойчивой, и ты не будешь опасаться получить удар ножом между ребер! Но почему ты принял за несчастного бога Амона, который ничего тебе не сделал? Что за важность, если он будет почитаться в своих храмах? В конце концов, бог выполняет работу, для которой был создан, когда увлекает взоры людей в небесную высь! Пусть он зовется Амон, Атон, Птах или Ра! Главное, что простонародье верит, что он видит насквозь его тайные помыслы, что он наблюдает за его скрытыми делами и что он отмечает все его мерзкие поступки, чтобы наказать за них! Так верующий никогда не чувствует себя в одиночестве и не осмеливается свершить зло. По правде говоря, бог — это лучший страж фараона! Если ты упразднишь культ Амона, ты рискуешь создать толпу безбожников, ибо многие, с досады или по упрямству, откажутся принять нового бога... даже если будет казаться, что они придерживаются одних с тобой взглядов! Тогда горе тебе! Эти безбожники вскоре почувствуют себя достаточно одинокими, чтобы совершить зло!.. То зло, которое они не осмеливались сделать, когда чувствовали, что за ними наблюдает нечто невидимое! Горе им также! Ибо их кругозор ограничится поверхностью земли, а помыслы замкнутся только на их собственном благополучии!

Глаза Аменхотепа засверкали.

— Отец, — сказал он с горячностью, — если бы я один хотел начать сражение, конечно, меня можно было бы обвинить в чудовищной гордыне, в слепом и опасном фанатизме! Но я выступаю не в одиночку, я послан Атоном, единым и высшим богом, который сжалился над людьми, запутавшимися в предрассудках и суевериях! Он разговаривает со мной необычным образом, при помощи моего внутреннего голоса, и поэтому я ему верю. Если он направляет мою руку, то, значит, он уверен в победе! Он, который сама любовь, предпочитал раньше видеть своих детей, приносящих дары пустым идолам, чем быть причиной их раздоров! Видишь, в продолжение тысячелетий он позволял им поклоняться в зависимости от их нужд и их разума! Ибо время жатвы еще не наступало! Пойми же наконец, если могучий голос Атона наконец раздался, то это значит, что он решил явить себя миру, то это значит, он знает, что его творение готово его принять, что оно наконец раскрылось для его Учения! Человек не всю жизнь носит «локон юности», приходит день, когда его надо состричь!

Фараон устало вздохнул: ничто из того, что он хотел сказать, не дошло до его сына, ибо тот решил стоять на своем и не дать себя переубедить.

— Ты так же глух, как ребенок, рожденный третьего дня в месяц Хойак, — сказал он нахмурившись. — Ты так же слеп, как рожденный двадцатого дня Хойака. Поступай как знаешь, ты — соправитель. Если бы я хотел продолжать управлять Египтом, я не прибег бы к твоей помощи! Но я в самом деле очень устал быть Солнцем, и я стремлюсь лишь спокойно пожить, сняв с

себя груз забот. Возраст начинает давить мне на плечи, и я не хочу умереть, не успев насладиться жизнью! Прошу тебя: когда ты принимаешь решение, не приходи ко мне за советом, если не собираешься считаться с моим мнением. Ты заставляешь меня попусту тратить слова и драгоценное время, которое я мог бы провести в тихих радостях!

Он улыбнулся своей жене.

— Не так ли, Тэйя? — спросил он.

Тэйя покачала головой.

— Дадим отдых нашим старым косточкам, — сказала она спокойно, — и останемся в своем стойле жевать солому. Пусть молодежь дерет глотку, погоняя волов под палящим солнцем!

Аменхотеп склонился перед отцом и матерью.

— Я не считаю, что пренебрег мудростью ваших слов, — сказал он с уважением, — и я не пренебрегаю вашим глубоким знанием людских сердец. Я благодарен за доверие, которое вы мне оказали, и я не стал бы никогда действовать против справедливости, которая дорога мне благодаря вашему примеру. Да будете вы благословенны, вы, которых я так люблю! Да будет благословен ваш отдых и ваши развлечения!

Тогда Нефертити, не сказавшая до этого ни слова, подошла и, обняв свою мачеху, сказала со всей страстью:

— Спасибо тебе, Тэйя, за то, что ты никогда не приходила в уныние от моего дерзкого поведения. Я люблю тебя, как дочь любит ту, которая произвела ее на свет, и я молюсь Атону, чтобы он позволил мне стать для своего мужа такой, какой ты стала для моего отца!

В ответ Тэйя поцеловала ее. Она чувствовала себя взволнованной, ибо Нефертити впервые призналась ей в своих чувствах, но, боясь показать свою слабость, сказала ворчливым тоном:

— Подари своему мужу сына, похожего на него, и дочь, похожую на тебя! Но если твоя дочь удерет однажды по Нилу, чтобы не выходить замуж за своего брата, не поддайся ее капризу: мать знает своего ребенка лучше, чем он сам знает себя!

В эту ночь Аменхотеп остался во дворце, и, в опьянении страстью, его жена зачала ребенка.

ГЛАВА 4

Действия Аменхотепа были «подобны молнии, которая поражает одновременно с раскатом грома».

Пока на улицах Уисы вызванные со всех границ военачальники шеголяли на своих боевых колесницах в сопровождении военных отрядов, как при осаде вражеской крепости, стража Карнака закрывала храмы, посвященные Амону, а рабы сбивали ненавистное имя с каменных стен. «Святое место» было освобождено от незаконных владельцев, и на опечатанных дверях был выгравирован царский знак.

Ветер паники подул над городом и над его окрестностями: горожане и крестьяне запирались в своих домах, испуганные и ошеломленные. Повсюду разъезжали глашатаи и громко возвещали указ царя:

— Слушайте, египтяне и инородцы, жители провинций и приграничных областей! Пришло время люб-

ви, правды и справедливости! Рабы и все обездоленные, пришел час поднять голову и посмотреть на восходящее Солнце! Это Атон, единый бог! Это он согревает ваши сердца. По великой любви и милости Он приказал вашим хозяевам проявлять доброту и справедливость! Господин будет любить своего слугу, он не будет больше угнетать своих подданных! Неправедные жрецы больше не будут требовать приношения при помощи кнута и запугивания, лжи и нечестности, ибо неправедные жрецы лишены своих должностей. Их богатства конфискованы и будут розданы. Их храмы во имя бога, которого они называли Амоном, но который был «Проклятым Богатством, Пагубной Властью, Бесстыжим Наслаждением», закрыты. Отныне они станут пристанищем ядовитых гадов, и их опечатанные двери будут зваться «Забвение», «Заброшенность», «Пустота», «Безлюдье»! Протяните ладони к восточному небосводу, откуда появится Божественный Диск! Он положит начало дню, который не кончится никогда! Воспойте хвалу и займитесь вашими делами с радостным сердцем, ибо ваши жалобы услышаны, ваши стенания дошли до его ушей! Не бойтесь больше сказать тому, кто вас бьет кнутом: «Ты мне делаешь больно», и тому, кто забирает ваше добро: «Ты воруешь у меня». Если вы действуете по закону, вы выиграете в суде даже против более могущественного, чем вы, человека! Да здравствует справедливость, правда, любовь! Провозглашайте царство Атона! Царство, которому не будет конца!

Народ выполз из своих нор, испуганный и сомневающийся. Вначале он не осмеливался поверить в то, что слышал, ибо обещания правды и справедливости если и были для него ценностью, то достаточно аб-

страктной и отвлеченной. Затем, расхрабрившись, люди начинали верить, ведь им на самом деле казалось, что огромные богатства жрецов Амона должны быть конфискованы. Наконец они, как только получили свою часть награбленного, разразились ликованием и стали поспешно переходить в новую веру в Атона.

Придворные Уисы реагировали не так легко и беззаботно. Государственный переворот вывел вельмож из состояния томной неги, в которой они пребывали по случаю летнего отдыха. С высоты «балкона для выходов» соправитель обратился к знати с такими словами:

— Я родился на рассвете и меня называли «Эхнатон», то есть «Тот, кому радуется Атон». Сейчас на восточном берегу божественные лучи Атона пронзают несправедливость, выжигают зло, освещают землю и камни города, для того чтобы Эхнатон, его жена, семья и друзья могли спокойно расположиться в избавленной от зла столице. Но только моя семья и мои друзья будут желанными в очищенном городе! И мои друзья — это те люди, кто провозглашает вместе со мной: «Атон — единый бог, другие боги — выдумки людей, и Амон среди них — олицетворение зла!» Пусть имеющие уши услышат! Пусть имеющие ум поймут! Однако тех, кто не поймет сразу, я хочу просветить. Каждый день я буду в распоряжении всех людей, которые не отказываются заранее от того, чтобы понять меня!

Те придворные, кто увидел в этом удобную возможность втереться в доверие царю, и те, кто страстно желал получить звание «друг Эхнатона» со всеми вытекающими из этого благами и почестями, поспешили признать божественное верховенство Диска. Однако они нашли излишним выслушивать Учение, ибо не хо-

тели быть принятыми за дураков, которые не обладают ни умом, ни даром прозрения.

Вельможи, питавшие расположение к соправителю и его супруге, и те, кто уже был знаком с его идеями, радовались успеху дела. Они без труда становились страстными почитателями Атона и с удовольствием слушали, как их молодой царь говорил о едином боге, о братстве между людьми.

Однако многие остались недовольными. По большей части это были вечные упрямы, родственники или друзья жрецов Амона, землевладельцы, которые имели дела с храмами Карнака, члены семей, которым пришлось расплачиваться за судьбу жрецов Амона, но находились среди них и те честные люди, которые искренне верили в Амона.

Языки не прекращали работу ни на минуту, и каждый выражал свое мнение:

— Фараон не слышит дерзости сына, позволившего себе изменить имя, данное ему при рождении!

— Соправитель не сможет отрубить головы половине Египта! Объявим это фараону!

— Требуем справедливости и свободы веры!

— Вернемся в наши поместья и будем сопротивляться!

— Сколько времени можно терпеть это иго?

— Аменхотеп — безумен, его жена — вздорная женщина!

— Не тайна ни для кого, что Маи — желанный гость в спальне царицы!

Глухой ропот, сотрясавший летнюю резиденцию, оставлял молодого царя в безразличии. Он много молился, занимался проповедью нового Учения, устрой-

ством земного царства для своего бога, выезжал в селения крестьян, чтобы поговорить с людьми, возбудить в них рвение к Атону.

Нефертити больше не расставалась со своим мужем. Конечно, она верила в покровительство бога, но вера ее была не настолько сильной, чтобы вынести разлуку без волнения: если нож убийцы должен нанести удар, пусть он это сделает дважды! Она предпочла бы умереть вместе с мужем, чем плакать над мумией столь дорогого ей человека. Сильная этим, она ехала вместе с ним на колеснице, прокладывая путь сквозь толпу, и тело ее было напряжено, как живой щит от любых ударов, предназначенных ее мужу. Это возбуждало ее, делало выше любых страхов.

Однажды, когда они находились в поместье господина Мозе недалеко от Уисы, сопровитель увидел, как Май едет к нему на своей колеснице в сопровождении небольшого отряда бегущих за ним нубийцев.

— Твое Величество, — сказал Май поспешно, — тебе надо срочно вернуться во дворец. Ибо сегодня утром представители непокорной Атону знати явились к твоему божественному отцу с целым ворохом угроз. Кен, которого ты великодушно пожалел, стал зачинщиком возмущений, и земли, которые ты по своему благородству ему оставил, стали местом, откуда исходят самые гнусные слухи и злословия о тебе и твоей супруге!

Сопровитель, который отныне и навсегда приказал называть себя Эхнатомом, презрительно улыбнулся.

— Эти ночные твари храбры, пока я не посмотрю им прямо в лицо, — сказал он. — Возвращайся, Май, я буду за тобой следом! И поскольку ты опередишь меня,

объяви, что соправитель приедет лично выслушать их жалобы. Пусть они подготовят список требований, и пусть их доводы будут достаточно убедительны, чтобы выдержать мое строгое судебное разбирательство!

Когда Эхнатон вошел в комнату, где отдыхала его жена, у него был очень озабоченный и невеселый вид.

Нефертити отослала служанок и спросила мужа встревоженным голосом:

— Любимый мой, ты не устал? Отдохни в прохладе моих рук!

Эхнатон едва улыбнулся и чуть не повалился без сил на ложе.

— Возможно, ты права, Нефертити, — вздохнул он, — да, возможно, это усталость! Действительно, все тело мое вдруг так отяжелело, как будто я выдержал долгое сражение! И я не был уверен, что выйду из него победителем... Сегодня утром я еще был полон сил, полон уверенности, я видел далеко, до линии горизонта на востоке и горизонта на западе... только засеянные поля и уже зреющие... поля, наполненные чудесными обещаниями... и, сидя перед моими угождениями, я позволил себе помечтать о хранилищах, заполненных будущим урожаем... я заснул... да, я заснул и не заметил, как прорастали плевелы! Когда я открыл глаза, то увидел, что сорняки пытаются задушить посевы, и я пришел в уныние от мысли, что надо вновь брать орудия и начинать борьбу... и не придется ли мне при этом топтать уже взошедшие посевы? Нарушать красоту ровных борозд?

Он рассказал Нефертити о том, что произошло в Уисе, и закончил рассказ такими словами:

— Я полагал, что сказал людям все, что мне нечего

больше добавить, чтобы убедить их в неоспоримой истинности Атона... я считал, что лживость жрецов Амона настолько очевидна, что это станет ясно любому, стоит мне только указать на нее пальцем. Все казалось простым и ясным, несмотря на все возражения, выдвинутые моим отцом. Да, я был ребенком, принимавшим желаемое за действительное. Словно камень, служивший мне опорой, вдруг зашатался, и я сразу почувствовал себя беспомощным... но это ничего, еще не все кончено, еще можно найти новые слова, новые доводы... Вырвать сорняки и уничтожить их, уничтожить... уничтожить... Когда я увижу, что работа по расчистке места закончена, я с радостью приступлю к строительству новых зданий и севу новых семян! Уиса совершенно прогнила! Фундаменты домов погрузились в отвратительную грязь! Стены источают зловоние! Столько веков зловония!.. Город поражен проказой до самого основания! Я мог бы отсечь больные члены, но это не помогло бы его вылечить, сделать его чистым. Ах! Если бы я родился при начале мира! Я построил бы столицу для бога в святом месте, и я следил бы за тем, чтобы ни гран нечистот не попал в город!

Нефертити была потрясена, видя, как огорчен ее муж. Ей хотелось крикнуть ему: «Какая разница! Я люблю тебя, я рядом с тобой... ничто другое не имеет значения, кроме нашей любви! Оставь людей, пусть они возьмется в собственной грязи! Мы будем пребывать в спокойном созерцании красоты! Будем смотреть друг на друга и опьяняться радостью быть вместе, ты и я!..»

Но она знала, что печаль ее мужа была печалью бога, с которым он встретился еще в утробе матери, и что только смерть разлучит их, что она сама в его жиз-

ни всего лишь дом, полный прохлады, куда он заходит отдохнуть между своими сражениями под палящим солнцем! Ибо он не изнеженный и ленивый человек, но воин, ревностный и пылкий сын света.

Изо всех сил она искала выход из создавшегося положения. Внезапно ее взгляд загорелся.

— Уиса прогнила! — воскликнула она. — Пусть это тебя не трогает! Почему не сделать так, как будто ты родился при начале мира! Почему бы не найти святое место, чтобы возвести там новую столицу! Отыскать новое, незапятнанное, непорочное место, где ты смог бы возвести город во славу Атона... Те, кто войдет в него, будут просеяны сквозь мелкое сито... Они...

Лицо Эхнатона просияло.

— Да! — воскликнул он страстно. — Как я не додумался до этого решения сам? Уиса не может больше оставаться столицей, потому что столица представляет собой сердце народа: если сердце заболело, остальные члены заболевают тоже! Но я подарю Египту новое сердце, и кровь моего народа забурлит с невиданной доселе силой.

Он встал и принялся ходить взад и вперед.

— «АХЕТ-АТОН...» Небосклон Атона... это отсюда Диск Солнца будет подниматься над всем миром!

От его печали не осталось и следа... он чувствовал в себе такой пыл, такой восторг, как никогда ранее. Правда, Атон не разговаривал с ним все это время. Он был сердит на своего сына за проявленное им уныние, но пожалел его и выразил свою волю через Нефертити. Эхнатон посмотрел на свою жену и нашел ее более красивой, чем обычно. Тогда он обнял ее и проговорил шепотом:

— Любовь моя... любовь моя... Ты дитя, полное света Солнца, его перворожденная, прежде меня самого! Твоими устами выразил Атон свою высочайшую волю! И перед тобой я ничто... Мое счастье, что ты меня полюбила, что ты меня любишь! Мое сердце замирает в изумлении, когда я понимаю, что ты моя!

Нефертити прижалась к мужу. Ее глаза наполнились слезами, и она подумала:

«Атон не подсказывал мне слов, которые я должна была сказать. О! Ты вся моя любовь! И говоря тебе это, я ни на мгновение не вспомнила про Атона! Но любовь женщины обладает часто могуществом бога! Как я люблю тебя... Как я тебя люблю... если бы ты знал!!! Нет, я не старший ребенок Солнца, я та, кто хочет остаться в тени, та, которая бросается тебе под ноги, чтобы ты не поранил их о колючки и острые камни... чтобы шел без страха и смотрел прямо на Солнце. Я здесь для того, чтобы грязь земли не запачкала твоих ног».

Когда они вернулись в Уису, им показалось, что они попали в чан с кипящей водой. Весь двор собрался на восточном берегу, и Эхнатон застал своего отца сильно озабоченным.

— Сын мой, — сказал тот без гнева, — тебе следовало бы казнить Кена. Теперь слишком поздно, ибо умы всех разгорячены до предела. Если голова Кена упадет, бунтовщики захватят ее, чтобы водрузить на древко, как окровавленное знамя, под которым они будут выступать! Они явились ко мне, и я не знал, что ответить! Даже твоя мать промолчала на этот раз!

Эхнатон засмеялся.

— Я знаю, как наказать их гордые сердца, отец! — воскликнул он. — Я собираюсь выступить с балкона для торжественных выходов, и я обещаю тебе приятную неожиданность!

Фараон пожал плечами. Он не разделял оптимизма своего сына, и малейшее волнение мешало ему радоваться жизни.

Тем не менее он оказался рядом с женой и дочерью на «балконе для выходов» и, как все и каждый, приготовился дивиться речам сына.

— Когда я был среди вас, вы не посмели сказать мне открыто... вы предпочитали шептаться по темным углам... не жели прийти ко мне и получить объяснение, на которое вы имели право. Вам хотелось изрыгать свою злобу тайком. Я поверил, что вы меня поняли, я гордился вашим умом, и мое сердце плакало от нежности к вам. Но я уехал, и вы обрели смелость, вы начали открытый бунт! И Кен подталкивал вас сзади, Кен, которого я пощадил! Ибо, если я был бы свергнут, он вновь обрел бы свое могущество и спокойно продолжил бы угнетать народ, а вам, умники, продавать воздух! Итак, оставайтесь в ваших нечистотах! Занимайтесь тем, что находите хорошим! Молитесь Амону у ваших домовых алтарей и кадите ему своими зловониями! Уиса больше не является столицей! Соседние государства не будут посылать сюда представителей и приносить дань! Вскоре город с его закрытыми храмами и заброшенными дворцами станет всего лишь небольшим селением! Плуг пройдет по его гордым своим видом садам, и пшеница заколосится на его руинах! Нет больше праздников, пиров, представлений! И когда вы скажете: «Я житель Уисы, города ста врат...» —

люди засмеются и ответят вам: «Ста врат и всех незакрытых, куда врывается песчаный ветер и заставляет их скрипеть на ржавых петлях! Ни один караульный не сторожит их! Действительно, казна пуста, и нищета под руку с голодом бродит там по улицам. Ты или изгнан, или очень беден, что живешь в этих мертвых местах». Но возлюбленные Атона последуют за мной в АХЕТ-АТОН, в город Небосклона Солнца... в новую столицу, которая поднимется в чистом и святом месте! И среди них я буду проводить мои дни в радости. Однако я не хочу вас пугать! Пусть те, кто любит правду, придут ко мне и зададут вопросы мне в лицо, и я отвечу им!

Мертвое молчание явилось ответом на его речь.

Фараон подумал, что сумасшествие сына зашло слишком далеко, но Тэйя понимала: у него не осталось больше времени пытаться их образумить, и теперь ему пора уединиться и продумать все тонкости своих замыслов.

Она попросила преданных ей людей быть начеку и приказала тайно убить Кена, таким образом, чтобы это выглядело как несчастный случай.

Однажды утром верховный жрец Амона был укушен гадюкой, свернувшейся в тростнике в том месте, где он обычно спускался в воду, чтобы искупаться. Десять человек это засвидетельствовали. Ядовитые змеи в то время года кишели в таком количестве, что никто не мог и предположить, что чья-то преступная рука совершила на Кена покушение. Эхнатон же использовал эту своевременную смерть, чтобы сказать о карающем персте бога, о мести Атона, о победе Солнца над миром тьмы.

Многие суеверные упрямы были смущены. Многие заинтересовались новым Учением.

Впрочем, возможность остаться в Уисе, покинутой и двором, и царской семьей, казалась невыносимой для этих гордецов, которые считали себя ранее неотъемлемой частью этого самого желанного и самого богатого города в мире. Какая важность эти религиозные убеждения, решили они, если речь идет о почестях, удовольствиях и, наконец, просто об удобствах!

ГЛАВА 5

Во втором месяце лета, на пятом году правления, Эхнатон и его жена, владычица Обеих Земель Нефертити, поднялись в сопровождении придворных на борт большого царского дахабиеха для того, чтобы божественное провидение направило их в священное место, где должна будет вырасти новая столица.

Во все деревни по берегам реки были посланы гонцы с указаниями местным правителям украсить берега реки гирляндами цветов и приготовить лучшие хлеба из зерна Зерет, а также кувшины с добрым вином, чтобы порадовать сердце царя в местах возможных остановок.

Это было славное плавание по Нилу, полное радости, песен и развлечений.

Каждое утро и каждый вечер Эхнатон просил Атона указать ему место для его будущей резиденции. И только на шестой день пути прозвучал голос бога. Он сказал ему:

— Вот здесь мой небосвод простирается над центром земель Египта.

Был полдень, и дахабиех подплывал к местечку, где прибрежные скалы восточного берега красиво отступали вглубь и образовывали долину в пять миль длиной и в две с половиной мили шириной...

Сердце Эхнатона задрожало от радости. Он приказал остановить гребцов, спустить паруса и бросить пеньковый трос на берег, густо заросший высоким папирусом. Место было красивым и диким. Вдали известняковые горы показывали свои зубы в ослепительной улыбке. Все вокруг дышало безмятежностью, сверкало на солнце... и было погружено в молчание. Дух бога парил в небе над священной землей, которую он выбрал для своего жилища.

Затем был произведен ритуал установления границ.

В торжественной процессии соправитель, его горячо любимая жена Нефертити, божественный отец, Аи, царская кормилица Ти, жрецы Атона, придворные в церемониальных одеждах, сверкающие золотом военачальники — все двигались молча, не спеша, под палящими лучами солнца. Кorteж медленно продвигался вдоль известнякового склона горы, пересек устье высохшей вадии* и прошел по песчаному участку земли от южной точки до северной, следуя естественному изгибу гор. То в одном, то в другом месте Эхнатон возносил хвалу богу и, указывая на края скалы, давал распоряжение начертать на камнях: здесь будут стеллы в честь основания, а здесь будут границы города Небосклон Солнца.

Когда процессия дошла до крайней северной точки, помпезность происходящего достигла высшей сте-

пени. В глазах бедной Ти появились слезы. Она никогда не подозревала, что культ Атому может быть до такой степени величествен и красив. Конечно, пот лил с нее в три ручья и болели ноги, но ни за какие награды она не уступила бы своего места по правую руку от царицы. В самом начале государственного переворота она была в числе тех, кто открыто проявлял недовольство: во-первых, потому, что ей не нравилось, что помешали ее привычкам, и затем потому, что с исчезновением культа Амона ее лишили веселых церемоний, таких, например, как Праздник священного гарема. В этот праздничный день Уиса наполнялась весельем, статую бога, украшенную гирляндами цветов, перевозили на прогулочных лодках из Карнака в Луксор, повсюду устраивались пиры и развлечения... тогда юношам позволялось приставать к девицам, и в этой атмосфере любви и чувственности Аи, ее муж, вдруг припоминал горячность своей юности. Он обнимал ее, проявляя при этом недюжинную силу... Увы! Этот милый обычай, как и многие другие, исчез навсегда!..

Но Ти дулась недолго. Она поговорила со своей питомицей, и ликование молодой женщины покорило ее старое любящее сердце. С другой стороны, чтобы победить ее враждебность, муж привел неоспоримые доводы. Он сказал:

— Взгляд Эхнатона чист, его душа правдива. Он верит в то, что говорит, и делает то, во что верит. Из логовища скорпионов не выйдет ничего, кроме яда, но там, где блещет красота, нечего бояться. Я совсем не знаю бога, в которого верует соправитель, но по его действиям я заключаю, что он достоин уважения, и я хочу только получить необходимые наставления.

Так Ти перешла к поклонению Атону, таким образом она и оказалась здесь, по правую руку от царицы, в процессии, которая выполняла обряд установления границ.

В северной части участка были поспешно возведены хижины из папируса. Слуги быстро распаковали съестные припасы, и пир начался без промедления. Знатные дамы танцевали, пели, играли на музыкальных инструментах. Все много шутили, пили, смеялись, и веселость целиком сменила серьезность предыдущего действия.

Эхнатон выглядел необыкновенно радостным и полным юношеского задора. Он предложил всем в качестве игры нарисовать план города в уменьшенном размере.

Возбуждение достигло предела. Тогда концом своей длинной эбеновой трости царь провел на песке линию реки, затем линию гор, изящно огибавших долину, и наконец, установив трость в центральной точке, сказал:

— Здесь будет храм Атону. Таким образом, я выбрал место для моего бога, пусть каждый выберет для своего... Тебе первой, моя царица!

Нефертити много выпила и теперь еле удерживалась от смеха.

— Здесь, здесь на юге, я вижу летний дворец, с озером, с навесами... я назову его Мару-Атон... в центре, около храма, большой строгий дворец и царские покои... Там, дальше к северу, другой дворец, дворец ликований... Да, да, три дворца: на юге, в центре, и на севере. На этот раз солнце поднимется на севере и опустится на юге!

И она засмеялась. Эхнатон посмотрел на нее с любовью.

— Распоряжения моей царицы — закон для меня. Пусть мои друзья довольствуются оставшимся!

Затем с веселыми шутками каждый обозначил место, где он хотел бы видеть свой дом.

Когда со всем этим было покончено, Эхнатон приказал советнику Нахту:

— Сделай мне копию этого плана, он создавался в опьянении счастьем! Ничего в нем не изменяй!

Торопясь обосноваться в новой столице, Эхнатон подгонял архитекторов и строителей. Старый Хатийай, надзиратель за строительством, следивший за сотней рабочих, занятых на стройке, позволил себе однажды сказать ему, и поскольку откровенность была возведена в ранг закона, сказать достаточно прямо:

— Если бы, Аменхотеп, сын Хапи, архитектор твоего отца, увидел, как строятся здания, он был бы очень огорчен. Почему?! Нет хороших больших камней. В кирпичи из сырого ила примешана галька. Дороги и площадки дворца заполняются песком, наскоро трамбуются и мостятся камнем. Глиняные столбы укрепляют деревом. Сооружения из песчаника белят известью. Колоннады слишком тонкие. Все непрочно, некрепко! И первый же чуть более сильный разлив реки снесет город Солнца, как вырывает и уносит обычные стебли папируса! Не собираешься ли ты приказать использовать гранит и песчаник?

Эхнатон засмеялся.

— Я спешу, мой добрый Хатийай. Впрочем, какая

разница, из какого материала стены, если основание прочное? А основанием столицы служит вера, любовь, чистота. Материал более несокрушимый, чем камни из Кабта. С другой стороны, я хочу, чтобы Ахет-Атон был легким, изящным, красивым, как сама царица Нефертити. Громоздкие сооружения напоминают о грубости, упрямстве, тирании. Они хороши на границах, перед лицом враждебных соседей. Столица Атона устремлена к небу... ее колонны тонки, ее стены воздушны. Она как птица, присевшая на берегу Нила и готовая тут же взлететь навстречу солнечному свету.

Хатияй покачал головой, ничего не сказав в ответ. Он был не согласен со своим господином и ничего не понял из его слов, которые, быть может, обозначали все очень поэтично, но не несли в себе никакого «серьезного обоснования».

И город Небосклона продолжал подниматься к богу. Множество мешков плодородной земли было доставлено с лодок на берег, чтобы устроить здесь сад для отдыха: пальмы, акации, сикоморы, гранатовые деревья, оливки, тамариски, финиковые пальмы, смоковницы, ююбы, душистые травы... пересаженные из парков Уисы или посеянные семенами в строгом соответствии с лучшими проектами, на которых были тщательно вычерчены планы аллей, групп деревьев, плодовых садов и даже миниатюрных лесов.

Новая столица оставалась главной темой разговоров при дворе в Уисе. Те, кому посчастливилось выбрать новое место жительства, говорили о своем ослепительном будущем, описывали облицовку стен и покрытие пола, спорили относительно ориентации залов и комнат своего дворца. Некоторые даже делали

макеты своих будущих жилищ и помещали их на самое видное место в доме, для того чтобы иметь их всегда перед глазами и заранее выслушать поздравления друзей.

Женщины разговаривали только о чудесах города Диска, о белизне гор, о необычности и красоте ландшафта, о свежести и изобилии в их будущих садах. Они ввели в моду платье «плиссированное солнце» и советовали своим мужьям носить набедренные повязки с пышным напуском, который обхватывал бедра и, спускаясь под живот, закруглялся внизу. Также входило в цену изящество пупка, который теперь назывался «полуденной звездой».

Короче, возбуждение, дойдя до крайней точки, так начало раздувать религиозный пыл придворных, что многие равнодушные превратились в горячих поклонников Атона. Несколько упрямцев не послушались, но так как верховного жреца Амона больше не было у них за спиной и некому было поддержать их, они кончили тем, что свыклись не получать больше на свое имение жреческую десятину и в конце концов утешились этим.

Летом устраивали поездки в строящуюся столицу с пирами, развлечениями, охотой и играми на воде. Женщины восклицали:

— Уиса становится скучным городом! Слишком много удобств, роскоши, удовольствий! Ах! Как прекрасны скромные наслаждения, которые дает простая крестьянская жизнь! Спать на жестком, есть вместе со свиньями, вся голова в песке, кожу жжет, глаза колет, постоянно в грязи, липкие от пота! До чего же счастливая жизнь у крестьян!

Потом налегли на откровенность, предписанную Атоном.

Стало правилом не скрывать ничего плохого из того, что думают о своем соседе, и часы откровения всегда начинались словами, настоящим гимном правдивости:

— Перед единым богом, чтущим прямо, я не могу хранить в себе то, что я сейчас скажу, и не чувствовать себя лицемером!

И когда появлялось нестерпимое желание открыто поругать друга:

— Ты, столь усердный в искренности, не простили бы мне, если бы я тебе не сказал...

Единственными, кто был более или менее избавлен от этого, оказались члены царской семьи. Ибо от тех, кто обладал властью, можно было дожидаться наказания! И даже впасть в немилость!

Стало таким же правилом говорить во всеуслышание о своих нежных чувствах, которые кто-либо мог питать по отношению к другому лицу. Молодые люди не скрывали больше от дам, за которыми они ухаживали, своих мыслей, и дух веселого распутства распространился повсюду. Он царил на праздниках, и ни один закоулок города, даже менее всего расположенный к такого рода настроениям, не мог избежать его.

То, что юный царь и его жена делали просто и скромно, неофиты нового культа довели до безумия, как если бы только бесчинства и могли выразить степень их усердия. Ибо для тех, кто привык ко лжи и лицемерной изворотливости, проявлять искренность означало быть крайне жестким.

Тэйя не обманывалась на этот счет и однажды сказала своему сыну:

— Разве ты не видишь, что все твои придворные притворяются искренними? Разве не понимаешь, что их прямые речи, их свободное поведение, их крайности и перегибы во всем есть только мода, только способ угодить, в подражании тебе превосходить тебя? Или, быть может, они представляют себе честность как полное освобождение своих инстинктов от каких-либо ограничений? И тогда, мой сын, несчастья обрушатся на народ, если молодежь погрязнет в разврате!

— Как, моя мать? — переспросил Эхнатон улыбаясь. — Ты обвиняешь кого-то в излишней искренности? Ты, которая всегда меня учила, что искренность — отличительная черта благородного человека!

— Да, мой сын, действительно, искренность — отличительная черта благородного человека, ибо это означает, что благородный человек проявляет ее всегда. Теперь разреши мне указать тебе, что твои придворные пользуются своей «верностью» новому Учению как уловкой, чтобы удовлетворить свои дурные склонности. Сохраняя полное душевное спокойствие, они пользуются правдивостью как обоюдоострым мечом, чтобы ранить другого, и как верным средством, чтобы понравиться тебе! В этом случае честность становится лицемерием и ложью. Сын мой, правда — это маленький росток в сердце. Однажды посаженный, он принесет прекрасные плоды, если не вкусные, то, по крайней мере, способные утолить жажду. Плоды, которые эти люди прикрепили к колючкам, растущим в их сердцах, сделаны из воска и растают под солнцем... Они не спо-

собны утолить жажду, они бесполезны и вводят в обман.

— Я не отчаиваюсь никогда! — сказал Эхнатон, покачив головой. — Кто знает, быть может, начав с притворства, мои придворные закончат тем, что станут правдивыми!

На пятый год царствования соправителя, в последний месяц зимы, царица Нефертити родила третью девочку, которую назвали Анхес-ен-Па-Атон.

В первый день шестого года состоялось празднование юбилея Аменхотепа III и торжества в честь Атона. Тем, кого это удивило, молодой царь объяснил:

— Пошел тридцатый год царствования фараона, с того дня как он взошел на трон и почтил единого бога. Мой отец приказал построить для него храм, и это имя моего отца привело меня к мысли о величии Атона. Так будет справедливым, что юбилей фараона соединится с торжеством в честь священного Диска!

По правде говоря, Эхнатон устроил совпадение двух торжеств не случайно. Во-первых, он хотел убедить злоязычных людей, что питает к своему отцу глубокое уважение, несмотря на то, что приказал сбить его имя со всех сооружений. Во-вторых, он желал, чтобы прославление его бога состоялось при переезде двора в город Небосклон Солнца.

Действительно, в этот последний месяц зимы Эхнатон, его жена, трое дочерей в сопровождении всего двора поклонников Атона, новых жрецов и слуг сели на суда, чтобы плыть в новую столицу. Город еще не

был закончен, но терпение достигло предела, и никто не хотел ждать дольше.

Отплытие послужило поводом к удивительному празднику, путешествие проходило при всеобщем ликованиях... Наконец при виде нового города, сверкающего белизной, золотом и цветными эмалями, крик восторга вырвался как из груди вельмож, так и простых людей. Это там, в открывающейся дали, высился город Небосклона сияющего Светила!

Атон, достигший к этому часу зенита, радовался всем этим восторгам и благословлял их.

Торжественным шествием толпа направилась в храм. Она прошла через врата Пер-хаи мимо «дома ликования», где гордые пилоны возвышались подобно величественным стражам, сжимавшим в руках древки с многоцветными лентами, что развивались в порывах северо-восточного ветра. Под открытым небом толпа прошла по залитой солнечным светом аллее, по сторонам которой были установлены плиты с высеченными на них изображениями царя и царицы... Затем через третий, покрытый блестящей глазурью, пилон процессия прошла на Гем-Атон — «встреча Атона», — на своего рода широкое крыльцо, откуда взгляд мог охватить весь двор, окруженный низкими плоскими крышами... Затем все спустились по лестнице, ведущей прямо к большому престолу, на котором сверкали фрукты и куски мяса.

Остановившись, Эхнатон проговорил взволнованно и серьезно:

— Тайное святилище Атона еще не закончено, вот почему сегодня мы воздадим ему благодарность здесь. Мои горячо любимые братья, поднимитесь на воз-

вышение, находящееся за алтарем: там расположены столы для ваших приношений. Там вы сможете представить свои чистые сердца перед благосклонным взором бога. Я вместе с женой, детьми и жрецами останусь здесь и буду молиться.

Шествие двинулось в указанном направлении, и каждый нашел свое место, не нарушая порядка.

Затем, в возгласе любви и веры, глубокий голос верховного жреца-царя поднялся к небу:

Твой восход на Небосводе прекрасен,
О живой Атон, дарующий жизнь...

Сто тридцать три стиха возвышенной поэмы* взлетели к солнцу подобно птенцам загадочной птицы Феникс, вспорхнувшим на рассвете их первого дня.

И такая красота стояла вокруг в эти минуты, что даже те, кто склонился, не веря, почувствовали волнение и на мгновение ощутили зияющую пропасть в своей душе.

В дрожащей тишине, последовавшей за молитвой, Эхнатон произнес слова, посвященные столице:

— Ты — Небосклон, по которому поднимается Божественное Светило, — сказал он. — Ты — рассвет в начале дня, который не должен никогда кончаться для людей! Твое имя — Ахет-Атон, полное славы, света и чистоты! И никогда нечистота не пересечет твоего порога!

Радостное возбуждение царило во все последующие месяцы. Каждый устраивался в своем владении, начинал хозяйство, с любопытством навещал своих друзей.

Праздники следовали за праздниками, все становилось предлогом, чтобы повеселиться и попить.

Эхнатон хотел наградить своих подданных за проявленное ими рвение. Он пожаловал им «дома вечности» в скалах на севере, он раздавал им золото и драгоценности, звания и должности, он принимал их с любовью и слушал со снисхождением. И заезжие чужестранцы, возвращаясь к себе на родину, с восторгом восклицали:

— Великий в своем блеске, средоточие развлечения и праздников, хранящий несметные сокровища и потому могущественный город Небосклон Атона! Когда его видят, то слепнут, как от летнего солнца!

Однако в сезон сильной жары город подвергся нападению блох, скорпионов и гадюк, разозленных непрошеным вторжением и захватом их песков и камней. Не было оплакивающих смертельные случаи, но временами в воздухе чувствовался раздражающий запах раствора соды, растения бебет и древесного угля, который разливали по всем закоулкам, чтобы отвести этих непрошенных гостей.

Но от любого другого вида нападения столица была защищена горами, которые окружали ее с одной стороны сплошной стеной и на которых день и ночь бодрствовали стражи. Глубокое ущелье, прорезавшее плато и служившее проходом для караванов, могло стать опасным в случае появления кочевых племен или каких-нибудь других бродяг. Для предотвращения такой угрозы вдоль всех вершин, нависавших над дорогой, были установлены глыбы из песчаника, которые должны были свалиться на головы нападавшим и раздавить их до того, как они успели бы сообразить, что происходит.

Впрочем, какие враги могли быть страшны, когда благожелательный взор Атона был постоянно устремлен на его город?

Страх, сжимавший сердца с приближением сумерек, делал каждого жителя преданным верующим, и вечерняя служба вызывала большее усердие, чем утренняя. Но бог, казалось, не сердился за это на свой народ и давал ему возможность спокойно спать и не бояться опасностей, идущих из внешнего мира.

Жизнь в этом замкнутом пространстве текла радостно и беззаботно, как среди молочных рек с кисельными берегами. В окружении жены и детей, которых он так обожал, Эхнатон переживал самые счастливые дни в своей жизни. Он верил, что наконец обрел мир в своей душе, у него было время понежиться на солнце, предаться созерцанию чудес природы, созданных его богом, а не отвлекаться без конца на выполнение царских обязанностей и на обращения к своему народу. Странная истома охватывала его, и он не противился этому состоянию, возникающему как бы от остановки, от отсутствия времени... от предвкушения вечности...

Однако он не пренебрегал своим служением Атону и сам наставлял людей в Великом Законе Любви. Каждый день в одном из залов дворца он читал проповедь, которая быстро превращалась в дружескую беседу об отвлеченных понятиях зла, добра, счастья и горя. Что касается своих государственных обязанностей, он переложил их на своего советника, старого Нахта, которому полностью доверял.

Если тот, прочтя послание из провинций, приходил и говорил ему, что такой-то и такой-то подданный

просит золота, благовонных масел и другие подарки, он ему отвечал:

— Дай, мой добрый Нахт, если они просят. Они просят потому, что нуждаются, а мои сокровища достаточно велики, чтобы удовлетворить их желания!

Если Нахт представлял требования рабочих каменоломен увеличить довольствие, он говорил:

— Почему ты меня беспокоишь? Разве мои амбары и погреба закрыты? Возьми и раздай! Пусть не скажут, что простые люди должны были терпеть лишения во времена моего правления!

Великодушие Эхнатона не было нарочитым. Оно не было продиктовано желанием услышать хвалебные слова, но было бескорыстным, искренним, сердечным и соответствовало его образу: Эхнатон давал, потому что владел... просто и спокойно.

Нефертити любила своего мужа, и теперь, после шести лет замужества, ее все еще охватывал трепет, когда он приближался к ней. Дела государства ее больше не волновали. В мягкой атмосфере дворца, где все дышало изяществом и красотой, нежностью и спокойствием, она обрела душу «царицы страны священных ибисов», душу беззаботную и счастливую... Не было ли это похоже на ту жизнь на затерянном островке, когда ничто не было важным, кроме любви, солнца, мечты и тишины?

На седьмом году она подарила мужу еще одну дочь. В это же время Тэйя забеременела и девять месяцев спустя произвела на свет мальчика, которого назвали Тутанхатон.

Когда новость дошла до Ахет-Атона, нашлось мно-

го шутников позубоскалить насчет этого запоздалого материнства. Насмешки сыпались как из рога изобилия:

— Фараон настолько заскучал в Уисе, что не нашел другого развлечения, как нападать на свою жену до тех пор, пока она не понесла!

— Если фараон после тридцати трех лет своего правления смог показать такую прыть, то он сможет всех нас проводить в саркофаги!

— Вот тебе и опровержение глупого предрассудка, что старость высушивает органы тела, как хороший бальзамировщик!

— Старики как дети: оставь их на минуту без призора, и они наделают глупостей!

— Все красивые женщины уехали из Уисы... не осталось больше никого, кроме Тэйи!.. Тогда... за отсутствием пухленьких перепелочек...

Но Тэйи не было там ни для того, чтобы рассердиться на эти непочтительные шутки, ни для того, чтобы сказать своему сыну: «Злые языки должны быть вырваны, ибо они отравляют сердца тех, кто их слушает!»

Тэйя осталась в бывшей столице вместе с фараоном, с женщинами гарема и остатком придворных — слишком старых, чтобы менять свои привычки. По этому поводу Келу-Хеба сказала с горечью:

— Хорошенький вид мы имеем в этом ветхом дворце! Мы напоминаем толпу стариков, которым только и осталось, что ждать часа, когда можно будет спуститься в гробницы. С тех пор как молодежь уехала, повсюду чувствуется затхлость и скука! Наши певицы растеряли все зубы, наши танцовщицы разбиты параличом, наши ухажеры давно заговариваются!

Увы! Сокровенное желание ее сердца не исполня-

лось! Никогда больше фараон и его жены не поплывут в сверкающий, великолепный, полный радости Ахет-Атон, и отзвуки праздников и веселья, долетавшие вместе с проезжавшими мимо путешественниками, наполняли сердце Келу-Хебы еще большей горечью.

Если Тэя не отдавала распоряжения устроить поездку во владения сына, то только потому, что не хотела терять драгоценного времени. Она знала, что ее сын и невестка нашли удовольствие в опасном ничегонеделании. Не решаясь дать им нагоняй, ибо любила их и была рада их счастью, она сказала себе, что опасность еще не так велика, и, поскольку у нее еще ясная голова, она возьмет бразды правления в свои руки. Она разослала шпионов по всей стране, чтобы предупредить беспорядки, предвестниками которых были дерзкие требования местных правителей. Она знала о щедрости сына и была этим огорчена. Не сотню ли раз повторяла она ему, что дружба с дикими животными поддерживается только при помощи кнута?

Как во времена своей юности, она заставляла себя работать в комнате свитков по два часа в день. Она расспрашивала своих военачальников о положении на границах, она посылала следить за кочевниками, она назначала подданным сумму ежегодной дани, она ездила проверять поголовье скота и состояние рудников в сопровождении своего вечно ворчащего и постоянно апатичного мужа. Ибо с возрастом сил у фараона не прибавлялось, и всякий раз, когда он мог выразить свое недовольство, он не отказывался это сделать. Он говорил:

— Мой старший попискивает в Ахет-Атоне, в доме для царских детей! А младшие пищат здесь под сико-

морами! Как же мне повезло! Скоро я смогу отдохнуть у них на попечении и погреть свои старые косточки на солнце в полном спокойствии! Более двадцати лет тяжелой работы, и вдруг перед смертью я смогу наконец предаться удовольствиям жизни!

Тэя улыбалась, не говоря ни слова.

«Ты сможешь дать мне еще двадцать лет счастья, любовь моя», — думала она.

ГЛАВА 6

Тэя отправила сыну лаконичное письмо:

«Твой отец скончался, его бальзамируют. Не опоздай! Помни, что купание в растворе, насыщенном содой, заканчивается через шестьдесят дней».

Получив это известие, Эхнатон, его жена и все друзья фараона были потрясены. Конечно, они предполагали такой исход, потому что уже какое-то время гонцы из Уисы приносили тревожные вести о состоянии здоровья царя, но среди развлечений как-то забывалось, что трагическое событие может вот-вот произойти и омрачить их жизнь.

Эхнатон спешно собрал цвет знати и отплыл в старую столицу, где не был, оказывается, уже пять лет. Нефертити находилась на шестом месяце беременности и не решилась сопровождать его, находя поездку слишком утомительной.

Когда дахабиех подплывал к Уисе, молодой правитель почувствовал сильное волнение и понял, что в глубине души не переставал любить этот величественный город, несмотря на его разложение, несмотря на

сморд, поднимавшийся от его камней. С некоторой робостью он ступал по дорожкам сада, по плиточному полу коридоров, ведущих в покои его матери. Тэйя поджидала его, сидя в кресле, в так называемой комнате лотосов. Она выглядела постаревшей, и на ее лице, лишенном всякой косметики, читались горечь и безысходность.

На Эхнатона нахлынул прилив нежности к этой негибавшей женщине, которую он вдруг увидел такой хрупкой, такой незащищенной. Он хотел броситься к ней, прижать ее к себе, но она сделала знак, остановивший его порыв.

— Ты явился быстрее, чем я думала, — сказала она сухим голосом. — Я не знала, что ты так относишься к своему отцу!

Эхнатон удивленно раскрыл глаза.

— Мама, ты знаешь, как дорог мне мой отец! — воскликнул он. — Зачем ты говоришь обидные слова?

Ее лицо приобрело слегка недовольное выражение.

— Можно ли думать, что сын любит отца, когда он ответствен за его смерть?

В молчании, последовавшем за этим, молодой человек пытался понять причины враждебности матери и смысл сказанных ею таких странных слов. Не догадываясь, он спросил тревожным голосом:

— Что я сделал?

Тогда Тэйя перестала сдерживать свою ярость.

— Что ты сделал? — закричала она. — Ты отказался жениться на дочери Тушратты! О, это был твой долг, твой, соправитель! Ибо отец сделал тебя соправителем не для того, чтобы ты нежился и наслаждался, как какая-нибудь женщина гарема! Но потому, что он устал,

постарел, потому что он заслужил свой отдых! Потому что ты, ты был молод, полон сил! Твой отец доверял тебе, и как он ошибался!.. Я, я тоже ошиблась! Ошиблась, думая, что Нефертити создана для тебя! Нефертити как ее мать! Ее дерзость обманчива. Вы оба — люди без крепкого стержня, слабохарактерные существа, недостойные трона Египта! В течение пяти лет я ничего не говорила, потому что жалела вашу молодость. Я повела себя трусливо. Я ничего не сделала, чтобы вывести вас из этого оцепенения, которое вы называете любовью! Любовь? Ты думаешь, что обниматься при народе без всякого стыда — это и есть любовь? И в довершение всего заставить Бека или кого другого выразить ваше бесстыдство в камне? Я называю это свинством! Чистота твоего сердца! Чистота твоих догм! Позволь мне посмеяться! Блуди в своей комнате, она предназначена для этого, для этого там стоит кровать! Но если ты действительно не видишь, что неудобно повсюду устраивать свои непристойности, не рассказывай мне, что ты отказался жениться на Таду-Хебе по чуткости и чистоте своего сердца! Таду-Хеба была твоей обязанностью... ибо, напомнить тебе?.. ты правящий царевич! Твой отец не должен был жениться на ней! Раз ты отказался выполнить свой царский долг, твой отец принес себя в жертву! Он заключил союз с Тушраттой, чтобы сохранить твое царство!

Она безрадостно усмехнулась.

— Это царство, которое ты скоро окончательно разоришь и потеряешь. Не смешно ли думать, что твой отец умер просто так? Ибо ты теперь не только обладаешь всей властью погубить Египет, но ты еще наследу-

ешь Таду-Хебу одновременно с бесчисленным гаремом твоего отца!

Она откинулась к спинке кресла и силилась весело рассмеяться своей же шутке.

— Да, Таду-Хеба не оставит тебя в покое! Она бросится на тебя, как бросилась на твоего престарелого отца, ибо, по словам Тушратты, она горячая молодая кобыла и аппетит у нее в самом разгаре! Кто сможет его удовлетворить? Она пожирательница мужчин, созревшая львица в период полной луны, с глазами, сверкающими огнем, что жжет ее изнутри! Тогда, думая о своей жене, ты не сможешь удержаться и не побежать к Таду-Хебе, подгоняемый страстными желаниями, бурлящими в твоём молодом теле, ещё не испорченном жирком... Да, тогда ты, может быть, поймешь, что настоящая любовь, великая любовь, нечто иное, чем просто половая связь и удовлетворение инстинкта! Кто знает? Быть может, твой отец умер не напрасно, быть может, горе твоей матери не бесполезно? Кто знает, если в тот день, когда ты окончательно поймешь смысл настоящей любви, ты поймешь в то же время и смысл долга фараона перед лицом своего народа. Кто знает, Нефертити и ты, не прозреете ли вы от своей слепоты, которая сейчас заставляет вас прижиматься друг к другу, не видя всего остального мира, и не осознаете ли вы тяжких обязанностей, для которых вы рождены? Ибо несчастны те, кто рожден для трона! Их хлеб горше хлеба крестьянина! Их дни продолжительнее дней рабочего каменоломен! Их пот обильнее пота раба! Их тюрьма мрачнее и суровее, чем тюрьма вора или убийцы! Если они забудут об этом, они превратятся в тиранов, сыновей Сета, врагов своего народа, и в послед-

ний день их накажут за то, что они не выполнили дела, для которого были рождены!

В оцепенении, с нарастающим гневом, выслушал Эхнатон эту тираду. Он убеждал себя, что его мать говорит под воздействием горя, говорит что попало, как пьяная женщина, но он обижался на нее за столь яростные нападки на Нефертити, и он подумал, что она, быть может, ревнует тайно к ее поразительной красоте. При этой мысли он почувствовал презрение к этому шипению ядовитой змеи и с холодной злостью бросил:

— Нефертити умеет лучше показать свою нежность, чем ты. Вот почему я ее так страстно люблю! Ибо любовь, быть может, не состоит только в показе своих чувств, но она и не проповедует излишнюю сдержанность в отношениях под предлогом стыдливости! Я верю, что ты меня любишь, потому что хочу в это верить... но на деле ты мне этого никогда не показывала! Конечно, ты заботилась о том, чтобы я был благовоспитан, накормлен, ухожен... но разве ты приходила к моей кровати, чтобы спеть колыбельную, когда я был еще малым ребенком и боялся темноты? Прижимала ли ты меня к себе, чтобы приласкать, целовала ли, говорила ли мне слова, в которых нуждается каждый ребенок, чтобы быть счастливым? Прощала ли ты мне с улыбкой, которая успокаивает угрызения совести, мои детские глупые шалости? Нет... ты всегда сухо говорила мне «добрый вечер» и просила не донимать кормилицу своими глупыми ночными страхами... Ты целовала меня только в лобик, да и то в исключительных случаях! Ты простила меня с таким холодом, как власть имущие дают милостыню нищему! И я, я из кожи вон лез, чтобы тебе понравиться, и я страдал от недостатка тепла в

мире, где соблюдение приличий и собственного достоинства могло быть выражено только холодом... ибо я тебя боготворил. Я восхищался твоим умом, и я тайком плакал, что я не такой, каким ты хотела меня видеть! Потребность в ласке, в откровенности, в тепле мне казалась постыдным желанием, которое я должен от тебя прятать из страха, что ты будешь меня презирать! Вот почему я принуждал себя оставаться перед тобой сдержанным, я не смел ни смеяться, ни признаться тебе в своей любви. И вот почему я так страстно обратился к богу, который говорил со мной словами любви. Я вырос... я перестал быть ребенком, который плачет, почувствовав себя одиноким. Я стал разумнее, я раз и навсегда принял как факт, что ты любишь меня, и я больше не обращал внимания на сухость твоего голоса. Я не ждал больше ничего и ни от кого, кроме бога. Тогда... когда Нефертити вошла в мою жизнь... Вначале она вела себя, как ты, и я, любивший ее, восторгался ею, я превратился перед ней в маленького ребенка, боящегося не понравиться, страшящегося ее презрения... но неожиданно, я не могу понять как... и это останется загадкой для меня, меня, который всю жизнь тяготился своей внешностью... внезапно она обвила мою голову своими красивыми руками и прижала меня к себе, и я увидел в ее глазах восхитительную сладость любви... сверкающий огонь страсти. Я открыл, что моя жена была моим вторым «я»! Я не был больше одинок... я был не один... не один! И я бросился к этому существу, так походившему на меня своей жаждой ласки, откровенности, тепла... нет, я больше не смотрел на окружающий мир, я не испытывал никакой застенчивости в своей любви. Ибо мир, за исключением

Нефертити, постоянно ранил меня, и я слишком страдал от своей стыдливости! И это не ты научила меня, что любовь не только половой акт и удовлетворение инстинктов! Напротив, я могу сказать тебе это: любовь — это совершенное деяние бога и прекрасное чувство человека, и она требует как преданности тела, так и верности сердца и ума. Если нарушить эту гармонию, это единство, если ее разрушить, то любовь утратит свою чистоту точно так же, как золото, сплавленное с медью!

Тэя напрягала все свои силы, чтобы не закричать от боли, которую вызвали в ней слова сына. Пот выступил у нее на висках, как иней, и, казалось, холод сковал все ее члены. Дрожь, как от болотной лихорадки, пробежала по ее телу. Однако ни единый мускул не дрогнул на ее лице. Во время тягостного молчания, последовавшего за его словами, Эхнатон, хотя и с опозданием, почувствовал неловкость за то, что, разозленный нареканиями, разволновался, наговорил лишнего и выдал их с Нефертити тайну. Наконец Тэя спокойно заметила:

— Я не собираюсь тебе ничего доказывать, мой сын, и не считай слова, которые я тебе сейчас скажу, оправданием, ибо не намерена оправдываться перед тобой. Послушай, тот, кто правит, всегда уединяется, когда выполняет свои обязанности, для того, чтобы не путать свой долг со своими чувствами и не позволить беспорядку нарушить то равновесие, которое он обязан поддерживать в самом себе. Ты можешь иметь горячее сердце, лишь бы голова всегда оставалась холодной, ибо те, кем ты управляешь, больше нуждаются в твоём трезвом рассудке, чем в заверениях в дружбе. Они перестают повиноваться и относиться с почтени-

ем, когда замечают, что могут рассчитывать на твою снисходительность. Так обстоит дело с царем в его отношениях с подданными... так же, я думала, обстоят дела учителя в отношении ученика, воспитателя по отношению к ребенку. Возможно, я ошибалась... не знаю. И кто знает, не стал бы ты хуже в том случае, если проводил бы время у меня на коленях, если бы я беспрестанно жалела тебя и позволяла думать, что твои ошибки пустяк! Но мы здесь для того, чтобы обсуждать не меня, но тебя, вот почему я не буду настаивать на своих доводах. Я сожалею, что вышла из себя и вспылила, ибо чуть не лишилась чувства меры. Однако на этот раз я спокойно повторяю тебе совет: постоянно помни, что ты не простой смертный, которому позволено поддаваться своим маленьким слабостям и говорить себе в оправдание, что у него только одна жизнь. Для множества людей ты бог и несешь за них ответственность. Ты воплощение солнца и ты освещаешь тысячи жизней. На земле Египта ты единственный, кто не имеет права на личный эгоизм, дающий людям возможность сносного существования. Таким образом, у тебя незавидная судьба, но если ты хвалишь честность, то должен признать со всей прямоотой, что тебе необходимо смириться, поскольку эта судьба выпала тебе. Поступай как хочешь с Таду-Хебой, но помни, однако, что было бы дальновидно не портить отношения с Тушраттой, который является для нас щитом от хеттов! Исходя из сказанного, ты можешь теперь идти и посмотреть на тело твоего отца у бальзамировщиков. Твои покои готовы, и это покои твоего отца. А теперь оставь меня одну, фараон!

Эхнатон почувствовал себя совершенно несчаст-

ным. Ему хотелось броситься перед матерью на колени и просить у нее прощения за те слова, которые он сказал и которые, ему казалось, еще более разверзли пропасть, разделявшую их со дня его рождения. Ему было не по себе. Он колебался, был взволнован, и его бегающий взгляд походил на взгляд ребенка, который не в ладах с собственной совестью. Однако перед неприступным видом матери он не осмелился показать свою слабость и покаяться. Он повернулся и покинул комнату лотосов. Когда он пересекал порог, Тэя бросила ему вдогонку:

— Я заранее известила тебя, что бальзамирование и погребение будут проходить по ритуалу Осириса. Я написала в Абаду*, чтобы прислали жрецов. Я не знаю, как ты договорился со своим богом о погребениях. Это недостаток твоего Учения, и ты должен его восполнить, ибо пришло время жатвы для преданных Атону из моего поколения. Твой отец — первый упавший колос... Уже готов серп для Аи, Нахта, Ти, Рамозе и других. Не устраивай шума в городе и упрекай только себя, что тело твоего отца будет приготовлено к погребению старым способом! Однако имя Амона произнесено не будет и резчики не возьмутся за свой инструмент, чтобы восстановить в гробнице фараона знаки, которые ты повелел сбить. Теперь иди.

Не ответив ни слова, Эхнатон вышел, опечаленный и внезапно уставший. Если бы только его жена была рядом с ним! Он так нуждался в том, чтобы положить свою пылающую голову ей на грудь, вдохнуть запах ее тела, ощутить своими губами нежность ее кожи... ему было необходимо услышать ласковые, успокаивающие слова: «Ты не сделал плохого, ты высказал правду свое-

го сердца, и твоя мать, уважающая прямогу, будет уважать тебя еще больше за то, что ты не скрыл свои тайные детские страдания!» Да, если бы Нефертити была здесь, именно это она ему и сказала бы. Он выслушал бы ее слова и почувствовал себя лучше, как человек в лихорадке, выпивший холодной воды, чувствует успокоение, успокоение обманчивое, но желанное... столь желанное!.. Спать... не думать больше ни о чем, пока время не подернет все «забвением», и проснуться обновленным... Он вонзил нож в сердце матери собственными руками и с явным намерением причинить ей боль. Он не обратил внимания на то, что от горя она уже давно находится в подавленном состоянии. Его поступок низок и подл!..

Сознание своей недостойности было столь велико, что отчаяние стало просачиваться в его душу... медленно... каплями горечи. Эхнатон переправился на другой берег в некрополь. Он был принят с почтением, надлежащим великому властителю Обеих Земель, которым он незамедлительно стал после смерти своего отца. В комнату, наполненную мертвой тишиной, где в ванне с раствором, насыщенным содой, покоилось тело царя, его сопровождал распорядитель западной части города. Он держался чуть сзади, молча и невозмутимо, ожидая, пока юный властитель не закончит свои размышления над телом умершего. За время, пока ему приходилось управлять Городом Мертвых, он привык к этому. Он не чувствовал больше страха перед этой ужасной загадкой, которую молчаливо хранили губы одеревеневшего трупа, скрывавшие под печатью вечности тайну невидимых миров, в которых блуждает его Ка. И поскольку ученые жрецы пустили в обращение

веру в загробную жизнь, он для спокойствия собственной души принял ее. С тех пор смерть для него стала радостным зрелищем, началом новой жизни, что подтверждало, кстати, успокоенное, умиротворенное и как бы посвежевшее лицо умерших, доверенных заботам бальзамировщиков.

Эхнатон надолго замер перед обнаженным телом своего отца, которое, казалось, увеличилось в размерах. Но он смотрел на него невидящим взором, ибо все его мысли сосредоточились в нем самом, и чувство презрения к самому себе слишком владело им, чтобы он смог увидеть в этом трупе, уже ставшем безымянным благодаря изменениям черт, своего отца, столь глубоко любимого и почитаемого.

До погребения оставалось сорок дней. Сорок дней одинокой жизни в молчаливых покоях дворца. С момента смерти фараона город Уиса соблюдал траур и пребывал в безмолвии, изображая оцепеневшую пред лицом смерти сироту, перед тем как начать неистовствовать от горя, кричать и плакать от боли утраты.

Сорок дней жить с угрызениями совести, рождающими отчаяние... выдерживать презрение и злобу своей матери, крепиться, чтобы не заплакать перед ней... испытывать невероятную тоску, поскольку горе не позволяло отвлечься...

Эхнатон пробовал обратиться к своему богу, он подолгу просиживал на своем старом месте, где когда-то так любил уединяться, но все его мысли были тоскливы и полны горечи, и он не мог утешиться.

Тогда, на десятый день полной бездеятельности, он пошел в гарем отца, ставший отныне его гаремом, и встретил там Таду-Хебу.

Она не склонилась перед ним, а посмотрела своим сияющим взглядом ему в глаза, прямо и гордо, как дикое животное из пустынных краев, куда охотники со своими сетями еще не добрались.

Удар, который ощутил Эхнатон, мгновенно вывел его из мрачной тоски, и он заметил, что девушка очень красива. Полный молодого задора голос, тело, дрожащее от огня, что тек под чувственной кожей этой чистокровной кобылицы.

В висках застучало, и молодой человек сказал себе с неосознанным лукавством: «Если моя мать увидит меня с Таду-Хебой, она будет торжествовать. Впечатление от одержанной победы будет для нее как бальзам, снимающий боль раны. Счастливая, что оказалась права, предсказав мне появление желания к другой, нежели Нефертити, женщине, она будет расположена простить меня и, может быть, в конце концов забудет резкость моих слов. Я узнаю, что она меня простила, когда не увижу больше в ее взгляде печали и потерянности».

Он зачастил в гарем к Таду-Хебе и нашел ее умение вести разговор достаточно милым. Он убедил себя, что ее присутствие здесь в момент, когда ему так не хватает гармонии, — благотворно. Конечно, она в подметки не годится Нефертити ни по красоте, ни по уму, но он был признателен ей за то, что она избавляла его от скуки и одиночества.

«Я думаю, Нефертити нашла бы хорошую подругу, — сказал он себе, чтобы заставить замолчать свой внутренний голос, который нашептывал ему: «Осторожно!» — в этой очаровательной, окруженной нимбом детской наивности девочке».

Он не хотел смотреть в лицо реальности: «Ты соби-

раешься возвращаться в Ахет-Атон вместе с гаремом своего отца. Ты должен будешь, несмотря на любовь к жене, считать Таду-Хебу своей женой, которую ты не имеешь права оставить неудовлетворенной. И поскольку ты привязался к ней, ты не должен причинить ей страданий. Подумай об отце! Разве ты хочешь вызвать на себя его гнев?»

На семьдесят первый день Аменхотеп III был извлечен из своей содовой ванны, обмыт, заботливо обернут тонкими лентами и в окружении амулетов, драгоценных камней и папирусов с магическими формулами положен в золотой саркофаг, инкрустированный сердоликом, лазоревым камнем и цветными стеклышками. Наконец, подготовленный для встречи с вечностью, он был перенесен на парадное ложе в тронном зале, где его ждала царская семья, знать и плакальщицы, отобранные по степени их мастерства.

Верховный жрец Абады, верховные жрецы Ахет-Атона и города Аны воздели ладони к потолку и воскликнули хором:

— Ты возрождаешься, ты возрождаешься в вечности, вот ты вступаешь в новую вечную жизнь.

Это послужило сигналом к началу плача: сцена прощания была превращена этими артистками в полное горестных воплей и жестов отчаяния душераздирающее зрелище: они корчились на полу, рыдали, внезапно распрямлялись с воем раненного насмерть животного, били себя в грудь, яростно наносили себе пощечины, вновь падали, ударялись головой о плиты, посыпали себя пылью, которую заботливо принесли в

мешочке. Они воздевали руки к небу и призывали богов в свидетели их безутешного горя, дрожь сотрясала их тела и сводила в мучительных конвульсиях их лица... Каждая следовала собственному вдохновению и в стремлении быть лучшей не повторяла другую. Многие выказывали настоящий талант, некоторые, самые молодые, еще не успевшие довести свое мастерство до совершенства, двигались с натянутостью и не проявляли особого воодушевления в этой сцене оплакивания. Наиболее одаренные ухитрились зарыдать по-настоящему, и их мокрые лица, перемазанные месдеметом, их покрасневшие и опухшие глаза, их сопли, текущие из носа, восполняли трагизм происходящего, чем они были необыкновенно горды. Вечером они соберутся, чтобы разобрать свое выступление, посмеются или поздравят друг друга, расслабятся, вдосталь насмеявшись, ибо у них такое трудное ремесло! Чтобы выдержать несколько часов истерии, требуется физическая выносливость и исключительное здоровье.

Когда от криков и конвульсий напряжение возросло свыше меры, самые впечатлительные зрители зарыдали без всякого притворства и рисовки.

Подошел час собирать кортеж, который будет сопровождать фараона в дом вечности. Эхнатон, весь натянутый, с застывшим выражением на лице, встал во главе процессии, составленной из верховных жрецов, херихеба, читавшего нараспев с помощью Священной книги ритуальные молитвы, членов царского дома, военачальников, вельмож, друзей царя. Затем, следуя за катафалком, богато отделанным и украшенным по бокам изображениями Ока Уаджет, что позволяло успешному не пропустить ничего интересного из церемонии,

шли наложницы гарема, возглавляемые бледной и осунувшейся Тэйей, наконец, знатные дамы в слезах и плакальщицы, не перестающие завывать и посыпать свои головы песком, устилавшим дорогу.

Прибыв на берег реки, процессия погрузилась на многочисленные дахабиехи. Медленно погребальные суда поплыли к западному берегу, туда, где начиналась вечность. Там катафалк был помещен в ладью, покрытую золотом, а сама она водружена на огромные полозья, которые тянули четыре вола с начищенными до блеска шкурами и убранными драгоценностями рогами.

Процессия выстроилась в прежнем порядке, и под неумолкаемые и душераздирающие крики направилась по высохшему руслу вади на запад, где ее молчаливо ждала Великая Гробница, которую Аменхотеп III приказал построить своему архитектору, сыну Хапи.

Среди раскаленных летним зноем скал и осыпей, неподвижно застывших в белой известняковой пыли, дорога поднималась вверх. Жара иссушала глотки, и вскоре стоны и причитания стали стихать. Шаги становились менее уверенными, движение замедлило ход. Одна Тэйя продолжала идти легко, как если бы пот не тек с нее ручьем. Глаза ее были сухими, взгляд — помертвевшим, губы сжаты, как опечатаны, и под этой печатью она ревниво хранила свое горе, спрятанное в глубине ее сердца, там, где оно обливалось кровью. Даже добравшись до входа в гробницу, где она должна была, по принятому обычаю, обвить руками изображение ног на сверкающем саркофаге и зарыдать в полный голос над своим несчастьем, ее крики горя выглядели не очень удачной подделкой, а рыдания казались ненастоящими. Совершенствуя свое мастерство, плакаль-

щицы никогда не упускали случая понаблюдать за сольным выступлением вдовы над мумией и пополнить свой репертуар новыми стонами и жестами, порожденными истинным страданием. Теперь они были очень разочарованы.

Три великих жреца приступили к совершению обряда «отверзания уст» с помощью помазания, окуривания, окропления и тихого постукивания наконечником жезла в виде головы барана по массивной маске в том месте, где были изображены губы умершего, в то время как голос херихеба, глухой от пыли, которой он наглотался в дороге, нараспев заголосил строки из «Книги Двух Путей», «Книги Пещер» и «Книги Ночи».

Когда церемония закончилась и все уверились, что могущественному фараону в избытке возвращена жизненная сила, которая позволит ему надеяться на прекрасные дни в тенистых куцах загробного мира, наступило молчание, чтобы Великая Супруга Царя смогла произнести прощальные слова. Тэйя подняла голову и механически произнесла речь, которую она приготовила заранее.

Все необходимое было сделано, все должное было сказано. Тело Аменхотепа III ушло во тьму. Сквозь анфиладу бесчисленных комнат, где на фресках, покрывавших стены, суетились бесчисленные рабы, оно отправилось отдыхать... прямо в глубину большой «Золотой залы», и теперь возвышалось посреди сверкающих сокровищ: оружия, колесниц, сундуков с богато расшитыми одеждами, посуды, мебели, храмовой утвари, бесценных мазей, фигурок любимых женщин и детей, изображений из ценных материалов, представляющих его и Тэйю, обнимающих друг друга с церемониальной

чопорностью... Наконец, многочисленные фигурки ушебти: слуг, откликающихся по первому зову и исполняющих все приказы хозяина, например, обрабатывающих вместо него землю, развлекающих его в том мире, куда ладья солнца спускается только в ночные часы... Рядом с саркофагом стояли четыре алебастровых сосуда, содержащие внутренние органы покойника. Надо было дожидаться, когда «дети Гора»* отдадут приказ, чтобы заставить биться жизнь, которая теплилась в них до этого почти незаметно. Амсет скажет печени: «Выделяй желчь», Хапи — легким: «Вдыхай и выдыхай», Дуамутеф — желудку: «Переваривай пищу», Кебексенуф — кишкам: «Выводите, как оросительный канал...», затем в тишине гробницы до скончания времен внутренние органы будут пульсировать, как если бы их наполняла кровь, и расхитители могил будут замирать от ужаса у края темного колодца, из которого поднимаются глухие звуки чьей-то жизни.

Вход в гробницу был вновь завален огромным камнем, и на скале в местах стыков появились словно следы рубцов... ближайшая песчаная буря припудрит скалу и сотрет все следы этих шрамов...

Теперь, когда все закончено, когда вход в вечность был опечатан и ум уже напрасно бился на пороге ужасной неизвестности, живые молча уселись, чтобы разделить погребальную трапезу.

Эхнатон встретился взглядом с матерью. Смятение и растерянность, которые он в нем увидел, вызвали в нем безмерную жалость к этой женщине, потерявшей все силы подобно священной жертве, теряющей свою кровь на алтаре. Он приблизился к ней и печально проговорил:

— Мама, не оставайся в Уисе! Поедем вместе со мной в Ахет-Атон, там твое место, среди любящих тебя сердец!

Тэйя медленно покачала головой.

— Нет... — прошептала она, — пока нет... у меня здесь остались дела...

Ее голос прозвучал так странно, что внезапно, сам не зная почему, Эхнатон вспомнил одну старую историю, которую ему рассказала рабыня с Острова-на-Море*, когда он, еще совсем маленький, боялся странного шелеста по ночам. Она ему сказала:

— То, что ты слышишь, — это души умерших, которые возвращаются в те места, которые они любили... У них голоса тоньше, чем у комара, но если ты прислушаешься как следует, то сможешь разобрать, что они рассказывают...

Когда он передал этот рассказ матери, она ему ответила сурово:

— Глупость! Это ночной ветер заставляет трещать деревянную обшивку дома, шелестит в занавесах, шуршит в льняных тканях!

Теперь Эхнатон спрашивал себя, не хочет ли его мать остаться во дворце, где прошли лучшие годы ее жизни, и пытаться услышать среди звуков, которыми ночной ветерок наполняет коридоры и пустые залы дворца, голос своего мужа. В растерянной душе, кто знает, быть может, бродят безумные надежды, рожденные упрямым желанием не верить в непоправимость случившегося.

Он не стал задерживаться в Уисе. Взяв обещание с Тэйи, что она приедет в новую столицу по окончании

разлива реки, он выехал вместе с Теду-Хебой и всем гаремом своего отца в Ахет-Атон.

И для него пришло время состричь «локон юности» и надеть корону властителя Обеих Земель. Он стал фараоном, и только Солнце было выше его, выше всех обитателей Египта и его провинций.

ГЛАВА 7

Возвращение Эхнатона в свою столицу было не из приятных. Он постоянно боролся с желанием навесить Таду-Хебу в ее каюте. Постепенно он осознал, что она его законная жена, и вспомнил, что постится уже пятьдесят дней, с отъезда из Ахет-Атона. Однако он решил, что не дотронется до нее, пока не получит на то согласия Нефертити. Он лихорадочно готовил речь, после которой она сама должна была сказать ему: «Конечно, тебе не остается ничего другого, как удовлетворить дочь Тушратты! Нельзя упускать из виду угрозу со стороны хеттов».

Тогда исчезнет чувство вины, и он с легким сердцем уступит очарованию прекрасной дочери Митанни. Интерес к ней, вероятно, быстро пройдет... Но сейчас его волновало только одно: как не оскорбить чувства царевны, которая, казалось, обладает таким горячим темпераментом.

Он спешил вернуться, спешил поговорить с женой, спешил освободиться от этого неистового желания, кипящего в его груди, мешающего ему заснуть.

Нефертити не вышла на пристань встречать его. За последние две недели она так устала, что не выходила

из своей комнаты даже для того, чтобы принять участие в общих застольях.

Терпеливо приняв все полагающиеся ему почести и поздравления от многочисленных номархов, прибывших из разных краев страны по случаю его коронации, Эхнатон быстро направился в покои жены.

Когда он увидел, какой радостью и любовью засветилось ее лицо, он почувствовал угрызения совести и, не обращая внимания на служанок, бросился на колени перед ее ложем. Служанки вышли, не преминув, однако, оглянуться и бросить последний взгляд на сцену любви бога и богини. Конечно, они не раз заставляли их в объятиях, но подобные зрелища никогда не надоедали им, вызывая несбыточные мечтания. Однако на этот раз последнее, что они увидели: их повелителя, уткнувшегося лицом в шерстяной ковер, покрывающий постель, и Нефертити, дрожащей рукой гладившую его по затылку.

Эхнатон, догадываясь о состоянии жены, не осмеливался поговорить с ней о Теду-Хебе немедленно и предпочел отложить этот разговор на более позднее время.

Торжества по случаю коронации совпадали с началом нового года и от этого становились в глазах суеверных людей, расценивавших это совпадение исключительно благоприятно, более значительными и яркими.

Эхнатон воспользовался этим необычным расположением к нему его подданных, чтобы укрепить верования в Атона, в единого бога. Он убрал лишнюю пышность в старой церемонии «Восхода Солнца над Египтом», которая проходила, как священная драма с

участием множества важных богов. Так, два верховных жреца, один из которых был увенчан красной короной дельты, а на другом была белая митра Верхних Земель, уже не должны были рядиться в маски Сета и Гора: их просто драпировали желтой с позолотой тканью, и они изображали два луча Священного Диска. Вторая по важности церемония, божества Мин*, также была заменена новым богослужением, проводившимся в большом храме среди бела дня. Оркестр, состоящий из шестидесяти восьми арф, тридцати семи флейт и сорока пяти труб, вместе с сотней певцов и сотней певиц принимал участие в празднике жатвы, когда первый сноп пшеницы срезался золотым серпом, что означало богатство будущего урожая. Однако Эхнатон сохранил древний порядок шествия с быком Мневисом во главе и со жрецами, чьим заботам поручено это священное животное. Молодой государь не порвал с культом Мневиса и даже приказал вырубить в скалах гробницу для мумий этих священных животных, о чем предварительно посоветовался со жрецами города Аны, которых уважал и мудрости которых полностью доверял.

Наконец, вместо четырех гусей Гора, которые должны были быть отпущены на четыре стороны света, чтобы огласить Учение во всех концах земли, он предпочел отпускать четырех серых цапель, птиц, символизирующих солнце и признаваемых всеми людьми как «птиц, царящих на праздниках обновления жизни».

Необычный блеск торжеств, посвященных коронации, и различные новогодние церемонии привели всех в восторг и вызвали огромное уважение к фараону. Правители номов и послы зависимых или дружествен-

ных стран возвращались к себе домой, ослепленные зрелищами.

Поздравительные послания приходили отовсюду, даже из земель хеттов. Однако самое трогательное письмо прислал Тушратта: он не просил ни меры золота, ни драгоценных сосудов, ни масел или ароматических смол, как все эти царьки, никогда не упускавшие возможности пополнить свои сундуки богатствами Египта, но он писал:

«Когда мой брат Аменхотеп III ушел из жизни, я плакал все дни. Я не мог спать по ночам. Я не мог ни есть, ни пить, столь велико было мое горе. Но вдруг Аменхотеп IV, великий сын Аменхотепа III и его супруги Тэйи, мне написал: «Я становлюсь царем». Я ему ответил тогда: «Аменхотеп III не умер, поскольку его великий сын, рожденный от Тэйи, занял его место, и пусть он ничего не меняет в наших прежних отношениях».

Эхнатон был взволнован и охотно извинил своему тестю рассеянность, с какой он забыл новое имя властителя Обеих Земель. В тот момент он не подозревал, что Тушратта сделал это нарочно, чтобы сохранить верность своим правилам — никогда не вмешиваться во внутренние дела своего союзника и не вносить путаницу в свои собственные архивы. «Тушратта — справедливый человек, — подумал он с любовью. — Я не причиню ему никаких огорчений, и я поддержу его на границах, чтобы враги не могли насмеяться над ним».

Когда он размышлял о том, что ему совершенно не хочется огорчать своего тестя, он вспомнил о прекрасной Таду-Хебе. Он решил не откладывать дела и утолить жар желаний молодой женщины... Так он уважил бы дружеские чувства своего союзника в Митанни и

уберег бы его от обиды слышать вокруг себя шутки такого рода:

«Таду-Хеба недостаточно хороша для фараона! Он низвел ее до служанки, как самую презренную дочь страны Куш, она останется бесплодной, как телка, которую отказывается покрыть бык, и, если у нее слишком горячий темперамент, она должна будет удовлетворять себя с другими телками, обойденными, как и она, царской благосклонностью».

Эхнатон, как, впрочем, и все, хорошо знал, что женщины гарема часто «удовлетворяют друг друга», и это его никогда не смущало. Напротив, он предпочитал это средство, чем проникновение в его гарем пылких любовников, способных наплодить нечистокровных детей, которые осквернят династию. Однако такая мысль стала ему неприятна, когда речь зашла о гордой митаннийке... Он почувствовал своего рода досаду, как купец, у которого крадут ценный товар.

Чтобы начать разговор со своей горячо любимой женой, ему пришлось призвать на помощь все свое мужество. Он никогда ее не обманывал. У него никогда не возникало намерения сделать это даже в последние месяцы беременности, когда ему нельзя было больше к ней приближаться. При всем том теперь все было сложнее. Таду-Хеба являлась для него простой государственной обязанностью. Конечно, он хотел ее тело, но также был уверен и в том, что любит Нефертити с той же страстью, как в их первый день, и что ему претит даже думать о том, что он может стать причиной ее огорчения.

Ни на секунду Эхнатон не подумал, что его жена уже поговорила со своей матерью, Келу-Хебой, кото-

рая была частью полученного им в наследство гарема и которая последовала за ним в Ахет-Атон.

По своей природе Келу-Хеба была неплохой женщиной и по-своему любила дочь. Она испытывала к ней чувства в духе своего самолюбия и легкомыслия, однако тоскливое существование, которое она вела в кругу наложниц, привило ей вкус к различного рода сплетням и пикантным историям. Когда приходила ее очередь что-нибудь рассказывать, она получала огромное удовольствие и, как настоящая актриса, оживляла рассказ личными замечаниями и волнующими подробностями. Так она поддерживала свою репутацию умной женщины, и это было ей всего дороже теперь, когда возраст не позволял надеяться ни на что другое.

Без всякого злого умысла она рассказала дочери о многочисленных визитах, которые Эхнатон нанес Таду-Хебе. И более того, желая позабавить дочь и развеять усталость, вызванную ее беременностью, она позаботилась о стиле изложения и превратила грубую историю в маленький, полный иронии шедевр, который ее саму же заставил смеяться и плакать.

Нефертити слушала ее с печалью, и Келу-Хеба решила, что только усталость мешает дочери оценить всю пикантность ее рассказа. Однако она не могла противиться удовольствию довести историю до финала. Убедившись наконец, что не вызовет смех, она с некоторой досадой пришла к выводу:

— Я вижу, ты не в настроении шутить... Это потому, что ты на последних днях беременности. Я была такой же перед родами!.. Пусть Диск Солнца сожжет меня, но ты уже родила пять дочерей! Пусть Атон делает так, чтобы ты родила мальчика! Твой несчастный

муж в самом деле обидится, если ты родишь ему еще одну царевну. Он отправится к какой-нибудь женщине из гарема, которая еще не рожала, надеясь, что с ней он не промахнется... как плохой игрок верит, что, поменяв игральную доску, он сможет лучше переставлять фишки и выиграть партию!

Нефертити поняла намек на Таду-Хебу, и это причинило ей боль. Если бы только она не находилась в таком беспомощном состоянии перед этой митаннийкой!.. Если бы только она смогла родить раньше и встретить своего мужа на берегу худенькой и желанной! Тогда ей не был бы страшен никто! Эхнатон обнял бы ее в первый же вечер, и она сделала бы все, чтобы у него не возникало желания смотреть на других. Но она носила в себе ребенка... она была некрасива, больна, и муж не мог иметь с ней близости.

Когда Нефертити увидела своего мужа, она поняла по его озабоченному и мрачному виду, что он собирается поговорить с ней о дочери Тушратты, и у нее защемило сердце. Пришел ли он признаться, что разрывает их молчаливое соглашение о взаимной верности?.. Возможно, он больше не любит свою жену? Женщину, которая дала ему столько дочерей?

Ей показалось, что от этой невыносимой мысли она сейчас упадет в объятья смерти, как женщина в период беременности падает в обморок... не в силах бороться с этой подступающей к горлу дурнотой... Она закрыла глаза, приготовившись выслушать слова, которые избавят ее от жизни... навсегда. Ибо в ней угаснет желание жить дальше, если мир ее любви рухнет.

Эхнатон подумал, что она сейчас упадет в обморок. Радуюсь возможности отложить неприятный разговор,

который он не знал как начать, он с некоторой поспешностью сказал:

— Я пришел узнать новости, но вижу, что ты плохо себя чувствуешь... Я сейчас схожу за лекарем.

«Как он неловко врет! — подумала Нефертити. — Зачем же он отпустил моих служанок, если пришел просто узнать новости?»

Она с трудом заставила свой голос не дрожать и ответила как можно спокойней:

— Ничего. Мне много лучше. Мне не хватало только радости видеть тебя наедине со мной все это время!

— Ты знаешь... я... со всеми этими церемониями, этими празднованиями коронации!.. Как я люблю, когда ты рядом, любовь моя.

Нефертити грустно улыбнулась.

— Я тоже, — сказала она шепотом. — Но даже если бы я чувствовала себя отлично, я не осмелилась бы показаться рядом с тобой... такой бесформенной, какая я есть...

— Я хорошо знаю, что ты самая красивая, — сказал он с поспешностью.

Она медленно покачала головой.

— Мне сообщили, что Таду-Хеба очень красива и что ты с удовольствием проводишь с ней время, — сказала она с желанием ускорить события.

Эхнатон на мгновение остолбенел. Так Нефертити все знает?.. Негодование охватило его. Действительно, у всех женщин язык как у змей.

— Кто тебе это сказал? — спросил он почти резко.

Нефертити пожала плечами и попыталась улыбнуться.

— Какая тебе разница? Все это говорят здесь! Но

почему ты сердишься? Разве Таду-Хеба не твоя жена после меня?

Услышав это, Эхнатон почувствовал такое облегчение, что не заметил, насколько голос его жены был полон горечи и недовольства. Он вновь обрел утраченное им уже давно хорошее настроение и заговорил радостным, обидным для Нефертити голосом:

— Именно по этому поводу я к тебе и пришел! Ты знаешь, что я тебя никогда не обманывал, что ты моя единственная любовь и что мне безразличны все, кроме тебя! Когда моя мать написала мне и предложила женитьбой укрепить наш союз с Митанни из опасения перед хеттами, которые угрожали нашим границам в Сирии, я отказался. Я знал, что с царевной нельзя обращаться с той бесцеремонностью, которую можно позволить по отношению к простолюдинкам. Я не говорил тебе об этом деле, чтобы понапрасну не беспокоить. Особенно я боялся, что ты будешь настаивать, чтобы я пожертвовал своей любовью ради благополучия страны.

Нефертити почувствовала прилив надежды, узнав, что ее муж предпочел скорее воспротивиться матери, чем взять вторую жену. Но Эхнатон быстро лишил ее этой иллюзии. Грубо, как мужчина, который хочет поскорее закончить неприятное дело, он продолжал:

— Теперь, когда отец скончался, обычай требует, чтобы я унаследовал его гарем. То, чему я так противился, случилось. Таду-Хеба — гордая девушка и не хочет, чтобы ее кормили баснями. Я не могу обидеть Тушратту, отказываясь входить к его дочери!.. Прежде всего Тушратта — наш союзник, и его царство охраняет наши границы от хеттов... Во-вторых, он единственный царь, который прислал мне по-настоящему дру-

жеское письмо с поздравлениями! Если Таду-Хеба сообщит своему отцу, что она не пользуется симпатиями у фараона... я опасуюсь, не начнется ли война. А войну я так ненавижу, ибо на ней убивают людей, созданных Атоном, чтобы жить в мире и счастье! Тушратта очень сильно любит свою дочь. Она, впрочем, очень мила, добра и полна всяческих других достоинств... Ты сможешь их оценить вскоре, я тебя уверяю. И оскорбление, которое я ему нанесу, будет для него ужасным, особенно потому, что он не настолько утончен, как египтянин! Что ты мне посоветуешь?

Он был настолько уверен, что хорошо повел дело и что Нефертити просто обязана дать ему удовлетворительный ответ, что у него подкосились ноги, когда она совершенно спокойно сказала:

— Я узнала, что вместо гусей ты выпускаешь серых цапель во все стороны света... Я узнала также, что ты переделал многие церемонии для коронации... С другой стороны, я видела своими глазами, сколько старых обычаев ты смог разрушить в Уисе! Почему же ты сохраняешь в своей новой столице обычай, глупость которого входит в явное противоречие с разумностью твоих новых установлений! «Наследование гарема своего отца» может быть приравнено к тем же устаревшим обычаям. Напиши Тушратте, что его дочь теперь вдова, что мы скорбим вместе с ней и что мы воздадим ей почести, которые она заслуживает! Пусть она возвращается в Уису и пусть распоряжается служанками в доме своего мужа вместе с моей матерью, Келу-Хебой, и Великой Царской Супругой, Тэйей. Пусть живет вместе с обеими этими женщинами, которые находятся в таком же достойном сожаления положении, что и она. Что ты

не настолько жесток, чтобы навязывать ей мужа насильно, принимая во внимание, что в Египте вдова имеет возможность вновь выйти замуж, следуя своему выбору! Что ты знаешь много царевичей, достойных просить ее прекрасной и столь желанной руки! Я думаю, Тушратта будет растроган твоей деликатностью, особенно если ты присоединишь к письму достаточно дорогие подарки, чтобы дать ему понять, что речь идет об исключительном деле.

Нефертити внимательно посмотрела на своего мужа и увидела на его лице следы растерянности. Тогда она поняла, что проиграла, что ее муж никогда не отошлет обратно Таду-Хебу, потому что желает ее... Горечь отчаяния охватила ее... Сухое отчаяние, без слез, которые, быть может, обожгли бы ей грудь, но оставили голову холодной. Но прежде чем она узнает, что ее любовь растоптана, она умрет... Теперь она обрела такое право с ясным сознанием... только вот ее тело, казалось, лишилось всех жизненных сил и высохло, как мумия, освобожденная от своих внутренностей. Ее сердце было вырвано. На его место бальзамировщики положили каменного скарабея, он оставался недвижим и был очень тяжел... Так тяжел! Так странно неподвижен! Но она больше не страдала. Она смотрела на людей перед собой, как если бы они были чужеземцами, и слова, которые они произносили, не заставляли ее даже вздрагивать... они ударились о каменного скарабея в ее груди...

Эхнатон овладел собой и, расхаживая взад и вперед по комнате, хмурил брови, и сердился, что жена его не понимает. Не отдавая себе отчета, он повторил слова матери, против которых столь яростно выступал еще так недавно. Он сказал сухим голосом:

— Ты, кажется, не поняла всей важности долга, который возложен на царскую чету! Быть правителем — это не значит жить в удовольствии, богатстве, комфорте, себялюбии, лени... Это значит пожертвовать своей жизнью ради народа, стать его рабом. Если забудешь об этом, превратишься в деспота, во врага своих подданных, и в последние дни тебя накажут как не выполнявшего той работы, которая была тебе поручена, ради которой ты был рожден. Не меньше, чем тебе, мне не нравится обязанность заботиться о самолюбии Таду-Хебы и ее отца... Но это наш долг, как это было долгом для моей матери принять твою мать, Келу-Хебу, в гарем своего мужа, несмотря на ее чувства, несмотря на ее страдания! Как я смогу написать нашему союзнику в Митанни, что я предназначаю его дочь какому-нибудь заурядному царевичу! Ее! Вдову фараона! Это точно так же, как если бы я публично подверг его опале! Как если бы я оскорбил его перед всем Египтом! Заставь замолчать свою ревность, которая недостойна нас... которая недостойна твоего здравого смысла! Для нас наступил момент очнуться и выйти из оцепенения! Ты еще помнишь, что ты владычица Обеих Земель?

Нефертити ответила безразличным тоном и услышала, как звук ее голоса вибрирует в опустошенном теле:

— Ты просил у меня совета, но я вижу, что ты в нем не нуждаешься, что ты хорошо знаешь то, что хочешь сделать... тогда зачем ты меня беспокоишь?

Эхнатон занервничал и в гневе ответил:

— Я полагал, что должен был... из деликатности... из уважения к любви, которая нас связывает... поскольку ты теперь Великая Царская Супруга и никто не может занять твое место!

— Я слишком устала, чтобы пытаться понять, в чем заключается мой долг. Все, что ты сделаешь, будет хорошо... Я полагаюсь на твое чувство верности и справедливости. Ничто из того, что исходит от тебя, не должно быть заподозрено ни в подлости, ни во лжи, ибо ты сама живая правда.

Эхнатон подскочил, словно ему дали пощечину. Поскольку совесть его была нечиста, этот миролюбивый ответ жены задел его за живое. Он ответил почти хрипшим от негодования голосом:

— Ты издеваешься надо мной, ты пытаешься все превратить в шутку... Ты ревнива! РЕВНИВА, слышишь! Как простолюдинка! В глубине души я не понимаю, зачем я пришел советоваться с тобой о том, что мне надо делать. В конце концов, ты только лишь моя жена! И я не намерен отчитываться ни перед тобой, ни перед кем. Я фараон!

И он в ярости вышел, и звук его шагов гулко отозвался во всех концах зала. Он направился прямо в гарем, чтобы охладить свою душу около наивной Таду-Хебы, которой еще были неведомы низкие чувства.

В эту ночь он взял Таду-Хебу со страстью мужчины, чья ярость от нанесенной ему обиды только усиливала огонь желаний. И пыл митаннийки поставил его в незавидное положение. Как и описывала ее Тэйя, она была зрелой львицей в пору полнолуния.

ГЛАВА 8

В мрачной тоске жила Нефертити все эти пятьдесят дней, которые отделяли ее от предстоящих родов. Она заперлась в своих покоях и не желала никого видеть,

даже добрую Ти, даже свою мать Келу-Хебу, чью болтовню она уже не могла выносить. Разве ей нужно было слышать, что происходит между Таду-Хебой и ее мужем? Она все знала сама. Она знала, потому что в ее присутствии Эхнатон виновато ерзал или был раздражен и нетерпелив, как мужчина, мысли которого заняты другой женщиной. Он говорил с ней сухо и, казалось, все время торопился ее покинуть... чтобы бежать, без сомнения, к этой девке, ловко вызывавшей в нем то опьянение, которого он так хотел. Иногда, в темноте ночи, когда она не могла погрузиться в благотворный сон, который прекратил бы ее бесконечные размышления так же надежно, как смерть, Нефертити чувствовала, что в ее груди шевелится каменный скарабей, словно внезапно он начинал плавать в ее крови. Ужас овладевал ею, и она плакала. В такие моменты нервное возбуждение лишало ее ум ясности, и он наполнялся безумными мыслями о мести, о наказании. И в бреду постоянно всплывала навязчивая фраза: «Когда я разрешусь от бремени, мой супруг увидит!»

На третий месяц сезона разлива Нила, утром восемнадцатого дня, молодая женщина родила шестую дочь. Ей дали имя Сетепанре. То обстоятельство, что у нее не было мальчиков, приводило Нефертити в отчаяние, ибо она считала своим долгом дать мужу наследника мужского пола. Однако желание избавиться от своей уродливости было более сильным, и оно поглощало все остальное: разочарование, печаль, усталость. Однажды утром она проснулась полная сил. Ее сердце ровно билось в груди, и все ее тело обрело гибкость и упругость. Она долго смотрела на себя в зеркало, чтобы убедиться, что ее красота не очень пострадала от переживаний

и забот, выпавших на ее долю в последнее время. И она убедилась в этом. Конечно, лицо еще было осунувшимся, кожа еще имела оттенок старого, испорченного влагой папируса... Но ее глаза светились счастьем, а ослепительная улыбка не потеряла своего блеска.

Тем не менее, прежде чем появиться при дворе, она выждала несколько дней, ибо ей не хотелось, чтобы ее слишком растянувшийся живот выглядел дряблым под тонким, облегающим фигуру платьем. Закрывшись в своей комнате, она заставляла Мишере подолгу растирать ее. Мишере одна была посвящена в ее тайны, ибо из всех служанок она была единственной, кто не болтал что попало, лишь бы похвастаться или показать себя с лучшей стороны перед своими подружками. По правде говоря, из всех живущих на земле, включая и ее мужа, маленькая сирийка оставалась тем существом, которое ее еще не разочаровало. Мишере любила свою госпожу безраздельной любовью... Сколько раз Нефертити хотела отпустить ее на волю, выдать замуж, дать ей поместье, где та смогла бы жить и ей бы прислуживали уже другие... Но Мишере всегда отказывалась. Она повзрослела, но ее душа хранила невинность и чистоту юности. Она говорила с улыбкой:

— Я не сумею повелевать ни мужем, ни слугами, потому что я от рождения не очень смелая. И муж, и даже рабы это быстро заметят и начнут повелевать мной. Здесь у меня не множество хозяев, а лишь один: ты, моя царица. Здесь работа меня не тяготит. Вот хороший довод не выдавать меня замуж. Однако, если тебе этого покажется недостаточно, знай, что у меня слишком маленькое сердце, чтобы любить двух человек. Я люблю тебя, тебя, которая научила меня радоваться

жизни. Как я смогу любить какого-то мужа? Бедняга будет обижен, и это нечестно по отношению к нему. В тот день, когда тебе надоест мое присутствие... мне останется только умереть, ибо я выполнила свое предназначение, заключавшееся в том, чтобы служить тебе как можно лучше.

И Нефертити достаточно знала Мишере, чтобы понять, что та говорит все это, не рассчитывая ни на признательность, ни на подарки. Мишере не была жадной, как ей подобные, никогда не упускающие случая обогатиться. Она не стремилась к роскоши, на которую могла бы претендовать, будучи первой служанкой по правую руку от царицы. Она почти не носила украшений, одевалась без изыска и отказывалась от прилюдных чествований. Так, много раз Нефертити предлагала наградить ее золотом на большой церемонии перед всеми собравшимися людьми, и каждый раз маленькая сирийка качала головой, говоря при этом с несчастным видом:

— Я тебя прошу, моя госпожа! Не принуждай меня! Я способна умереть от стыда перед всеми, ибо люди скажут: «Что сделала эта неприметная девушка, чтобы ее так прославляли? Она выиграла сражение? Она спасла жизнь царице? Она оказала важную услугу государству? Нет, она ничего не сделала из всего этого. Она рабыня, которая своей изворотливостью хочет добиться почета, полагающегося знати! Царица потеряла голову, раз поставила себя в такое смешное положение на глазах всего честного народа!» По правде говоря, моя госпожа, чем я заслужила почести и награды? Я не отличаюсь ни храбростью, ни умом, ни другими какими качествами, я люблю тебя и стараюсь не потерять твоей

благосклонности, не доставить новых забот. Это все... этого мало... и еще я должна выразить тебе безграничную признательность... ибо это чудо, что ты, Солнце, поддерживаешь дружбу со мной, вонючей грязью.

Нет, Мишере не оказала важной услуги государству, она не спасала жизнь царице, не одержала победы, но она сделала много больше: вопреки всему она в круговороте и суете жизни осталась чистой, прямой, искренней. Да, говоря по правде, она и не нуждалась ни в драгоценностях, ни в имуществе, ибо она была самой богатой в Египте и его провинциях, и это богатство было такого рода, что его не могли изгрызть мыши, обшипать козы, затоптать бегемоты, украсть завистники, залить воды разлива, истребить языки пламени, развеять бури, отобрать сильные мира сего, — оно било ключом из ее сердца, как из неиссякаемого источника, оно лилось без конца. Если Мишере и должна была получить награду золотом, то не за свою преданность (преданность не оплачивается золотом), но потому, что она была живым образом того, каким должно было быть первое создание, каким задумал его Птах в день творения... и потому, что она была также примером творения Атона, в течение которых человечество погрязало в лицемерии, лжи, гордыне, эгоизме и алчности.

И Нефертити знала, что даже если ей придется отдать все и остаться под солнцем без одежды, даже не зная, где преклонить голову, Мишере не расстанется с ней.

Оказалось, что в это время из поездки по провинциям вернулся Май, как если бы сам Атон заставил его приехать на помощь своей верной служанке. Май был любимчиком Эхнатона, и царь сделал его хранителем печати, инспектором армии, носителем опахала по

правую руку от царя, правителем города Аны и, когда тот находился при дворе в Ахет-Атоне, распорядителем утренних ритуалов царя. Эта последняя должность была знаком особой милости. Считалось, что она давала Май право присутствовать при утреннем вставании государя, растирать его собственными руками и обмениваться с ним при этом различными соображениями с глазу на глаз в тишине комнаты, вдали от любопытных ушей. Эта должность была очень ценной, ибо позволяла тому, кто был ее удостоен, поддерживать дружеское расположение царя к себе, напоминая постоянно, но с должной скромностью о своей преданности Его Величеству наперекор всем завистникам, которые не упускали случая опорочить счастливого. Она давала также возможность время от времени вернуть жалобу на какого-нибудь вельможу, причинившего тебе вред, насплетничать по поводу неуважительных речей о государе того, кому не желаешь добра, посетовать по поводу скудности собственного состояния... но, главное, находиться наедине с фараоном, вдали от шума толпы, — лучшее средство, чтобы быть услышанным.

Но Май не предавался таким корыстным и мелочным расчетам, он был горд тем, что судьба не обошла его, и хотя был самолюбив, но обладал великодушием человека, сознающего свое превосходство над другими и желающего освободиться от своих недостатков. Он женился на Урель, любимой дочери Рамозе, отчасти по расчету, ибо в то время был еще желторотым птенцом, только что вывалившимся из отцовского дома. Однако с тех пор он поступал только так, чтобы не терять уважение к самому себе. Дружба с царем ему помогала, и, чтобы не оставаться в долгу, он исполнял возложенные

на него дела как можно лучше, служил честно и преданно. За три месяца до смерти фараона он был послан осмотреть войска на сирийской границе, нанести визиты вассальным князькам и дать им мудрые советы. Он добросовестно объехал с трудом усмирённые общины хапиру, располагавшиеся в оазисах пустыни на границе с горькими озерами, и напугал их возможным гневом египтян, чтобы у их предводителей в голове осталось одно-единственное решение, а именно пасти свой стада только в разрешённых местах... ибо для этих свирепых пастухов плодородные луга дельты являлись постоянным соблазном и укрепляли веру в то, что, объединившись с храбрыми гиксосами, кочевниками, как и они, им удастся, устремившись, как туча саранчи, мимо мощной крепости Чилу*, завладеть богатыми землями Нижнего Египта.

Маи прибыл в Ахет-Атон в тот день, когда Нефертити решила, что она достаточно оправилась после родов, чтобы вступить в борьбу с Таду-Хебой и победить, сражаясь равным оружием.

Нефертити увидела в этом благосклонность богов, что придало ей уверенность в конечной победе. Маи будет служить бараном, которого используют как приманку в ловушке, в которую лев должен неминуемо попасть. Зная, что он совещается с мужем, она надела на себя скромные украшения, только чтобы оттенить свою красоту, убрала волосы под высокий головной убор, что еще больше подчеркнуло тонкость черт ее лица и стройность шеи... Она сдержанно надушилась, чтобы не до конца скрыть запах под мышками. Это было могучим средством возбудить чувственность того, кого хочешь свести с ума. Наконец, набравшись злости, как

воин опьяняет себя дешевым вином перед встречей с грозным противником, она одна направилась к царю.

Она вошла без стука и, заметив Май, бросила на него удивленный взгляд. Затем, не обращая внимания на приветствие супруга, она бросилась к молодому человеку, протягивая вперед руки ладонями вниз — жест, предназначенный для близких людей и позволяющий им не кланяться до земли. Май довольствовался легким поклоном и прошептал с неподдельным восторгом:

— И во всех краях земли я не видел более красивой, чем ты, царица.

— Твоя похвала мне нравится тем больше, что я давно уже их не слышала! — сказала Нефертити, улыбнувшись. — Некоторое время назад ты не осмелился бы на лесть, чтобы не сойти за подлого лицемера. Действительно, я выглядела неважно! Толстая, бледная, измятая, едва переставляющая ноги!

— Ясность твоего лица не может исчезнуть, как и сияние твоей улыбки, как и блеск твоего взгляда! — ответил Май, совсем не думая, что его искренность, особенно на этот раз, может повредить ему в глазах фараона. Когда его посылали в провинции, любовь царской четы была еще в полном разгаре, а по возвращении сюда у него не было времени выслушать сплетни и узнать, что Эхнатон оставил свою жену ради Таду-Хебы.

Нефертити признательно ему улыбнулась.

— Май, мой дорогой друг детства, — сказала она, делая ударение на последнем слове, — мне так не хватало тебя, чтобы развеять скуку во время беременности! Ибо я была в таком отчаянии от своего уродства, что заперлась и не желала видеть никого, даже моего супруга!

Маи понял, что, собственно, необычного было в этих словах. С изумлением он стал догадываться, что в царской семье не все гладко, как в то утро, когда он уезжал на границу: никогда, даже будучи беременной, Нефертити не отказывалась принимать своего мужа. Испытывая неловкость, Маи повернулся к Эхнатону и попытался исправить оплошность, которую допустил, сам того не ведая.

— Моя жена, Урель, поступает так же, — сказал он, на ходу выдумывая ложь. — Я не смог ее убедить, что муж чувствует себя крайне несчастным, если не может видиться со своей женой! — Затем добавил: — Уже около девяти месяцев я не видел свою горячо любимую жену. Я не взял ее с собой из опасения, что суровые условия, в которых мы окажемся в пустыне, ее утомят. Перед отъездом я отправил ее к своим родителям в окрестности Уисы. Конечно, я с нетерпением жду встречи и, когда Его Величество перестанет во мне нуждаться, я смею надеяться присоединиться к ней!

Нефертити сочувственно воскликнула:

— Бедный Маи! Девять месяцев верности! Это заслуживает награды! Вот что я тебе предлагаю: заставь жену не задерживаясь приехать в Ахет-Атон. Так ты не потеряешь время, а дорогая Урель приободрится среди столичных развлечений! Ибо ей, наверно, смертельно скучно смотреть на поля да зерновые амбары!

Наконец она повернулась к Эхнатону и ослепительно ему улыбнулась.

— Не правда ли, мой муж? — спросила она с такой непринужденностью, как если бы не забыла с ним поздороваться.

Эхнатон, сжав зубы, метнул на нее взгляд из-под

насупленных бровей. Когда Нефертити вошла, ее утонченная красота потрясла его до глубины души. Общаюсь с другой женщиной, он забыл, до какой степени могла быть красива его супруга. В то время, пока она скрывалась в своей комнате, он не раз собирался посетить ее перед тем, как отправиться к Таду-Хебе. Старение одной женщины, ему казалось, лучше подчеркивает всю ослепительную молодость другой. Он, некрасивый мужчина, совсем не привыкший к успеху у женщин, был польщен, встретив такую ненасытную страсть, такой восторг и преклонение, такую непосредственность у девушки, почти ребенка, который совсем не умеет притворяться, что совершенно забыл о годах счастья, проведенных рядом с женой. Ибо, действительно, несмотря на любовь своей жены, несмотря на ее сладость и постоянные клятвы в любви, которые она ему давала, Эхнатона все время не покидала мысль о его уродливости. Она, как скрытая проказа, разъедала его, причиняла боль по малейшему поводу: когда красивый мужчина смотрел на Нефертити, когда он слышал вполне невинный смех женщин у себя за спиной, когда ему случалось наклониться над зеркальной гладью пруда, вырытого в парке... и потому что Таду-Хеба бросилась в его объятия не раздумывая, не вздрогнула при виде его внешности, которую он с болезненным упрямством страдающего человека считал отталкивающей, он думал теперь только о поведении жены, которая впервые за их совместную жизнь так резко обходилась с ним. И чтобы обвинить ее в чем-нибудь и этим заставить замолчать свою нечистую совесть, он с горечью подумал: «Кто знает, не смеялась ли она иногда над моим урод-

ством перед нашей близостью, чтобы оправдаться в своих глазах за недостаток вкуса!»

Эта мысль заставила бы его забыть и нежность, и жалость, которые он почувствовал, если бы увидел бледное личико своей жены, и с какой злобной радостью он мог подумать, что она становится старой и что пришло время ей самой осознать это.

Однако Нефертити вошла более красивой, более молодой, более изящной, чем когда-либо. Подобно птице Бену*, которая каждый день на заре взлетает обновленная и сверкающая из первозданных вод, чтобы вечером погрузиться в них, уставшей и постаревшей, царица появилась молодой, бодрой и прекрасной, как в дни своей юности. При появлении ее красота других поблекла, как свет ночной лампы меркнет в лучах восходящего солнца, и очарование Таду-Хебы потускнело так, что она стала неотличима от других наложниц на женской половине.

Между тем Нефертити не посмотрела на своего мужа, не поздоровалась с ним, она направилась к Май с радостным лицом... и ее улыбка предназначалась тому, кто был всего лишь ее другом детства, как если бы он подарил ей такое счастье, о котором она теперь не может вспомнить без волнения... Ни на минуту Эхнатон не заподозрил Май в неверности, но тем не менее он не смог сдержать раздражение, видя его великолепную выправку и величественную осанку.

Он желчным тоном сказал своей жене:

— Как мило с твоей стороны наконец заметить меня! Я вдруг подумал, что, должно быть, уже умер и это мой Ка летает по комнате!

Она засмеялась, показывая зубы, как лающий шакал.

— Но разве действительно не твой двойник присутствует здесь? — спросила она с убийственной иронией. — Я считала себя вдовой с тех пор, как стала жить без мужа! Что же? Я счастлива узнать, что это не так, и я приветствую тебя, Солнце Египта!

Говоря это, она подошла к мужу и подставила ему щеку для поцелуя. Почувствовав всю легкомысленность и наглость ее поведения, Эхнатон грубо оттолкнул ее.

— Мы не одни! — прогремел он дрожащим от бешенства голосом.

Она широко открыла удивленные глаза.

— Так, значит, закон о свободе в Ахет-Атоне отменен! — воскликнула она с притворной невинностью. — Как! Никто больше не имеет права показывать свои чувства? И влюбленные вновь приговорены смотреть друг на друга издали, как дикие звери, разведенные по клеткам?!

Маи чувствовал себя лишним. Он предпочел бы потеряться среди полчищ хеттов, чем находиться здесь, между ревнивым мужем и кокетничающей женщиной, ибо именно в последнем случае у него было слишком мало шансов остаться в живых. Что подумает о нем его повелитель? И если он подумает плохое, что может заставить его изменить свое мнение? Нет более глухого человека, чем мужчина, охваченный ревностью!

— Я виноват, что так своевольно вошел сюда, — с трудом проговорил он, — и я заслуживаю наказания за это... я...

Эхнатон оборвал его:

— Это не ты вошел сюда своевольно, ибо мы находились здесь-оба, чтобы поговорить о неотложных государственных делах, когда вошла моя жена!

Нефертити приняла гордый вид, великолепная в своей надменности.

— Я ЦАРИЦА, — бросила она, — и я никогда не могу быть некстати в том месте, где обсуждаются государственные дела. Они касаются меня в той же степени, в какой и фараона.

Затем она повернулась к Майи и спросила его властным и строгим голосом повелительницы:

— Итак, Майи, какие новости ты привез из своего путешествия по провинциям? Азиру, царь государства Амурру*, наконец поумнел? Или ему надо послать школьного учителя в доспехах да писцов, вооруженных кнутами? Есть мудрое изречение, которое гласит: «Уши ученика находятся у него на спине».

Эхнатон сделал глубокий вдох, чтобы успокоить сердце, и сказал более сухо, чем это требовалось:

— Изложи царице то, что ты мне сообщил сегодня утром, чтобы мы могли продолжить наше обсуждение, ибо царица теперь в добром здравии и я могу свидетельствовать, что она обладает светлым умом!

Майи поспешил исполнить повеление, которое теперь могло спасти ему жизнь.

Он был верен повелителю во всем, особенно в политике, и он знал, что, по крайней мере, в политической измене он заподозрен быть не может.

ГЛАВА 9

План Нефертити оказался только отчасти действенным. Только отчасти. Эхнатон хотя и начал ревновать, хотя образ жены теперь не выходил у него из головы,

но тем не менее он продолжал упрямыться и не приходил к ней ночью.

Однако каждый вечер Эхнатон мучительно желал этого. В течение дня, когда он видел, как Нефертити расточает свое обаяние перед всеми и каждым, и особенно перед Май, для которого она приберегала самые обворожительные улыбки и самые возвышенные речи, его волнение усиливалось. Она начала устраивать в свою честь ослепительные праздники, давать удивительные пиршества, на которых самые тонкие вина и самые изысканные сорта пива текли рекой. И в этом упоении весельем, в котором купался весь двор, Нефертити выглядела возбужденной и ликующей, о чем ее муж язвительно заметил, что она вышла за рамки приличия, но сделал он это потому, что все ее проявления восторга и радости были адресованы не ему. Ему же доставалась только ее непринужденность и почти полное безразличие, что задевало его очень сильно, ибо он совсем к этому не привык.

Вначале он пытался посмеяться над этим и говорил себе:

— У Нефертити приступ ревности, она хочет отомстить мне за Таду-Хебу, одурачить меня, чтобы я добровольно отказался от нее! Но я не обижу этого простодушного ребенка, у которого нет титула Великой Царской Супруги и который не может постоять за себя. Когда Нефертити увидит, что ее хитрость бесполезна, она перестанет выставлять себя перед всеми в смешном виде... Она не понимает, что Май очень неприятны эти знаки внимания! Что бедный Май сгорает от нетерпения поехать в Уису к своей горячо любимой Урель!

Хоть он и заставлял себя «навещать» Таду-Хебу, но

душа уже не лежала к ней: горячность прекрасной митаннийки утомила его. Он вдруг заметил, что она ни умна, ни сообразительна и что вне постели она может только нести пустой вздор. Ее невинность превратилась в детскость, чувственность — в распущенность. Впервые он подумал, что ее беспокойная и темпераментная натура довела его отца до истощения, до смерти, и испугался за себя. Не появились ли уже на его лице признаки такого истощения?

Тем не менее, чтобы не дать Нефертити радоваться слишком легкой победе, он отказывался идти к ней с покаянием.

Наконец Нефертити забеспокоилась по поводу его упрямства и решила усилить напор. В один прекрасный день она отправилась в гарем, где не была с начала беременности. Она объявила, что хочет навестить свою мать, Келу-Хебу, но на самом деле ее влекло туда болезненное желание испытать боль, посмотрев на красоту Таду-Хебы, ставшую причиной столь быстрого охлаждения к ней мужа. Когда она увидела молодую девушку, она не справилась с отчаянием. Сплетницы ничуть не приврали. Дочь Тушратты была великолепным животным! Однако Нефертити пересилила себя и очаровательно ей улыбнулась. Она взяла ее под свое покровительство. Отныне ни одно пиршество не проходило без нее, и на глазах у всех придворных она проявляла ко второй супруге своего мужа самую нежную заботу, самое дружеское участие. Она дарила ей украшения, в основном те, которые нравились ее мужу. Во время еды она сажала ее рядом с собой, ласково говорила с ней, сама наливала ей вино и не позволяла молодой царевне сгибаться перед ней в поклоне. Короче,

посмотрев на них, могло показаться, что они живут как две нежно любящие друг друга сестры, ибо счастье одной заставляло радоваться и другую.

Нефертити действительно так хорошо играла этот спектакль, что все при дворе перестали сплетничать насчет ссоры в царской семье.

Эхнатон попался на хитрость своей жены. Мужчина раздражается, если желаемое им положение вещей складывается совершенно без его участия, и Эхнатон помрачнел, увидев, какие дружеские отношения возникли между Таду-Хебой и Нефертити. Он подумал, что поведение жены стало новым свидетельством ее полного безразличия к нему, к мужчине, которому она так клялась в любви. И из этого он сделал следующий вывод: ее нынешнее поведение вызвано не ревностью, она попросту охладела к нему.

Он совершенно убедился в этом после того, как Нефертити отказалась однажды вечером ответить на его желание, когда он, дрожа от страха, проник в ее комнату, чтобы в последний раз удостовериться, что для него еще не все потеряно.

Душа его тогда наполнилась унынием, и он отчаялся.

С ожесточением человека, не желающего слышать слов утешения, если считает свой грех слишком большим, он убедил себя, что не выдержал испытания, устроенного для него Атоном. Бог хотел испытать чистоту своего сына и воздвиг перед ним как искус чувственность Таду-Хебы. Человек же создан из праха земного. И вот его сын уступил желаниям плоти... и в водовороте страстей пошел ко дну. Отныне он больше не имеет права ни зажигать Солнце в сердцах людей, ни желать любви Нефертити, любви прекрасной, сияющей, чис-

той, как золотой Диск, перед которым он должен со смирением пасть ниц. Он силился смириться с тем, что Нефертити не испытывает к нему никакой любви. Он дал ей повод презирать его и теперь обещал себе говорить с ней только с уважением, с ней, которая достойна сиять над всем миром. Он знал также, что скоро умрет, поскольку стал бесполезен, и он решил наполнить свои последние дни лихорадочной деятельностью, но не для того, чтобы умиловить бога, а с намерением загладить то огорчение, которое он ему доставил, он, его старший сын, преисполненный его благодати.

Он с усердием принялся за дела, которыми пренебрегал, когда был ослеплен страстью. Он лично следил за рабочими, занятыми постройкой храма, который он возводил для своей матери. Он обрек прекрасную Таду-Хебу на мрачное прозябание в гареме. Он проявлял по отношению к Нефертити своего рода внимательную и молчаливую почтительность, отмеченную уважением и печалью. Его сердце, как молодой заяц в когтях льва, еще мучительно билось, отсчитывая последние минуты жизни, но ни единая жалоба не сорвалась с его уст.

Такое поведение пугало Нефертити. Она не понимала его. Она решила, что игра ее слишком жестока и больше не надо ее продолжать. Однако самолюбие мешало ей первой пойти с повинной, и она долго колебалась, не зная, что ей предпринять. Она выбивалась из сил, продолжая разыгрывать веселье и изображая легкомыслие, к чему у нее не было уже никакой охоты. Она была обязана не забывать и о прекрасной митаннийке, хотя та уже не представляла опасности, и сдерживаться, чтобы не отослать беднягу Май к его жене, хотя его роль барана-приманки была закончена.

Пока она пребывала в нерешительности, какое поведение ей предпочесть, в новую столицу из Уисы с визитом прибыла Тэйя.

Шел девятнадцатый день второго месяца зимы.

Тэйя вышла на причал в сопровождении своих двух самых юных детей, дочери Бакетатон тринадцати лет и сына, рожденного последним, Тутанхатона, которому было четыре года.

Царица-мать была уже очень старой женщиной. С годами она становилась все более и более суровой, все более и более сварливой. Ее голос напоминал песчаную бурю, ее взгляд походил на пересохший колодец... ибо она сама стала как бесплодная земля, одолеваемая смертью, пустыней, где больше не веет свежий ветерок.

При дворе все были рады продолжить в ее честь веселье, затянувшееся со дня приезда Маи... но, видя ее, поняли, что Ахет-Атон теперь надолго застынет в трауре, во время которого смех и игры будут запрещены. Придворные старались приветствовать старую царицу с почтительной степенностью, затем возвращались в свои владения в надежде, что отзвуки их веселой жизни не достигнут царских покоев, которые, как они предполагали, Тэйя превратит в подобие мрачного склепа, в нечто вроде передней или прихожей Вечности, где будет дожидаться наступления Великой Ночи.

Только Эхнатон и Нефертити были рады приезду царицы.

Конечно, Нефертити сердилась на Тэйю за то, что та ввела в ее жизнь Таду-Хебу, но была и достаточно справедлива, чтобы не обвинять ее за свое разбитое счастье. Тэйя не несла вины за поступки своего сына.

Если не было бы митаннийки, кто завладел бы сердцем Эхнатона? Это была бы, возможно, какая-нибудь другая женщина. Увлечения мужчин рождаются в нем самом, и им достаточно малейшего предлога.

Однажды, когда представился случай, она не смогла удержаться и не сказать своей свекрови резким голосом:

— Не беспокойся, Таду-Хеба здесь окружена заботой и вниманием... ее откармливают тестом, как гусыню, и твой сын с трудом обхватывает ее обеими руками, такая она стала толстая.

Тэйя не ответила. Только позднее она заметила своему сыну:

— Твоя жена ревнует. Высеки ее или утешь, но не позволяй терзаться. Жена, терзающая себя, ни на что больше не годится: она теряет душевное равновесие и действует как испорченные весы. Для нее тридцать золотых колец могут весить один дебен* и обычный кувшин масла — сто двадцать. Так можно потерять свое счастье, если не понимаешь ясно, что для того, чтобы его сохранить, надо идти на жертвы.

Эхнатон грустно покачал головой.

— Мама, — ответил он, — моя жена больше не любит меня и правильно делает. Я запятнал навсегда чистоту нашей любви и чистоту своего сердца.

Затем со смирением он поведал ей о своих грехах. Он умышленно подчеркивал всю мерзость своих поступков, желая убедить свою мать, что отныне ничто не сможет вернуть ему чистоту в глазах бога.

— Глупец! Я сейчас пойду к твоей жене и посмотрю, насколько она успела обезуметь по твоему примеру! Если да, то корона Египта возложена не на того, на

кого надо, и Тутанхатону не составило бы труда носить ее лучше, чем вы, несмотря на свой четырехлетний возраст!

Эхнатон умолял ее не говорить с Нефертити, не усугублять его стыд... Она оставалась глуха к его доводам и просьбам. Тогда он пришел в гнев и бросил ей, чтобы она не вмешивалась в то, что ее не касается, что она уже достаточно сделала зла. Наконец он сказал, что все это ее вина и вместо того, чтобы усугублять его преступления, лучше бы она сама покаялась.

Тэйя пожала плечами. Никакое оскорбление не могло больше ее обидеть. Как и решила, она направилась к своей невестке. Она передала ей содержание своего разговора с сыном и сделала заключение:

— Вот что получилось из-за твоей глупой ревности. Если ты любишь своего мужа, прекрати себя так вести... иначе готовься к его смерти и радуйся возможности вскоре выбрать другого мужа, более подходящего твоим вкусам. Ибо человек не может долго жить с чувством непрощенной вины, он слишком торопится обрести мир, ожидающий его в могиле! Он перестает держать себя в руках, слабеет, и его единственной мечтой становится желание не думать, забыться навсегда сном без кошмаров и вцепиться в смерть, как только она появится.

Нефертити воскликнула дрожащим от слез голосом:

— Я люблю его, я люблю его, Тэйя! Но как сделать, чтобы он меня услышал? Он настолько полон стремления наказать себя, что наказывает ту, которую он оскорбил!

— Это так, дочь моя, сохрани этот тон, говори таким голосом, плачь, приставь кинжал к своей груди!

Твоя грусть, твое горе, твой плач — единственные доводы, которые он услышит и сможет понять! Из-за них он, может быть, забудет о себе. И, наконец, пусть эта глупая история поскорей закончится, ибо для государства ваши личные ссоры — лишние хлопоты!

Нефертити рассчитывала встретиться со своим мужем один на один. Она искала его и нашла под увитым виноградными лозами навесом, что выходил к реке. Он был там, дожидаясь, когда его бог скроется за чертой горизонта на западном небосклоне.

Когда он увидел, что ее взгляд полон любви, о которой ему говорила его мать, ему стало мучительно горько.

— Зачем ты пришла? — спросил он сурово, забыв о почтительности, которую решил проявлять перед этой чистой дочерью Атона. — Разве не видишь, я занят?

Нефертити не смогла больше удерживать слезы и бросилась к нему с рыданиями.

Чувствуя неловкость и не зная, как поступить, Эхнатон нескладно похлопал жену по плечу.

Выплеснув в слезах переполнявшее ее горе, Нефертити, сопя носом, всхлипывала на груди своего мужа.

— Я тебя люблю... я тебя люблю настолько... и я была так несчастна! Я хотела заставить тебя ревновать, я хотела тебе отомстить... я... я так боялась тебе разонравиться...

Молча он продолжал похлопывать ее по плечу, как это делает кормилица, убаюкивающая проснувшегося от кошмарного сна ребенка. Он не очень хорошо понимал, где находится, и кровь, стучавшая в висках, мешала ему сосредоточиться.

Еще долго горячее дыхание Нефертити жгло ему грудь. Она рассказала ему о своем отчаянии, о том, как

желала его в тот вечер, когда оттолкнула его в своей комнате, о своем разочаровании, когда она родила шестую девочку... Она умоляла его простить ее, вернуть ей счастье, без которого она не может жить, она клялась, что ни на миг он не стал для нее менее дорог, напротив, она дорожила им теперь, как никогда раньше. Она боялась его потерять, и если он вернет ей свою любовь, она будет радоваться ей все время, час за часом, чтобы, привыкнув к счастью, не забывать никогда о том, как ей повезло. Наконец она замолчала, а ее губы продолжали покрывать поцелуями плечо мужчины, которого она так страстно хотела убедить в своей любви.

Бог спустился на западе, и его глаз покраснел, слишком долго взирая на воды и пустыни Египта.

Эхнатон встретился с ним взглядом, и это наполнило его силой. Он мягко отстранил от себя жену и сказал хриплым голосом:

— Между нами будет постоянно стоять Таду-Хеба. Обнимая тебя, я буду вспоминать, что у меня нечистые руки, и эта мысль не будет выходить у меня из головы. Когда ты кончишь целовать меня, ты вспомнишь, что митаннийка целовала меня, и отпрянешь с презрением! Писец не может использовать одну дощечку для подсчета гусей и птиц Бену своего господина, он должен взять для каждого вида свою, чтобы не перепутать их ценность. Ты и есть птица Бену.

Нефертити воскликнула с горячностью:

— Если ты не хочешь быть написанным на моей дощечке, я сделаю так, чтобы быть вписанной в твою! Я возьму любовника на ночь, и он выщиплет все перья из птицы Бену! Тогда ты не сможешь мне больше отказать! Мои уста, как и твои, будут с изъясном, но не важ-

но, что кубки щербатые, если вино, которое из них пьют, доставлено с прославленных виноградников Ка-Не-Кена! Мы любим друг друга! Скажи мне, что не любишь меня, что безразличен ко мне! Скажи мне это! Я хочу это услышать из твоих уст! Если это правда...

Голос ее сорвался.

— Если это правда, я больше не побеспокою тебя! Я умру в пустыне одиночества, как путник, оставшийся без воды.

Эхнатон молчал... Далеко, за западным горизонтом, солнце быстро спускалось в царство мертвых.

— Ты не понимаешь... — сказал наконец молодой человек устало, — я как музыкальный инструмент, корпус которого треснул, я обречен теперь навсегда звучать фальшиво! И это я, который задавал тон оркестру! Как требовать мне от других то, чего я не могу дать сам? Если я вношу в жизнь разложение, то как удалить запах?!

— Здесь каждый имеет несколько жен, и никто не ждет от тебя примера, чтобы ему следовать! — проговорила Нефертити, рыдая от отчаяния. — В чем твоя нечистота, скажи мне? Ты любишь меня, и я люблю тебя: это наше спасение, это наше счастье! Если это неправда, значит, этого никогда не было, значит, ты врал мне одиннадцать лет и, значит, одиннадцать лет грешил перед богом!

— Но я люблю тебя! — воскликнул Эхнатон, защищаясь от обвинения. — Я не переставал любить тебя ни на мгновение! Я не...

Нефертити, вся мокрая от слез и пьяная от радости, бросилась к нему с криком:

— Ты меня любишь, ты это сказал! О! Любовь моя, любовь моя!

Она обвила его шею руками, перемежая слова горячими поцелуями.

Эхнатон не выдержал. Его любовь, как река, запруженная слишком надолго, сломала преграды, им же самим воздвигнутые, и хлынула, затопляя его и его жену.

Нефертити верила, что вновь обрела счастье. Ей было слишком хорошо, и она не хотела больше думать о том, что мужчина становится неудержимым, пылким, когда кровь стучит в его ушах и он больше ничего не слышит, но, удовлетворив желание и успокоившись, он начинает прислушиваться к внутреннему голосу и наводит порядок в своей голове.

Эхнатон стал снова встречаться с супругой и больше ни разу не упоминал ни о Таду-Хебе, ни об угрызениях совести...

Однако, когда он оставался один, он слышал голос своей совести, упрекающий его в порочности, в грязи, и никогда он не пытался заставить этот голос замолчать.

В действительности он упрямо продолжал смотреть на себя, как на треснувший музыкальный инструмент. Им овладела навязчивая мысль, что он негоден больше для того, чтобы задавать тон оркестру.

Он терял доверие к самому себе... тихо, потому что больше не держался за жизнь, ибо начал умирать.

ГЛАВА 10

Едва Май добрался до Уисы, чтобы наконец насладиться заслуженным отдыхом в объятиях своей жены, как прибыл посланец из страны «Двух Рек» с печальным известием: Гушратта убит своим старшим сыном,

гражданская война, брат проливает кровь брата! Проегипетская партия против партии просирийской... Аки-Тешшуб, старый военачальник, пропитанный с ног до головы египетским духом, на стороне Шаттива-сы, младшего сына Тушратты, который, чтобы спастись от ярости старшего, удрал в Вавилон.

— Дурак! — гневно возмутилась Тэйя, и траурное оцепенение мигом слетело с нее. — Вавилон! Гнездо скорпионов! Весь мир знает, что Ашшурбаллит* в сговоре с Аратадамой Вторым, ставленником хурритов! Они как два стервятника, летающие вдоль границы, чтобы сожрать труп Митанни. Смутьяны, набивающие брюхо падалью! В Вавилон! О чем думал этот осел?! Почему он не скрылся на морском побережье, в странах, где правят наши ставленники!

Эхнатон пожал плечами.

— Если бы мы заранее знали о преступных планах старшего сына Тушратты, мы предприняли бы действия по спасению несчастного! Но в любом случае теперь это слишком поздно, мы не можем больше ничего предпринять. В Вашшуккане много наших сторонников... Надо подождать.

Тэйя резко перебила его.

— Подождать... но разве ты не понимаешь, что это будет означать? Разве угрозы стервятников для тебя пустой звук? А раздираемая их когтями Митанни?! И хетты, что хлынут в наши верхние провинции! А Суппилулиумас, пользующийся беспорядками, чтобы продвинуться к нашим границам! Пошли Хоремхеба и Май в наши владения, прикажи им вырывать языки и рубить головы, наказывая предателей, почувствовавших подходящий час для мятежа! Начни с Азиру! Ты

слышал, что доложил Маи? «Азиру — обманщик, его глаза косят на восток, когда он говорит о юге!»

— Я предписал Азиру сидеть смирно! Я сказал ему, что не потерплю этой дерзости и приеду убить его собственными руками!

Усмехнувшись, Тэйя повернулась к своей невестке:

— В период обилия блох он предпочитает позволить им спокойно кусаться и, вместо того, чтобы убить хоть одну, он пугает этих плутовок угрозами! Скажи своему муже, что эти царьки только смеются над его грозными предупреждениями! А надо, чтобы они имели страх! Все они там готовы поживиться богатством Египта и ведут себя так же нагло, как полчища крыс в плохо закрытом амбаре с зерном! Натри же стены нашего амбара кошачьим жиром, чтобы они почуяли запах и испугались!

Нефертити сказала спокойно:

— Это так, но надо устроить в Ахет-Атоне смотр всех провинций. Пусть приедут правители и сами привезут дань. Они не делали этого уже долгое время... и у нас будет возможность поговорить с ними и о военной помощи, и о наказаниях, что ждут провинившихся!

— Смотр! В то время как надо действовать! — бросила Тэйя с презрением. — Пусть фараон облачится в военные доспехи! Вот это да! И пусть он отправляется в провинции и там проводит смотр! Кошачий запах — вот что распугает крыс!

— Ты хорошо знаешь, мама, что я не смогу запугивать людей, перед которыми провозглашал: «Братство! Равенство всех под Солнцем!» Если они меня увидят у себя дома сердящимся, угрожающим, закованным в

броню, потрясающим оружием, они потеряют свою еще не окрепшую веру в Атона!

— Но в провинциях ты не у них, а у себя дома! — воскликнула Тэя с горячностью. — Твои отцы завоевали эти земли, и из уважения к их памяти ты должен пожертвовать всем, чтобы сохранить эти владения!

Долгим и пристальным взглядом посмотрел Эхнатон на свою мать и наконец проговорил дрожащим от волнения, но необыкновенно уверенным голосом:

— Мои отцы были воины и подчинили себе царства, для управления которыми они не были рождены, подобно вора, что завладели добром, предназначенным не для них! Каждый год эти земли отсылали свои богатства в Египет и от этого нищали. Я пытался ослабить их потери подарками и Учением... Я не требовал большой дани, я иногда совсем забывал спрашивать с них и эту дань, чтобы жизнь не стала им в тягость... Я не размещал в их городах свои войска, мои боевые кони не топтали их посева! Если моя любовь не смогла привлечь их ко мне, то вряд ли я изменю их чувства с помощью палки. Ибо любовь предлагает, а не требует силой... Она нежно улыбается, а не показывает зубы, чтобы укусить! Моя жена сказала мудро, и ее решение, мама, обладает той умеренностью, о которой ты сама забыла. Я в последний раз соберу народы, покорные Египту. Они придут со своими дарами, но не для того, чтобы уплатить дань, а для того, чтобы обменяться ими здесь, как на рынке. Я узнаю их мысли, я вновь попытаюсь объединить их вокруг себя любовью, для того чтобы они поняли, как она необходима для счастливой жизни. Я не боюсь хеттов, потому что люблю их. Пусть они приходят и передвигаются с места на место сво-

бодно! Их единственное оружие — это то, что они думают, что Египет их страшится... Они раздражаются, как ребенок, у которого отняли игрушку!

Тэя безрадостно усмехнулась.

— Ты ненормальный! Вы оба ненормальные! — бросила она с горечью. — Своими руками я короновала тех, кто хочет сократить царство до островка, затерянного на Ниле... Видения бога стоят у них перед глазами! Они уже не помнят, что живут на земле, в мире людей, где сильный пожирает слабого! Они забыли, что мир здесь, внизу, можно сохранить только силой оружия! В своей безумной страсти к братству они станут причиной смерти множества людей!

Стареющая царица говорила словно в пустом зале, ибо ни Эхнатон, ни Нефертити не обращали никакого внимания на то, что она пыталась им объяснить. Они смотрели на нее как на пожилую женщину, которая повторяет то, что запомнила в юности, потому что ее ум ослабел и не способен больше ни порождать, ни усваивать новые идеи.

Гонцы были разосланы во все концы египетских владений.

В первый день тринадцатого года царствования Эхнатон, его жена и шесть дочерей отправились в роскошный дворец, построенный для торжественных приемов подвластных народов*. Они важно восседали под балдахином на столбах из черного дерева и золота, дожидаясь начала шествия правителей. Наконец торжественный парад начался. Перед ними прошли нубийцы из Эрзета, из Меца, из Яма, из Вавата, из Кавы, с ярко-красными знаменами, сверкающими своими украшениями, ведя за собой огромных, торжественных до ко-

мичности бабуинов, обезьян с «розовыми ушами и фиолетовыми задами». Прошли гордые жители пустынь, обожженные солнцем, с узкими, словно рот прорезан кинжалом, губами, раскрашенные и прекрасные... Прошли люди из Пунта, Ханаана, из Нижнего Резена, из Аласии*: финикийцы, азиаты, ливийцы, негры и, наконец, египтяне из номов — все нагруженные богатствами, которые они выставляли перед благожелательным взором своего господина: миртовые деревья с корнями, для посадки, глиняные кувшины с кедровым маслом, редкие животные, парадные чаши из дорогих металлов, древесина редких пород деревьев, драгоценные камни, чистокровные лошади, колесницы, оружие, музыкальные инструменты, собаки, гепарды, карлики, притирания, благовонные смолы, изумительные быки, бараны, антилопы, сундуки, полные золота, драгоценностей, материй, кож, сушеных фруктов, печенья и других лакомств...

Прошли все, за исключением Азиру, властителя Амурру, царя коварных аморитов, которые поверили в клевету хеттов. Он передал через своего посла, что болен и что, конечно, умрет от невозможности присутствовать в чудесном Ахет-Атоне. Его дань была тощей, он извинялся за это и приказывал передать: «Я опустошил свою казну, чтобы вооружить своих воинов на границах со страной Хатти, и в этом я послужил интересам Моего Господина лучше, чем это могли бы сделать все эти утопающие в роскоши и трясущиеся от страха царьки, которые, как собаки при дворце, лают, а не кусают».

Позже Эхнатон позаботился, чтобы наказать этого дерзкого писаку. Но сейчас он выступил перед всеми

собравшимися, и его речь была полна самой неподдельной любви. Он напоминал им о дружбе, которая связывает народы перед всевидящим оком бога, он призывал их к миру, любви и счастью.

— ...Пусть вашим женщинам не придется производить на свет жизни, обреченные быть убитыми, пусть ваши сердца, согретые солнцем, не будут испытывать ни привычного страха перед грабителями, ни горечи, порождаемой желанием грабить самим! Радуйтесь вашим дням, мечтайте в благодатной тени ваших деревьев, смотрите, как крепнут ваши сыновья и хорошеют ваши дочери... спокойно идите по жизни в ожидании смерти, как река течет по своему руслу перед впадением в море, отражая в себе берега, радующие взор золотым урожаем и полные ликующей жизни... смиренным сердцам бог дарует вечный мир...

Властители слушали с уважением. Те из них, кто ценил покой, говорили:

— Воистину Эхнатон — самый великий из фараонов Египта, самый мудрый, самый просвещенный, и хорошо оставаться в пределах его земель, чтобы всегда его слушать. Учитель, исполненный божественной мудрости, бережет своих учеников, ибо они предпочитают придерживаться его советов!

Те из них, кто уже жестоким вышел из живота своей матери, молчали, но про себя думали:

«Суровая свобода лучше выплаты дани. Эхнатон слаб и безумен. Это для нас удачный час, чтобы сбросить египетское иго и завоевать богатства страны Двух Земель, где золота, как пыли».

Первые возвратились к себе, взволнованные и благодарные за дары, которые они получили.

Другие вернулись в свои маленькие царства, завидуя тому, что видели в сокровищницах фараона, и возмущенные, что не смогли захватить этого. Подарки, которые Эхнатон им предложил, еще больше разожгли их злобу, и они говорили себе:

«Эхнатон бросил нам кость, как собаке, но мы покажем ему, что мы львы и явились сюда, чтобы его растерзать!»

В тот памятный день молодой Эхнатон сказал скульптору Беку:

— Проникнуть в тайну бога могут только чистые сердца... что до других, они останутся снаружи, и никто не сможет ничего для них сделать, кроме них самих.

Никто не мог ничего сделать для этих озлобленных людей, пристрастившихся ко злу и насилию. Они были гнилыми плодами мира людей.

Для укрепления своего дела Эхнатон предпринял поездку по Египту. Он произносил умиротворяющие речи, снижал и без того небольшие налоги, часто просто представал перед людьми, дабы вложить в их упрямые головы мысль, что если он и есть фараон, то является не в меньшей мере существом из плоти и крови и доступен самому обездоленному человеку. Он посетил рудники и карьеры и раздал рабочим благовонные масла, «для того чтобы они не испытывали неудобств от своего дурно пахнущего пота»... Он помиловал заключенных, чтобы дать им возможность измениться в лучшую сторону, ибо, говорил он, «во мраке тюрьмы и души становятся черными, и они выходят из застенков

более плохими, чем были, когда туда вошли...», он выслушивал жалобы и поступал по справедливости.

Нефертити, как скупец, который не отходит от своего золота, чтобы его не украли, следовала за ним повсюду. После случая с Таду-Хебой она боялась, не промелькнет ли во взгляде мужа даже мысль о другой женщине.

Однако вскоре они были вынуждены прервать свою поездку по стране и как можно быстрее вернуться в Ахет-Атон, ибо запыхавшийся гонец сообщил им, что Мекетатон, вторая их дочь, стонет, лежа на кровати, сраженная злой лихорадкой.

Примчавшись в ужасе в столицу, они прочли во всех устремленных на них взглядах отчаяние и безнадежность. Пенту, который приехал вслед за Тэйей из Уисы, выглядел подавленным и уставшим. Еще раз наука доказала свою беспомощность. Встретившись с этой таинственной болезнью, пожирившей ребенка, он пришел к заключению, что это злокачественная лихорадка, но в действительности он не очень хорошо понимал, что означают эти тревожные симптомы, это истощение, эта дрожь, этот холодный пот, эта кровавая пена, выступающая на губах ребенка. Вначале он лечил кашель, поскольку она кашляла, потом болотную лихорадку, поскольку она дрожала, затем воспаление глаз, поскольку ее глаза гноились... но никакие средства не помогали, и с каждым днем жизнь в этом маленьком, едва сформировавшемся тельце слабела. Мекетатон было одиннадцать с половиной лет.

Нефертити не отходила от ее изголовья. Она протира-
ла ее потеющее тело, ласкала ее, убаюкивала, пела ей детские песни, и голос ее часто прерывался рыдания-

ми. Иногда по вечерам, переполненная горем и усталостью, она ловила себя на том, что шепчет слова, которые Ты нараспев произносила над ее постелью, когда она была маленькой:

— Уходи! Уходи! Ты, пришедшая из темноты. Пришедшая ее украсть, я не дам ее тебе обнять! Я не дам ее тебе унести с собой, пришедшей ночной порой. Чудотворные средства имею я, чтоб защититься против тебя: трава Эфет, что причиняет боль, и лук, чей запах ты не переносишь, и мед, что сладок для живых и мертвым горек, и части рыбы Эбеду, и позвоночник окуня...

Она повторяла эти слова произвольно, не вдумываясь в их страшное содержание, ибо они вырывались у нее перед неотвратимой бедой, в лицо которой она прямо отказывалась посмотреть.

Вечером, застав ее за чтением этой магической формулы, муж воскликнул:

— Прекрати! Не видишь, что ли, что можешь напугать девочку, если она спит! Ты говоришь непонятно что! Никто и ничто не отнимет у меня мою дочурку, ты слышишь!

Нефертити вышла из оцепенения и поняла наконец глубокий смысл произносимых ею слов: она говорила со смертью. Она подняла обезумевший, полный слез взгляд на мужа.

Эхнатон присел рядом и обнял ее. Бледное личико Мекетатон блестело от пота. Она дрожала, и ее дыхание было коротким и прерывистым, и, казалось, она упорно борется за свою жизнь.

Эхнатон кусал губы, чтобы не заплакать самому. Перед этим ребенком, в одиночестве сражающимся со смертью, он чувствовал себя совершенно беспомощ-

ным, и его раздражала эта беспомощность. Все его существо напрягалось в желании отдать ребенку свою жизнь, прильнуть к губам больной девочки, чтобы та смогла пить ее и обретать новые силы... но губы Мекатон ловили пустоту, ее щеки не розовели, конечности не наполнялись силой, и сердце с трудом перегоняло по жилам кровь, тяжелую и густую, как болотная жижа.

Смерть... смерть... самое страшное слово, самое пугающее своей тайной из всех человеческих слов! Кто может похвастаться, что вернулся оттуда, и избавить от тревоги тех, кто видит, как умирает любимое им существо? Кто может сказать, что за ней скрывается: начинающее разлагаться тело, последней обязанностью которого будет удобрить землю? Или Ка, бросившийся в водовороты невидимого мира и носящийся там без мыслей и желаний? Или двойник, предстающий перед судом Осириса, чтобы заслужить подобие жизни в молчаливых областях среди немых теней рабов? Или душа, освободившаяся от земных уз, несущаяся среди безграничного моря света и чувствующая бескрайнюю радость и беспредельную любовь?

Учения, что утешали людей и не давали задумываться о той полной непроницаемого мрака бездне, что ждет их в конце пути! Но никакие учения не могли помочь человеку, увидевшему, как бездна открыла свою пасть у ног его любимого! Тогда он бросался на землю, скреб ее ногтями, выкрикивал дорогие ему имена и внезапно замирал, осознав свое полное одиночество. С ужасом он начинал видеть исход, о котором не смел

и подумать и который заключался в вечном одиночестве... да, всегда неосознанный страх живого человека перед смертью был страхом перед вечным одиночеством: потерей тех, которые радовали его под солнцем, переплетали его бытие со своими собственными жизнями... как ткut ковер, переплетая тысячи нитей.

Эхнатон сильнее прижал к себе жену — весь смысл его жизни. Придет день, когда и она исчезнет в небытии! И больше никогда он с ней не увидится! Больше никогда, никогда... Отчаяние толкнуло его в ересь, и он взмолился:

«Пусть существуют боги! Пусть судят они нас, но пусть они дадут нам место, где мы могли бы вновь встретиться с любимыми! Пусть это будет правдой! ПРАВДОЙ!»

Мекетатон как-то в бреду сказала отцу:

— Не забудь приказать положить пищу и напитки в могилу... пусть мой Ка с голоду не бросается на свои испражнения и не пьет свою мочу!

И отец улыбнулся над ее ребячеством, ибо тогда он не чувствовал еще ужаса смерти.

«Да, я положу рядом с тобой и еду, и питье, — обещал он с чувством. — Если правда, что Ка мучает голод и жажда, я не хочу, чтобы ты испытывала недостаток в чем-либо, что должно быть! Для тебя, твоих сестер и твоей матери я не пойду ни на какой риск... ни на какой!»

В своем горе Эхнатон даже не понимал, что каждая его мысль говорит о его отречении от своего бога.

Два дня спустя Мекетатон умерла. Стать взрослой была не ее судьба... не она ли кричала при рождении «Мби»?

Наверное, с мучительным желанием понять тайну вечности Эхнатон оставил свою жену наедине с ее горем и, склоняясь над умершей, последовал за телом дочери в некрополь. Он уже увидел, как бальзамировщики металлическими крючьями достали через ее ноздри серое вещество мозга, что служило когда-то источником мысли... Он видел, как через разрез на ее боку, сделанный при помощи нубийского камня, они вырвали ее внутренности. Он смотрел в лицо дочери, в то время как все полости ее тела заполняли чистой миррой, кассией и другими ароматическими смолами... но лицо дочери не дрогнуло в знак начала нового, скрытого существования.

День за днем он смотрел на нее, лежащую в растворе, насыщенном содой... но все, о чем он мог свидетельствовать, было быстрое сморщивание тела и усыхание плоти... Мекетатон становилась похожей на пустой бурдюк, который запрячут в могилу, как бросают в сарай старый мешок.

И вместо того, чтобы вынести из этого опыта веру в загробную жизнь, Эхнатон вернулся в город в еще большем отчаянии.

Погребение должно было состояться на месяц позже бальзамирования, ибо рабочие не закончили к сроку погребальную камеру молодой царевны.

Эхнатон приказал опечатать помещение, в котором находилась мумия дочери, и запретил граверам заканчивать работы в склепах, предназначенных для других членов царской семьи.

Он не хотел больше думать о смерти. Он хотел жить... сжимать жену в своих объятиях, смеяться, петь, жадно впитывать тепло солнечного света, вдыхать пол-

ной грудью свежий воздух, без конца слушать чудесные звуки, ласкать тех, кого любил, ступать по земле и, не обращая внимания на умерших, о ком осталась лишь возможность вздохнуть, радоваться тем, кто окружает его, переплетая свою жизнь с его жизнью. Бог, добро, зло, небесные проблемы, политика, строгая мораль — пустые слова, из-за которых человек теряет драгоценное время, время, предназначавшееся для «счастья бытия». В течение долгого времени Эхнатон понапрасну мучился своей безобразной внешностью, в течение года он страдал оттого, что запятнал свою чистоту, и в этом безумии, заставлявшем его ничего не видеть, кроме своих несчастий, он упустил время, которое больше не вернешь!

Теперь Эхнатон неистово пытался наверстать упущенное, наполнить свою душу радостью и весельем. Он обнимал жену до умопомрачения, он раздавал подарки направо и налево, чтобы видеть вокруг себя улыбающиеся лица, он отрывал время от сна, чтобы любоваться красотой своих владений, он черпал полными пригоршнями то, что называл теперь настоящими земными богатствами.

Он выпрямился, чтобы посмотреть в лицо богу, и сказал ему, как гордый бунтарь:

— Я не знаю, кто ты, и даже ЕСТЬ ли ты вообще. Но если ты ЕСТЬ, я благодарю тебя за всю радость, которую ты мне дал, и я прошу у тебя прощения, что не радовался жизни с такой полнотой раньше. Непостижима мудрость твоя создать свои творения для жизни в счастье от рождения и до самой смерти!

Однако неясные сомнения в своей правоте удерживали его от того, чтобы открыто высказать свои последние идеи:

— Уважай жизнь другого, ибо его предназначение быть счастливым, как и ты, как и все мы! Но не растрачивай себя понапрасну на пустые дела, оставайся беззаботным и опьяняйся великой радостью бытия.

Нефертити не понимала нового состояния своего мужа. Она больше знала его серьезным и задумчивым, но она благодарила Атона за произошедшее изменение. Оно приводило ее в восторг. Никогда они не произносили имя их умершей дочери: бессознательно царица понимала, что это ключ от двери, которую из страха, что сухойей ворвется в их жизнь, нельзя открывать.

ГЛАВА 11

Шаттиваса, младший сын Тушратты, отправившийся искать поддержки в Вавилон, не получил там помощи. И более того, радушно встреченный во вражеском стане, он позволил ворам украсть у себя сокровища, которые старый военачальник Аки-Тешшуб заботливо привез ему, чтобы царевич мог вести достойную жизнь при иноземном дворе. Его соратники тотчас смекнули, что все шансы на возвращение трона Митанни потеряны и они дождутся в благодарность от своего господина разве только песка и камней. И они разбежались в разные стороны, разочарованные тем, что связались со столь безнадежным делом, а старый Аки-Тешшуб умер от горя, переживая, что в свои семьдесят два года еще сохранял веру в преданность царевичу его сторонников.

Тогда Шаттиваса, отчаявшийся, почти обезумевший, сбивший ноги о камень дорог, «которым не было конца», в сопровождении нескольких слуг и двух хур-

ритских вельмож прибыл наконец во владения хеттов, давних и упорных врагов своей страны.

Суппилулиумас, умный царь страны Хатти, понял, что наступил момент подорвать могущество Египта. С помощью армии и хитрых купцов ему уже удалось отхватить части нижних провинций страны Хер*. С другой стороны, он выведал намерения Абди-Аширта, старого правителя царства Амурру, и своего вспыльчивого сына Азиру относительно Египта и заключил с ними союз.

Он выдал за Шаттивасу свою дочь и обещал восстановить его на троне отца при условии, что он подпишет договор, по которому Митанни будет обязана выступать вместе с хеттами против общего врага.

Устроив это, он занялся землями, принадлежащими фараону, и начал засылать туда лазутчиков, подстрекавших местное население к бунту.

Властители Ханаана, что вышли жестокими из животов своих матерей, подняли мятеж и начали убивать и грабить.

С превеликой дерзостью Азиру поделил прибрежные города между Сирией и Финикией*, затем спокойно отправился в Цумур, откуда намеревался столь же победоносно идти вдоль побережья вплоть до горла дельты у города Гизы.

У Азиру был надежный друг при дворе самого Эхнатона. Этим другом являлся Дуду, главный управляющий дворцом, верховный распорядитель пиров, начальник начальников, управляющий управляющими всеми работами. Он познакомился с ним на десятом году правления фараона во дворце своего отца, куда Дуду явился в качестве посла, и между двумя похо-

жими по духу и настроениям мужчинами установилось полное взаимопонимание. Аморит и его товарищ долго обсуждали дела Египта и пришли к выводу, что страна Черный Кем созрела, как хороший фрукт, и что близится время его сорвать.

Дуду был человеком, который по своей ловкости пользовался высшим доверием и который полагал, что остальной мир — это сборище дураков, за чей счет легко можно пожить. При юном Эхнатоне ему не составило труда приобрести важный сан, ибо его основным приемом было умение использовать слабости противника. Тонкий знаток человеческой души, он тотчас увидел выгоду, которую можно извлечь из простодушных идеалов сопровителя. С притворным огорчением он однажды сказал ему:

— Конечно, ты провозглашаешь равенство всех народов, однако какой-нибудь сириец или нубиец никогда не смогут стать в твоём царстве верховным распорядителем пиров... Ибо знатные египтяне возмутятся такой беспримерной милостью по отношению к иноземцу, которого они презирают!

Некоторое время спустя он был назначен верховным распорядителем пиров.

До своей встречи с Азиру он зарился на звание полномочного правителя провинции Сирия, как его земляк Янх-Амму, и лелеял мечту основать династию, избавившись от египетского ига. Азиру пришлось кстати, чтобы воплотить эти чаяния. Они оба составили совместный план, по-дружески разделив приморские страны на северные и южные, договорились превратить в колонии земли по Нилу, поглотить Митанни, наложить дань на Аласию и поклялись никогда не искать

между собой ссоры. После чего они как следует обмыли свое содружество превосходным пивом из страны Кеде, которое веселит сердце и придает храбрость.

Задача Азиру заключалась в том, чтобы двинуться вперед вместе с войсками отца и разгромить провинции.

Задача Дуду состояла в том, чтобы дать сигнал к этому наступлению. Он также взялся обрабатывать гонцов и искажать послания из провинций с просьбами о помощи и наконец убедить фараона, что эти трусливые царьки хотят для большей к ним жалости превратить муху в слона.

Дуду не доставил себе радости дать такой сигнал, ибо Суппилулиумас сделал это до него. Он не огорчился и приступил ко второй части замысла, а именно начал запутывать положение дел в стране.

Благодаря его ловкости Эхнатон вскоре не мог отличить, где правда, а где ложь в этих бесчисленных прибывавших из провинции посланиях, полных обвинений и призывов к справедливости.

Он говорил устало:

— Что за беспокойные люди? Кто мог бы им объяснить, насколько они лишают сами себя радостей жизни.

— Ты слишком добр к ним, ты слишком приучил их получать золото и подарки, — восклицал Дуду, изображая возмущение воспитателя по отношению к детям, надоедающим его воспитаннику. — Они сердятся словно испорченные дети! Пошли им в подарок драгоценный кинжал, который твой посланец вонзит им в сердце!

Действительно, дела Азиру и его союзников шли превосходно. Дуду уже удовлетворенно потирал руки.

Однако неожиданно в том месте, которое сириец доверчиво считал самым мирным, начались неприятности.

Жрецы Амона, распущенные еще двенадцать лет назад, достали свои парики, что прикрывали их бритые черепа, вытащили из сундуков леопардовые шкуры, немного, конечно, попорченные молью, но еще вполне внушительные, и начали призывать к восстанию. Их люди сообщили им о близившемся крушении царства, и письма, которые они получали из провинций, не были подменены. Им было легко очернить перед народом политику, проводимую фараоном.

Они яростно кричали:

— Безумие Аменхотепа Четвертого стало очевидным, и это произошло по милости Амона! Вы, которые сомневались в Амоне, покайтесь и не упускайте возможности получить у него прощение! В противном случае гордое царство Египта обрушится на ваши головы! Орды азиатов, ведомые мстительными и безжалостными к людям богами, вторгнутся в нашу землю, как некогда гиксосы! Если вы еще сомневаетесь, вспомните, что в ужасные времена нападения пастушечьих царей единственные, кто спас страну, были жрецы Амона! Ибо их чистота нашла милость в глазах бога города Уисы. Амон приказал нам сказать в полный голос: «Освободитель Эхнатон — еретик и преступник, недостойный сын, заставивший сбить имя отца с его гробницы, чтобы тот исчез из мира живых навсегда. Эхнатон — предатель, раздающий золотые запасы страны зависимым государствам, чтобы заставить свой народ голодать. Он извращенец, погрязший в изнеженности, когда пришло время негодовать и действовать, безумец, приравнивающий паршивого чужеземца к знат-

ному египтянину. Эхнатон достаточно поцарствовал, чтобы показать, что он не достоин уважения своих подданных! Пока не поздно, пока доброта богов не отвернулась от Египта, покайтесь и восстаньте! Или страшитесь будущего!» Суеверный народ, не находивший выгоды в новом, слишком облагороженном, Учении, никогда не прекращал почитать множество местных богов. Простые люди, выслушивая такие речи, одобрительно покачивали головой, и главным доводом, который их убеждал окончательно, было: «Эхнатон — недостойный сын, заставивший сбить имя отца с его гробницы». Что же касается номархов, их больше беспокоило разрушение царства и дерзость Азиру, чем речи жрецов Амона. Им нужно было защитить свое имущество, и у них не было никакого желания терять его ради дружбы с государем, оказавшимся в опасном положении!

Египет роптал, воздух был пропитан тревогой и недовольством. Военачальник Хоремхеб, верховный главнокомандующий армии был верен царице Тэе, но ненавидел Эхнатона с его идеями безмятежного мира или мирного равенства. Из уважения к престарелой царице он написал ей письмо, в котором почтительно сообщал ей о своем решении ввести в бой войска на стороне жрецов Амона. Он ей писал, что, если она хочет охладить разгоряченные и готовые к мятежу головы, она должна убедить своего сына в необходимости примирения: «Пусть он назначит соправителя, и пусть тот займет трон в Уисе! Пусть принесет публичное покаяние и вновь откроет храмы Амона! Тогда, быть может, династия Великого Аменхотепа III, Возлюбленного Богами, сохранит трон и не будет низложена, к чему призывает разгневанный народ!»

Тэя прочитала послание, и ни единый мускул на ее лице не дрогнул.

Затем, с папирусом в руке, она пошла в покои своего сына, где и застала его вместе с женой за трапезой. Не говоря ни слова, прямая и суровая, она бросила папирус прямо им на стол.

В комнате наступило молчание, во время которого служанки сделали еле уловимый шаг к двери. Они боялись Тэйю, не любили и не понимали ее, и каждый раз, когда она входила, в комнате начинало пахнуть какой-то затхлостью. Они чувствовали, как их охватывает паника.

Эхнатон спокойно сделал знак одной из них полить ему на руки воды из кувшина, затем встал и резким кивком приказал служанкам покинуть зал.

С беспокойством смотрела Нефертити то на строгое лицо свекрови, то на странно спокойное выражение лица мужа, то на свиток папируса, который, казалось ей, был опаснее клубка рогатых гадюк. Она не знала его содержания, но по поведению Тэйи догадывалась, что это должно было быть подтверждением ее самых мрачных предчувствий. В течение года молодая женщина держалась вдали от государственных дел. Она узнавала о них только из дворцовых сплетен. Ее муж просил ее не утомлять себя столь скучной и неблагодарной работой. Он говорил: «Сейчас все идет по наезженной колее... и этого вполне достаточно, чтобы только один из нас томился в комнате свитков! Радуйся жизни и не беспокойся ни о чем... ты знаешь, что мне трудно принять решение, когда ты рядом, потому что ты затмила передо мной весь свет!»

Однажды пришла Ти и очень удивилась, застав свою питомицу в столь мирном расположении духа, когда

вся столица была охвачена возбуждением. Все обсуждали угрозу со стороны хеттов. Но когда Нефертити обратилась с вопросом к мужу, он ответил ей с улыбкой:

— Мой духовный отец сказал: «Люди подобны болотной мошкаре. Они считают, что, лихорадочно двигаясь в вечернем воздухе, можно отсрочить наступление смерти, связанное для них с заходом солнца... В своем безумии они с презрением смотрят на ящерицу, которая пристроилась на теплом камне и спокойно ждет, когда исчезнет последний луч». Не обращай внимания на возбуждение других, скорее пожалей их, ведь они умрут уставшими, так и не порадовавшись жизни! Действительно, Дуду был прав, когда говорил: «Они делают из мухи слона!»

Нефертити засмеялась, успокоенная, и больше не прислушивалась к сплетням, будоражащим весь двор.

И вдруг теперь она задрожала от страха перед этим брошенным на стол свитком папируса.

Эхнатон спокойно взял письмо Хоремхеба и медленно прочитал его. Затем, отложив его в сторону, он посмотрел на мать и сказал, улыбаясь:

— Этот военачальник выказал великую преданность и за свою храбрость заслуживает «Золотой мухи». Итак, весь народ разгневан на меня? В течение шестнадцати лет он бурно приветствовал меня... Еще недавно он падал передо мной в пыль, вне себя от признательности за то, что его государь снизил налоги... Он хвалил его справедливость, его доброту... и вдруг он поднимается в ярости, требует свержения династии! Он громко призывает на свою голову жадного Амона! Какой вывод из этого должен сделать человеческий разум?

— Ты очень хорошо знаешь, почему народ возму-

щается! — резко отчеканила Тэйя. — Я тебе не раз говорила: «Пошли военные отряды в Сирию! Поддержи верные тебе силы в провинциях!» Но ты оставался мягкотелым, ты со своим египетским высокомерием и не рассчитывал получить дань с подвластных народов, не собирался распространить свои законы на большую часть мира! Однако такая политика не принимает во внимание самолюбие египтянина, привыкшего получать дань с подчиненных ему народов и навязывать свои законы большей части мира!

— Самолюбие здесь ни при чем, — ответил Эхнатон, словно забавляясь. — Так вот, пусть египтянин зарубит себе на носу, что ни он не имеет больше прав перед иноземцами, ни они перед ним!

— Ты сошел с ума, мой сын! Ты невменяем, если считаешь, что народ простит тебя, тебя, позволившего этим азиатским свиньям оскорблять его!

Эхнатон повернулся к жене, ошеломленной разговором, и улыбнулся ей, как бы приглашая не принимать всерьез все происходящее.

— Что ты подумаешь, Нефертити, о человеке, который негодует, видя, как сыновья соседа прогоняют его коз со своего огорода? Что ты скажешь о человеке, который убивает своего благодетеля и нанимается, как раб, к хозяину, имеющему обыкновение жестоко избивать своих слуг, потому что благодетель помешал его ослам топтать посеvy соседа? Да, я смею утверждать, что первый наглец, а второй безумец! Нет, это не я сошел с ума, а мой народ обезумел. Это он хочет низложить меня и наняться на службу жрецам Амона, из-за того что отдаленные провинции освобождаются от египетского ига!

— Слова сейчас бесполезны, — сухо заметила Тэя. — Писания и речи — пустая трата времени! Пришла пора действовать, и действовать быстро! Что ты собираешься предпринять?

Эхнатон глубоко вздохнул и задумался. Читая письмо Хоремхеба, он пытался сохранить спокойствие и ту беззаботность, которую выказывал после смерти Мекетатон, но на сердце у него было тяжело. Страшная правда, давившая на него в последнее время, правда, в которой он не осмеливался себе признаться, сейчас выплеснулась ему в глаза: его жизнь оказалась несостоятельной, и он знал почему. Он родился с упрямым сердцем и нерешительным умом. Он горячо любил сам, но сомневался, что может быть любимым. Он страстно желал счастья своему народу... и не осмеливался идти до конца. Он жаждал совершенства... и запутался в тысячах своих соображений и сомнений.

Посторонние увлечения и болезненная неуверенность помешали ему закончить строительство своего храма до начала песчаных бурь, помешали собрать свой урожай до появления саранчи... Храм был готов рухнуть, урожай пропасть.

Теперь, когда удача отвернулась от него навсегда, ему остается только расстаться с жизнью. Уже давно он понимал, что должен скоро умереть. Возможно, с того момента, когда он обнаружил зловонную пропасть в своей душе. Или когда его дочь скрылась в глубине склепа и он силился как-то ухватиться за жизнь, ускользающую от него в минуту отчаяния. Он хорошо знал, что эти усилия подобны вспышке светильника, который вот-вот погаснет из-за недостатка масла. Действительно, все жизненные силы в нем подходили к

концу. День за днем они уходили из него, как вода из плохо запечатанного колодца... он уже чувствовал себя ослабевшим, уставшим, больным. Вскоре он будет едва передвигаться, как умирающий, чей гнилостный запах недвусмысленно сообщает, во что тот должен скоро превратиться...

И Нефертити округлившимися от ужаса глазами увидит пропасть, разверзнувшуюся у ног человека, которого она любила... Тогда она, видя, как приближается призрак одиночества, бросится на землю, будет царапать ее, выкрикивать его имя... она перестанет радоваться жизни... навсегда... навсегда...

Но нельзя было допустить этого! Эхнатон еще сильно любил Нефертити, чтобы согласиться принести в жертву ее счастье, ее чистоту, ее жизнерадостность.

Отчаяние, как ледяная вода, остудило его разгоряченное сердце и заставило ум работать с ним в полном согласии.

Эхнатон знал, что собирается сделать, и, повернувшись к жене, он спросил ее:

— Посмотрим, Нефертити, а что ты, столь мудрая в своих решениях, сможешь мне посоветовать? Что мы должны сделать?

Нефертити наконец прочла папирус. Ее возмутила дерзость Хоремхеба, и она ответила вполне определенно:

— Стыдно даже рассматривать предложение этого вояки, этого предателя и мятежника! Безумием было бы думать, что народ хочет вновь взвалить на себя тяжелое иго жрецов Амона! Этих зачинщиков беспорядков всего лишь небольшая кучка... Вызови Маи из Аны, перебрось войска от границ и уничтожь гнездо этой нечисти!

— Войска нужны на границе! — резко заметила Тэйя. — Особенно теперь, когда хетты готовятся захватить наши провинции на побережье! И этих зачинщиков беспорядков не кучка! Они составляют три четверти всего народа страны, а внутренняя междоусобица отнимет у нас последние силы. Тогда ты увидишь стервятников, слетающих со всех сторон на окровавленный Египет!

— Атон — великий бог! Он даст нам победу и не позволит, чтобы люди вновь стали невежественными и несчастными! Роды совершаются в муках, но боль совсем не повод, чтобы отказаться от рождения детей! — воскликнула Нефертити. — Мы боремся не только за народ Египта, но и за весь мир.

Старая царица насмешливо улыбнулась.

— Лев проснулся с опозданием! — сказала она с невиданным доселе жаром. — Дочь моя, что ты сделала с тех пор, как я возложила на тебя корону? Ты не спускала глаз со своего мужа, ты рожала дочерей, как простая крестьянка! С того дня как, к своему несчастью, ты полюбила мужа, ты забыла о своей гордости и упрямстве, забыла, что обладаешь ясным умом и сильной волей, перестала быть такой, какой я выбрала тебя, чтобы восполнить недостатки своего сына! И все это из-за твоего самолюбия! Я знала, что ты такова, но я думала, к несчастью, что это издержки юности. Я считала тебя умной женщиной... Умной! Но ты такая же сумасшедшая, как и твой муж! Сражаться за весь мир!!! Но раньше вот что надо было делать: прежде чем эти царьки зашевелились, ты должна была бы распространить влияние Египта за его пределами и уже после этого мечтать об установлении новых верований среди

иноземцев! Твой всемирный бог превратился сейчас в местное божество, прославляемое здесь, в Ахет-Атоне. Почему? Да потому, что у тебя была слабость к самолюбованию собой, своим мужем, детьми! Из-за твоей лени время Атона прошло! Если у тебя сохранился здравый рассудок, в чем я, впрочем, давно сомневаюсь, то прекрати выступать с этим глупым фанатизмом, как какая-нибудь тупая женщина! Ведь, в сущности говоря, ты не служительница культа, а царица! Попробуй наконец это понять!

Нефертити почти задохнулась от гнева и никак не могла обрести дар речи, чтобы прервать свекровь. Когда та замолчала, ей пришлось сделать огромное усилие, чтобы начать говорить. Голос ее звучал хрипло.

— Гордость заключается в том, чтобы не отречься от правды, которая живет в твоём сердце! Скорее умереть, чем сдаться! Но что ты можешь понимать в гордости, ты, которая раздавала своего мужа наложницам! Ты, которая пыталась подсунуть под моего мужа Таду-Хебу! Да, я жрица Атона! Да, я люблю своего мужа! И я не ленюсь ни служа одному, ни любя другого. И я пойду рядом с ними против тебя, против всего мира, если это потребуется! Мне не важно, что ты думаешь обо мне... я знаю, ты никогда не питала добрых чувств к своей падчерице, она всегда была для тебя только игрушкой, которой можно вертеть по своему усмотрению! Я знаю, ты хотела разрушить мою семью из ревности, потому что тебя обижала та нежность, с какой относился ко мне твой сын! Ты ревнивая мать, мелочная и злобная!

Голос Нефертити очистился, окреп, и последние слова она произнесла раскатисто, тоном площадного оратора на площади.

Эхнатон решил, что его жена слишком разгорячилась и ей надо остыть. Как лезвие кинжала, раскаленное на огне, а затем резко опущенное в воду, его душа стала несгибаемой, окрепла, как никогда.

Он проговорил спокойно, стараясь сохранить бесстрастный тон:

— Нефертити, я вынужден тебе напомнить, что ты обращаешься к моей матери, и я не позволю тебе говорить с такой дерзостью, даже если ты и права! Впрочем, ты знаешь хорошо, что не права. И этих гневных оскорблений моя мать совершенно не заслуживает. Она пожертвовала своей жизнью, любовью, простыми человеческими радостями ради государственного долга... и в этом она показала твердость характера и мужество, достойные похвалы. Ты молода, а ее возраст позволяет ей говорить тебе всю правду! Я выслушал ее и, честно говоря, не нашел ничего предосудительного! Верно, что мы совсем забылись среди бесконечных развлечений и вели себя как дети. Перестань же вести себя как подросток и умерь свои порывы, недостойные твоего возраста! Надо избежать внутренней войны любой ценой!

Выслушав мужа, Нефертити остолбенела. Впервые он позорил ее, обвиняя в ребячливости... да еще перед своей матерью! Его мать пользуется малейшим поводом, чтобы привязать его к себе. Нефертити ясно видела, какую игру ведет Тэя! Тэя любила своего сына страстно, и если была вынуждена женить его на сводной сестре, то потому, что знала, как та его ненавидит. Она считала, что таким образом сохранит его целиком для себя. Но судьба распорядилась по-другому. Нефертити влюбилась в своего мужа. И Тэя годами копила злобу из-за своей потери... затем, когда появилась Таду-

Хеба, она составила план мести. Поскольку она сама отчаялась отвоевать любовь сына, она устроила заговор, чтобы невестка стала такой же обездоленной, как и она сама! Теперь она вновь пыталась ее очернить в глазах Эхнатона, а сейчас, возможно, испытывала черную радость от мысли, что это удалось!

Эти рассуждения подействовали на Нефертити как соль, посыпанная на свежую рану. Нефертити гордо подняла голову и ответила с ожесточением, намереваясь задеть мужа, не побоявшегося поднять ее на смех перед свекровью:

— Ты совершенно прав! Естественно, что ты хочешь избежать кровавой междоусобицы любой ценой, даже ценой предательства. Ты предпочитаешь потерять провинции, нежели идти за них сражаться! Я виновата, что не заставила тебя наказать этих бесстыдных правителей... но я не допущу этого во второй раз! Надень боевые доспехи, фараон, и разгони эту кучку мятежников, что лают, а укусить не могут! Почему ты боишься их? Если тебе страшно, вызови Май. Он сделает то, что надо! Я обещаю тебе, что Хоремхеб будет наказан за свое предательство, как того и заслуживает! И пусть эти шакалы, эти зачинщики возмущения будут рассеяны по пустыне! И если я забыла, что я царица, чтобы стать просто женщиной, ты помни, что ты фараон! Помни, что ты приказываешь в землях Египта, что ты сын Солнца. Воспрянь духом, и ты увидишь, как все приходит в порядок!

Имя Май, брошенное как упрек, заставило Эхнатона болезненно вздрогнуть, но вспомнив, какую важную роль тот играл в государственных делах, он сухо сказал:

— Май, как и ты, действует не подумав, и снисхо-

дительность, которую ты к нему проявляешь, мне совсем не нравится! Но это к делу не относится. Я отказываюсь вдолбить в твою голову то, что даже ум моей матери не смог заставить тебя понять: есть непосредственная угроза династии! Я не упорствую, как ты, со своей глупой гордостью. Видишь, я признаю свои ошибки. Я не справился с управлением страной, я не смог привлечь к себе народ любовью... Верно, что я должен удалиться, что должен зваться только сопративителем. Семнехкара, мой младший брат, мальчик честный и решительный... Я женю его на моей дочери Меритатон, и он вернется в Уису, где разберется, как уладить дела!

— ТВОЯ дочь! — воскликнула Нефертити, страдая от внезапного малодушия человека, которого любила. — ТВОЯ дочь? Действительно? Но она также и моя дочь, а я отказываюсь от этого брака. Ты не настолько глуп, чтобы поверить, что жрецы Амона примут сопративительницу, верующую в Атона! Нет! Они заставят ее принять свою веру... Ты слышишь? ТВОЯ дочь будет почитать Амона, этого идола, которого ты ненавидишь до такой степени, что приказал сбить имя отца на стенах дворцов и даже его собственной гробницы!

Эхнатон опустил голову с подавленным видом.

— Я совершил ошибку, — сказал он уставшим голосом, — и мой отец прав: любой бог хорош для сердца человека. Пусть Семнехкара верит в Амона, пусть моя дочь приносит ему жертвы... пусть Уиса вновь станет столицей... Пусть оставят меня в покое.

Нефертити внезапно увидела своего мужа таким слабым, безвольным, малодушным, и ей захотелось заплакать... зарыдать, как вдове над мертвым телом того,

кто был ее любовью. Она потеряла то уважение, которое предшествовало любви, то безумное восхищение, которое придавало еще большую горячность ее страсти, и ей не осталось ничего, кроме болезненной привязанности, нечто вроде безнадежной преданности, окрашенной горечью и стыдом.

Дрожащим голосом она проговорила:

— Пусть тебя оставят в покое... Да, это все, что ты заслужил! Ты ящерица на теплом камне, и у тебя только одна забота, чтобы твой последний вздох был вздохом блаженства... Я верила в тебя, Эхнатон... Другие верили в тебя... как в спасителя, который придет и освободит мир от уродства и мерзости. За тебя мы охотно умерли бы... ты был примером мужества, чистоты, честности. Тебе мы поклонялись с верой и восторгом. Ты говоришь теперь: «Пусть меня оставят в покое!» Хорошо, мы оставим тебя в покое, Эхнатон! Но найди другую супругу для своего соправителя, ибо, пока я жива, Меритатон не отречется от своей веры!

Эхнатон быстро отвернулся, чтобы жена не заметила, как изменилось его лицо. Помолчав и собравшись с силами, он произнес почти ровным голосом:

— К несчастью для тебя, моя жена, я считаю, что жрецы Амона не согласятся на какую-нибудь другую соправительницу. Им будет казаться, что Меритатон, дочь Эхнатона, живущая в Уисе, означает полную капитуляцию их врага. Ведь я не могу заставить тебя последовать за мной и признать наше поражение. Я понимаю очень хорошо твое положение, если ты удалишься в свой северный дворец в Уисе вместе с детьми... исключая, очевидно, Меритатон, которая последует воле отца и выйдет замуж за своего юного дядю. Если это

может тебя утешить, знай, что Семнехкара равнодушен к нашей старшей. Вот это все, что мы хотели тебе сказать, моя мать и я.

Нефертити побледнела. Ее муж только что ее унизил и, чтобы лучше подчеркнуть это, присоединил мать к себе в этом царском «МЫ», его и Нефертити слово, знак их любви и преданности.

Гордо держа голову, она, не глядя на Тэйю и ее сына, с достоинством покинула залу.

С изумлением и любопытством наблюдала эту сцену старая царица. Легкость, с которой ее сын принял решение отказаться от всего того, за что боролся, показалась ей, от природы недоверчивой, очень странной. Она поняла, что он затеял какую-то игру, и пыталась понять какую.

— Зачем тебе понадобилось отстранять Нефертити? — спросила она. — Твоя жена тебя сильно любит... Это заставляет ее страдать. Я думаю, что, раз дело решено, вы могли бы очень хорошо жить в добром согласии!

— Оставь меня одного, я тебя прошу, мама, — ответил Эхнатон упавшим голосом.

Говоря это, он повернулся к Тэе, и она с ужасом увидела перед собой лицо старика.

Тогда в ее сердце появилось настоящее уважение к этому человеку, которого она считала слабым и который, а она это почувствовала всей глубиной своего сердца, только что совершил мужественный поступок.

Она удалилась в молчании, как покидают место, где умирает человек, покидают для того, чтобы, убедившись в бесполезности всех других средств, дать ему возможность обрести покой.

Эхнатон сидел в своем кресле перед столом, на ко-

тором лежало остывшее мясо. Он пристально смотрел туда, где чуть раньше сидела его жена, веселая и нежная... Она не вернется больше никогда, он останется теперь совершенно один перед лицом надвигающейся смерти.

Он был печален, но на сердце не было тяжести. Он, возможно впервые в своей жизни, принес пользу, быть может, впервые мог сказать: «Я был рожден не напрасно». Он спасал Нефертити, он защищал ее от нее же самой. Для этого он убил в ней чувство любви, которое вывело бы ее из равновесия, парализовало перед мертвым телом ее мужа. Он мог спокойно исчезнуть в темном провале гробницы: Нефертити не окажется теперь обессиленной от горя, которое восстановило бы ее против бога... ибо потеря дорогого существа более горька, чем печаль разочарования, она иссушает ум и опустошает душу навсегда.

Из-за своего презрения к слабости мужа Нефертити постарается сохранить твердую веру в Атона. Она ожесточится против тех, кто был повинен в падении человека, боготворимого ею столь долгие годы. Она обретет горячую веру и испытает восхитительные минуты от встречи с Абсолютом. Тогда она, сильная по природе, поднимется над Египтом и утвердит религию бога любви. Он был послан проложить перед ней дорогу и, по гордыне, считал себя старшим сыном Солнца... подобно слуге, схватившему палку хозяина и посчитавшему себя способным отдавать приказы, он вел свои дела вкривь и вкось, как раб, рожденный подчиняться и возмнивший себя господином. Но ему была дана возможность исправить свою ошибку: он уступил дорогу той, которая несла факел со священным огнем.

Вечером, перед тем как лечь спать, Эхнатон с грустью обратился к Атону:

— Я больше не знаю, есть ли ты на самом деле, ибо в глубине моей души шевелится множество сомнений и она полна разочарования, а ясность сознания замутнена, как источник, на дне которого в грязи копошатся черви. Однако я поступал так, словно ты был. Если действительно ты есть, смилуйся надо мной и сделай так, чтобы с последним вздохом я обрел мир и покой.

ГЛАВА 12

Чтобы окончательно разорвать все связи, соединяющие его с женой, Эхнатон произнес речь с балкона для торжественных выходов. В лицо остолбеневшим придворным он бросил:

— И вот я осознал свои ошибки, и вот я принял правду Амона. Мой брат, Семнехкара, вскоре будет коронован и вернется в столицу, в Уису. Однако царица Нефертити упорствует в своем заблуждении, и я удаляю ее от себя. Отныне я буду появляться с Таду-Хебой, и вы должны будете оказывать ей честь как Великой Царской Супруге. Пусть Амон пожалеет нас, нас, плативших ему черной неблагодарностью! Пусть он не приказывает своим жрецам лишать нас нашего имущества, как мы лишили их!.. Пусть не наказывает нас очень строго! Пусть позволит нам вернуться в Уису!

Воздействие оказалось таковым, что Эхнатон пожалел, что произнес эту речь.

Многие из наспех обращенных давно желали вернуться к живительной вере своих отцов. Они должны

были быть признательны своему повелителю и снисходительно отнестись к его отречению от своей веры. Но Эхнатона беспокоило, как примут это те, кто в свое время воспользовался ограблением сторонников Амона. Своим выступлением он посеял страх в их сердца.

Лишенные уверенности в том, что им удастся сохранить свои звания и имущество, эти люди назвали предательством его выступление и приветствовали мужество Нефертити. Они оказались «несчастливыми жертвами отступника, что дрожит от страха лишиться своего имущества». И поскольку Эхнатон перестал быть «тем, кто наводит ужас на весь мир», они набрались смелости выразить ему свое презрение. Они покинули дворец, чтобы чаще видеть свою «печальную правительницу, столь достойно и красиво несущую свое горе». Тем не менее они сохраняли некую веротерпимость, чтобы не выглядеть «черными» в глазах осуждающих их людей. И если их упрекали в верности той, которая упорствует в ереси, они отвечали с достоинством благородных людей:

— Нам жалко ее. За всю свою любовь и нежность, которые она дала мужу, она совсем не заслуживает такой печальной участи... Мы остаемся рядом с ней, чтобы разделить ее горе, ибо мы всегда презирали Эхнатона, но терпели его из чувства, которое питаем к его жене.

С другой стороны, если победили бы сторонники Атона, Нефертити была бы признательна тем, кто поддержал ее в несчастье. И в самом деле, у верующих в Атона еще оставалась последняя надежда, ибо из города Аны вместе с женой и большим отрядом войск прибыл Маи. Он расположился в окрестностях Северного

дворца, куда удалилась несчастная царица в сопровождении четырех своих дочерей, и он только ждал приказа к началу сражения... Каким смелым и честным человеком был этот Май! Он был бы более уместен на троне Египта, чем вялый и трусливый Аменхотеп IV.

Вокруг Эхнатона осталось мало друзей, и он радовался этому.

Аи, «божественный отец», был обижен, и если он не появлялся во дворце, то по причине неловкости, испытываемой им перед человеком, в твердости характера которого он обманулся. Что же касается Ти, она с жаром приняла сторону своей питомицы, и семья царицы почувствовала этот жар. Она безжалостно ругала своего мужа, колебания которого казались ей преступными и недостойными благородного человека. После царской речи она бросилась во дворец, чтобы прижать к своей груди ее «обиженную козочку». Она не церемонилась, когда говорила, что думает насчет поведения Эхнатона, своего мужа и всех других мужчин вообще: похотливое отродье, вот кто они!

— Кланяться перед Таду-Хебой как перед Великой Царской Супругой! Перед этой хурриткой, в жилах которой течет кровь проклятых гиксосов! Надо только видеть, как она держится, кривляка! И никакой благодарности к тебе, которая облагодетельствовала ее, которая сама наливала ей вино, украшала ее своими драгоценностями!

Затем, в мстительном задоре, она переходила к перечислению всех сплетен о фараоне и Таду-Хебе... даже самых старых, которые уже не интересовали никого... и говорила, говорила, не замечая страданий своей

питомицы. Ибо в своем негодовании была настолько слепа, что не могла представить себе даже возможность не поделиться им с той, которая вместе с ее молоком должна была впитать лютую ненависть к гиксосам. На самом деле под болью, причиненной отречением мужа от веры, Нефертити скрывала лихорадочное возбуждение. Вскоре это возбуждение поднялось, как вода на второй месяц разлива, и притушило боль ее сердечных ран.

Несчастливая царица надеялась, что уже избавилась от своего горя, но оно только заснуло, как от действия макового дурмана или кувшина крепкого вина. Она предавалась, в интересах друзей, пьянящему чувству мести и желанию взять реванш над Эхнатоном. Она была уверена в предстоящей победе Атона, ради которого она оставила все. С упорством существа, которое любой ценой хочет удостовериться, что жертва, принесенная им, не напрасна, она убеждала себя, что назначена богом для утверждения его культа. И поскольку ее душа была лишена возможности другой любви, она целиком предалась богу. Много времени она проводила в молитве и не боялась, что излишнее рвение может привести ее к смерти. Каждый вечер она наставляла собравшихся в зале для приемов Северного дворца, куда она удалилась до тех пор, пока «время песчаных бурь» не пройдет. Особенно она следила за религиозным воспитанием своих дочерей, чтобы они могли сопротивляться врагам Атона, ибо на ее совести лежал поступок ее старшей дочери: Меритатон без всякого замешательства последовала за своим мужем Семнехаром в Уису... теперь она поклонялась Амону... без стыда... Она унаследовала малодушие своего отца!

Большим утешением для царицы был Май. Между ними не было ничего, кроме крепкой дружбы, ясной и чистой. Нефертити и не позволила бы ничего другого, ибо ее нынешняя набожность вернула ей строгое целомудрие и крайнюю стыдливость. Она не представляла себя иначе, чем в образе непорочной жрицы. Она относилась к Май как к дорогому брату и к его жене как к любимой сестре, тем более любимой, что в течение долгого времени она ее презирала, в чем теперь искренне раскаивалась. Но случайно ли Май и Урель прибыли в ее распоряжение?

Она не знала, что Май был вызван по приказу Эхнатона. И по прибытии в Ахет-Атон был приглашен фараоном на необычную аудиенцию, где тот сказал ему:

— Я не спрашиваю твоего мнения о моем поступке, ибо не хочу принуждать тебя плевать мне в лицо. Я скажу тебе только одно: нет уверенности, что партия Амона удержит в своей власти весь Египет. Жрецы города Аны стали достаточно сильны, и у них много сторонников. Возможно, Египет разделится на две половины, как это было до воцарения победоносного Мины*, «объединителя Обеих Земель». Юг останется Амону, а Север — единому богу. Я хочу, чтобы ты находился рядом с царицей Нефертити, которую ты сможешь поддержать и которой будешь служить, как служил мне. Однако здесь я попрошу тебя дать мне слово чести, что ты ни за что не откроешь ей, что к ней тебя послал я. Не пытайся ничего понять... Это потребует слишком долгого объяснения. Еще раз я жду от тебя слепого подчинения. Скажи своей царице, что ты добровольно прибыл служить ей, и если перед тобой она заговорит

обо мне в презрительном тоне, будь одного с ней мнения, ибо необходимо ее излечить от меня навсегда. Сделав это, ты будешь иметь право на мою полную признательность и самую горячую любовь... хотя мое чувство и не сможет тебе ничем помочь. Особенно следи за ее безопасностью, ибо вполне возможно, что фанатики захотят совершить покушение, и не доверяй никому, даже тем, кого ты считаешь друзьями. Теперь иди, и да будет благословенна твоя преданность!

Маи был потрясен этими словами, и прежде всего ему было невыносимо разыгрывать презрение к своему царю. Однако по мере того, как он жил в обществе, единодушно выражавшем презрение к свергнутому фараону и не скрывавшем причины своего справедливого негодования, молодой человек постепенно смирился. Он лелеял мечту добиться однажды любви своей царицы, короновать ее на царство, пусть даже ограниченное Дельтой Нила. И с этим тайным намерением он разослал по всей стране верных людей, чтобы разведать мысли египтян, и укрепил связи со жрецами города Аны.

В воздухе запахло грозой, хотя вначале погода не предвещала ничего плохого. Казалось, что священная коллегия жрецов Амона удовлетворена публичным отречением Эхнатона. Коллегия устроила в Уисе прием для молодой четы соправителей и старой царицы и, расположившись на прежнем месте в Карнаке, повела свои дела так, как будто ничего не случилось. Ни одного слова против тех, кто остался в Ахет-Атоне. На самом деле жрецы Амона были слишком довольны, поставив рядом с Семнехарой своих людей, чтобы беспокоиться о том, что затевается в Ахет-Атоне среди ос-

тавших там вельмож. Те же, оскорбленные полным молчанием Уисы по отношению к ним, намеревались поддержать несчастную царицу. Особенно после того, как Май и его люди высказали по этому поводу свою решительность.

Царица Тэйя последовала за своим сыном, Семнехаром, по просьбе Эхнатона. Он ей сказал:

— Меритатон и ее муж молоды и неопытны, им понадобится твоя мудрость! Мне она оказалась не впрок!

И старая женщина уехала, оставив старшего присматривать за двумя младшими: Бакетатон и маленьким Тутанхатоном восьми с половиной лет, ибо боялась взять их с собой в беспокойную Уису.

В начале зимы Тэйя умерла.

Ее сердце перестало биться в большой палате царских покоев, где она прожила столько счастливых лет... но если бы даже ей пришлось ждать смерть с нетерпением, ее последние минуты были бы наполнены не меньшей тревогой и тоской. Она оставляла после себя беспорядок, как если бы всю жизнь провела в лени и удовольствиях. И потому, что вся ее деятельность оказалась напрасной, она сожалела, что недостаточно любила. Тогда она со щемящей тоской думала о своем старшем сыне, о своей невестке и хотела их предупредить о бесполезности жертв. Она вызвала своего писца и продиктовала ему письмо для Нефертити:

«Я умираю одна, потому что осталась в одиночестве. Никто не может понять весь ужас подобной смерти. Как путник среди пустыни, придя в иступление от жажды, все время видит перед собой воду, которую мог выпить, когда имел возможность. И путник падает на

песок, среди бесплодных песков, и в его воспаленном мозгу возникают видения разлива рек, но в горле сухо и сердце полно муки. Тогда он чертит на песке пальцем: «Мой брат, пей воду, и если ты напился, пей еще для того, чтобы не умирать с сожалением, что недостаточно выпил». Так я, Тэйя, говорю тебе: Нефертити, любимая дочь моя, если ты утолила свою жажду по своему мужу, пей еще из этого источника, пока можешь делать это, ибо он скоро умрет. Когда ты уехала из дворца, он превратился в старика: его сердце сморщилось, глаза потухли, душа истомилась, как у человека, прожившего не одну тысячу лет. Неужели твое горе ослепило тебя настолько, что ты не заметила ничего странного в его поведении по отношению к тебе и к богу! Он был там, сидел за столом вместе с тобой, он смеялся, он был счастлив, он смотрел на тебя с любовью... И вдруг разом, в единый миг, за который любовь не способна умереть, он становится холодным и отчужденным, сухим и неблагодарным, превратившимся в мумию и носящим в груди вместо сердца каменного скарабея. Почему, если не потому, что он убил себя добровольно с мыслью оживить своей кровью всех тех, кто был ему дорог! Я не спросила его тогда... Да, впрочем, он бы мне и не ответил. Ибо нет большего упряма, чем страстный мужчина, решивший, что ему необходимо пожертвовать своей жизнью! Тогда, как гиппопотам, обезумевший от запаха собственной крови, он нападает вслепую, не видя поля, которое он разоряет. Скажу еще раз, я не знаю, с каким тайным намерением он растоптал вашу любовь. Я только предполагаю, что он не хотел, чтобы твое имя было как-то связано с его

поражением и падением и что он заботился о том, чтобы ты могла сохранить уважение к самой себе... Ты знаешь, как и я, насколько он ценил уважение к самому себе. Возможно, его намерения были глубже, кто может это сказать, кроме него? Умерь свою глупую гордость, которая приводит только к сердечному истощению. Не верь тому, что тебе говорят по поводу Таду-Хебы, ибо, пока я была еще в Ахет-Атоне, я не заметила, чтобы он относился к ней иначе, чем как если бы был вынужден только терпеть ее. Подумай, Нефертити, о моем сыне и вспомни слова, начертанные на песке путником, бредящим от жажды. Пусть Атон сжалится над вами... Пусть он не разрушает храм, в основание которого вы положили свои души! Прислушайся к словам старой матери, которая никогда не показывала тебе своих чувств потому, что родилась калекой, без органов, служащих для передачи сердечного тепла».

Это письмо сильно взволновало Нефертити, и ее первым желанием было мчаться к своему мужу, настолько сильно она хотела его видеть, несмотря на его кажущуюся холодность. Однако глупая гордость, о которой писала Тэйя, помешала ей это сделать. Она подумала, что если свекровь ошиблась, то она рискует публично получить пощечину, чего не перенесет. Убеждая себя, что поступает правильно, она решила, что не вправе разочаровывать друзей, окруживших ее такой заботой и доверием.

Но на душе у нее появилась тревога.

Однажды утром прошел слух, что фараон слег и скоро умрет. Нефертити с жадностью набросилась с вопросами на Пенту:

— Мой муж не просил меня приехать?

Пенту отрицательно покачал головой:

— Твой муж не просит ничего, он не хочет видеть никого рядом, даже лучших друзей, не хочет, чтобы за ним ухаживали. Он говорит: «Лекарства и слезы не нужны человеку, ждущему от смерти освобождения. Лекарства его вылечат, а рыдания помешают спокойно умереть». Я говорю ему: «Ты не хочешь, чтобы я известил Великую Царскую Супругу?» А он отвечает: «Тадухеба — Великая Царская Супруга, и у меня нет желания ее видеть». Я не осмелился произнести твое имя.

Нефертити кусала губы из опасения зарыдать. Письмо Тэйи родило в ней тайную надежду, которой она мучилась понапрасну, ибо Эхнатон, будучи при смерти, еще раз показал, насколько его жена для него ничего не значит. И надо же было придумать, помчаться во дворец и кричать ему о своей любви! Как он стал бы смеяться! Как весь двор потешался бы над ней! А сейчас разве она не была готова открыть перед Пенту свои сердечные чувства?

Сделав мучительное усилие, она холодно ответила:

— Ну что же, Пенту, оставим его в покое, поскольку это единственное в жизни, чего он хотел! Можно только пожалеть его напоследок.

На третий день первого месяца лета, на семнадцатом году своего царствования, Эхнатон, побежденный правитель, уснул вечным сном.

Его последний взгляд был обращен в сторону Северного дворца, где жила та, которую он любил больше бога.

Его последней мыслью было радостное и спокойное осознание того, что на закрытых дверях его гробницы Атон по праву может поставить печать: «Он родился не напрасно».

В тот же день Аи объявил эту новость в Северном дворце. Его сопровождали Бакетатон и маленький Тутанхатон. Его лицо было печальным, и сам он выглядел постаревшим. Он сказал Нефертити, выглядевшей неестественно сдержанной:

— Мой господин и друг поручил мне доверить тебе воспитание своей сестры и брата. Он мне сказал: «Моя мать Тэя желала этого же, ибо она испытывала глубокое уважение к характеру Нефертити. По этому поводу она высказала свое мнение: Нефертити обладает всеми качествами, необходимыми великой царице, и я не боюсь за то, как она сумеет воспитать детей». Пусть из уважения и любви к Тэе Нефертити возьмет на себя обязанность воспитать Бакетатон как женщину и сделать из Тутанхатона настоящего мужчину. Поистине никто не может дать ей совет».

В этих словах, высказанных Эхнатоном в решающий час как его последняя воля, не прозвучало ни словечка о его любви, и Нефертити упрямо не понимала, что этот его поступок и означает его любовь к ней и веру в нее. Она ответила сухо:

— Его сестра и брат будут воспитаны как мои собственные дети. Пусть душа его пребывает в мире.

Нефертити могла бы вернуться в большой дворец, поскольку тот был теперь свободен. Однако она предпочла остаться в Северном, который, казалось ей, сим-

волизирует ее борьбу с Амоном и всеми мерзостями и подлостями, причиной которых он был.

Она сопровождала тело супруга в его последнюю обитель во главе женщин гарема, среди которых была и Таду-Хеба, разрушившая ее счастье и теперь рыдающая с постыдным притворством. Сама Нефертити не плакала, не проронила ни слезинки. Она держалась прямо и строго, сжав губы и не сводя глаз с саркофага. Она заметила на его передней и задней части два рисунка с ее изображениями, но решила с горечью в сердце, что саркофаг создавался еще до их размолвки и что у гравера не было времени вырезать на этих местах изображение Таду-Хебы.

По правде говоря, она не чувствовала большого горя, словно хоронила постороннего. Ибо любовь внутри ее умерла уже давно... в тот миг, когда она вышла из Большого царского дворца.

Она подозвала великого жреца Мерирэ и сказала ему:

— Фараон отрекся от своего бога, и, кажется, он запретил, чтобы его тело бальзамировали, следуя ритуалу Осириса, несмотря на свое отречение. Можно увидеть в этом тайное раскаяние. Без сомнения, мы должны провести для него похоронную церемонию в храме Атона. Мы вознесем наши молитвы светящемуся добротой Солнцу, чтобы оно простило своего сына-отступника.

Мерирэ стоял перед ней с опечаленным видом.

— Как может Атон когда-нибудь его простить, — отвечал он, и в голосе его слышались нотки искренней грусти, — если его сын посылал ему проклятия до самой смерти. Бальзамирщики мне сообщили, что он

приказал прислать им текст, совершенно мирской, и велел выгравировать его на золотой пластине, которую они должны были положить ему на грудь под ленты. Бальзамировщики из жалости к его душе положили этот непристойный текст ему в ноги. Теперь слушай:

«Я пью твое сладкое дыхание. Я обмираю от твоей красоты. Я жажду слышать звук твоего голоса, даже когда он похож на северный ветер, ибо я молодею от твоей любви...»

Нефертити побледнела и продолжала беззвучным голосом:

«Дай мне руку твою и сделай так, чтобы душа твоя вошла в меня, и я бы жил ею. Зови меня всегда, зови меня по имени, и имя мое не исчезнет никогда».

Это была молитва. Она ее хорошо знала и ценила больше всех гимнов Атому. Муж создал эту молитву для нее. Однажды утром... она будет помнить это вечно, он разбудил ее поцелуем и сказал:

— Я долго любовался тобой и сочинил для тебя молитву моей любви...

— Но почему северный ветер? — возразила она, выслушав поэму.

Он засмеялся.

— Северный ветер — это твой гнев, что не жжет, а освежает в часы летнего зноя.

Да, она никогда не сможет забыть эту песнь, ибо это была песнь их любви. Она придумала мелодию к словам и часто распевала ее.

Эхнатон не взял с собой в темноту могилы гимн своему богу... но он хотел, чтобы его зов в вечности

был зовом его любви к жене. Тэйя оказалась права... в своей великой мудрости она поняла все.

Слезы брызнули из глаз Нефертити, и она не думала их сдерживать.

— Да, — прошептала она измученным голосом, — бальзамировщики хорошо сделали, что положили эту молитву в его ногах, и я не хочу, чтобы открывали саркофаг и перекладывали ему на грудь, как он велел... ибо мне хорошо у его ног, и я не осмелюсь подняться выше... я...

Она не закончила фразы и, зарыдав, ушла, оставив бедного Мерирэ опешившим.

Нефертити долго плакала в своей комнате. Иногда она ударяла кулаком по кровати, всхлипывая:

— Почему?.. Но почему?..

Почему он так поступил? Почему она не поняла, что он не прекращал ее любить? Почему, прочтя письмо Тэйи, она не побежала во дворец? Почему она не бросилась к изголовью любимого, который умирал совершенно один, в отчаянии полагая, что его жена больше его не любит, презирает его, отказывается даже находиться рядом? Почему... Ну почему?..

— Мой любимый... О! Мой любимый... — думала она, — ты не доверял моей любви... ты думал, что она не выдержит того, что я называла твоим «малодушием»... ты боялся, как бы моя любовь не умерла от позора, медленно угасая в чередe дней... Ты предпочел ее убить, как раненую птичку, чтобы она не мучилась! Если бы ты мне объяснил! Если бы ты мне сказал! Если бы... Ах! Если бы только перед смертью ты проявил эту «слабость», это «малодушие», в которых я упрекала

тебя в своей гордыне! Если бы перед смертью ты так долго не хранил свою тайну... тогда бы я бросилась в твои объятия и не дала бы тебе умереть... я бы закричала: «Я тоже тебя люблю, я тебя люблю, Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ!» Все остальное было бы не в счет, ни бог, ни окружающие люди... нас бы стали презирать обоих, не понимая, что наша огромная любовь поднимает нас над всем этим позором... Почему? Ах! Почему, мой любимый? Ты слышишь меня? Скажи мне, ты слышишь меня? Атон, сделай, чтобы он меня услышал, чтобы он мне поверил, сделай так, чтобы для нас не все было кончено! Чтобы он ждал меня во мраке своего склепа и чтобы мы соединились в вечности!.. Атон, ты бог Любви! Ты не можешь держать нас в отдалении друг от друга! Ибо, если я должна без него поклоняться перед твоей бесконечностью, я не хочу чтить тебя, я предпочту небытие! Навсегда!

Внезапно она выпрямилась, глаза ее наполнились блеском, губы сжались, и сердце забилося взволнованно.

Спокойствие пришло позже вместе с усталостью тела.

Когда она обдумала все незначительные подробности произошедших за последнее время событий, она пришла к выводу, что ее муж хотел, чтобы она продолжала играть роль жрицы Атона. Чтобы с большим, чем когда-либо прежде, рвением она продолжила служение богу своего мужа... но только Атон и она сама могли знать, что, когда она пела великий гимн Солнцу, она обращалась к мужчине, которого любила больше всего на свете.

Эхнатон соединился для нее с лучезарным светиллом, которое каждый день освещает этот печальный, полный уродства и страданий мир людей.

Когда три месяца спустя в Уисе скончался Семнех-кара, Нефертити переехала во дворец мужа и объявила Тутанхатона фараоном над всем Египтом и мужем своей третьей дочери. Жрецы Амона должны были себе признаться, что ересь еще жива. Они отдали много сил, проповедуя по всей стране, но и жрецы города Аны не оставались в бездеятельности. Хоремхеб угрожающе двигался со своими отрядами по Верхнему Египту, а Май — в дельте. Такое положение сохранялось два года, пока мятежный военачальник не решил, что Египет, к великой радости его врагов, не должен развалиться на части.

Хоремхеб не отличался подлой душой, и руки его не были запачканы убийством, однако он внес свой вклад в равновесие сил в стране, и чаши весов покачнулись. Он послал в Ахет-Атон человека с заданием отравить Нефертити. Ибо она возвышалась как крепость между Двумя Землями и мешала объединить их в единое целое.

Однажды утром, когда рассвет окрасил в розовый цвет небо на востоке, царица не открыла больше опухших глаз и не увидела печали нового дня. По правде говоря, она уже давно ждала этого освобождения, и последней песней, звучавшей в ее сердце, была эта:

Сегодня смерть передо мной,
Как смирны аромат.
Сегодня смерть передо мной,
Как путь ночной,
Как возвращение к себе мужчины на военном корабле.
Сегодня смерть передо мной,
Как возвращение домой
Из плена после долгих лет неволи.

Мишере нашла ее лежащей на своей кровати, бледной, успокоившейся, умиротворенной навеки.

Тогда маленькая сирийка присела на корточки у изголовья той, которая была для нее и богом, и всем миром людей, и принялась тихо скулить, как раненый зверек.

Она не прекращала так скулить в течение семидесяти дней, необходимых для вымачивания тела в растворе соды, она не прекращала рыдать весь долгий путь до царской гробницы, вырубленной в скале, она не прекращала плакать долгое время, в течение недель, прижимаясь к белой известняковой плите скалы, и дети, приходившие бросать в нее камни, кричали: «Сирийская собака!»

Действительно, Мишере была как собака, потерявшая своего хозяина...

В один прекрасный день она исчезла, и никто не мог сказать, куда спрятался со своим горем этот раненый насмерть зверек.

Да кому какая забота была до маленькой рабыни, единственным сокровищем которой было богатство ее собственного сердца?

ГЛАВА 13

Как и полагал Хоремхеб, смерть Нефертити изменила положение дел в корне. Вместе с ней исчезла и ярость сторонников ереси. Как дети, оставшиеся без опеки, они стали проявлять беспокойство и боязливую нерешительность, которой умело воспользовался мятежный военачальник. Он вновь открыл переговоры между жрецами Амона и царской династией, представ-

ленной юным фараоном одиннадцати лет. Он убедил его вернуться в Уису и царствовать в великолепном дворце, достойном величия фараонов, сыновей Солнца, которые не могут довольствоваться жилищами из речного ила, но требуют благородства каменных строений.

Тутанхатон был юн и, более того, унаследовал характер отца, который был при жизни склонен к беспечности, роскоши и тщеславию.

От почтения, которое оказывали ему его подданные, склоняясь перед ним до земли, мальчик, который до сих пор подчинялся своей мачехе под страхом наказания плеткой, почувствовал себя ростом в двадцать локтей. Он понял, что для него наступили счастливые времена, когда он будет капризничать и смотреть, как эти капризы исполняются. С восторгом он играл в царя, не понимая, что сам является игрушкой в руках других. Он решил вернуться в Уису вместе с Великой Царской Супругой Таду-Хебой и наложницами, унаследованными им от своего брата... Он решил заключить мир со жрецами Амона и поменять свое имя на Тутанхамон... Он решил ударить по остаткам нераскаявшихся еретиков, запретив им проживать в столице... Он решил, что Хоремхем будет инспектором войск и что Май будет отправлен в ссылку, что его уже готовая гробница в Ахет-Атоне будет разрушена, а имущество конфисковано.

Тогда, видя, что им больше нечего ждать от Атона, кающиеся вельможи собрались в Уисе и начали клясться высокими словами, что их доверием злоупотребляли слишком долго. У них за спиной остались великолепные дома, заботливо запертые и охраняемые несколь-

кими оставленными там слугами... Они думали, что нынешняя мода однажды изменится и они поедут в Ахет-Атон проводить там летние месяцы.

Тутанхамон решил простить их, ибо нашел очень верными размышления своего советника по этому поводу:

«Человек, получивший прощение после того, как почувствовал силу господского наказания, становится чаще всего замечательным слугой, ибо работает с большим рвением, дабы не заподозрили его в нерадении».

Так, например, Аи, «божественный отец», не замедлил добиться милостей, как человек царских кровей*. Аи искренне любил Эхнатона, он верил в него и в его бога, но был недостаточно здоров для своего возраста и боялся, что его раньше времени отправят в отставку. Его любовь к службе поднимала его над всеми враждующими сторонами и глупыми человеческими ссорами. Вот почему он даже и не подумал, что унижает собственное достоинство, служа Амону с тем же пылом, с каким служил Атону, и тому же Амону еще раньше Атона.

Когда в свои восемнадцать лет, опустошенный любовью своих жен, умер Тутанхамон*, Аи не увидел ничего плохого в том, чтобы взойти на трон, женившись на молодой вдове. По возрасту он скорее годился ей в дедушки, чем в мужа, но добрая Ти, которую он заботливо похоронил за три месяца до этого, могла бы сказать, что он порой доставлял ей замечательные минуты.

Увы, человеку не дано перейти черту, которая установлена ему смертью.

После четырех лет правления Аи присоединился к Ти в гробнице, вырубленной в скалах на западном берегу.

Тогда, поскольку династия угасла, Хоремхеб решил, что пришло время обновить кровь фараонов, ставшую слишком бледной и вялой. Он искал, впрочем, то, что имел под руками: храброго воина, сознающего величие и превосходство Египта над остальным миром, яростного поборника Амона, преданного и смелого, то есть самого себя.

Его намерения не встретили никакого сопротивления. По правде говоря, народ только радовался возможности вернуть азиатские провинции, из которых можно будет вечно выкачивать золото и рабов, и полагал, что воинственный фараон не откладывая займется этим делом.

Этим всем и занялся Хоремхеб.

Но он сделал кое-что сверх этого. Он начисто выкорчевал из земли Египта всю гниль, которую породила ересь Эхнатона.

Он начал с того, что приказал срыть до основания большой храм Атона в городе Его Небосклона. Все камни фундамента были извлечены, и густой слой цементирующего раствора сровнял с землей это проклятое место. Дворцы были разрушены, гробницы знати покалечены, повсюду, где только можно это было сделать, имя «Преступника», мерзкого «Супостата» было зверски сбито!.. Царская гробница взломана, мумия Эхнатона была перевезена в Уису и помещена в склеп его матери, ибо Хоремхеб всегда восхищался Тэйей и не отважился сжечь труп сына, которого она любила, несмотря на его безумие. С другой стороны, он обра-

тил всю свою ярость против несчастной царицы Нефертити, которая умерла, так и не сдавшись: он предал ее высохшее тело огню и развеял пепел во все стороны света... как в день коронации отпускают гусей Гора, чтобы объявить о новом царе.

Знать беспокоилась о своих домах, оставленных ими в Ахет-Атоне в надежде на новые изменения в государстве. Некоторые поспешили разобрать свои богатые, но ставшие бесполезными жилища, чтобы повторно использовать художественные украшения, изящные деревянные колонны и все то ценное, что они успевали вытащить из грязи.

Вскоре Ахет-Атон приобрел трагический вид: возвышавшиеся части полуразрушенных стен, бесцельно стоящие и распахнутые в пустоту портики. Всюду царило полное разорение.

В городе, как возле мертвого тела, появились гиены и шакалы. Бедняки, не имевшие средств перебраться в окрестности Уисы, устроились в развалинах, которые некогда были великолепными жилищами, и пачкали изумительную настенную живопись своими потными телами... ведь люди низкого происхождения охотно жертвуют красотой ради удобства жизни.

Мало-помалу богатые жилища заросли грязью и были оставлены на произвол гадюк и скорпионов... Казалось, что печать безнадежности легла на этот город, чтобы навсегда устрашить сердца суеверных людей.

Тогда с юго-востока подул хамсин, и каждый раз, в одно и то же время года, он дул упрямо, неистово, без передышки...

Терпеливо он стирал остатки стен, зализывал хол-

мики, заполнял песком улицы и зияющие, как раны, внутренние помещения...

Он сровнял священный холм, с которого в течение четырнадцати лет возносились лучезарные гимны Солнцу.. Он сгладил даже память о шагах на больших алебастровых плитах... Он наполнил золотом дюн развороченные погреба царской казны... Он накрыл толстым слоем пыли глиняные таблички, которые рассказывали о процветании и падении города Небосклона Солнца...

Таким образом, за время большее, чем три тысячелетия, он покрыл огромным и толстым саваном эту недолговечную столицу, которой было бы грех стыдиться Египетскому царству... И этот саван носил имя: «Забвение», «Заброшенность», «Пустота», «Одиночество».

Пусть Священный Диск, что смотрит своим сверкающим взглядом на разоренное царство, проявит жалость к слепоте людей.

Пусть он соединит своего старшего сына с его прекрасной и нежной женой, Нефертити, в голубой вечности, в их безмерной любви.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 27. *Сикомор* — так называемая библейская смоковница, дерево из семейства тутовых с крепкой древесиной и со съедобными плодами, напоминающими винную ягоду, фигу. Возможно употребление слова в женском роде: сикомора.

Уйя. — Написание личных имен и географических названий дается в основном по изданию: История Древнего Востока. Ч. 2. М., 1988. Далее в примечаниях: ИДВ II.

Ти. — ИДВ II предлагает *Тэие*, но переводчик оставил авторский вариант, чтобы не путать кормилицу Тейю с царицей Тэйей.

Стр. 28. *Исида* (египетское: Исет, что означает «трон», «место») — богиня плодородия, воды и ветра, символ женственности, семейной верности, а также богиня мореплавания.

Стр. 29. *Нефертити* — имя, означает: «Прекрасная приходит» или «Прекрасная пришла».

Стр. 30. ...*владычице Обеих Земель*... — В знак объединения под властью фараонов Верхнего и Нижнего царств, произошедшего при легендарном царе Мине (ок. 3000 г. до н. э.), фараоны именовались правителями Обеих Земель.

Хатшепсут — египетская царица XVIII династии, властвовавшая в 1490—1468 гг. до н. э. (по другим данным в 1525—1503 гг.); соправительница своего мужа Тутмоса II и пасынка Тутмоса III. Фактически Хатшепсут отстранила обоих от власти. Вела большое храмовое строительство. Снарядила экспедицию в страну Пунт в Восточной Африке.

Урей — изображение кобры, символ власти фараона; обычно помещалось на царской короне или диадеме.

Стр. 31. ...*останешься избитой в доме Осириса*... — Поскольку египтяне считали, что посмертное существование це-

ликом зависит от ухода за мумией покойного, то достаточно было побить мумию при бальзамировании, чтобы в загробном мире душа всегда страдала от побоев.

Стр. 32. *Аи*. — ИДВ II дает несколько вариантов имени этой исторической личности: Эйе, Аяа, Аи.

Стр. 35. *Уиса* (или Уасет) — древнеегипетское название города Фивы.

Ана — древнеегипетское название города Гелиополя.

Стр. 36. ...*ты станешь толстым, как сын Мут*... — Мут — богиня неба, священным животным которой считалась корова. Ее сын от бога Амона, Хонсу, олицетворявший Луну, часто изображался в виде ребенка с пальцем у рта; использование автором «сына Мут» в ругательном качестве малообъяснимо.

Стр. 37. ...*из книги правил приличия царя Ашоши*... — Возможно, автор имеет в виду одно из произведений, принадлежащих, по преданию, фараону Мине (его имя в некоторых источниках звучит как Аха, Асоса, Ашоша).

Мирра — ароматическая смола, получаемая подсочкой коры тропических деревьев из семейства бурзеровых, растущих в южной части Аравийского полуострова и в Северо-Восточной Африке. Применялась для ароматических курений при религиозных обрядах и как пряность.

Небесная королева... — В одной из версий египетского мифа солнечный бог Ра поднимается из океана на Небесной корове, которая встала из воды и превратилась в небо. Когда на высоте у коровы закружилась голова, Ра создал восемь божеств — хех, которые поддерживают ее ноги, а бога Шу поместил под корову, чтобы тот поддерживал ее брюхо.

Стр. 38. *Митанни* — государство в Северной Месопотамии (территория современной Северной Сирии) в XVI—XIII вв. до н. э. Было населено племенами хурритов и семитов. Покорено и уничтожено Ассирией.

Скарабей — одно из священных насекомых в Древнем Египте, жук, символизировавший солнечное божество.

...после смерти своего мужа Тутмоса... — Имеется в виду фараон Тутмос II, правивший всего три года и фактически отстраненный от власти своей супругой, царицей Хатшепсут.

Стр. 39. *Ном* — округ, территориальное деление в Древнем Египте.

Стр. 41. *Пунт* — древнеегипетское название страны в Восточной Африке, видимо, на побережье Аденского залива. Постоянная цель грабительских походов фараонов Египта.

«Презренная страна Куш» — уничижительное название, данное в эпоху фараонов Нубии, стране, находившейся на территории современной Эфиопии.

Стр. 44. ...*четырнадцатого числа месяца Тиби*... — Месяц Тиби приходился на конец октября — начало ноября.

...*Их богиня Иштар и все их Падукадахи*... — Иштар в аккадской мифологии являлась центральным женским божеством, а именно богиней плодородия и плотской любви, а также войны и распри. Падукадахи — плод авторского вымысла.

...*как мировое яйцо вышло из тела «Великого Гоготуна»*... — Согласно ряду мифов, бытовавших в Египте, Солнце произошло из яйца, снесенного некой вселенской птицей, имевшей название «Великий Гоготун» (возможно, египтяне представляли эту птицу в образе гуся).

Стр. 45. ...*сама плод хурритского живота*... — По одной из версий, мать Нефертити, Келу-Хеба, была хурриткой, то есть митаннийского происхождения.

Хетты — древний народ, живший в Малой Азии и в данном случае к сирийской рабыне никакого отношения не имеющих.

Стр. 46. ...«*божественным отцом*»... — Аи (Эйе, Ая) звался «божественным отцом» или «отцом бога», так как, будучи мужем кормилицы Нефертити, находился в «молочном» родстве с царским домом и, соответственно, был нареченным отцом фараона, который в Египте считался богом.

Стр. 47. *Месдемет* — своего рода косметический карандаш черного цвета.

Стр. 50. ...*пиво из земель Кеде...* — Возможно, автор имеет в виду одну из областей Дельты Нила.

Зерет — один из упоминаемых египтянами сортов пшеницы.

Стр. 52. *Аменхотеп III* — фараон XVIII династии, правивший в 1402—1364 годах до н. э. (по другим данным — в 1455—1419 годах). При нем могущество Египта достигло апогея; были сооружены величественные храмы Амона-Ра в Луксоре, на юге Египта, и заупокойный храм с огромными статуями, изображавшими самого Аменхотепа, — так называемые «колоссы Мемнона».

Тот — бог Луны, мудрости, письма и счета.

Хнум — бог-творец, создавший человека на гончарном диске, хранитель истоков Нила.

Ка — посмертный двойник человека, своего рода «астральное тело» (не путать с душой, в меньшей степени связанной с материальным миром и потому способной подняться в сбитель богов), связанное «энергетическими» узами с тленным телом покойника и потому требующее о нем постоянной заботы.

Хекет, с головой лягушки... — Неточность: Хекет, богиня плодородия, изображалась в виде лягушки или женщины с лягушкой на голове.

Хатор — богиня любви и судьбы, богиня неба и кормилица фараонов, богиня дальних стран.

Стр. 53. *Дегем* — растение, вероятно клещевина, из семян которой получают касторовое масло.

Стр. 56. ...*мой муж Аменхотеп... взял меня у моего отца, царя Шуттарны, сына Артадама...* — Имеются в виду: фараон Аменхотеп III и митаннийские цари конца XIV — нач. XV в. до н. э. Шуттарна II и Артадам I.

Стр. 62. ...*когда фараон обладает счастьем иметь старшую дочь...* — Престол в Древнем Египте, как, впрочем, и наследо-

вание собственности, переходил строго по женской линии. Претендент на престол мог быть любого происхождения, но он становился царем только при условии, что женится на царице. Царица была царицей по происхождению, царь становился царем, женившись на ней. Так, многие овдовевшие фараоны, чтобы сохранить корону на своей голове, женились на своих сестрах и даже дочерях.

Стр. 63. *Я родилась не третьего числа в месяц Хойяк...* — месяц Хойяк египетского календаря приходился на конец сентября — начало октября. В Древнем Египте существовал «Календарь счастливых и несчастливых дней», по которому можно было узнать судьбу новорожденного. Однако то, что записано в календаре, могло и не сбыться, если человек соблюдал осторожность и все предписания календаря. Первый дошедший до нас календарь, так называемый «Папирус Салье IV», был составлен позже описываемого времени при Рамсесе II (XIX династия).

Стр. 68. *Шедит* — главный город Фаюмского оазиса (в греческих источниках — Крокодилополь, современный Киман-Фарис).

Себек (Собек) — бог крокодилов, особенно почитаемый в Фаюме и Шедите.

Стр. 70. *Танис* — город в Дельте Нила (во времена нашествия гиксосов был столицей и именовался Аварисом).

Сайа (Саис) — главный город 5-го нома Нижнего Египта в западной части дельты.

Стр. 83. *...ее сердце низвергалось на весы Загробного Суда...* — Хотя главным способом достижения загробного блаженства у египтян считалась магия, тема неизбежного загробного суда и наказания за грехи все же проходила через их мистические воззрения, особенно в поздний период. Считалось, что боги Гор, Анубис и Тот взвешивают сердце умершего на «весах правосудия», а в это время он должен назвать имена сорока двух загробных судей (по числу признанных

египтянами основных грехов) и произнести некую очистительную исповедь.

Стр. 85. *Ка* — египетский «аналог» души, покидающий тело после смерти.

Стр 95. *Минфи* — египетское название Мемфиса.

Стр. 97. ...*их шлифованные грани*... — Облицовкой пирамид служили плиты отшлифованного известняка.

Гор-эм-ахет — египетское название Великого Сфинкса, означающее «Гор на небосклоне», то есть одну из ипостасей бога Гора. Эта ипостась изображалась в виде сфинкса или льва с головой сокола.

...*дедушка Тутмос*... — Имеется в виду фараон Тутмос IV (1412—1402 гг. до н. э.), при котором Сфинкс был очищен от песка, полностью его занесшего.

Эт (или *Сет*) — бог «чужих стран» (пустыни), олицетворение злого начала, убийца бога Осириса.

Осирис — бог производительных сил природы и царь загробного мира; главным городом его культа был Абидос.

Стр. 102. *Сопдет* — богиня, персонифицирующая звезду Сириус, покровительница умерших.

Стр. 104. ...*имя мое никому не известно*... — Египтяне придавали имени чрезвычайно важное, священное значение: имя считалось одной из «сущностей» его обладателя — человека или бога. Так, например, считалось, что человек жив, пока его имя произносится другими, а знающий имя демона получает над ним власть.

...*сидящий в зраке Ра*... — Неточность: Оком Ра или Солнечным Оком считалась Тефнут, сестра и будущая жена Шу.

Стр. 105. ...*богу... с семьюдесятью семью ушами*... — Сведения о количестве глаз и ушей у Хнума на совести автора.

Стр. 107. *Номарх* — властитель округа, области в Древнем Египте.

Стр. 115. *Ориксы* — сернобыки, подсемейство лошадиных антилоп.

Стр. 116. «*Белая митра Юга*» — головной убор фараонов

Верхнего Египта до воцарения Мины (Менеса), «объединителя Обеих Земель».

Стр. 131. *Аменхотеп-отец* — имеется в виду фараон Аменхотеп III, отец Аменхотепа IV, мужа Нефертити.

Стр. 137. *Царство «Двух Рек»* — одно из названий Митаннийского царства.

Стр. 138. *Таурт* — богиня плодородия и деторождения; изображалась в виде стоящей на задних лапах беременной самки гиппопотама с женскими руками и грудью и львиными задними лапами (иногда и с головой львицы).

Карнакский храм — храм Амона, представлявший собой огромное сооружение, своего рода храмовый город.

Стр. 141. *Хани* — бог Нила, податель разливов и, соответственно, бог плодородия.

Пещера Сиен. — Находится, по-видимому, в ущелье Гебель-Сильсиле, где, как считалось, из подземного царства выходят «ключи Нила».

Стр. 144. *Систр* — древнеегипетская трещотка, разновидность ручных кастаньет, состоящая из скобы, на которую наизаны металлические пластины.

Стр. 145. *Титулатура* — официальное имя, получаемое фараоном при коронации на престол. Например, титулатура Аменхотепа IV — Эхнатона в первые годы его царствования была: «Гор, телец крепкий, высокий двумя перьями; Обе Владычицы, великий царствованием в Уисе; Золотой Гор, воздевший венцы в Ану Верховья; царь и государь, владыка Обеих Земель Неферхепрура; сын Ра Аменхотеп Нуте-хук Уисы, жив он вечно вековечно, как отец его Ра».

...«*Единственный для Ра*»... — Неточность: Аменхотеп IV взшел на престол в 1364 г. до н. э. (по другой хронологии — в 1375-м) под тронным именем Неферхепрура («*Прекрасное существование Ра*»), к которому через несколько месяцев или через год-два своего правления добавил имя Уэнра («*Единственный для Ра*»).

...«*Великий жрец животворного света Атона*»... — Еще

одна неточность: верховным жрецом новоявленного бога фараон провозгласил себя спустя примерно три года после начала своего правления.

Стр. 151. *Апоп* — в эпоху Нового царства собирательный образ врагов Солнца — Ра.

...*Пускай Апоп без конца нападает на солнечную ладью на восходе и на заходе...* — Силы зла в образе мирового змея Апопа нападали на Амона-Ра, когда верховный солнечный бог опускался на своей ладье в преисподнюю, а затем утром поднимался из нее на небеса.

Стр. 159. *Анубис* — бог, покровитель умерших.

Бата — один из древнейших богов; почитался в образе быка. В сказке периода Нового царства братом Баты изображен Анубис, и оба бога выступают как люди.

Стр. 163. ...*благодетельный жар солнечного диска...* — Атон считался непосредственной персонификацией видимого на небе солнечного круга, именовавшегося в Египте «диском».

Ур-Мау — верховный жрец Ра в Ане, или Гелиополисе.

Стр. 164. *Наос* — священный алтарь в храме, куда имел право входить только верховный жрец.

Стр. 165. *Сехмет* — богиня войны и палящего солнца. Священное животное Сехмет — львица. Изображалась в виде женщины с головой львицы.

Мут (мать) — богиня неба, жена Амона. Изображалась в виде женщины. Ее священное животное — корова. Так как Амон отождествлялся с Птахом, на Мут были перенесены образ и функции жены Птаха богини-львицы Сехмет. Много львиноголовых статуй Сехмет стояло в фиванском храме Мут.

Стр. 167. *Нун* — олицетворение первоизданного водного хаоса.

Луксор — город в Верхнем Египте, где во времена XVIII династии был возведен величественный храм Амона и ряд других важных культовых зданий.

Стр. 171. ...*лучше, чем в одиночестве есть и пить...* — От-

рывок из «Начала радостных песен». См.: Лирика Древнего Египта. — М., 1965. С. 31. В переводе В. Потаповой звучит так:

Рука моя лежит в руке твоей.
По телу разливается блаженство,
Ликует сердце.
Мы идем бок о бок...
Мне голос твой — что сладкое вино.
Я им жива.
Еды с питьем нужнее мне
Твой взгляд.

Однако в данном контексте было уместно несколько при-
низить стиль стиха.

Нахрима — одно из названий царства Митанни.

Аласия (Алашия) — остров Кипр, название, собственно,
относилось лишь к одному городу (ныне Энкоми), но часто
переносилось на весь остров.

Стр. 176. ...*богине Нейт, покровительнице брачного сою-
за...* — Неточность: Нейт — богиня города Сайа (Саис), но
почиталась повсеместно. Первоначально считалась богиней
неба, родившей Солнце и сотворившей мир, о чем свидетел-
ствуют эпитет Нейт — «Отец отцов и мать матерей» — и ред-
кие изображения Нейт в виде Небесной коровы. Позже боги-
ня войны и охоты и покровительница цариц. Считалось, что
Нейт обладает магической силой: лечит больных, отгоняет
злые силы, поэтому она часто изображалась на подголовнике
ложа.

Нут и Геб — богиня и бог, олицетворявшие небо и землю.

Шу — бог, олицетворяющий воздух.

...*Шу вмешается в их дела...* — Согласно мифу, Геб поссо-
рился с пожиравшей их детей (звезды) Нут, и Шу разъединил
супругов, оставив Геба внизу, а Нут подняв наверх.

Стр. 178. *Нун* — бог, олицетворяющий первозданный
океан.

Стр. 186. ...*о жалобах рабочих некрополя...* — На «строй-

ках» Египта трудились и рабы, и свободные люди, которых, как правило, принуждали к работе. Автор, почти не упоминая о рабах, имеет в виду именно свободных египтян.

Стр. 195. *Дахабиех* — прогулочное судно.

Стр. 220. *Гублиех* — военное судно.

Стр. 222. *Птах* — бог города Минфи (Мемфиса), считавшийся богом, сотворившим мир, а также богом — покровителем мертвых.

Стр. 228. *Калемаса* — сосуд из тыквы.

Стр. 233. ...*Из плена, после долгих лет неволи...* — «Третья жалоба» из так называемого «Спора разочарованного со своей душой». Полный текст см.: Лирика Древнего Египта. — М.: Худ. лит., 1965. С. 77—83.

В переводе В. Потаповой этот отрывок звучит так:

Мне смерть представляется ныне
Исцелением больного.
Исходом из плена страданья
Мне смерть представляется ныне.
Благовонной миррой,
Сидением в тени паруса, полного ветром.
Мне смерть представляется ныне
Торной дорогой,
Возвращением домой из похода.
Мне смерть представляется ныне
Небес прояснением,
Постижением истины скрытой.
Мне смерть представляется ныне
Домом родным
После долгих лет заточенья.

Стр. 241. *Полба* — особый вид пшеницы с ломким колосом и не вымолачиваемым из пленок зерном.

Стр. 242. *Мерит-Атон...* — Имя означает «Возлюбленная Солнцем».

Стр. 256. *Хамсин* — сухой и жаркий южный ветер на северо-востоке Африки и Ближнем Востоке. Несет много пыли и песка. Обычно дует весной в течение примерно пятидесяти

суток, отсюда и его название, означающее буквально «пятьдесят».

Стр. 257. ...*Что вместе мы с тобой...* — Отрывок из так называемого «Начала радостных песен». Полный текст см.: Лирика Древнего Египта. — М.: Худ. лит., 1965. С. 30—32.

Стр. 274. ...*Маленькую царевну назвали Мекетатон...* — Царевна прожила несколько лет, хотя по авторскому тексту может возникнуть впечатление, что она умерла во младенчестве.

Стр. 278. *Меджаи* — нубийское племя, из которого фараон набирал городскую стражу.

Стр. 279. ...*как говорили в Атлантиде...* — По преданию, египетская цивилизация была наследницей более древней цивилизации Атлантиды, существовавшей более двенадцати тысяч лет назад.

Стр. 281. *Хепереш* — боевой шлем голубого цвета.

Стр. 282. *Херихеб* — жрец-чтец при храме.

Стр. 293. «*Наставления Мерикара*» — древнеегипетский источник (список его хранится в Государственном Эрмитаже), содержащий наставления одного из царей IX—X династий, Мерикара (или Мерикары), своему сыну.

Стр. 296. ...*Ты не зовешься... но Аменхотеп...* — Имя «Аменхотеп» означает «Амон доволен».

Стр. 308. ...*жрецы Амона спасли страну от гиксосов...* — Во времена владычества гиксосов жреческая знать способствовала объединению сил против захватчиков-иноземцев, но будет преувеличением считать, что жрецы сыграли главную роль в освобождении Египта.

Стр. 312. *Ипувер* — автор времен XII династии Среднего царства (начало II тысячелетия до н. э.). Происходил из знати. В романе цитируются отрывки из «Увещаний Ипувера» — обличительной речи против восставших низов, которую он произнес перед фараоном.

Стр. 319. *Око Уаджет (Уто)* — защитный амулет, пред-

ставлявший из себя изображение глаза в черном круге в вершине Т-образного креста.

Стр. 338. *Вади* — восточное название пересыхающего русла реки.

Стр. 348. ...*Сто тридцать три стиха возвышенной поэмы...* — Гимн богу Атону, сочиненный, можно полагать, самим Эхнатомом; сохранился на стенах гробницы вельможи Аи (Эйе), высеченной в скалах вблизи Ахет-Атона.

Стр. 362. *Абада* (греч. *Абидос*) — город, расположенный чуть севернее Уисы (греч. *Фив*). Именно в Абаде развился культ Осириса.

Стр. 370. ...*Надо было дожидаться, когда «дети Гора»...* — Каждый из четырех сосудов, каноп, находились под покровительством одного из четырех сыновей Гора: Амсета, Хапи, Дуамутефа и Кебексенуфа.

Стр. 371. *Остров-на-Море* — остров Крит.

Стр. 374. *Мин* — бог плодородия, изображался в виде плоской человеческой фигуры, одна рука которой поднята вверх, а другая держит плеть. Однако в день праздника начала жатвы его персонифицировал возглавлявший процессию и увенчанный короной бык, Мневис.

Стр. 390. *Амориты* — древние семитические племена Ближнего Востока.

Хапиру — народное движение, часто на основе самоуправления общин, направленное против местной знати и против самой фараоновой власти в стране. Это движение отчасти напоминает бегство крепостных из Московской Руси в казаки с той разницей, что в распоряжении хапиру не было обширных, свободных и плодородных земель. Положение хапиру постепенно становилось все более отчаянным и заставляло их становиться союзниками любых врагов фараона и Египта.

Чилу (греч. *Силэ*) — крепость, расположенная на северо-восточной границе Египта.

Стр. 394. *Бену* — египетское название умирающей и воскресающей птицы Феникс.

Стр. 396. *Азиру, царь государства Амурру* — царек небольшого государства, возникшего в эпоху Нового царства на западном побережье Палестины. Зависимые от Египта цари Амурру — частью аморейского, частью хурритского происхождения — вели постоянные интриги против фараонов, а при Аменхотепе IV Амурру открыто выступил против Египта.

Стр. 402. *Дебен* — в Египте так называли кусок меди, служивший заготовкой или разновесом, вес которого равнялся 91 г.

Стр. 408. *Хурриты* — древний народ Северной Месопотамии, создавший царство Митанни.

Ашшурбаллит — «царь страны Ассирии» (1365—1330 гг. до н. э.).

Стр. 411. ...*построенный для торжественных приемов подвластных народов...* — По другим данным, это событие произошло зимой XII года правления Аменхотепа IV (Эхнатона).

Стр. 412. ...*люди из... Ханаана, из Нижнего Резена, из Аласии...* — Ханаан — древнее название территории Палестины; Нижний Резен — часть сирийской провинции Египта, Резена, тянувшейся от крепости Чилу (Силэ) до верховьев Евфрата; Аласия — остров Кипр.

Стр. 422. *Хер* — одно из названий Резена.

Финикия — древняя страна на восточном побережье Средиземного моря (современный Ливан, часть Израиля), которая вела очень активную морскую и сухопутную торговлю.

Стр. 444. ...*до воцарения победоносного Мины, «объединителя Обеих Земель»...* — До легендарного фараона Мины, основателя I династии (ок. 3000 г. до н. э.) на территории Египта существовало два государства. Египет распался вновь во времена XXII династии, в начале I тысячелетия до н. э., то есть примерно через шестьсот лет после правления Аменхотепа IV.

Стр. 458. *...как человек царских кровей...* — Неточность: Аи (Эйе) был в «молочном» родстве с царским домом, так как являлся мужем Ти, кормилицы царицы Нефертити, и носил звание «отца бога» или «божественного отца», т. е. нареченного отца фараона.

...опустошенный любовью своих жен, умер Тутанхамон... — Совсем недавно криминалисты Скотланд-Ярда, изучив мумию Тутанхамона, установили, что его смерть наступила в результате сильного удара сзади по голове. По их мнению, фараон стал жертвой дворцового переворота, организованного Аи и Хоремхебом.

Об авторе

Николь Видаль родилась в 1928 году в Ханое, когда Вьетнам входил в состав французского Индокитая. Образование получила в учебных заведениях Индокитая, Ливана, Египта. Мифы и фольклор Востока всегда оставались главными темами ее научных и литературных интересов. Большинство романов Н. Видаль — а их немного — написаны в историческом жанре. Наиболее известными из них стали «Нефертити» (1961), «Шехерезада» (1962), «Погребальный звон» (1963), «Правое дело» (1965).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. Смирнов. Египет: век красоты</i>	7
НЕФЕРТИТИ. Роман	27
Примечания	461
Об авторе	476

Литературно-художественное издание

Николь Видаль

НЕФЕРТИТИ

Редактор *С. Смирнов*

Художественный редактор *А. Стариков*

Технические редакторы *Н. Носова, Г. Дегтяренко*

Корректор *Т. Елкина*

OCR · Давид Титиевский, май 2017 г., Хайфа

Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.10.98.

Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,2. Уч.-изд. л. 19,4.

Тираж 10 000 экз. Заказ 646.

ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс»,
123298, Москва, ул. Народного Ополчения, 38.

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Нефертити

Египетская царица Нефертити, жившая почти три с половиной тысячелетия назад, стала одним из идеальных воплощений женской красоты. В романе она предстает перед читателем не только образом женственности, но и умной, решительной властительницей, верной сподвижницей своего мужа, фараона Аменхотепа IV, вошедшего в Историю под именем Эхнатон.

Хотя великая власть и погубила в конце концов великое счастье Нефертити, но без ее короткой и яркой жизни вся бескрайняя история Египта может показаться лишь тусклой пустыней, лишенной чудесных оазисов.

ISBN 5-04-002051-1

9 785040 020515 >

07 2000